

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Факультет исторических и политических наук

ЧЕЛОВЕК, СООБЩЕСТВА, ГОСУДАРСТВА В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

**Сборник материалов XVIII Всероссийской
(с международным участием)
научной конференции студентов, магистрантов,
аспирантов и молодых ученых
(Томск, 19–21 апреля 2023 г.)**

Выпуск 18

Томск
Издательство Томского государственного университета
2023

УДК 93/99 + 327(082)

ББК 63 + 66

Ч39

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, профессор С.А. Некрылов, д-р ист. наук, профессор М.В. Грибовский, канд. ист. наук, декан Ж.А. Рожнёва, д-р ист. наук, зав. каф. В.П. Румянцев, д-р ист. наук, зав. каф. М.П. Черная, д-р ист. наук, профессор В.В. Шевцов, д-р ист. наук, профессор Л.И. Шерстова, канд. ист. наук, доц. С.Н. Мирошников, канд. ист. наук, доц. Д.С. Коньков, канд. ист. наук, доц. В.В. Миркин, канд. ист. наук, асс. А.И. Ермолова, канд. полит. наук, доц. Е.В. Попова, ст. преп. И.А. Кочев, канд. полит. наук, асс. А.Ю. Красноперов, канд. ист. наук, ст. преп. В.В. Расколец, асс. А.А. Мицук, студент Ю.В. Лобанова, студент А.А. Геворкян, студент А.А. Ромахова, студент В.Г. Аникина, студент М.В. Веригина, студент А.К. Гончаров, студент С.В. Матасова

Человек, сообщества, государства в социально-гуманитарных исследованиях : сборник материалов XVIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых (Томск, 19–21 апреля 2023 г.) / отв. ред. В.В. Расколец. – Томск : Издательство Томского государственного университета, 2023. – Вып. 18. – 372 с.

ISBN 978-5-907572-30-0

В сборнике представлены материалы XVIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых, прошедшей на факультете исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета 19–21 апреля 2023 г. Рассматриваются малоизученные и актуальные проблемы отечественной и всеобщей истории, методологии истории, Memory Studies, теории и практики современных международных отношений, археологии и краеведения, социальной антропологии и документоведения.

Для студентов и преподавателей исторических факультетов вузов и всех интересующихся проблемами исторических и политических наук.

УДК 93/99 + 327(082)

ББК 63 + 66

ISBN 978-5-907572-30-0

© Авторы статей, 2023

© Томский государственный университет, 2023

Содержание

Секция I. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: РАКУРСЫ, ПОДХОДЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

<i>Агибалова А.В.</i> Марианна как символ Франции в видеоресурсах Youtube: контент-анализ образа в исторической памяти	9
<i>Антоновская А.А.</i> Образ личности и режима Иона Антонеску в румынской учебной литературе	15
<i>Бурнатов А.И.</i> Скандинавистика в свете неконвенциональных исследовательских подходов: опыт историографического анализа научных трудов А.Я. Гуревича 1960-х гг.	20
<i>Бурцев Г.А.</i> «Первая научная история войны 1812 года» Е.Н. Понасенкова как актор формирования исторической памяти	25
<i>Волков П.В.</i> Беда Достопочтенный в исторической памяти англичан	30
<i>Геворкян А.А.</i> Коммуникативные практики в российских рекламных объявлениях конца XIX – начала XX в.	35
<i>Дегтярёва О.А.</i> Особенности формирования индивидуальной и коллективной памяти о ликвидаторах аварии на Чернобыльской АЭС в городе Новосибирске	44
<i>Жуков Е.Е.</i> «Подвиг панфиловцев»: историческая память, мифы и факты	49
<i>Карпачев М.К.</i> День памяти Яна Гуса в сибирских городах в 1919 г. по материалам периодической печати	55
<i>Кокарева И.А.</i> Документальное кино как «место памяти»: к вопросу об этнической идентичности российских немцев г. Томска	60
<i>Коломникова В.Д.</i> Коленопреклонение Вилли Брандта в отражении печатных западногерманских изданий в 70-е гг. XX в. и 20-е гг. XXI в.	65
<i>Корнилова Д.С.</i> Викторианство в прицеле блумсберийцев: британские интеллектуалы первой трети XX в. и эпоха королевы Виктории	71

<i>Македонов Д.А.</i> Репрезентация образа Л.Д. Троцкого в советском кинематографе периода 1918–1953 гг.	75
<i>Мананникова А.Г.</i> «Непрерывная череда теперь»: феноменология времени М. Хайдеггера как основа работы с понятием «память»	80
<i>Острикова М.С.</i> Проявление военной межпоколенческой травмы в изобразительном искусстве Франции конца XVIII – первой трети XIX в.	87

Секция II. ИНФОРМАЦИЯ И ДАННЫЕ: ПРАКТИКИ УПРАВЛЕНИЯ, СОХРАНЕНИЯ И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

<i>Лутошкина В.В.</i> Открытый электронный архив эго-документов «прожито»: сохранение личных историй	92
<i>Шурыгина С.А.</i> Характерные черты документационного обеспечения управления многофункциональных центров (на примере МФЦ по Кировскому району г. Томска)	98

Секция III. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО: ДИАЛОГ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕМЕН

<i>Бронская Е.В.</i> Символическая политика как технология вовлечения	104
<i>Гашков В.О.</i> Женщины во власти: исследование опыта стран Африки (Руанда, ЮАР) и Океании (Австралия, Новая Зеландия)	107
<i>Готка А.И.</i> Священное единение и французское действие. Взаимодействие французских властей и монархической оппозиции в условиях Первой мировой войны	113
<i>Гуревич Д.И.</i> Молодежные сообщества социальной сети «ВКонтакте» как канал протестной коммуникации молодежи студенческого города	118
<i>Делов И.Е.</i> Партиципаторное бюджетирование в России и политическое предпринимательство	122
<i>Дульский А.Д.</i> Основные подходы к определению и типизации цифровых платформ	128
<i>Казанцев А.В.</i> Характерные особенности политического имиджа движения Талибан	133
<i>Куручкина Д.А.</i> Муниципальные органы власти: потенциал посредничества в городских конфликтах	138

<i>Лазуарди М.</i> Динамика политической жизни этнических китайцев в Индонезии: анализ дискриминационного поведения по отношению к этническим китайцам в Индонезии	143
<i>Наумова Е.Д.</i> Концепция патриотизма: современные подходы	148
<i>Потапова Д.Д.</i> Проблема принятия закона о домашнем насилии в политической повестке феминистических онлайн-сообществ	153
<i>Протасов А.С.</i> Проблема насилия в ходе Мексиканской революции 1910–1917 гг.	158
<i>Серёда Д.Е.</i> Государственная политика и нормативное регулирование подготовки юристов в первое десятилетие советской власти	163
<i>Туржанов Е.К.</i> Пропаганда как важнейший инструмент мобилизационной политики СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)	168

Секция IV. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ: ИНСТИТУТЫ, КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ, ИНИЦИАТИВЫ, ЛИЧНОСТИ

<i>Богданов В.Е.</i> Язык и способы отражения Русско-японской войны в периодической печати Сибири 1904–1905 гг.	173
<i>Лычев Г.Д.</i> Обращение в Конституционный суд РФ: роль правозащитной организации	179
<i>Мамаева А.Д., Численко А.А.</i> Развитие гражданской активности студентов в условиях перестройки (на материалах Красноярского края)	185
<i>Романов М.П.</i> Социально-политическое положение духовенства Енисейской епархии при смене политических режимов начала XX в.	191
<i>Склярченко Н.С.</i> Представления российской общественности о состоянии слепых в Японии (по материалам журналов «Слепец» и «Русский слепец»)	196
<i>Толстов Г.А.</i> Роль партийных организаций ВКП(б) в работе Томского городского Совета депутатов трудящихся в послевоенный период	201
<i>Филонов И.Д.</i> Женский вопрос на страницах сибирских периодических изданий во второй половине XIX в.	207

**Секция V. ЗАПАД И ВОСТОК: ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ
ВЫЗОВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ
И СОВРЕМЕННОСТИ**

<i>Кашееварова П.А.</i> Политика гендерного равенства ЕС	212
<i>Котовская Е.Д.</i> Христианский фактор в контексте современных аспектов реализации национальной безопасности Турецкой республики	218
<i>Никитина А.В.</i> Вопрос о Константинополе и проливах во внешнеполитическом курсе Временного правительства в марте–октябре 1917 г.	224
<i>Ольховская М.Н.</i> Политика развития Китая по отношению к африканским странам в 2000–2021 гг.	229
<i>Стародубцева Э.Е.</i> Коррупция как угроза национальной безопасности США	234

Секция VI. ИССЛЕДОВАНИЯ СООБЩЕСТВ, ТЕХНОЛОГИЙ И КУЛЬТУР

<i>Бизина М.Ю.</i> Влияние офлайн-общества на функциональную схему радикальных сообществ в сети Интернет в Российской Федерации и странах дальнего зарубежья	240
<i>Исмаилова М.Р.</i> Коренное население, устойчивое развитие и меняющиеся ландшафты российской Арктики: случай Тазовского района	245
<i>Смирнов Н.А.</i> Феномен «домовых сетей» в контексте формирования интернет-инфраструктуры г. Томска	251
<i>Троеглазова Е.Н.</i> Исследование эмоций через призму социальных наук	257
<i>Цабиташ А.С.</i> Цифровая дипломатия: возможность перехода из социальных сетей к искусственному интеллекту как инструменту дипломатии	263
<i>Чергинцев М.А.</i> Оборонительные стратегии сообществ в условиях градостроительных конфликтов	268

Секция VII. МАТЕРИАЛЬНОЕ И ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ НАРОДОВ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

<i>Благова Н.В.</i> Процесс колонизации Сибири последней трети XVI – XVII в.: историографический аспект	273
<i>Деманов И.А.</i> Предварительные результаты применения георадарной съемки в районе озера круглое (ЗАТО Северск, Томская область)	278
<i>Дуэрдун Ц.</i> Костюмы современных тувинских женщин-шаманок (по материалам полевых исследований)	285
<i>Иванченко И.С.</i> Замужняя русская крестьянка в семье и общине	290
<i>Калашиникова Т.В.</i> Проблема реконструкции технологии изготовления текстиля из крапивы у древнего и средневекового населения Томско-Нарымского Приобья	295
<i>Ли Линь.</i> Верования коренных народов Северо-Востока Китая	301
<i>Мартыненко В.Ю.</i> Характер и взаимодействие русских городов Сибири конца XVI – XVIII в. в рамках единой поселенческой системы	307
<i>Милованова А.П.</i> Перспективы изучения орнамента как источника по этнической истории селькупов	313
<i>Мэн Ян.</i> Молочная кухня алтайцев России и монголов Китая в контексте сравнительно-этнографического анализа	318
<i>Попова В.Д.</i> Детские и взрослые игры, игрушки русских сибиряков: исторический и археологический контекст	322
<i>Рудакова С.С.</i> Проблема использования нательных крестов в погребальной практике русского населения Томска в исследованиях С.М. Чугунова	326
<i>Сабирьянова А.Р.</i> Национальные печатные издания как инструмент сохранения этнической идентификации татарского народа	331
<i>Торбостаева А.К.</i> Древнекитайские и средневековые источники об этнографических особенностях народов Южной Сибири	337

Секция VIII. МОЙ ПЕРВЫЙ ДОКЛАД

<i>Богрянцева П.В.</i> Реактуализация триады «православие, самодержавие, народность» в политике памяти современной России	344
<i>Даммер К.А.</i> отражение эпохи в образах будущего и феномен научного предвидения на примере научно-фантастических произведений: романа «Туманность Андромеды» И. Ефремова и цикла «Галактическая империя» А. Азимова	350
<i>Максимова А.С.</i> Кулайские древности в структуре культурных ценностей населения Томской области	355
<i>Титова А.В.</i> США и национальная целостность КНР. Тайваньский вопрос	360
<i>Чудинова А.Д.</i> «Чертовы англичане»: об отношении в наполеоновской Франции к пленным британцам (по «Запискам капитана О'Брайена»)	364

Секция I

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: РАКУРСЫ, ПОДХОДЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 94 (44) +7.045: 621.397

А.В. Агибалова

*Красноярский государственный педагогический университет
имени В.П. Астафьева, Красноярск, Россия*

МАРИАННА КАК СИМВОЛ ФРАНЦИИ В ВИДЕОРЕСУРСАХ YOUTUBE: КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ОБРАЗА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Аннотация. *Проводится анализ видеоматериалов YouTube, посвященных Марианне как символу Франции с точки зрения теории мест памяти Пьера Нора. Выделяются основные визуальные средства и смысловые содержания, которые используются для создания образа Марианны, различия в ее репрезентации среди французских и иноязычных авторов.*

Ключевые слова: Марианна, символы Франции, видеоресурсы YouTube, контент-анализ, теория мест памяти Пьера Нора

Современная историческая наука заинтересована в изучении памяти, благодаря чему количество исследований растет, затрагивая самые различные темы, содержащиеся в самых различных источниках. Французский интеллектуал Пьер Нора еще в конце XX в. совместно с целой плеядой известных историков разработал как проект теорию мест памяти, которая позволяла с новой точки зрения взглянуть на то, что порождает история и общество. Сам Пьер Нора фокусировал свои интересы на истории Франции, ее становлении, символике и конкретных местах памяти. Данное исследование стремится расширить его перечень общепринятых мест памяти Франции, включив в него Марианну, как ни странно, оставшуюся за пределами проекта, ведь она, как национальный символ Франции, уже два века является сосредоточием

коллективных представлений о стране, хотя и не является широко известной, как, например, Жанна д'Арк. Иностранцам Марианна была менее знакома, но сегодня, с учетом развития современных технологий и средств коммуникаций, ранее малозаметные образы становятся известными, а это открывает простор для их изучения.

Целью данного исследования является выявление особенностей репрезентации образа Марианны как национального символа Франции во французских и иноязычных видеоисточниках.

Теория мест памяти Пьера Нора составляет основу исследования. Она соединяет воедино функциональное, материальное и символическое, выражающее и создающее Марианну. Ее физическое воплощение в статуях, картинах, а в наши дни и в видеороликах содержит самостоятельную функцию кристаллизации воспоминаний о Марианне и их передачу, то есть выполняет роль места памяти [1. С. 39–50]. В данном исследовании рассматриваются видеоролики, выложенные на площадке YouTube, их визуальное и аудиальное наполнение, передающие знания и память о Марианне. Текстового содержания в данных видео недостаточно. Оно повторяет аудиодорожку, и также было включено в анализ.

Для анализа видеороликов использовался контент-анализ, который позволил через качественные и количественные признаки выявить характерные черты современных представлений о Марианне в данном типе источника: наиболее часто используемые средства визуального представления образа, наличие ценностных установок и представлений о Марианне при сопоставлении видеороликов, записанных франкоговорящими, англоговорящими и русскоговорящими авторами, смысловую нагрузку образа. Также применялся историко-сравнительный метод для сопоставления содержания видео. С помощью индукции было осуществлено обобщение результатов и представлены конкретные выводы, позволяющие оценить Марианну как место памяти французов.

В статье анализируются визуальные источники – видеоматериалы канала YouTube. Они представлены на трех языках. На русском обнаружено и проанализировано 9 видео, на французском – 14, на английском – 3. Видеоролики на русском языке в половине случаев посвящены нумизматике [2–5], два принадлежат филателистам [6–7], два новостные [8–9] и один обучает французскому [10]. Два источника на английском языке образовательные [11–12], один новостной [13], на

французском 10 – это образовательные видео [14–23], 2 – по нумизматике [24–25], один новостной [26] и один по филателии [27]. Временная протяженность составляет от одной до восемнадцати минут, дата выпуска варьируется в промежутке от двух месяцев до десяти лет. Все видео на русском любительские, на французском – более половины записаны историками, культурологами или учителями.

Для выборки и анализа имеющихся видеороликов на площадке YouTube были использованы следующие ключевые слова для поиска: «образ французской Марианны», «Марианна Франция», «Marianne France», «Image of French Marianne» и «Image de Marianne française».

Самым частым визуальным средством, используемым для поддержания памяти о Марианне в русскоязычных и иностранных источниках, является картина Эжена Делакруа «Свобода, ведущая народ». Также регулярно для трансляции образа приводятся бюсты и логотип Французской республики, статуи используются в четверти видео. В половине видео представлены монеты разного года чеканки и достоинства, марки. Наличие на голове красного фригийского колпака (хотя в некоторых источниках указывается, что это не он [16]), который символизирует освобождение или свободу вообще, делает изображение девушки Марианной (что связано с отсутствием конкретного изображения). При этом с середины прошлого века для ее репрезентации начали использовать черты знаменитых французенок. Во французских видео упоминаются Брижит Бардо, Мирей Матье, Катрин Денев, Летиция Каста, Софи Марсо [15–19]. В русском видеоролике говорится, что в 2013 г. как прообраз была выбрана Инна Шевченко, не француженка [8]. В трети роликов на французском языке уточняется, что Марианна может носить шлем или венок, и появление таких образов происходит после 1848 г., так как использование фригийского колпака считалось слишком радикальным по той причине, что это отсылало к событиям Террора [17, 20]. Изображение Марианны с другими головными уборами было направлено на уменьшение противоречия при ее использовании, как и покрытие ее груди, отличающееся от более ранних изображений, а также способом показать ее менее воинственной (с венком) или более защищающей (со шлемом), которые отсылают к Деметре и Афине соответственно.

По аудиальному содержанию видеороликов стоит сказать следующее. В образовательных видео указывается, что вопрос возникновения имени спорный: либо это самое распространенное имя в третьем сословии в XVIII в., либо это сочетание имен Мари и Энн (дева Мария и ее мать Анна), также есть вариант, что имя взяли из песни «*La Guerisone de Marianne*» («Исцеление Марианны») [17–20]. Эти варианты упоминаются наиболее часто. Из-за данного расхождения время его возникновения разнится, но чаще всего упоминается 1792 г. Хотя некоторые авторы видео указывают, что данный образ – женщина во фригийском колпаке – был заимствован у древних греков и использован противниками монархии как противопоставление старому режиму и его образу в лице короля, чей профиль чеканился на монетах, а их альтернативой была Марианна, которая его сменила [17–18]. Повсеместное распространение изображений Марианны, преимущественно бюстов, пришлось на Третью республику в 1870–1890-х гг. Хотя сам образ получил распространение во время Французской революции из-за смены режимов во Франции в XIX в., он смог окончательно сформироваться только тогда [16, 20]. В Вишистской Франции образ Марианны находился под запретом, но с установлением Четвертой республики вновь стал популярен [23]. Было традиционным повсеместное распространение её бюстов – во французских ратушах и других государственных учреждениях, но данная практика не закреплена законодательно [16]. Марианна, по сути, есть олицетворение девиза Французской Республики: «Свобода, Равенство, Братство». Она призывает на защиту Отечества и вызывает граждан к защите себя [22]. Причиной, почему именно женская фигура олицетворяет республику, называют род слов «Франция» и «республика» [23] (на французском языке, как и на русском, они женского рода).

Видео на русском и английском языках содержат преимущественно только упоминание происхождения имени, время появления образа Марианны, а также изображения французских актрис в образе Марианны [2–8]. Это нужно для пояснения изображения на марке или монете, если видео создано нумизматами или филателистами, либо как краткое уточнение к изображению женщины на картине Делакруа.

Также стоит отметить, что некоторые видеоролики о Марианне направлены на изучение таких понятий, как «аллегория», «освобождение», «Свобода, Равенство, Братство» [15, 16, 19], благодаря чему мы

можем понять, что основная возрастная аудитория для просмотра – дети дошкольного и школьного возраста. Остальные образовательные видео не имеют четко выраженной аудитории, если не посвящены маркам и монетам.

Вне зависимости от года выпуска видео его смысловое содержание на французском не меняется – используются схожие представления о Марианне, выражается четкая последовательность становления и изменения образа во времени. Половина образовательных видеороликов на французском указывают, что на данный момент Марианна – это более собирательный и смысловой образ, теряющий конкретный визуальный облик вне зависимости от наличия прототипа для изображения.

Особо стоит отметить, что образ Марианны в русских и англоязычных видео неразрывно связан с Французской революцией конца XVIII в., а также ее следствиями – Первой республикой и свободой. По сравнению с ними, во французских источниках четко прослеживается интерпретация ее как символа республики и свободы вообще на протяжении всей истории страны. Здесь Марианна – это аллегорическое изображение республиканской Франции, при этом повсеместно распространенное и используемое в образовательных видео для младшей и средних возрастных групп, что позволяет говорить о преемственности коллективной памяти о ней и ее сохранении. Подобная разница в трансляции образа на родине и за рубежом неудивительна. Французская национальная память стремится передать целостную картинку «истории Марианны», в то время как иностранные авторы демонстрируют только ее фрагменты, ассоциируемые с самыми знаковыми и узнаваемыми событиями истории этого государства, каковыми, например история Третьей республики, конечно, не являются. Хотя во французских видео указывается, что именно этот период важен для становления образа Марианны.

Список источников

1. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1999. С. 17–50.
2. 10 EURO CENT 2007 FRANCE СИМВОЛ АМУЛЕТ ТАЛИСМАН ФРАНЦИИ РИВЕРС ГЕОГРАФИЯ АБЕРС СВОБОДА МАРИАННА. URL: <https://youtu.be/9JfeX6mArm0> (дата обращения: 16.03.2023).
3. 20 франков Петух, Марианна. URL: <https://youtu.be/GkdTp0COXjs> (дата обращения: 16.03.2023).

4. Марианна, богиня тьмы или символ свободы? ее история, нумизматика? (Marianna, her history). URL: <https://youtu.be/NZkbWhLrzf0> (дата обращения: 16.03.2023).

5. Марианна – символ свободной Франции. URL: <https://youtu.be/2UwUiUStRFY> (дата обращения: 16.03.2023).

6. Марианна с бородой – мечта филателиста. URL: <https://youtu.be/70Z4dYB9uYc> (дата обращения: 16. 03.2023).

7. Фригийские колпаки в кроссовках стали символами летней Олимпиады в Париже. URL: <https://youtu.be/T8JMv9Lop6A> (дата обращения: 16.03.2023).

8. Франция: марка с изображением лидера движения Femen. URL: <https://youtu.be/unaLXoSdFSM> (дата обращения: 16.03.2023).

9. Символы Франции. URL: <https://youtu.be/m92tLa6DgVs> (дата обращения: 16.03.2023).

10. Символы Марианны. URL: <https://youtu.be/0Vv3ob0HCAE> (дата обращения: 16.03.2023).

11. Liberty Leads the Way in Delacroix's Revolutionary Portrait. URL: <https://youtu.be/zjhlVb3yOhs> (access date: 15.03.2023).

12. Marianne: France's powerful female emblem. URL: <https://youtu.be/v7U3ESyicBM> (access date: 15.03.2023).

13. FRANCE: PARIS: MARIANNES (V). URL: <https://youtu.be/Y5ifaw4a0nA> (access date: 17.03.2023).

14. The MEANING behind FRENCH SYMBOLS // Learn some FRENCH HISTORY in FRENCH with subtitles (FR & EN). URL: <https://youtu.be/k3PhMI1kyoM> (date de la demande: 16.03.2023).

15. HISTOIRE: C'EST QUI MARIANNE? (questions d'enfants). URL: <https://youtu.be/YQ91jjbQBno> (date de la demande: 15.03.2023).

16. Toi aussi, deviens la nouvelle Marianne! Ft. Colas Bim. URL: <https://youtu.be/9h3ZzaUlgC0> (date de la demande: 16.03.2023).

17. Comment "Marianne" est-elle devenue le symbole de la République Française? #2 (LHD). URL: <https://youtu.be/z2if2U5aIIl> (date de la demande: 16.03.2023).

18. LA MARIANNE en 5 minutes! URL: <https://youtu.be/z2AXdLQ7bkg> (date de la demande: 16.03.2023).

19. Marianne, la figure allégorique de la République française. URL: <https://youtu.be/5UzrL49cqec> (date de la demande: 17.03.2023).

20. Les Symboles De La France. URL: <https://youtu.be/uqRQ06qhEcU> (date de la demande: 16.03.2023).

21. Qui es-tu Marianne, symbole de la République? URL: <https://youtu.be/7hV25ErwWZA> (date de la demande: 15.03.2023).

22. Marianne: le symbole de la République Française. URL: https://youtu.be/Rblxs_9wZK8 (date de la demande: 16.03.2023).

23. Trois couleurs, une chanson, une femme: d'où viennent les symboles de la France? URL: <https://youtu.be/ibRavxWOBMA> (date de la demande: 16.03.2023).

24. De Marianne à la Semeuse. URL: <https://youtu.be/DXkNcdBkRns> (date de la demande: 16.03.2023).

25. [PODCAST+] Les métamorphoses de Marianne. URL: https://youtu.be/RzF37DLm_Ck (date de la demande: 17.03.2023).

26. Les symboles de la République (Les clés de la République). URL: <https://youtu.be/JCHlkQW8nqg> (date de la demande: 16.03.2023).

27. [PODCAST+] Marianne et la République. URL: <https://youtu.be/ktSr0A0-nac> (date de la demande: 16.03.2023).

УДК 93, 323.2

А.А. Антоновская

МГИМО МИД России, Москва, Россия

ОБРАЗ ЛИЧНОСТИ И РЕЖИМА ИОНА АНТОНЕСКУ В РУМЫНСКОЙ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация. *Цель исследования состоит в характеристике эволюции репрезентации событий 1940–1944 гг. в румынской учебной литературе и оценке влияния характеристики Иона Антонеску на формирование образа личности и режима данного деятеля в общественном дискурсе. Автор приходит к выводу, что в Румынии ни в XX, ни в XXI в. не сложилось «здорового» отношения к политике кондуктора: в социалистический период общество освободили от необходимости коллективного признания вины; на современном этапе произошел сдвиг в сторону более сильной критики периода 1947–1989 гг., нежели 1940–1944 гг. Данные факторы создают благодатную почву для «обеления» политики и фигуры Антонеску.*

Ключевые слова: Румыния, Антонеску, политика памяти, учебная литература, правый популизм

В современной Румынии не существует общественного консенсуса по поводу роли фашистских движений и их лидеров в истории данной страны. В этой связи представляется важным изучение политики памяти, так как историческая политика нацелена на формирование общественного мнения по той или иной теме: если возникают подобные обсуждения, то она либо позволяет трактовать подобную тему в апологетическом ключе, либо недостаточно эффективна. Изучение политики памяти (Memory Studies) – одно из передовых направлений развития гуманитарного знания в настоящее время. Считаем целесообразным применить методы данного актуального в современной науке подхода

к изучению репрезентации истории Румынии. В качестве источниковой базы выбрана учебная литература, так как учебники являются одним из самых массовых видов литературы, они рассчитаны на широкого читателя, благодаря им возможно наглядно проследить эволюцию репрезентации того или иного исторического периода или деятеля [1. С. 266–268, 276].

В отечественной историографии политика памяти в Румынии исследована слабо. Следует выделить статью Т.Г. Битковой [2] о репрезентации событий Второй мировой войны – важно, что исследовательница затрагивает и особенности памяти об Антонеску. Также отметим работу С.Г. Суляка [3], в которой автор анализирует различные издания «Истории румын». Интересен сборник «Страны Восточной Европы в XX в.: Современные интерпретации прошлого» [4], авторы которого применили методы *Memory Studies* к изучению исторической политики восточноевропейских стран. Глава, посвященная Румынии, принадлежит авторству Т.Г. Битковой, однако исследовательница анализировала репрезентацию более позднего периода, а именно коммунистической Румынии. Зарубежные авторы в основном концентрируются на темах, касающихся репрезентации событий, произошедших либо до, либо после существования режима Иона Антонеску [5–7].

Можно выделить четыре периода эволюции репрезентации образа режима Антонеску в румынской учебной литературе:

1) конец 1940-х гг. – приход к власти Румынской рабочей партии, первая попытка осмысления событий 1940–1944 гг. в рамках марксистского-ленинского подхода. Политика Антонеску характеризуется как «услужение Германии» [8. Р. 298], фашистский режим [9. Р. 655–656];

2) 1960–1980-е гг. – установление и развитие социалистического «канона» репрезентации образа режима Антонеску: в качестве метода насаждения своей власти кондуктор использовал политический террор, особенно против коммунистов и евреев, которых отправлял в лагерь [10. Р. 207–208, 210]. Действия Антонеску (в частности, вступление в войну против СССР) противоречили интересам румын, поэтому люди массово отказывались идти на фронт, в ответ на что государство их репрессировало [11. Р. 531]. Своей антинародной политикой и массовыми репрессиями кондуктор усилил классовую борьбу [12. Р. 782];

3) 1990-е гг. – попытка создания апологии кондукэтора: период нахождения у власти кондукэтора называется военной диктатурой, однако отмечается различие между Антонеску и легионерами [13. Р. 228], политика в отношении евреев охарактеризована как крайне противоречивая, но подчеркивается, что кондукэтор не допустил «окончательного решения еврейского вопроса» в Румынии [13. Р. 239], противостоял Германии и «спас страну от полного истощения», а экономика функционировала достаточно успешно при условии, что шла страшная война [14. Р. 52]. Союз с рейхом представляется единственным шансом вернуть Бессарабию и Северную Буковину, который к тому же давал надежды на возвращение Северной Трансильвании [14. Р. 52];

4) с 2000-х гг. по настоящее время – закрепление более умеренных, чем в начальный период установления демократии, оценок режима Антонеску, но менее жестких, чем в социалистическую эпоху: цели кондукэтора характеризуются как правильные (вернуть утраченные в 1940 г. земли) [15. Р. 22; 16. Р. 93], однако избранные им методы были неприемлемы [15. Р. 20, 33–34, 36; 17. С. 535]. Режим Антонеску был авторитарным, но не фашистским [16. Р. 92].

В рамках выделенных периодов прослеживается следующая эволюция репрезентации образа личности Антонеску:

1) в рамках первого и второго этапов его политический портрет почти не охарактеризован ввиду особенностей доминировавшего в гуманитарном знании марксистско-ленинского метода, в 1940-х гг. его отнесли к крупным землевладельцам [9. Р. 654] – классу эксплуататоров, чтобы усилить негативное восприятие действий данного деятеля;

2) на втором этапе авторы «между строк» подчеркивали честолобие кондукэтора [10. Р. 211];

3) в 1990-е гг. подробно характеризуют личность Антонеску: он описан как авторитарный [14. Р. 52], но честный и исполнительный человек, настоящий патриот [13. Р. 229, 232];

4) в настоящее время в учебной литературе продолжают подчеркивать патриотизм кондукэтора, но его портрет обычно дополняется большим количеством негативных черт (например, честолобие) [15. Р. 17].

В учебной литературе социалистического периода целенаправленно насаждалась мысль об антинародном характере политики Антонеску – если действия кондукэтора противоречат воле и интересам

населения, то с народа полностью снимается какая-либо ответственность за совершенные преступления. Подобную трактовку событий 1940–1944 гг. можно назвать попыткой экстернализации [18. С. 184], поскольку в качестве «козла отпущения» выступал Антонеску и его окружение. Важно, что речь идет не о коллективной вине, а о коллективном признании вины [19. С. 281]: безусловно, румынский народ понес много жертв вследствие политики кондукэтора, однако идеи железногвардейцев действительно имели широкое распространение в обществе. Политика Антонеску проводилась в жизнь не им одним, ее реализовывали люди – с активного или молчаливого согласия множества других. Другим важным понятием в памяти румынского общества является понятие жертвы. Идеология железногвардейцев была пронизана мистическим стремлением к самопожертвованию ради очищения нации [20. С. 112]. В социалистический период можно говорить о создании образа народа Румынии как жертвы диктатуры, но это жертва была необходима для завершения процесса классовой борьбы и создания нового справедливого общества. Однако подобная трактовка перестала быть актуальна после 1989 г., когда период румынской истории 1947–1989 гг. начал подвергаться повсеместной критике. Мотив жертвы не ушел, а преобразовался в мотив жертвы коммунизма [21. С. 117]. Из-за того, что в фокусе внимания находятся противоречия, скопившиеся за социалистический период, политика Антонеску (и преступления, совершенные в ее рамках) отходит на второй план, тем самым смягчаются ее оценки и восприятие: «Когда память подсвечивает одно событие, другое оказывается в тени» [22. С. 190].

Современная репрезентация событий, во-первых, способствует дальнейшему распространению националистических идей, которые превращаются в правый популизм; во-вторых, появлению в информационном пространстве высказываний о том, что Антонеску «был мучеником», «совершал и хорошие поступки».

Список источников

1. Огоновская И.С. Школьный учебник отечественной истории. Учебные издания как исторический источник // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. Вып. 12. С. 264–286.
2. Биткова Т.Г. История и политика: Вторая мировая война в памяти современного румынского общества // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 3. С. 61–86.

3. Суляк С.Г. Тема «советской оккупации» в молдавских учебниках истории // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 4. С. 1073–1089.
4. Страны Восточной Европы в XX веке: Современные интерпретации прошлого : сб. науч. тр. / отв. ред. Ю.И. Игрицкий, Л.Н. Шаншиева. М., 2014. 144 с.
5. Tileagă C. Communism in retrospect: The rhetoric of historical representation and writing the collective memory of recent past // Memory Studies. 2012. Vol. 5 (4). P. 462–478.
6. Pohrib C.A. The Romanian “Latchkey Generation” writes back: Memory genres of post-communism on Facebook // Memory Studies. 2019. Vol. 12 (2). P. 164–183.
7. Quest for a suitable past: myth and memory in Central and Eastern Europe / edited by Claudia-Florentina Dobre and Cristian Emilian Ghita. Budapest ; New York : Central European University Press, 2016. 154 p.
8. Istoria României. Manual unic pentru clasa a III-a gimnaziului unic și clasa a IV-a secundară / red. responsabil M. Roller. București : Editura de stat, 1947. 352 p.
9. Istoria României: Manual unic pentru clasa a XI-a medie / red. responsabil Mihail Roller. București : Editura de stat, 1948. 775 p.
10. Giurescu C. Istoria Bucureștilor din cele mai vechi timpuri până în zilele noastre. București : Editura pentru literatură, 1966. 451 p.
11. Constantinescu M., Daicoviciu C., Daicoviciu H. s. a. Istoria României: Compendiu. București : Editura didactică și pedagogică, 1969. 727 p.
12. Giurescu C. Istoria Românilor: Din cele mai vechi timpuri pînă astăzi. București : Albatros, 1975. 1037 p.
13. Georgescu V. Istoria Românilor: De la origini pînă în zilele noastre. București : Humanitas, 1992. 364 p.
14. Scorpan C. Istoria României: Enciclopedie. București : Nemira, 1997. 797 p.
15. Scurtu I. Istoria românilor în timpuri celor patru regi (1866–1947). Vol. IV. Mihai I. București : Editura enciclopedică, 2004. 247 p.
16. Scurtu I. Istoria contemporană a Romaniei (1918–2007). București : Editura Fundației România de Măine, 2007. 224 p.
17. История Румынии / координаторы Иоан-Аурел Поп, Иоан Болован. М. : Весь мир, 2005. 678 с.
18. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
19. Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М. : Новое литературное обозрение, 2019. 552 с.
20. Ленель-Лавастин А. Забытый фашизм: Ионеску, Элиаде, Чоран. М. : Прогресс-Традиция, 2007. 528 с.
21. Методологические вопросы изучения политики памяти : сб. научн. тр. / отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М. ; СПб. : Нестор-История, 2018. 224 с.
22. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М. : Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.

А.И. Бурнатов

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

**СКАНДИНАВИСТИКА В СВЕТЕ НЕКОНВЕНЦИОНАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПОДХОДОВ: ОПЫТ
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА НАУЧНЫХ ТРУДОВ
А.Я. ГУРЕВИЧА 1960-х гг.**

Аннотация. *Цель статьи – изучить научные труды медиевиста А.Я. Гуревича 1960-х гг. о Скандинавии на предмет расхождений с господствующим подходом и охарактеризовать изменение теоретических взглядов историка в данный период его научного творчества. В ходе анализа работ было выявлено влияние на историка структуралистских теорий французских антропологов, философии Г. Риккерта и учения об идеальных типах М. Вебера. Сделаны выводы о характере заимствований, специфике понимания историком теории структурализма.*

Ключевые слова: А.Я. Гуревич, советская медиевистика, скандинавистика, методология, структурализм

1960-е гг. были ознаменованы для отечественных историков началом дискуссий о теоретических проблемах исторической науки. Одним из разворотов обсуждений стало рассмотрение потенциала «структурных методов», в котором принимал участие медиевист А.Я. Гуревич [1]. Цель работы – изучить корпус изданных в 1960-е гг. скандинавистических текстов ученого в отношении расхождений с марксистской методологией и охарактеризовать через них эволюцию взглядов историка. Актуальность исследования заключается в анализе непосредственно тех статей и монографий, которые затрагивали скандинавскую тематику, представлявшую основное направление специальных исследований Гуревича в данный период. Выбранный неизученный в историографии ракурс позволяет проследить понимание автором сущности применяемых им новаторских подходов при работе с конкретным историческим материалом, а не с абстрактными теориями.

В 1961 г. А.Я. Гуревич защитил диссертацию доктора наук «Очерки социальной истории Норвегии в IX–XII вв.». Он продолжал преподавать в Калининском педагогическом институте, а в 1966 г. был

приглашен для работы над трудом «История мировой культуры» в сектор Института философии АН СССР [2. С. 127–128]. Переход в Институт философии сопровождался ростом публикационной активности и расширением тематического поля его научной деятельности историка. Рассмотрим несколько работ, иллюстрирующих перемены в его научном мышлении.

Статья «Норвежские бонды в XI–XII вв. Ч. II» (1964) посвящена изучению имущественного и социального положения «могучих бондов» на основе анализа «королевских саг». Выводы содержат рассуждение о том, что саги как исторический источник, содержащий информацию об индивидуальных чертах характера героев, напоминают историку о необходимости видеть в средневековых крестьянах не только объект экономических отношений, но и субъектов общественной жизни [3. С. 24–25]. Данная мысль созвучна антропологическим идеям французских историков первого поколения школы «Анналов». В частности, М. Блок писал о том, что за историческими источниками, отчужденными от их создателей, всегда стоят реальные люди, о чем историку не нужно забывать [4. С. 18]. О заимствовании здесь однозначно судить сложно. С одной стороны, в теоретическом очерке об исторической психологии этого же года издания историк рассматривал работы Л. Февра и журнал «Анналы» [5. С. 65–67], что говорит о его вероятном знании постулируемых ими научных принципов. С другой стороны, французские историки противопоставляли «человечную» историю позитивистской «событийной», игнорировавшей обыденное социальное содержание прошлого, а Гуревич задумывался о необходимости освободить историю от марксистских догм, которые лишали ученых возможности проникнуть в культуру людей прошлого. В своем выводе историк исходит из опыта работы с исландскими сагами, что скорее подтверждает мнение П.Ю. Уварова о том, что многие советские историки до ряда выводов «новой исторической науки» дошли собственным путем [6. С. 142].

Текст «Начало эпохи викингов (Проблемы духовной жизни скандинавов IX в. Факты и гипотезы)» (1967) посвящен изучению природы сдвигов в сознании норманнов в IX в. как фактора интенсификации движения викингов. Историк предполагает, что символический язык искусства эпохи викингов заключал в себе набор социальных

символов, семантика которых была шире их действительного содержания и одинаково интерпретировалась всеми членами общества. Обращаясь к теориям французских антропологов Л. Леви-Брюля и К. Леви-Стросса, Гуревич находит в формах скальдических кеннингов аналогии с мышлением древних людей, сходства с которыми проявились в характерной для поэтических приемов слитности фрагментов реальности и их интерпретации с опорой на мифологическую подоплеку [7. С. 138]. Перемены в материальном существовании, выразившиеся в агрессивной экспансии, и расцвет искусства отражали ломку традиционного сознания скандинавов, которая усиливалась при контакте с чужими культурными традициями, что способствовало интенсификации движения викингов.

Целью работы «Богатство и дарение у скандинавов в раннем средневековье (некоторые нерешенные проблемы социальной структуры дофеодального общества)» (1968) является изучение социальной сущности института дарообмена и представлений о богатстве у раннесредневековых скандинавов. Часть статьи посвящена рассуждению о потенциале структурных методов для исторических исследований, особую актуальность которых для медиевистики историк видит в слитности культурных, экономических, социальных и политических составляющих средневекового общества. Факторы из одной сферы могли вызывать качественные изменения в другой [8. С. 180–183]. Для изучения практик дарообмена историк привлекает теорию французского антрополога М. Мосса и вслед за ним устанавливает, что в раннесредневековой Скандинавии отношения дарения были узлами социальных связей между людьми, способом получения поддержки и уважения. Данный вывод Гуревич делает на основе анализа содержания скальдической поэзии, судебных актов и лингвистических особенностей индоевропейских языков.

Вторая монография А.Я. Гуревича «Свободное крестьянство феодальной Норвегии» (1967) посвящена обоснованию определения социального строя Норвегии XII–XIII вв. как феодального и выявлению места крестьянства в рамках этого общества. В ходе исследования делается вывод о том, что особенности в норвежском варианте феодализма преобладали над «общим» с классической моделью, что следует учитывать при осмыслении проблемы многотипности феодального

развития европейских обществ [9. С. 256]. Учитывая, что монография была написана на материалах докторской диссертации Гуревича, этот вывод являлся новым по отношению к первоначальным, более ортодоксальным тезисам. Здесь прослеживается влияние на историка философии Г. Риккерта, мыслившего цель истории в изучении уникальных фактов прошлого, а не законов развития общества [10. С. 72]. Заметно влияние и на историка теории «идеальных типов» немецкого социолога М. Вебера, который писал об инструментальном характере научных понятий и схем. Гуревич пишет, что изначальная отрицательная характеристика локальных вариантов феодализма как «недоразвитых» по отношению к классическим формам мешает качественному изучению этих особых структур [9. С. 249]. В мемуарах историк упоминал, что в период «оттепели» часть историков, включая его самого, активно изучали труды упомянутых авторов [2. С. 103], а также отмечал влияние идей Вебера, которые привели его к осознанию ограничений, накладываемых на историю марксистскими схемами [2. С. 109–110].

За отход от марксизма в пользу структурных методов ряд историков и Гуревич в том числе были подвергнуты жесткой критике со стороны министра просвещения СССР А.И. Данилова в 1967 г. Во втором варианте своей работы Данилов критиковал ученых за слабость аргументации применения новых методов, их некритическое восприятие и схематичное использование [11. С. 73]. Поскольку приведенные выше статьи 1967–1968 гг. были написаны в то же время, что и критикуемые теоретические работы, то через их содержание можно проследить, как медиевист использовал эту теорию на практике. Структурализм в гуманитарных науках отличается: 1) вниманием к латентным факторам, влияющим на иные явления; 2) анализом отношений между частями, но не самих частей; 3) представлением общих законов в виде системы [14. С. 252–253]. На структуралистский способ мышления медиевиста в работах 1967–1968 гг. указывают: акцент на сдвигах в самосознании как причине движения норманнов, гипотеза о наличии у норманнов бессознательного символического языка, использование оппозиций «свой-чужой» (северное язычество – европейское христианство) и «знак-означающее» (кеннинги, символ «море оленей», означающий землю); изучение института дарообмена, как одной из частей структуры социальных связей, влияющей на другие элементы. Если теоретические работы

медиевиста носили характер «марксистского структурализма» и были направлены на привнесение элементов этого метода в господствующую теорию и наполнение ее социокультурным содержанием [13. С. 149], то практические исследования показывают вполне самостоятельное использование подхода.

Интересно, что ни в мемуарах, ни в научных работах Гуревич никогда не называл себя «структуралистом» и отрицал такую идентификацию [15. С. 781], но при этом окрестил «походом против структуралистов» статью Данилова [2. С. 121, 180]. Сам А.И. Данилов в докладе нейтрально именует историков «приверженцами структурных методов» [12. С. 236]. Вероятно, наименование «структуралист» представлялось Гуревичу чем-то инородным, противостоящим советской науке, неотъемлемой частью которой он считал и себя, и поэтому так упорно протестовал против этого обозначения, хотя идейно в какой-то мере соответствовал ему.

Так, эволюция теоретических взглядов А. Я. Гуревича происходила под влиянием знакомства с работами зарубежных историков, антропологов, философов и социологов. От рассуждений гипотетического характера он постепенно переходит к уверенным выводам, снабженным более глубокой проработкой источниковой базы и развернутой аргументацией тезисов.

Список источников

1. Крих С.Б. Быть марксистом: крест советского историка // Мир историка : историографический сборник. Омск, 2013. С. 54–78.
2. Гуревич А.Я. История историка. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 288 с. ил. (Серия «Зерно вечности»).
3. Гуревич А.Я. Норвежские бонды в XI–XII вв. Ч. II // Средние века. М., 1964. Вып. 26. С. 3–26.
4. Блок М. Апология истории или ремесло историка / пер. Е.М. Лысенко ; примеч. А.Я. Гуревича. М. : Наука, 1973. 230 с.
5. Гуревич А.Я. Некоторые аспекты изучения социальной истории: (Общественно-историческая психология) // Вопросы истории. 1964. № 10. С. 51–68.
6. Уваров П.Ю. Свобода у историков пока есть. Во всяком случае – есть от чего бежать. Ответы на вопросы К. Кобрин // Между «ежами» и «лисами». Заметки об историках. М. : Новое литературное обозрение, 2015. С. 128–147.

7. Гуревич А.Я. Начало эпохи викингов (проблемы духовной жизни скандинавов IX в. Факты и гипотезы) // Скандинавский сборник. Таллинн, 1967. Т. 12. С. 128–148.
8. Гуревич А.Я. Богатство и дарение у скандинавов в раннем средневековье (некоторые нерешенные проблемы социальной структуры дофеодалного общества) // Средние века. М., 1968. Вып. 31. С. 180–198.
9. Гуревич А.Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967. 285 с.
10. Дёмин И.В. Философия истории Генриха Риккерт: между метафизикой и постметафизикой // Философская мысль. 2017. № 10. С. 65–82.
11. Данилов А.И. К вопросу о методологии исторической науки // Коммунист. 1969. № 5. С. 68–81.
12. Данилов А.И. Материалистическое понимание истории и методологические искания некоторых историков // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1969. Вып. 5. С. 227–245.
13. Лихоманов К.В. Методологические искания советских историков: «марксистский структурализм» А.Я. Гуревича (в работах 1960-х гг.) // Исторический журнал: научные исследования. 2021. № 3. С. 138–149.
14. Гароди Р. Структурализм и «смерть человека» // Философия и общество. 1998. № 2. С. 244–262.
15. Гуревич А.Я. Историк среди руин: Попытка критического прочтения мемуаров Е. В. Гутновой // История – нескончаемый спор. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2005. С. 758–795.

УДК 94(47)«1812»:930

Г.А. Бурцев

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

**«ПЕРВАЯ НАУЧНАЯ ИСТОРИЯ ВОЙНЫ 1812 ГОДА»
Е.Н. ПОНАСЕНКОВА КАК АКТОР ФОРМИРОВАНИЯ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**

Аннотация. *Изучены особенности восприятия представлений об Отечественной войне 1812 г., выдвинутых в одной из работ Евгения Понасенкова, научным сообществом и общественностью в целом. Выявлены точки соприкосновения в оценках работы. Сделаны выводы об определенных аспектах книги, имеющих значение для оценивающих групп, и их влиянии на формирование представлений о войне 1812 г.*

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., Е.Н. Понасенков, общественное мнение, историческая память, читательский отзыв

2017 г. ознаменовался публикацией книги Евгения Николаевича Понасенкова «Первая научная история войны 1812 года». «Когда эта книга вышла, она таким образом перекрыла кислород всей... грязи, швали и шушере, которая на государстве, на наших средствах... сидят годами, ничего не делают, к дате делают мерзости, профнепригодную, нарочитую ложь...» [1], – так об этом труде высказывался сам его автор. Все издания работы получали крайне противоречивые отзывы как со стороны академического сообщества, так и за его пределами. Однако требующим изучения видится сама призма восприятия подобной работы со стороны научного сообщества и общества в целом. Необходимо изучить уровень влияния «Первой научной...» на общественное сознание и рассматривать книгу как часть исторической памяти. Какую картину исторической действительности формирует работа у читателей? Каковы причины доверия и недоверия к предложенной автором модели мироустройства?

Следует понимать, что фигура Е.Н. Понасенкова и плоды его деятельности действительно являются популярными в обществе. Так, исследуемый в данной работе труд выдержал три издания общим тиражом в 34 тыс. экземпляров, из них второе издание составляет 24 тыс. экземпляров. Более ранняя работа – «Правда о войне 1812 года» 2004 г. – вышла тиражом в 1 000 экземпляров. Также получил развитие и YouTube-канал Е.Н. Понасенкова, который имеет, по данным на 01.05.2023 г., 773 тыс. подписчиков. Однако видеоролики, связанные с войной 1812 г., не являются самыми популярными на данном канале – самый популярный ролик на эту тему имеет около 600 тыс. просмотров против 2–3 млн просмотров у самых популярных.

Для исследования мнения академических кругов в отношении работы Е.Н. Понасенкова необходимо изучить именно научные статьи как основополагающий элемент формирования научного дискурса. Так, «фактическую рецензию» [2. С. 515] на «Первую научную...» создал доктор исторических наук А.Н. Долгих. Автор соглашается с необходимостью пересмотра оценок событий Отечественной войны 1812 г. и критичным исследованием данной эпохи. В связи с этим Долгих показывает свой интерес к сюжету о гражданской войне в России в период 1812 г. [2. С. 517], критике военной стратегии русского командования в ходе войны [2. С. 518]. Однако, по мнению автора, работа перегружена различными «эротическими рассуждениями и домыслами, а также

самовосхвалением на каждом шагу» [2. С. 516]. Раскрытие в книге действий Александра I в ходе войны 1812 г. исследовал кандидат исторических наук, доцент БГУ Ю.А. Блашков. Критикуется саркастичная манера автора и субъективность в использовании исторических источников [4. С. 173]. Наконец, есть рецензия, данная на книгу научным сотрудником Российского НИИ культурного и природного наследия М.В. Батшевым и аспирантом МПГУ А.А. Куницыным. В связи с особенностями цитирования отдельных документов высказывается предположение, что Понасенков не пользовался первоисточниками и «вероятно, даже не бывал в архиве» [3. С. 226]. Также, по мнению авторов рецензии, при анализе различных мемуарных источников наблюдается «полная избирательность и отсутствие даже намек на попытку их критического анализа автором» [3. С. 225]. Метод историзма, декларируемый Е.Н. Понасенковым, неоднократно приводит к сравнению Отечественной войны 1812 г. с Великой Отечественной войной [3. С. 226].

В качестве способа исследовать влияние «Первой научной...» были взяты отзывы о данной книге на различных интернет-ресурсах. Читательский отзыв признается различными специалистами как важный аспект неинституциональной критики – отклика обычного читателя [5. С. 219]. Данные для исследования общественного мнения о работе Е.Н. Понасенкова были взяты 6–7 января 2023 г. и составили 776 отзывов. Использовались разнородные ресурсы: книжная социальная сеть LiveLib, библиотека-магазин электронных книг Литрес, сайт книжного магазина «Читай-город» и онлайн-магазин OZON. Абсолютное большинство отзывов (612) взято с сайта OZON, однако значительная часть из них, в том числе и отрицательных, связана не с самой работой, а с качеством доставки, состоянием и внешним видом книги, что при оценке самой работы не имеет значения. Также на всех рассматриваемых ресурсах число положительных отзывов (оценки «4» и «5» по пятибалльной шкале) составляет 718, а отрицательных (оценки «0», «1», «2» и «3» по пятибалльной шкале) – 58.

Работа Е.Н. Понасенкова формирует у читателей определенные представления о войне 1812 г. и других событиях отечественной истории. Из отзывов можно понять определенную картину реальности той эпохи, которую, по мнению отдельных авторов отзывов, Е.Н. Понасенков смог передать [6]. Основными маркерами, связанными с войной 1812 г.,

становятся «Наполеон Бонапарт» (31 отзыв), «пропаганда» (20 отзывов), «русский народ» (17 отзывов), «Александр I» (13 отзывов), «Отечественная война» (12 отзывов), «победа» (9 отзывов) и «Россия» (7 отзывов). «Первая научная...», по мнению авторов комментариев, показывает, что война 1812 г. – сфальсифицированный пропагандой миф [7]. Наполеон признается личностью, не имеющей крупных изъянов. Александр же, наоборот, признается «provokatorom войны» [6], отличающимся завистью к успехам Наполеона и презрением к собственному народу. Сам русский народ рассматривается в отзывах двояко: в ключе пропаганды и в ключе «Первой научной...». В первом случае народ поднимается на защиту Отечества от захватчиков; этот подход порицается авторами комментариев. Во втором случае народ, отягощенный крепостным правом-рабством [8], поднимает восстания против помещиков; эта трактовка поддерживается большим числом отзывов. В связи с этим понятие «Отечественная война» признается неверным, побед русскими войсками одержано не было [7], а сама война показана огромной и бессмысленной тратой русских солдат бездарными офицерами.

Отношение к такой системе оценок, исходя из комментариев, нельзя назвать однозначным. Необходимо рассмотреть причины принятия и отторжения таких оценок исторических событий в обществе. Как было ранее отмечено, положительные комментарии занимают доминирующее положение при оценке книги Е.Н. Понасенкова. Важнейшими личными качествами автора называют его подачу материала (20 отзывов), смелость (6 отзывов) и самодостаточность (5 отзывов). Автор правдив и смел, поскольку «не зависит от палки колбасы, которую дают в универе» [6]. Живой и острый язык автора, умение жить в эпоху, понимать все тонкие моменты, большое количество иллюстраций также являются важной составляющей среди положительных оценок книги. Сам текст, исходя из комментариев, обладает такими важными качествами, как объективность (25 отзывов), новизна (10 отзывов) и научность (25 отзывов). Объективность и новизну авторы отзывов видят во всесторонности и капитальности исследования, а также в использовании «более 4 тысяч сносок» [9] – «доказательства на каждое слово» [6]. Под научностью же понимается использование методологии – рассмотрения всех факторов, способных повлиять на исторические процессы [7] – и изложение научных концепций со ссылками на первоисточники, «что радует в наше

время» [6]. Отрицательные отзывы также достаточно информативны. Важнейшей причиной недовольства книгой является чрезмерное самолюбование автора (19 отзывов), проходящее в форме постоянных упоминаний о «первооткрывательстве» [8] и чрезмерно эмоциональной критике своих оппонентов. Подобные заявления кажутся несоотнесимыми с пониманием научной работы. Касаемо самого текста у авторов рецензий меньше отрицательных оценок. В связи с этим в качестве недостатков упоминается большое количество ненужных отступлений от темы (8 отзывов), отсутствие признаков научности (11 отзывов) и новизны (7 отзывов).

Таким образом, можно отметить, что работа Е.Н. Понасенкова напрямую участвует в формировании определенной системы оценок событий войны 1812 г. Со стороны научного сообщества чаще всего критикуются постоянное самовосхваление и множество отступлений. Вне академических кругов, несмотря на критичное отношение к подаче материала автором, принимаются его методы, тезисы и аргументы. При этом академическое сообщество действительно представляет малое критическое осмысление методологического аппарата Е.Н. Понасенкова. При наличии внешнего оформления работы вне академического сообщества формируется доверие к данной работе. Деление на «белое» и «черное», создание упрощенного и понятного взгляда на события 1812 г., также находит отклик у аудитории. Все это показывает необходимость переосмысления критики подобных работ и изменения подходов к использованию исторических событий в контексте государственной политики памяти. Однако вопрос о месте и роли подобных работ в формировании исторической памяти остается открытым и требует отдельного исследования.

Список источников

1. Понасенков Е. О книге «Первая научная история войны 1812 года» // Первый научный : [YouTube канал]. 2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Q040TrbQXU> (дата обращения: 03.01.2023).
2. Долгих А.Н. Об одной современной интерпретации событий Отечественной войны 1812 г. // Запад и Восток: история и перспективы развития : сб. ст. 30-й юбилейной Международной научно-практической конференции / под ред. И.М. Эрлихсон, Ю.В. Савосиной, Ю.И. Лосева. 2019. С. 515–520.

3. Батшев М.В., Куницын А.А. Рец.: Понасенков Е.Н. Первая научная история войны 1812 года. М.: АСТ, 2017. 800 с. (скандалы истории) // Историческая экспертиза. 2018. № 2. С. 214–228.

4. Блашков Ю.А. «Война Александра I против России» – новое прочтение событий 1812 года представителями исторического ревизионизма // Пичетовские чтения 2020: войны в истории человечества. К 75-летию Победы над фашизмом. Материалы международной научно-практической конференции. Минск, 2020. С. 171–175.

5. Савельева Т.В. Читательский отзыв как жанр сетевой коммуникации // Пользовательский контент в современной коммуникации : сб. материалов I Междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, 2021. С. 218–222.

6. Первая научная история войны 1812 года (Евгений Понасенко) // Читай-город. 2023. URL: <https://www.chitai-gorod.ru/catalog/book/1231257> (дата обращения: 05.01.2023).

7. Отзывы о книге Первая научная история войны 1812 года Евгения Понасенкова // Livelib. 2023. URL: <https://www.livelib.ru/book/1002727654/reviews-pervaya-nauchnaya-istoriya-voyny-1812-goda-evgenij-ponasenkova/~3> (дата обращения: 06.01.2023).

8. Отзывы о книге «Первая научная история войны 1812 года» // Литрес. 2023. URL: <https://www.litres.ru/e-n-ponasenkov/pervaya-nauchnaya-istoriya-voyny-1812-goda/otzivi/> (дата обращения: 04.01.2023).

9. 603 отзыва на Первая научная история войны 1812 года. Третье издание // OZON. 2023. URL: https://www.ozon.ru/product/pervaya-nauchnaya-istoriya-voyny-1812-goda-trete-izdanie-ponasenkova-evgeniy-nikolaevich-250460112/reviews/?page=11&sort=created_at_desc (дата обращения: 03.01.2023).

УДК 930.2+94.410

П.В. Волков

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

БЕДА ДОСТОПОЧТЕННЫЙ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ АНГЛИЧАН

Аннотация. *Рассматриваются динамика памяти о Беде Достопочтенном и представления современных англичан о нем. Производится обзор статей самых популярных изданий Великобритании, в которых упоминается Беда. Для анализа памяти применяются концепция «мест памяти» Пьера Нора и концепция мифа Алейды Ассман как исторической основы, а также ее классификация памяти. Сделаны выводы о том, что Беда в английской*

исторической памяти является одним из создателей английской идентичности.

Ключевые слова: Беда Достопочтенный, «места памяти», Веармут-Ярроу, британская идентичность, история памяти

Беда Достопочтенный известен в основном как автор «Церковной истории народа Англов», но остается вопрос, насколько важен сам Беда для английского общества в целом, а не только для священников и историков церкви. В англоязычной и русскоязычной историографии имеются исследования, посвященные становлению религиозного почитания Беды и переизданиям его «Церковной истории», но нет исследований, касающихся представлений современных англичан о нем. Историческая память о Беде остается мало исследованной проблемой.

В период раннего и классического Средневековья Беда не был канонизирован в формальном смысле этого слова [1. Р. 193]. Только в 1899 г. папа римский Лев XIII присвоил ему титул доктора церкви. Но религиозное почитание Беды в Средние века не было оформлено до конца, однако большой популярностью пользовались его труды, в том числе на континенте. Формирование культа мощей Беды, составление его жития и появление литургий по нему относится к XI в. [1. Р. 193]. После смерти Беды его ученик, Катберт, способствовал развитию неформального культа поклонения Беде (как святому, а не только учителю) в Веармут-Ярроу, но почитание Беды, как упоминалось ранее, было локальным и развивалось в стенах монастыря, где жил Беда [1. Р. 195]. Попытки распространения за пределы монастыря были, но культ Беды был, по сути, забыт после смерти его ученика.

Для анализа представлений о Бед у современных англичан обратимся к статьям самых популярных в Великобритании изданий с самым большим охватом аудитории и разной политической направленностью: Daily Mail (одна из крупнейших газет, консервативная по своей политической направленности, тираж около 1,8 млн экз.), Independent (относительно небольшой тираж – около 70 тыс. экз., издание декларирует политическую независимость и плюрализм мнений), BBC (общая аудитория Всемирной службы составляет 150 млн слушателей) и Guardian (либерально-левая политическая направленность, самая цитируемая британская газета), в которых упоминается Беда [2. С. 193].

В мае 2000 г. газета The Guardian публикует статью «Revealed: hidden art behind the gospel truth», автором которой является Джон Езард [3]. В статье автор обозревает актуальную на тот момент новость о том, что на ранее найденных рукописях Евангелий Линдисфарна были найдены новые иллюстрации, не обнаруженные до этого. В статье упоминается и сам Беда, поддерживавший тесную связь с Линдисфарном. По одной из версии научных сотрудников, изучавших эту рукопись, Беда мог принимать участие в ее создании.

В 2014 г. Кодекс Амиатина, одна из известных копий Библии, изготовленный в Веармут-Ярроу, был возвращен в родной монастырь. В статье «Codex Amiatinus Bible returns to its home in Jarrow» [4] Мишель Браун также упоминает Беду и называет его одним из самых важных авторов своего времени [4].

В 2015 г. в Южном Тайнсаиде, по некоторым предположениям, был найден давно утерянный череп Беды. В статье издания BBC, посвященной этому событию, описывается история мощей Беды, сам же Беда назван в ней «Отцом английской истории» [5].

Наиболее резонансной и обсуждаемой темой стала дискуссия о закрытии музея Беды Почтенного в Веармут-Ярроу в 2016 г. Музей был закрыт на непродолжительное время ввиду отсутствия рентабельности [6]. Однако позже был спасен благотворительными организациями, взявшими на себя расходы на содержание музея.

Без Беды Почтенного не обходится ни одной ссылки при изучении истории раннесредневековой Англии. В статье «Remains of a powerful Pict tribe's 'centre of power' is discovered in Scotland with ancient textile tools and Celtic 'gaming pieces'» [7], в которой описываются археологические раскопки поселений и захоронений кельтских племен, делается отсылка на «Церковную историю» Беды, где упоминается происхождение этих племен.

В 2021 г. у Daily Mail вышло интервью с Питером Акройдом [8]. Автор в своем интервью сказал, что на данный момент он готовится написать книгу об английском духовенстве, которая будет называться «The English Soul», первая глава, по заявлению автора, будет посвящена Бедe.

Проанализировав газеты разной политической направленности и аудитории, можно сделать вывод, что даже либерально-левые газеты,

для которых не свойственно обращение к религиозным ценностям и деятелям (например, *Guardian*), тем не менее упоминают Беду и даже говорят о его роли в развитии христианской культуры в Британии. В консервативных изданиях (например, *Daily Mail*) статей, в которых говорится о Беде, намного больше, что объяснимо направленностью газеты. В них Беда чаще всего упоминается в контексте научно-популярных статей, посвященных археологическим раскопкам англосаксонского периода и непосредственно истории этого периода, а также в статьях, посвященных истории церкви и современной церковной жизни в Великобритании. В независимых изданиях, не причисляющих себя к какой-либо политической направленности (например, *Independent*), публиковался радиообзор [9] британского документального сериала «*How God Made the English*» [10]. В обзоре цитировались слова британского историка Диармэйда МакКаллоха, ведущего сериала, в которых он говорил, что Беда придал чувство английской идентичности [10]. Таким образом, можно сказать, что Беде уделяют внимание все издания, независимо от их политической ориентации. Это, в свою очередь, говорит о том, что Беда является общепризнанным авторитетом, его репутация среди всех изданий сложилась в качестве отца истории, несмотря на то что в определенных изданиях он упоминается в разных контекстах.

Для того чтобы понять, как в настоящий момент живет память о Беде и какой характер она приобрела, обратимся к концепции «мест памяти» Пьера Нора. Историк рассматривает места памяти в трех смыслах: материальном, символическом и функциональном [11. С. 40]. Исходя из предложенной Пьером Нора классификации, попробуем соотнести с ней места памяти, связанные с Бедой Достопочтенным.

К местам в материальном смысле можно отнести сам монастырь Веармут-Ярроу, где жил и работал Беда, и академию Англиканской церкви преподобного Беды в Сандерленде [12]. Веармут-Ярроу стал своего рода культовым местом для верующих и простых людей, которые помнят Беду. Это доказывается на основании того факта, что настоятели монастыря подавали заявку на получение статуса Всемирного наследия, но она была отложена на неопределенное время [13]. В настоящий момент Веармут-Ярроу получил статус объекта всемирного наследия [14]. Руководствуясь классификацией Нора, к

символическим местам (П. Нора приводит примеры символических мест, таких как «национальный флаг, праздник, паломничество») [11. С. 48] можно отнести день поминовения Беда и празднования, которые устраивает музей Беда в его день (25 мая). Символическим местом также можно назвать станцию метро имени Беда в Тайн-энд-Уир и станцию «Yarrow», которая находится неподалеку.

Подводя итог, можно сказать, что память о Беде Почтенном в историческом сознании англичан занимает большое место с точки зрения английской идентичности. Беда является для англичан «отцом истории», ученым и праведным христианином, о благочестивости которого знало большинство современников. Память о Беде играет немалую роль и в укреплении национальной идентичности, начало которой положил именно Беда. Данный факт также можно рассмотреть через концепцию мифа (как исторической основы) Алейды Ассман [15. С. 38]. В этом варианте миф – это аффективное усвоение собственной истории [15. С. 39]. Таким образом, Беду можно с полной уверенностью рассматривать одновременно как святого праведника и как создателя британской идентичности, поэтому в сознании современных подданных Соединенного Королевства он предстает в образе благословенного Богом человека, сформулировавшего национально-государственную идею, которая также происходит от Бога.

Список источников

1. De Grogorio S. The Cambridge companion to Bede. Cambridge : Cambridge University press, 2010. 306 p.
2. Пустовалов А.В. Пресса Великобритании: между «бумажным» прошлым и цифровым будущим // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. № 3. С. 191–205.
3. Ezard J. Revealed: hidden art behind the gospel truth // The Guardian. [S.I], 2000. URL: <https://www.theguardian.com/uk/2000/may/30/books.booksnews> (access date: 01.03.2023).
4. Codex Amiatinus Bible returns to its home in Jarrow // BBC. [S.I], 2014. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-england-tyne-27372773> (access date: 09.03.2023).
5. Bede's lost skull cast 'rediscovered' // BBC. [S.I], 2015. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-england-tyne-34168233> (access date: 07.03.2023).
6. Bede's World: Cash crisis forces closure of Jarrow tourist attraction // BBC. [S.I], 2016. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-england-tyne-35563934> (access date: 08.02.2023).

7. Remains of a powerful Pict tribe's 'centre of power' is discovered in Scotland with ancient textile tools and Celtic 'gaming pieces' // Daily Mail. [S.I], 2020. URL: <https://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-8015595/Scottish-centre-power-containing-pottery-gaming-pieces-excavated.html> (access date: 28.02.2023).

8. What book would historian and novelist Peter Ackroyd take to a desert island? // Daily Mail. [S.I], 2021. URL: <https://www.dailymail.co.uk/home/books/article-9815863/WHAT-BOOK-historian-novelist-Peter-Ackroyd-desert-island.html> (access date: 28.02.2023).

9. The weekend's viewing: How God Made the English, BBC2, The Falklands' Most Daring Raid, Channel 4 // BBC. [S.I], 2012. URL: <https://www.independent.co.uk/arts-entertainment/tv/reviews/the-weekend-s-viewing-how-god-made-the-english-bbc2-the-falklands-most-daring-raid-channel-4-7576605.html> (access date: 28.02.2023).

10. How God Made the English // BBC. [S.I], 2021. URL: <https://www.bbc.co.uk/programmes/b01dxrhg> (access date: 28.02.2023).

11. Франция – память / П. Нора, М. Озуф, Ж. Пиюмижен, М. Винок. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1999. 328 с.

12. Venerable Bede CE Academy. [Sanderland], 2023. URL: <https://www.venerablebede.co.uk/> (access date: 28.02.2023).

13. Wearmouth-Jarrow World Heritage bid withdrawn // BBC. [S.I], 2012. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-england-tyne-18088786> (access date: 28.02.2023).

14. The Twin Monastery of Wearmouth Jarrow // UNESCO. World Heritage Convention. [S.I], 2012. URL: <https://whc.unesco.org/en/tentativelists/5681/> (access date: 28.02.2023).

15. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

УДК 930.2

А.А. Геворкян

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В РОССИЙСКИХ РЕКЛАМНЫХ ОБЪЯВЛЕНИЯХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

***Аннотация.** Реклама представляет собой одну из многочисленных форм массовой коммуникации. Посредством таковой коммуникации производители нацелены создать определенный образ товара, который укоренится в сознании потребителей. Именно поэтому производители нередко прибегали к использованию исторических образов в рекламных объявлениях. В работе рассматриваются две модели коммуникации применительно к*

отечественной рекламной деятельности XIX–XX вв.: вещественная модель Ж. Бодрийяра и деконструктивистская модель Ж. Дерриды. Помимо этого, разбирается типология знаков по Ч. Пирсу.

Ключевые слова: реклама, рекламные объявления, образы, исторические образы, коммуникация

В последние десятилетия возрастает количество исследований, посвященных рассмотрению различных аспектов отечественной рекламной деятельности. Особенный интерес наблюдается к истории рекламной деятельности на рубеже XIX–XX вв. Это связано с активным развитием культуры потребления в настоящее время. Исследователи не просто изучают историю рекламной деятельности, но и используют достижения и инструментарий постмодернистов для анализа данного феномена.

Характеризуя рекламу, необходимо отметить, что она обладает комплексностью, это прагматическое явление, целью которого является стимулирование сбыта товаров на рынке. Но при этом рекламный феномен уместно характеризовать как социокультурное явление, которое регулирует социальные отношения, а помимо этого транслирует и воспроизводит определенные нормы, формирующие мотивы и потребности человека в обществе [1. С. 195]. Реклама является двигателем не только торговли, но и исторической памяти [2. С. 398].

Использование исторических образов в рекламе России в конце XIX – начале XX в. было не только средством привлечения внимания потенциальных покупателей, но и актом исторической коммеморации. В работе термин «коммеморация» используется в широком смысле в качестве связующего элемента человека с прошлым – в данном случае через исторические образы в рекламных объявлениях. Эти образы были использованы как символы передачи культурной наследственности и воспитания чувства национальной гордости.

Рекламное сообщение несет в себе определенную информацию, она может быть выражена разными способами – будь то текст или изображение. Говоря о тексте, необходимо обратиться к М.М. Бахтину, который писал о том, что текст содержит смысл прошлых и последующих культур, а реклама с интеграцией культурных и исторических аллюзий (под дефиницией ссылки) в свой текст функционирует как некая отсылка потребителя к предшествующим культурным текстам. Согласно

М.М. Бахтину, эти переходы демонстрируют форму общения культур, на образах которых «торгуют» рекламисты, придавая товару ценность текста, на который ссылаются [3. С. 119]. Ролан Барт же писал о том, что рекламный образ (или текст) определяется тем, что не может скрыть коммерческого происхождения и не восхвалять превосходства товаров, ведь именно в этом заключается цель – «сделать известным того, кто платит» [4. С. 442].

На рубеже XIX–XX вв. наиболее распространенным было одностороннее воздействие рекламиста на потребителя. В своей книге «Система вещей» Жан Бодрийяр, автор вещественной модели коммуникации, неоднократно обращается к феномену рекламы, характеризуя его с разных ракурсов. Так, он пишет, что значимы ее образы и дискурс рекламы. Согласно Бодрийяру, подробно рассматривающему отношения человека и вещей, роль человека на картинке играют окружающие его вещи, поэтому даже ему нет места в рекламе: «Субъект есть порядок, который он вносит в вещи, и в этом порядке не должно быть ничего лишнего». Рекламная лексика обладает достаточно эмоциональной терминологией, привлекающей потребителя. Используются такие слова, как «тепло», «уют», «сияние», «подлинность». В рекламном дискурсе исчислимость форм и «функциональный стиль» аккомпанируются риторикой «природных» смыслов [5].

В газетной рекламе значимое место имеет прием символизации, который использовался еще с периода античности (в вывесках) – он был одним из первых. Через данный прием, а точнее через изображения в периодической печати, потребители получали представление о товарах. Этот прием использовался в создании фирменных знаков, что впоследствии послужило прообразом логотипов и торговых марок [1. С. 196].

Изображенное на объявлении животное в те времена было логотипом производителя (рис. 1). В России коньячное производство было связано с двумя фирмами, одной из которых была фирма «Д.З. Сараджев». В 1885 г. им был организован коньячный склад в Тифлисе, а в 1888 г. вступил в строй крупный коньячный завод. Именно Сараджев открывает старейший на сегодняшний день в России завод в Кизляре. Существует версия о том, что его настоящая фамилия – Сараджишвили.

Рис. 1. Газета «Московский листок». 1899. № 216. 5 авг.

Основоположник семиотики Чарльз Сандерс Пирс ввел типологию знаков, определяя три основных их вида. Среди них символы, иконы и индексы. Символы достаточно неоднозначны, поскольку могут содержать разную смысловую наполненность, смысл символа можно определить через соотнесение с другими понятиями (нет однозначного толкования). В качестве примера символов в рекламе можно выделить логотипы, основанные на абстрактных визуальных образах, а также бренд-персонажи, использующиеся в рекламных объявлениях. Такие персонажи выступают сквозным собирательным образом бренда во всех рекламных материалах [1. С. 198].

Для дореволюционной рекламы характерен агрессивный характер и достаточно высокие масштабы распространения. В тот период в отечественной рекламе не было столь развито использование каких-то бренд-персонажей и прочего, однако в различной рекламе прибегали к использованию исторических образов. Исторические образы в российской рекламе конца XIX – начала XX в. были важным элементом формирования общественного мнения и создания имиджа продукта. В те времена компании часто использовали образы исторически значимых персонажей и событий, чтобы ассоциировать свои товары с элитой и достижениями истории России. Для данного периода характерно обращение к национальным мотивам, или же «русский стиль», а одними из наиболее популярных образов были цари и герои России. Однако стоит отметить, что зачастую изображению конкретного исторического персонажа предпочитали соблюдение общего контекста эпохи, с которой он ассоциировался [1].

Один из примеров такой (более редкой) рекламы (с использованием исторических образов) – распространенная реклама кондитерских изделий Карл Фаберже (рис. 2). Кондитерский дом Фаберже был известен благодаря знаменитому яйцу Фаберже, созданному для царской семьи. Фирма использовала образ царя и яйца Фаберже для привлечения внимания потребителей, а также для создания имиджа роскоши и элитности своих продуктов.

Рис. 2. Рекламная листовка. Санкт-Петербург. 1898 г.

Другими образами, используемыми в рекламе, были Александр III (как образ мудрого правителя), князь Александр Невский и другие великие герои России. Что касается общих образов, то использовались образы бояр (или девушек в «боярских» нарядах), богатырей, воинов. Такие образы появлялись в рекламе разных товаров, от сигарет до текстильных изделий. В рекламе же лекарственных препаратов упоминались именитые врачи [2. С. 403].

Использование исторических образов в рекламе позволяло компаниям создавать более убедительные и памятные рекламные кампании, что оставляло яркие воспоминания у потребителей. С другой стороны, такая реклама формировала своеобразную искаженную картину национальной истории.

На рекламном плакате В.А. Табурина, созданном в «русском стиле», изображена девушка в боярском наряде (рис. 3). В рекламе компании Зингер широко применялся этот образ, плакат сочетал элементы

истории и современности. Рекламные образы в данном случае становятся знаками, которые передают определенные значения в рекламных сообщениях.

Рис. 3. Рекламный плакат. Санкт-Петербург. 1900-е гг. (худ. В.А. Табурин)

Иконические знаки в рекламе представлены как изображения рекламируемого товара и людей, выполняющих функцию рекламных героев. Зачастую ими становятся известные личности, чей имидж используется в рекламе. В дореволюционных газетах нет изображений таковых людей, однако есть их упоминания, что, в свою очередь, является самостоятельным рекламным приемом – прием упоминания общеизвестных лиц.

В данном случае упоминается Александр Митрофанович Остроумов, который был в то время известным фармацевтом, производителем парфюмерии и косметики (рис. 4). Уже в 1900 г. им было создано Товарищество парфюмерной фабрики. И именно крем от веснушек

«Метаморфоз» стал пользоваться спросом среди покупательниц и принес известность автору.

Рис. 4. Газета «Новое время». 1907. № 11154. 14 апр.

Что касается индексов, они зачастую задействованы в демонстративных частях рекламных сообщений с целью показать преимущества и принципы действия того или иного товара. Он актуален в тех случаях, когда производитель старается донести до потребителя информацию о свойствах товара, но не может продемонстрировать их напрямую – яркими примерами таких характеристик являются чистота, свежесть.

Рис. 5. Газета «Новое время». 1916. № 14626. 5 дек.

Применительно к дореволюционной рекламе достаточно трудно найти пример, четко подходящий под описание Пирса. Однако если следовать описанию, то преимущества того или иного товара можно

передать через описание или же через изображение. Так, в изображении корсеты держат талию девушки, утягивая ее и выделяя талию, создавая красивый силуэт (рис. 5).

Иной моделью коммуникации считается модель Жака Дерриды, именуемая деконструктивистской моделью. Он говорит о некоем *difference*, которое определяет как «движение». С помощью *difference* язык и прочие системы становятся «исторически» созданными в качестве структуры различий. Деконструктивистская модель состоит из цепочки взаимосвязанных элементов: первый связан со вторым, заменяющим его, но имеющим отношение к третьему и так далее. Благодаря упомянутому «дифференсу» возникают различия. Деррида также пишет о том, что значение слов зависит от того, что некто вкладывает в них – таким образом выделяется интенциональный характер значения. Это происходит по той причине, что текст при чтении теряет свою первичность и становится источником нового движения [6. С. 3].

Модель Жака Дерриды в какой-то степени напоминает то, что понимается под «аллюзией», когда заимствуются элементы предшествующего текста, к которому в данном тексте есть отсылка. Такие взаимосвязанные элементы текста, в которых есть ссылка, допустимо называть маркерами или репрезентативами, а тексты и факты действительности, к которым осуществляется отсылка, – денотатами аллюзии [3. С. 120].

Применительно к дореволюционной рекламе модель Жана Дерриды могла быть репрезентована в виде цепочки рекламных объявлений, плакатов или афиш одного товарищества, компании или фирмы. Связным звеном могло служить само товарищество или же какой-то фирменный знак, логотип, продукт (например, швейная машинка Зингер). Рекламные объявления или плакаты могли приобретать все разные форматы и формы с течением лет. Так, например, газетная реклама швейных машинок Зингер отличалась от плакатной.

В рекламе того времени использовались знаки с различными значениями, основанные на культурных и исторических ассоциациях, что позволяло создавать определенную атмосферу и привлекать потенциальных покупателей. Кроме того, использование таких образов также направлено на сохранение национальной и культурной идентичности. В дореволюционной рекламе можно найти хоть и не точные, но приближенные примеры того, что описывали Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида и

Ч. Пирс. Наиболее эффективным являлось использование различных коммуникативных практик совокупности. Отдельное место занимают исторические образы в рекламе, поскольку они действительно используются, но чаще это не конкретные исторические личности (например, правители), а собирательные образы, например богатыри, бояре, воины и прочие. Стоит отметить, что и применение определенных образов можно связать с целью воздействия на целевую аудиторию того или иного рекламного объявления.

Внедрение новых технологий, связанных с печатью и распространением рекламы, развитие торговых марок, фирменных знаков и в целом массовое производство влияло на становление общества и культуры, увеличивало и расширяло виды многообразной коммуникации через рекламные объявления. Таким образом, становление рекламы как семиотической системы проходило на протяжении веков. Реклама должна содержать в себе все компоненты с целью мотивации потребителя к покупке. Постмодернистами разработаны различные модели коммуникации, именно при их совокупности можно комплексно подойти к изучению феномена рекламы не только за последние десятилетия, но и в период конца XIX – начала XX в., когда данная индустрия активно развивалась, принимая новые формы и приемы.

Список источников

1. Щербакова Ю.П. Реклама как семиотическая система // Вестник КГУ. 2006. № 4. С. 195–199.
2. Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Русское средневековье в коммерческой рекламе: постановка проблемы и перспективы исследования (вторая половина XIX – начало XXI вв.) // Палеороссия. 2017. № 7. С. 398–416.
3. Войченко А.А. Об использовании культурных и исторических аллюзий в рекламе // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 4. С. 119–122.
4. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003. 512 с.
5. Бодрийяр Ж. Система вещей. А. функциональная система, или Дискурс объекта // Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3496/3499> (дата обращения: 20.03.2023).
6. Тармаева В.И. Самоорганизация нарративного дискурса // Вестник Забайкальского государственного университета. 2009. № 5. С. 1–5.

О.А. Дегтярёва

*Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск, Россия*

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ И КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ О ЛИКВИДАТОРАХ АВАРИИ НА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АЭС В ГОРОДЕ НОВОСИБИРСКЕ

Аннотация. Данное исследование является первым и единственным в г. Новосибирске, выявляющим особенности коллективной и индивидуальной мемориальной культуры памяти о ликвидаторах последствий аварии на ЧАЭС. Рассматривается история ее формирования, объекты, а также общественная работа, которая ведется в ее рамках. Выявляются факторы, влияющие на персонификацию образов ликвидаторов в общественном сознании, и проблематика формирования дискурса памятования об аварии на ЧАЭС спустя сорок лет после техногенной катастрофы.

Ключевые слова: ликвидаторы, авария на ЧАЭС, техногенная катастрофа, радиационное загрязнение, мемориальная культура

26 апреля 1986 г. произошла авария на Чернобыльской АЭС. По данным Сибирского регионального союза «Чернобыль», от Новосибирской области в ликвидации ее участвовали 576 кадровых военных и свыше 1,2 тысячи человек, призванных на военные сборы. В их число входили военные Сибирского полка химической защиты, участники сводного авиаотряда и вертолетного полка новосибирских экипажей Ми-8, медицинские работники, строители, геодезисты, повара [1].

Если применить к исторической памяти о Чернобыле с 1986 г. до наших дней шкалу «окна Овертона», то можно проследить следующие этапы постепенного принятия обществом взрыва на станции: немыслимо (этого не может быть, наша станция безопасная, а персонал обучен – 26 апреля 1986 г.); радикально (первые погибшие и пострадавшие 27–28 апреля 1986 г.); приемлемо (ситуация под контролем, генсек М. Горбачев выступил с обращением, СМИ начали официально, хоть и цензурировано писать о ситуации – начало мая 1986 г.); разумно (объявление о льготах для чернобыльцев, появление социальной

группы «ликвидаторы», ликвидация «последствий» последствий – 1987–1990 гг.); норма (другие поколения не помнят об аварии, «было и было»).

Умозаключение автора иллюстрирует проведенный опрос в разновозрастной фокус-группе магистрантов НГПУ по направлению «Педагогическое образование. Медиаобразование» в марте 2023 г. В выборке участвовало 12 человек трех возрастных групп: первая группа: 1976–1984 года рождения (4 человека), вторая 1985–1991 (4 человека) и третья 1992–1999 (4 человека). Для двух последних групп «белыми пятнами» является даже сама авария и ее причины, не говоря уже о ликвидаторах и роли, которую они выполняли на Чернобыльской АЭС. Две первые группы об аварии знают больше и не затрудняются с определением понятия «ликвидаторы» – в каком статусе и зачем они были командированы в зону Чернобыльской АЭС, но конкретных имен новосибирцев не знают и не имеют четкого представления, как живут ликвидаторы сегодня. Общая характеристика ликвидаторов, данная всеми опрошенными: «самоотверженные герои, спасшие мир». Но не все могут объяснить смысл, который вкладывают в эти слова. Во многом это влияние как раз образов коллективной памяти. Но без привязки к конкретным людям понятие становится пустым и размытым для осознания и не может сохраняться для будущего поколения [2. С. 325].

Мемориальная культура памяти о ликвидаторах аварии в Новосибирске складывалась как запрос самих ликвидаторов. Региональное отделение Союз «Чернобыль» было создано одним из первых в СССР, и кроме деятельности по защите социальных прав участников ликвидации аварии ЧАЭС здесь планировалась и работа с подрастающим поколением. Сегодня в Новосибирске есть несколько объектов коллективной мемориальной культуры: памятник жертвам радиационных катастроф и аварий в Нарымском сквере (здесь каждый год 26 апреля собираются жители города), памятник «Покорителям атома» (собираются в годовщину завершения строительства саркофага над аврийным блоком ЧАЭС – 30 ноября), Стела ликвидаторам в Советском районе, мемориальная плита в сквере Поколений (Заельцовский район).

Отмечу отдельно индивидуальную мемориальную культуру, связанную с именем Г.Д. Лыкова, новосибирского ликвидатора. Это памятные мемориальные доски, установленные в Советском районе на

доме, в котором он жил, а также на здании Строительно-монтажного техникума в Дзержинском районе. Такое выделение из общего числа связано с тем, что Г.Д. Лыков был руководителем крупной всесоюзной стройки – Укрытия-1 (или саркофага) – бетонного сооружения, которое «запечатало» разрушенный реактор и предотвратило дальнейший выброс радиации в атмосферу. Имена остальных ликвидаторов новосибирцам практически неизвестны.

К объектам коллективной памяти о новосибирских ликвидаторах можно отнести сайт и музей Сибирского регионального Союза «Чернобыль». В музее имеются фотографии и документы из личного архива ликвидаторов, Книга памяти, экспозиция – диорама «Хронология радиационных катастроф XX века» в России и мире (Кыштымская авария 29 сентября 1957 г.; трагедия в Чажминской бухте 9 августа 1985 г.; радиационная авария на объекте «А» комбината «Маяк» в Челябинской области 19 июня 1948 г.), чернобыльские иконы (Чернобыльский Спас; Пресвятая Богородица Чернобыльская), представлено литературное и музыкальное творчество ликвидаторов.

Между тем новосибирский Союз «Чернобыль» ходатайствует об установлении памятника военнослужащим-срочникам, принимавшим участие в ликвидации последствий катастрофы, в месте главного историко-мемориального комплекса города – Монументе Славы. Городские власти в этом отказывают. Так, сами ликвидаторы считают недостаточным количество имеющихся объектов памятования, а тему увековечивания новосибирцев в контексте этого события неисчерпанной [3].

Немногочисленны в коллективной культуре памятования новосибирских ликвидаторов литературные и кинематографические источники: документальный фильм «Чернобыль. Осень 1986-го» [4] и книга «Черно-белый Чернобыль» [5] В. Новикова (в первом случае он выступает оператором, во втором – автором). В этих медиапродуктах сибиряки высвечиваются общей массой, без персонификации. Чернобыль показан в мажорных тонах: быстрая и слаженная работа людей и техники, рекордные сроки строительства саркофага, оперативное принятие решений, бесперебойная доставка техники, материалов и людей, отличное обеспечение быта ликвидаторов и бодрый посыл на скорое полное восстановление природной и промышленной инфраструктуры.

Аналогичный нарратив транслировали и советские СМИ. Скупая информация о ситуации на месте аварии, героическая патетика и частое сравнение ликвидации ядерной катастрофы с Великой Отечественной войной [5], в том числе и самими ликвидаторами, сформировали расплывчатое представление о них как о социальной группе. Нарративы подхватили и современные СМИ. Изучение в открытом доступе в сети Интернет сообщений новостных сайтов (ГТРК-Новосибирск, НДН-инфо, Новосибирские новости), ресурсов мэрии Новосибирска, регионального отделения МЧС, опубликованных с 2014 г. до настоящего времени, привело к неутешительным выводам: пишут о чернобыльцах только к основной дате, инфоповоды – возложение цветов в Нарымском сквере 26 апреля, лекции, которые ликвидаторы проводят в школах.

В последний раз «Вести Новосибирска» рассказывали о проблемах чернобыльцев в 2012 г. – выплаты, недостаточная медпомощь, ухудшение здоровья. Налицо тенденция, которая говорит о многом: ликвидаторы сами как сообщество несут свою память и культуру, сами иницируют ее. Если так дальше будет продолжаться, то и коллективная память скоро закончится. Задача гражданского общества – ее сохранить. Журналистике здесь принадлежит решающая роль, а именно социальной журналистике, которая раскрывает человека и его жизнь в контексте большой истории, как высшую ценность. Именно она может обеспечить эмпатию общества, сделать ликвидаторов живыми людьми, которым тоже больно, которые потеряли жизнь и здоровье, которые столкнулись с непониманием и несправедливым к себе отношением, возможно, нужна персонификация их биографий.

В последние годы в Новосибирске такие проекты появились. В 2021 г. вышел документальный фильм «Боль и память Чернобыля» [7] с подробными интервью ликвидаторов о своей работе в Чернобыле и, главное, о негативных последствиях этой аварии на их жизнь. В интервью принимали участие В. Трусеев (летчик вертолета МИ-8), В. Тимофеев (дезактиватор), В. Мишанев (дезактиватор), Г. Чеснокова (врач-эпидемиолог), Н. Кононова (вдова ликвидатора), В. Гришкин (строитель). В 2023 г. проект продолжился документальным фильмом «Эхо Чернобыля» [8], героями его стали: В. Дроздов (строитель, дезактиватор), А. Ставинов (строитель), Г. Шульга (житель г. Припяти, доставка

строительных материалов), П. Торгашев (дезактиватор). Оба фильма высвечивают социальный и трудовой статус ликвидаторов (строители, геодезисты, повара, солдаты срочной службы, врачи), а главное – личный травмирующий опыт, оставшийся непубличным. Это последствия для физического здоровья (боязнь иметь детей после ликвидации аварии), резкое обострение заболеваний широкого спектра спустя несколько лет после облучения (считавшегося «безвредным для здоровья»), подтвержденные случаи негативного влияния на здоровье детей и внуков (на второе и третье поколения ликвидаторов), отсутствие эмпатии общества и нужного объема государственной помощи, правовой защиты, даже несмотря на государственные награды, коммуникативное замалчивание причин, следствий и объемов катастрофы, добровольно-принудительное участие в ликвидации, тяжесть раннего женского вдовства и детского сиротства, негативное влияние на женское здоровье и социальное положение.

Ключевая особенность медиапсихологии ликвидаторов в интервью – говорить об общем подвиге, спасении страны, и в меньшей степени – о себе, своих проблемах. Сказывается советская идеология, в которой с детства воспитывали готовность к коллективному подвигу. Но сейчас эта особенность негативно влияет не только на памятование, но и снижает вовлеченность общества в историю Чернобыльской катастрофы и живущих рядом людей, которые ради спасения будущих поколений сами от нее пострадали.

Без правдивой личной памяти невозможна объективная оценка событий в контексте исторической памяти поколений, поэтому работа над просветительскими проектами, способными устранить данные противоречия, должна продолжаться.

Список источников

1. Ликвидаторы // Сайт союза «Чернобыль Новосибирск». URL: <http://souzchernobylnsk.ru/people> (дата обращения: 21.07.2023).
2. Асман А. Забвение истории – одержимость историей. М., 2019. 552 с.
3. Решетникова Н. Почему в Новосибирске не нашли места для памятного знака «чернобыльцам» // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2021/10/20/reg-sibfo/pochemu-v-novosibirske-ne-nashli-mesta-dlia-pamiatnogo-znaka-chernobylcam.html> (дата обращения: 21.07.2023).
4. Новиков В.Г. Черно-белый Чернобыль. Новосибирск, 2012. 156 с.

5. Чернобыль. Осень 1986-го / реж. В. Новиков. Новосибирск, 1986. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0DD1t7qvSbo> (дата обращения: 21.07.2023).
6. Ставинов А.Н. Третий вариант // Знамя коммунизма. 1987. 7 июля.
7. Боль и память Чернобыля / реж. О. Дегтярева. Новосибирск, 2021. URL: https://www.youtube.com/watch?v=HO5b6_LiRq0 (дата обращения: 21.07.2023).
8. Эхо Чернобыля / реж. О. Дегтярева. Новосибирск, 2023. URL: https://vk.com/cdo_ap?w=wall-85906213_8883 (дата обращения: 21.07.2023).

УДК 355.48(47+57)"1941/1945

Е.Е. Жуков

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

«ПОДВИГ ПАНФИЛОВЦЕВ»: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ, МИФЫ И ФАКТЫ¹

Аннотация. Рассматривается миф о «подвиге панфиловцев» и его влияние на общественное мнение и сферу политических решений в России. Любые попытки пересмотра официального набора фактов искусственно созданной легенды о «героях-панфиловцах» наталкиваются на сильное сопротивление со стороны общественности и государственных деятелей. Миф о «подвиге панфиловцев» рассматривается на основе конструктивистских подходов Эрика Хобсбаума и Бенедикта Андерсона.

Ключевые слова: «подвиг панфиловцев», миф, память, «изобретенная традиция», нация

С распадом Советского Союза историки начали активно пересматривать ранее устоявшиеся в информационном пространстве исторические события, коннотации которых уже тогда содержали сомнения в подлинности некоторых фактов прошлого, что могло стать результатом преувеличения, ошибки или намеренной фальсификацией, направленной на создание определенного политического мифа.

В наше время жива память о подвигах предков, которые отдали жизнь на полях сражений Великой Отечественной войны. Людям

---

¹ Исследование выполнено в рамках проекта № 2.3.7.22 ОНГ программы ТГУ «Приоритет 2030» «Темпоральные дискурсы современности и проективные реальности будущего в перспективе трансдисциплинарного знания».

кажется само собой разумеющимся, что советские солдаты проявляли колоссальный героизм для защиты Родины, но некоторые страницы официальной истории, выявленные после открытия новых источников в постсоветский период, содержат расхождения с реальностью. Новые интерпретации прошлого с трудом находят отклик в исторической памяти как на уровне государственной исторической политики, так и в сознании людей, свыкшихся с сакрализованными версиями прошлого. Примером подобного искажения является «подвиг 28 панфиловцев», соотносимый с военным боем, состоявшимся 16 ноября 1941 г. между механизированными частями наступающих войск вермахта и 316-й стрелковой дивизии (ставшей 18 ноября 1941 г. гвардейской), руководителем которой был генерал И.В. Панфилов.

Проблемой исследования является анализ мифа о «подвиге панфиловцев», выявление его основных характеристик, причин и целей создания. Объектом исследования выступает «подвиг панфиловцев», а предметом – процессы мифотворчества вокруг «подвига панфиловцев».

Методологическую основу исследования составляют наработки Эрика Хобсбаума, изложенные в статье «Изобретение традиций», в которой описывается, как доминирующие общественные группы манипулируют историческими образами и воздействуют на сознание масс, создавая собственную версию прошлого, подчиненную определенной политической конъюнктуре [1]. Наряду с Эриком Хобсбаумом, нельзя не упомянуть идеи Бенедикта Андерсона, изложенные в работе «Воображаемые сообщества», согласно которой нация – это воображаемое сообщество, которое поддерживается с помощью различных инструментов медиа (книгами, журналами, кино и т.д.), что подчеркивает конструируемый и постоянно возобновляемый в общественном дискурсе характер укорененных репрезентаций [2].

Необходимо для начала осуществить демаркацию того, что стоит понимать под мифом, и для каких целей он был выстроен. Стоит различать изначально сфальсифицированные мифы и исторические сюжеты, получившие мифологическую интерпретацию. Что касается «подвига панфиловцев», требуется установить его принадлежность, обратившись к историографии проблемы.

В данной связи стоит выделить статью М.Ю. Мягкова «Подвиг панфиловцев. Новые документы и факты», представляющую анализ

события на основе новых источников, например документов из ведомственного архива ФСБ РФ в деле «Материалы о неправильном оформлении наградных материалов в 8-й гвардейской стрелковой дивизии по 28 героям-панфиловцам (май-декабрь 1942 г.)» [3]. Автор не отрицает, что сам подвиг имел место в истории, но утверждает, что его отдельные детали являются свидетельством процесса намеренной мифологизации. Документы из ведомственного архива ФСБ РФ проливают свет на некоторые детали, которые стали известны из материалов более позднего периода, в частности, что некоторые «герои-панфиловцы», считающиеся мертвыми, оказались вдруг живыми, а другие вовсе не участвовали в этом сражении. Примечательным в данном деле является то, что документы освещают некоторые обстоятельства судьбы «героя-панфиловца», оставшегося в живых, – Иллариона Романовича Васильева, показания которого подтверждают свершение подвига, поскольку на допросе 22 сентября 1942 г. он указывает на ранее известные детали боя, которые мог знать только солдат 316-й стрелковой дивизии. Что касается всем известной фразы «Велика Россия, а отступать некуда – позади Москва», которая появилась впервые в газете «Красная звезда» с подачи корреспондента А.Ю. Кривицкого, написавшего о «подвиге 28 панфиловцев», то И.Р. Васильев упоминает похожее высказывание политрука Василия Георгиевича Клочкова, которое звучит как: «Мы остались одни на рубеже, отходить не будем, а будем драться до последнего». Но, несмотря на это свидетельство, в народную память вошла фраза, предложенная А.Ю. Кривицким, она звучит более героически, чем, вероятно, относящееся к исторической реальности высказывание, которое записали со слов политрука.

Теперь стоит перейти к современному положению дел, связанных с «подвигом панфиловцев». На сегодняшний день существует несколько мемориальных сооружений, приуроченных к подвигу 16 ноября 1941 г., который совершили «герои-панфиловцы». Примером тому являются мемориал «героям-панфиловцам» близ деревни Нелидово, Парк имени 28 гвардейцев-панфиловцев в Алма-Ате, а также памятник подвигу героев-панфиловцев на улице Героев Панфиловцев в Москве. К упомянутым мемориалам ежегодно возносят цветы, возле них проводят торжественные встречи как обычные люди, так и политические деятели, что уже вошло в традицию. По словам Э. Хобсбаума, под

«изобретенной традицией» стоит понимать совокупность общественных практик ритуального или символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или неявно признаваемых правил; целью ее является внедрение определенных ценностей и норм поведения, а средством достижения цели – повторение [1. С. 48]. Данное повторение различных практик необходимо для поддержания чувства общности людей, вплоть до объединения нации, которая, в трактовке Б. Андерсона, представляет собой «воображенное политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное» [2. С. 47].

Сами мемориалы, посвященные подвигу панфиловцев, поддерживают мифологизирующий дискурс, предполагающий однозначное ценностно-нормативное измерение события. Так, Парк имени 28 гвардейцев-панфиловцев четко устанавливает определенную версию прошлого, оговаривая точное количество солдат, участвующих в подвиге, – 28 бойцов. Помимо этого, примечательной является цитата-миф, приписанная политруку Василию Клочкову, которая нанесена на мемориале: «Велика Россия, а отступать некуда, позади Москва!». Как уже было сказано выше, нет никаких других сведений, помимо статьи Кривицкого в газете «Красная звезда», о том, что данная цитата действительно была произнесена 16 ноября 1941 г. Василием Клочковым.

Помимо трансляции определенного образа прошлого, память о «подвиге панфиловцев» включила в себя новый политический аспект, став, по словам Александра Хинштейна (председателя комитета Госдумы по информационной политике, координатора партийного проекта «Историческая память» Единой России), «прививкой» от попыток возродить фашизм и посеять рознь между братскими народами России и Казахстана» [4]. В связи с этим необходимо помнить о совместном для выходцев из разных регионов СССР характере боевых действий в годы Великой Отечественной войны, в частности о «подвиге панфиловцев», который вместе совершили граждане РФ и Казахстана.

Ввиду этого представителями России и Казахстана проводятся мероприятия, предполагающие совместное возложение цветов к памятникам панфиловцам как в Подмосковье, так и в Астане (бывший Нурсултан). В честь празднования дня Победы в Великой Отечественной войне послы РФ в Республике Казахстан возлагают цветы к местным

мемориалам, одним из которых является памятник генералу Панфилову. Вот что сказал сам посол Российской Федерации в Республике Казахстан А.Н. Бородавкин по поводу возложения цветов в память о «подвиге панфиловцев»: «Это наш священный долг перед теми героями Великой Отечественной, которые ценой собственной жизни отстаивали свободу и независимость нашей Родины» [5]. Исходя из данной цитаты, можно прийти к выводу, что память о «подвиге панфиловцев» является неотъемлемым долгом тех, кто ощущает свою преемственность с людьми, отдавшими жизнь, защищая Родину от иностранных захватчиков, что поддерживает символическую связь поколений.

Еще одной составляющей «подвига панфиловцев» как мифа является то, что любые притязания на пересмотр официальной версии прошлого, отражающие влияние разнородных политических конъюнктур, встречают резкое сопротивление со стороны широкой общественности. Например, 20 апреля 2015 г. в своем интервью газете «Коммерсантъ» руководитель Государственного архива РФ Сергей Мироненко заявил, что дело «28 солдат генерала Панфилова» является сфабрикованным репортером Коротеевым и редактором газеты «Красная звезда» Кривицким. Реакция со стороны ведущего интервью журналиста была репрезентативным примером отторжения этого факта, поскольку он стал отрицать доказательства «изобретения» подвига: «Я с детства считал их героями, и мне не хочется думать по-другому» [6]. Данный разговор демонстрирует распространенное отторжение со стороны общественности новых исторических фактов в угоду устоявшемуся мифу.

Наглядным примером сопротивления пересмотру установленного образа прошлого со стороны государственных деятелей являются комментарии от 4 октября 2016 г. бывшего министра культуры Владимира Мединского, который заявил: «Мое глубочайшее убеждение заключается в том, что даже если бы эта история была выдумана от начала и до конца, даже если бы не было Панфилова, даже если бы не было ничего — это святая легенда, к которой просто нельзя прикасаться. А люди, которые это делают, мрази конченные». К этому же добавил, что «обсуждение этой темы, на мой взгляд, кощунственно». В. Мединский назвал «подвиг панфиловцев» «символичным» и что никто никогда не узнает, что в действительности там произошло и сколько было солдат, но это не имеет смысла узнавать [7].

В заключение необходимо подвести некоторые итоги вышесказанному. Имеющий выраженную мифотворческую составляющую «подвиг панфиловцев» выступает консолидирующей силой для сплочения как внутри российского общества, так и по отношению к обществам постсоветских стран, солдаты и офицеры которых принимали участие в рассматриваемом событии. Помимо этого, стоит отметить, что историко-мифологическое объяснение того или иного события, в частности «подвига панфиловцев», позволяет мотивировать вдохновляющими историческими примерами современное гражданское участие. Устойчивость мифологической составляющей «подвига панфиловцев» определяется практиками ее закрепления, основу которых составляют памятные сооружения и другие инструменты медиа, ретранслирующие определенный образ прошлого.

Список источников

1. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С.П. Баньковской. М. : Кучково поле, 2016. 416 с.
3. Мягков М.Ю. Подвиг панфиловцев. Новые документы и факты // Военно-исторический журнал. 2019. № 5. С. 4–14.
4. Шугаев Г.В. В Подмосковье и Нур-Султане возложили цветы к памятникам панфиловцам // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2021/08/18/panfilov/?ysclid=lgmgevvdhan531922182> (дата обращения: 18.04.2023).
5. Посол России возложил цветы к памятнику генералу Панфилову в Казахстане // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20210509/pamyatnik-1731579870.html> (дата обращения: 18.04.2023).
6. МIRONENKO С. «Разоблачение фальсификатора и изготовленной им фальшивки неизбежно» (директор Государственного архива РФ Сергей МIRONENKO о пользе чтения исторических документов) / С. МIRONENKO; [беседовал] В. Хамраев // Коммерсантъ. 2015. 20 апр. URL: <https://www.kom-mersant.ru/doc/2712788> (дата обращения: 18.04.2023).
7. Мединский назвал «конченными мразями» сомневающих в подвиге панфиловцев // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20161004/1478502045.html> (дата обращения: 18.04.2023).

М.К. Карпачев

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

ДЕНЬ ПАМЯТИ ЯНА ГУСА В СИБИРСКИХ ГОРОДАХ В 1919 г. ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Аннотация. *Рассматривается празднование военными Чехословацкого корпуса дня памяти Яна Гуса в Сибири в 1919 г. на примере Омска, Томска, Новониколаевска и Красноярска. Указывается важность даты для представителей легиона и ее актуальность в рамках периода Гражданской войны. Проводится сравнение мероприятий в разных городах. Делаются выводы о степени влияния конкретных условий на программу празднований, о выражении в них чешских традиций.*

Ключевые слова: Гражданская война, Чехословацкий корпус, Сибирь, Ян Гус, периодическая печать

Одним из новых направлений современных исторических исследований является изучение праздничной культуры. В частности, ей посвящены работы Б.И. Колоницкого [1], Е.И. Красильниковой [2] и других. Интересным представляется использование данного подхода для рассмотрения праздников периода Гражданской войны. Это позволит изучить политическую культуру и идеологию, особенности формирования идентичности участников противостояния. Предоставляется возможность реконструировать повседневные практики и досуг. В данной статье будет рассмотрено празднование дня памяти Яна Гуса в июле 1919 г. на примере Томска, Новониколаевска, Красноярска, частично Омска. Цель – реконструкция процесса освещения сибирской периодической печатью праздника Яна Гуса, выявление общих черт и различий в его проведении.

Прежде всего, стоит обратиться к причинам значимости этой даты. С середины XIX в. в Чехии, находившейся в составе Австро-Венгерской империи, начался подъем национального движения. Его импульсами служили несогласие с политикой Вены и противостояние немцам, которые стали «чужими» для чешской националистической культуры [3. С. 110, 113]. Для движения были необходимы символы из прошлого. Ими стали личности первой половины XV в. – времени

вооруженного противостояния чехов и феодалов Священной Римской империи, преимущественно немецких, в ходе гуситских войн. Одной из главных причин обращения к данной тематике был военный потенциал движения [3. С. 107]. Важной составляющей была фигура «зачинателя» и идейного вдохновителя – пастора Яна Гуса. В его честь стали проводиться мероприятия. В связи с чешской эмиграцией этот процесс затронул и Российскую империю [3. С. 118]. Первые «вечера» и «праздники» прошли в Москве в 1902–1903 гг. [3. С. 119]. В 1915 г. отмечено было и 500-летие казни Гуса [3. С. 119–120]. После появления войск Чехословацкого легиона в Сибири этот процесс затронул и Азиатскую часть России. За время Гражданской войны военнослужащие дважды отметили день памяти Яна Гуса, проходивший в июле. Однако большим масштабом отличались мероприятия в 1919 г.

Интересным является тот факт, что по материалам периодической печати прослеживается мало праздничных мероприятий в столице Бельи Сибири – Омске. Вероятной причиной этого стала панихида по генералу А.Н. Гришину-Алмазову, состоявшаяся 6 июля 1919 г., где присутствовали высшие военные чины города [4]. Исключением стали приуроченные к годовщине, но прошедшие до и после основной даты праздника две постановки Осведомительным отделом штаба Верховного главнокомандования спектакля «Ян Гус» по пьесе А. Котомкина для чехословацких военнослужащих [5, 6]. Каждый раз перед представлением произносились речь: профессор Осендовский сравнивал борьбу за славянскую идею в пьесе с текущим моментом [5, 6]. В связи с данным обстоятельством мы сосредоточимся главным образом на анализе мероприятий в Томске, Новониколаевске и Красноярске.

Первой особенностью было проведение во всех городах праздничных мероприятий на протяжении двух дней: 5 и 6 июля [7–12]. Столь относительно долгое и масштабное празднование, на наш взгляд, связано с тем, что к лету 1919 г. Чехословацкий корпус прочно осел в тылу. В корпусе был создан Информационно-просветительский отдел, занимавшийся организацией культурных мероприятий [13. С. 90–91].

В условиях Гражданской войны день памяти Яна Гуса был полезен антибольшевистскому движению в целом. События XV в. легко экстраполировались на современность: славяне – русские и чехи – воевали против немцев и их агентов – большевиков [14]. В силу этого немало

мероприятий сопровождалась речами. Они присутствовали также на параде в Красноярске [10, 12] и перед концертом в Новониколаевске [8]. С некоторой натяжкой в эти же рамки можно поставить лекции в Томске [7]. Прямых указаний на то, что в них проводилась идеологическая аналогия между двумя временами, нет, материалы указывают, что речи были посвящены торжественному дню. Но можно предположить, что сравнение борьбы Яна Гуса с ситуацией Гражданской войны присутствовало.

Одной из самых развитых сфер в культуре военнотружеников корпуса была музыка. В ведении информационно-просветительского отдела находились симфонический оркестр, музыкальная команда, полковые оркестры [13. С. 91–93]. Празднование во всех городах сопровождалось либо музыкальным сопровождением мероприятий, либо отдельными концертами. В Томске концерт прошел на двух главных вокзалах города [7, 18]. В городском саду Новониколаевска «Сосновка» играл оркестр 5-го чехословацкого полка [8]. Самыми масштабными музыкальными мероприятиями отметился Красноярск. Оркестры сопровождали два парада и спортивные состязания, были проведены концерты в Общественном собрании и городском саду [9–12]. Отдельно стоит выделить музыкальный вечер, названный «Академией», на котором чешские артисты выступали перед представителями чешских, итальянских, английских и русских военных [12]. Среди исполняемых произведений преобладали чешские (Дворжак, Сметана, хоралы гуситов), но присутствовали сочинения и других европейских композиторов (Бизе, Массне, Тома) [9, 12].

Хорошо была налажена и система театров. Наряду с полковыми ансамблями существовал Армейский театр Чехословацкого корпуса в России [13. С. 93–94]. День памяти Яна Гуса в июле 1919 г., помимо Омска, отметился спектаклями в Томске и Новониколаевске. Постановки – «Мариша» и «Последний из Рожмбергов» – являлись произведениями чешских авторов. Известно, что последняя была поставлена драмкружком 5-го полка и шла на чешском языке [8, 9].

Популярностью среди легионеров пользовался спорт. В Чехии еще в середине XIX в. как форма национально-освободительного движения возникло гимнастическое общество «Праздничная сова». Оно дало начало системе «соколизма», ставившей задачами физическое и духовное развитие [15. С. 169–171]. Кроме того, эта идея имела военный

потенциал [3. С. 107]. Хотя в период войны, по замечанию историков, «сокольство» и переживало упадок [13. С. 101–102], но спортивные мероприятия продолжали проводиться. На день памяти Яна Гуса в Новониколаевске состоялся гимнастический вечер, в программе которого присутствовали упражнения с кольцами, молотом, гирями, копьями и другими снарядами [8, 16]. Спортивное мероприятие в Красноярске было названо «олимпийскими играми»: проводились состязания по бегу, метание копья, бросание ядра, прыжки с шестом в высоту; кроме того, прошел и футбольный матч между сборной Красноярска и командой 10-го чехословацкого полка, в котором последние с разгромным счетом одержали победу [10, 12].

Несмотря на общие черты, существовали и отличия. Если повторяемое в программе мероприятий объясняется устойчивыми традициями в среде чехов, то особенное, по нашему мнению, связано с условиями конкретных городов. Так, статус Томска как университетского центра обусловил проведение для военнослужащих славянских частей лекции о Яне Гусе, которую провел прапорщик Крейчи [7]. Отличительной чертой празднования дня памяти Яна Гуса в Красноярске стало проведение двух парадов: 5 июля на Ново-базарной площади и 6 июля на Ново-соборной [9–12]. Данное обстоятельство можно объяснить нахождением в Енисейской губернии большого контингента чешских войск: 10-й чехословацкий пехотный полк, одна батарея 3-го артиллерийского полка, 3-й тяжелый артиллерийский дивизион и бронепоезд [17. С. 18]. Кроме того, парады отвечали сложившейся в Западной Сибири традиции, где к началу XX в. они стали «ставной частью культурных традиций общества в целом» и «неотъемлемой частью городской зрелищной культуры» [19. С. 139].

Таким образом, можно сделать следующие выводы. День памяти Яна Гуса в июле 1919 г. был отмечен достаточно широкой программой мероприятий. Это объясняется двумя факторами. Первый – актуальность даты для чехов (способом трансляции идей, важных для укрепления национальной идентичности) и для антибольшевистских сил в целом (символ единства славян против тевтонов и повод для городских мероприятий). Второй – долгое присутствие легионеров в тылу. Последнее обусловило то обстоятельство, что большинство мероприятий были поставлены самими чехами, хотя и русские органы принимали

участие в праздновании. Программы мероприятий в Омске, Томске, Новониколаевске и Красноярске имели много общего. Чаще повторялись те виды развлечений, что были лучше развиты у военнослужащих корпуса. Особенно ярко в них выразилась национальная специфика. Отличия между программами диктовались конкретными условиями городов.

Список источников

1. Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб. : Лики России, 2012. 336 с.
2. Красильникова Е.И. Октябрьские торжества в Сибири в годы Великой Отечественной войны: коммеморативный аспект // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 419. С. 144–151.
3. Котов В.В. Ян Гус, гуситы и «соколы»: инструментализация событий XV века чешскими националистами и отзвуки их акций в Российской империи (1862–1916) // Vox medii aevi. 2019. Vol. 2 (5). P. 102–126. URL: <http://vox-mediiavei.com/20192-kotov> (дата обращения: 17.02.2023).
4. Панихида по ген. Гришину-Алмазову // Сибирская речь. Омск. 1919. № 145. 8 июля. С. 4.
5. Спектакль для чехо-словаков // Русская армия. Омск. 1919. № 141. 5 июля. С. 4.
6. К годовщине памяти Яна Гуса // Русская армия. Омск. 1919. № 146. 11 июля. С. 4.
7. Памяти Яна Гуса // Сибирская жизнь. Томск. 1919. № 137. 5 июля. С. 3.
8. Празднование чехами памяти Яна Гуса // Военные ведомости. Новониколаевск. 1919. № 175. 9 июля. С. 3.
9. Праздник чехословаков // Свободная Сибирь. Красноярск. 1919. № 144. 5 июля. С. 3.
10. Национальный праздник чехо-словаков // Свободная Сибирь. Красноярск. 1919. № 147. 9 июля. С. 3.
11. Праздник чехо-словаков // Енисейский вестник. 1919. № 135. 5 июля. С. 3.
12. Национальный праздник чехословаков // Енисейский вестник. 1919. № 138. 9 июля. С. 3.
13. Ваха Д. Досуг чехословацких легионеров в России и на пути домой в 1919–1920 гг. / пер. С. Магида // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 3. С. 88–118.
14. Котомкин А. Ян Гус // Русская армия. Омск. 1919. № 142. 6 июля. С. 2.
15. Качулина Н.Н. Исторические условия возникновения и развития сокольного физкультурно-гимнастического движения в Чехии и других славянских странах в конце XIX – первой четверти XX в. // Символ науки: международный научный журнал. 2017. № 5. С. 167–172.

16. На чешском празднике // Военные ведомости. Новониколаевск. 1919. № 175. 9 июля. С. 2.

17. Дацышен В.Г. Иностранные войска в Енисейской Сибири в годы гражданской войны (1918–1920 гг.) // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2021. № 4 (32). С. 15–25.

18. Знаменательная годовщина // Сибирская жизнь. Томск. 1919. № 107. 28 мая. С. 3.

19. Гефнер О.В. Военные парады в общественной и культурной жизни городов Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2015. № 2 (6). С. 136–139.

УДК 433

И.А. Кокарева

КГАУ «Дом офицеров», Красноярск, Россия

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ КИНО КАК «МЕСТО ПАМЯТИ»: К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ Г. ТОМСКА

Аннотация. *Выявляются особенности документального фильма «Немецкая фамилия» как места памяти российских немцев г. Томска. В качестве теоретической основы статьи выступает концепция Memory studies.*

Ключевые слова: культурная память, «места памяти», российские немцы, документальное кино, история Томска

Концепция коллективной памяти уже не первое десятилетие занимает ключевые позиции в гуманитаристике. Зародившись в первой половине прошлого века, благодаря французскому социологу Морису Хальбваксу [1], она постепенно расширялась и дополнялась, позволив в итоге посмотреть на некоторые научные проблемы с новой стороны. В частности, на вопрос формирования и поддержания этнической идентичности.

Народ представляет собой сообщество людей, ощущающих, осознающих свою родственную связь с группой в целом и друг с другом в частности. Но как возникает эта связь? И почему она не исчезает? Если исходить из теории коллективной памяти, то большое влияние на этническую идентичность оказывают сохраняющиеся из поколения в поколение представления о коллективном прошлом. Причем, занимаясь

исследованием памяти сообществ, недостаточно рассматривать в качестве субъектов воспоминаний только людей, как показал всем Пьер Нора своей теорией о существовании «мест памяти» – особых хранилищ воспоминаний, представляющих из себя как материальные объекты, так и системы обрядов и символов [2. С. 17–50]. У каждого народа, таким образом, есть свои особые «места». Они конструируются, они меняются, они же могут стать забытыми.

Мы живем в многонациональной стране, в эпоху «бума памяти». Одним из самых неоднозначно понимаемых у нас этнических сообществ являются российские немцы. Они не отождествляют себя ни с русскими, ни с немцами из Германии. Это зачастую потомки переселившихся в Российскую империю жителей германских государств. К XX в. их стало настолько много, что советской властью была создана Автономная Социалистическая Советская республика немцев Поволжья. Однако не прошло и двадцати лет, как всех российских немцев депортировали в Сибирь и Казахстан. Тогда это было связано с начавшейся Великой Отечественной войной против нацистской Германии [3. С. 296–309].

Томская область стала одним из новых мест жительства российских немцев. Попав в многонациональную среду, они оказались перед угрозой ассимиляции, растворения в русской культуре и русском языке. Шли годы, те события становились для кого-то частью истории страны, а для кого-то преданием внутрисемейной, коллективной памяти. Чтобы закрепить их в сознании народа надолго, необходимо появление тех самых «мест памяти», и сообщество томских немцев также задается этим вопросом.

Спустя почти 80 лет после депортации, 14 декабря 2019 г., в Томске вышел документальный фильм «Немецкая фамилия. Российские немцы о России, семье и свободе», его создатели на презентации говорили, что «следует обновить память», что «эта встреча – возможность заявить о своей идентичности» [4].

Жизнь российских немцев транслируется в фильме через дискурсы травмы, величия и связи поколений. Точка же их переплетения – историческая память, которая, в зависимости от части картины, раскрывается в одном из этих аспектов.

Образ травмы строится на воспоминаниях о депортации, а также трудностях жизни в Советском Союзе. Для увеличения степени драматичности повествования авторы используют прием выделения конкретной цитаты информантов и вынесения ее на экран. Так, особо были выделены слова Екатерины Николаевны Фур из Чаинского района: «И зачем тронули нас? Жили бы и все», вдовы профессора ТПУ Альфреда Андреевича Дульзона: «Эти раны не заживают», Александра Мартыновича Адама, главы Автономии российских немцев Томской области, вспоминающего трудное детство: «Почему я ребенок второго сорта?». Показательно, что травма вовсе не выступает в фильме в качестве центральной темы. Это не совсем характерно для переживания национальных трагедий, если обратиться к исследовательскому опыту А. Ассман, которая отмечала, что рассмотрение Холокоста в дискурсе трагедии активно поддерживается не только в Израиле, но и во всей Западной Европе. Томские немцы своим фильмом демонстрируют переход к посттравматическому этапу, в котором травма сменяется памятью о стойкости предков, благодаря которой они смогли многого добиться.

И здесь же – через обращение к биографиям выдающихся российских немцев – можно перейти к рассмотрению дискурса величия и гордости. В первую очередь, это сами главные герои – Альфред Дульзон, Александр Адам и Владимир Байтингер. Последний носит звание заслуженного врача РФ, а также, как и Альфред Дульзон, является лауреатом премии «Лучшие имена немцев России». Они презентуют книги о своих корнях, рассуждают о том, как много среди российских немцев героев СССР, выдающихся деятелей культуры и в целом успешных работников из разных сфер. Глава Российско-немецкого дома г. Томска Александр Владимирович Гейер отмечает в фильме, что благодаря всем трудностям российские немцы сформировались как жизнестойкий народ.

Третий дискурс – связь поколений. Он, по сути, является ключевым звеном всего повествования. Та же травма в фильме заполняет места памяти, связывающие предков с потомками, а гордость за родной народ формирует и поддерживает ключевые сакральные образы, пришедшие из прошлого. Даже на премьере создатели фильма говорили о том, что хотят восстановить память и помочь кому-то осознать свою идентичность. Алейда Ассман, Пьер Нора и другие подчеркивали

важность межпоколенной передачи памяти в вопросе сохранения и поддержания идентичности. Авторы фильма в целом придерживаются концепции связи ссыльных немцев с их потомками. И в этом аспекте раскрываются такие вопросы, как места памяти и забвение.

Несмотря на то что сам фильм является целостным местом памяти, сохраняющим воспоминания о жизни российских немцев, его герои становятся местами памяти. Пьер Нора выделял поколение как место памяти, здесь же этим местом стала та часть народа, которая лично была репрессирована. Их не так много в фильме в качестве информантов, всего трое: Екатерина Фур с Лидией Макс из Чаинского района и Альфред Дульзон. Остальные же – дети и внуки вынужденных переселенцев. Однако место памяти как теоретико-методологическая конструкция выходит за пределы физического мира. Благодаря выстраиванию межпоколенной связи в фильме присутствуют все умершие родственники остальных героев: кто-то на фото, кто-то в устных воспоминаниях, а кто-то – в материальных местах памяти: книге Александра Адама и письме бабушки создателя картины Анны Ярославцевой.

Но героями фильма, соединяющими поколения, являются не только информанты и их предки, но и различные объекты, категории, явления. Кроме уже упоминавшихся в фильме книг и писем, в фильме также «участвуют, связывая всех» праздники, семейные реликвии и специальные организации: Российско-немецкий дом, национально-культурные автономии немцев Томской области и г. Томска, детский лагерь Soomercamp и молодежные клубы российских немцев г. Томска. Фильм показал их в первую очередь как хранителей и трансляторов особой культуры российских немцев – через праздники, образовательные мероприятия, различные проекты и даже кухню. Ривелькухен, традиционный немецкий пирог, еще один из центральных героев фильма, связывающий российских немцев в одно сообщество: его вспоминают и пожилая Екатерина Николаевна Фур, и молодая Наталья Миронова, член совета Автономии российских немцев г. Томска.

Забвение – это вторая сторона связи поколений, а точнее, показатель ее надлома. Создатели сами акцентировали внимание на том, что хотят восстановить память, и по большей части фильм этому способствует, как показал анализ. Однако, заглядывая глубже в нарративы картины, можно заметить, как ярко она демонстрирует и забвение.

Во-первых, говоря о депортации как таковой, авторы не уделяют внимание ежегодному дню траура российских немцев – 28 августа. Российско-немецкий дом проводит в этот день памятные мероприятия, но ни фотографии, ни видео, ни рассказы информантов этот день не затронули [5]. Но есть и менее явные формы проявления забвения. К примеру, демонстрируя интервью Влада Коржова, ответственного за звук в детском лагере, авторы подписывают ему в скобках немецкую фамилию Гаммершмидт, видимо, желая подчеркнуть его немецкие корни. Однако сам Влад, говоря о своей работе, не соотносит себя с немецким народом. «У немцев, у них, все так по-семейному» – говорит он, рассказывая о жизни в Soomecamp.

Авторы фильма и на премьере, и в интервью говорили о своем стремлении сохранить, передать память, помочь молодым российским немцам избавиться от забвения. Картина вышла не так давно, но на сегодняшний день ее можно назвать важной частью сформировавшегося за последние годы «виртуального мемориального комплекса томских немцев». В этот комплекс также входит выпущенная в 2021 г. немецкая версия фильма, порталы «Открой ссылку» [6] и «Немецкий Томск» [7]. Во всех случаях авторами также выступили активисты автономии немцев г. Томска, а реализация осуществлялась при поддержке Международного союза немецкой культуры.

Можно сказать одно – российские немцы г. Томска смогли сконструировать новое место памяти, которое к тому же позволяет отойти от травмы, обратившись к более важной проблеме – восстановления и сохранения разрушенной из-за травмирующих событий межпоколенной связи и идентичности. А восстанавливать их, как можно понять, необходимо не только за счет трагедии, но и за счет радости и гордости. Жизнь продолжается, культура остается, действуют общественные, культурные, образовательные и научные институты, цель которых – поддерживать и развивать коллективную память и идентичность.

Список источников

1. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкин. М. : Новое изд-во, 2007. 346 с.
2. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1999. С. 17–50.

3. Кирилов В.М. Депортация, трудовая мобилизация и спецпоселение немцев СССР // Ежегодник международной ассоциации исследователей российских немцев. 2015. № 1. С. 296–309.

4. Немецкая фамилия. Российские немцы о России, Семье и Свободе. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=K3Hke0BSFgc&t=2132s> (дата обращения: 07.01.2020).

5. День Памяти и Скорби российских немцев прошел в Томске // Официальный сайт Российско-немецкого дома. URL: <https://www.tomdeutsche.ru/news/den-pamyati-i-skorbi-rossijskih-nemcev-proshel-v-tomske/> (дата обращения: 03.12.2019).

6. Открой ссылку. К 80-летию депортации немцев Поволжья в Сибирь. URL: <https://deportation.space/> (дата обращения: 21.07.2023).

7. Немецкий Томск. Истории, люди, места. URL: <https://germantomsk.ru/> (дата обращения: 21.07.2023).

УДК 327:070(430)"19/20"

В.Д. Коломникова

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

КОЛЕНОПРЕКЛОНЕНИЕ ВИЛЛИ БРАНДТА В ОТРАЖЕНИИ ПЕЧАТНЫХ ЗАПАДНОГЕРМАНСКИХ ИЗДАНИЙ В 70-е гг. XX в. И 20-е гг. XXI в.

Аннотация. *Рассматривается репрезентация коленопреклонения Вилли Брандта в печатных немецких изданиях, а также общественное отношение к данному событию. Изучение опыта Германии в преодолении ее национал-социалистского прошлого, особенно в контексте «новой восточной политики», позволяет сделать ценные выводы для постсоветских стран и других государств, стремящихся преодолеть моральный, политический и экономический упадок. На основе печатных источников анализируется эволюция общественного восприятия коленопреклонения Вилли Брандта в Варшавском гетто, подчеркивается трансформация немецкого общества, а также признание вины и важность примирения с Польшей.*

Ключевые слова: коленопреклонение, преодоление национал-социалистского прошлого, Вилли Брандт, ФРГ и ПНР

Актуальность исследования заключается в применимости немецкого опыта преодоления тоталитарного прошлого к странам, пережившим и переживающим авторитарные режимы правления. Сейчас,

спустя более 70 лет, Германия является одной из самых развитых стран, с мощным производством, устойчивыми демократическими органами и гражданским обществом. Изучение ее опыта преодоления национал-социалистского прошлого позволит многим государствам (в том числе и странам постсоветского пространства) перешагнуть моральный, политический и экономический упадок и перейти к новой, демократичной ступени существования.

Целью работы является выявление изменений общественного мнения немцев к данному событию. В качестве методов в данном исследовании были использованы контент-анализ, а также сравнительный анализ (анализ литературных источников по теме исследования, сопоставление точек зрения по проблеме).

Источниками для данного исследования послужили печатные западногерманские и немецкие издания, такие как *Der Spiegel* (1970, 2020), *Deutsche Welle* (2020), *Süddeutsche Zeitung* (1970), а также мемуары федерального канцлера Вилли Брандта. В работе был использован аналитический материал Алленсбахского института демоскопии (*Allensbacher Institut für Demoskopie* (1970)).

В 1969 г. федеральным канцлером становится Вилли Брандт, возглавляющий коалиционное правительство СДПГ–СвДП. Девизом его программы стали «Преемственность и обновление». В заявлении правительства 28 октября 1969 г. было подчеркнуто намерение, не отказываясь от достигнутого, осуществить глубокие реформы. Олицетворением такого поворота в политике становится новый канцлер, убежденный социал-демократ и противник нацизма.

Новая восточная политика стала проявлением обновления политики. Новой восточной политикой («*Neue Ostpolitik*») принято называть политику руководства ФРГ, направленную на сближение со странами Восточной Европы и СССР. Первым шагом в осуществлении новой восточной политики стал отказ от доктрины Хальштейна, которая предусматривала разрыв дипломатических отношений ФРГ с любым государством, признавшим ГДР. Доктрина имела своей целью изоляцию восточногерманского государства, так как единственным «верным» и настоящим немецким государством считалась ФРГ [1. С. 444]. Данная доктрина была сформулирована в период канцлерства Конрада Аденауэра, когда правительство большее внимание уделяла

атлантической солидарности и сотрудничеству в Европе, нежели преодолению прошлого и восстановлению справедливости.

У новой восточной политики было два основных направления отношений: между двумя Германиями и между ФРГ и другими государствами. Наибольший интерес в рамках политики преодоления прошлого для нас представляют взаимоотношения ФРГ и Польши, поскольку Польша являлась стороной, пострадавшей от действий национал-социалистов (в ходе Второй мировой войны в Польше были убиты 6 млн жителей, половина из которых – польские евреи. До 200 тыс. человек погибли только в ходе подавления в 1944 г. Варшавского восстания, а сама столица страны была практически стерта с лица земли; Польша лишилась 1/5 своего населения; 6 лагерей смерти находились на территории Польши, в том числе Освенцим и Собибор). Политика в восточном направлении требовала признания всех преступлений национал-социалистов, а также возмещения ущерба. Важнейшим документом в установлении германо-польских отношений на тот период стал Варшавский договор [2]. Договор между Федеративной Республикой Германией и Польской Народной Республикой об основах нормализации их взаимоотношений (Варшавский договор. 1970) устанавливает линию Одер – Нейсе как западную границу Польши и подтверждает ее неприкосновенность, предусматривает соблюдение принципов Устава ООН, а также признает разрешение конфликтов только мирными средствами без угрозы насилия.

В ФРГ Брандт подвергся жесткой критике оппозиционным консервативным блоком ХДС/ХСС, охарактеризовавшим его политику как предательство национальных интересов, поскольку Западная Германия по итогам данного договора отказывалась от части «своих» территорий, утерянных в ходе войны.

С подписанием Варшавского договора через 25 лет после окончания Второй мировой войны был сделан первый шаг к нормализации отношений между Федеративной Республикой Германией и Польшей.

В ходе пребывания немецкой делегации в Польше произошло событие, разделившее немецкую политику преодоления прошлого на до и после, – коленопреклонение Вилли Брандта в Варшаве, жест скорби и покаяния федерального канцлера по отношению к жертвам восстания в Варшавском гетто. Перед подписанием Варшавского договора

делегации посетили памятник жертвам восстания в гетто, где Брандт возложил венок и встал на колени. В своих мемуарах он написал: «Я привез в Варшаву необычный груз. Нигде народ, люди не вынесли столько страданий, как в Польше. Механизированное уничтожение польского еврейства явилось вершиной кровожадности, которую трудно себе представить... Перед пропастью немецкой истории и под тяжестью памяти о миллионах убитых я сделал то, что делают люди, когда им не хватает слов» [3].

Посредством блиц-опроса Алленсбахского института демоскопии были опрошены пятьсот граждан ФРГ, которые отражали волю 46 млн человек старше 16 лет [4]. Во-первых, необходимо отметить, что по результатам исследования 80% населения видели фотографию коленопреклонения либо ее демонстрацию по телевидению. Во-вторых, 41% опрошенных счел данный жест уместным, а 48% – чрезмерным. Необходимо также отметить, что большинство опрошенных до 30 лет и после 60 сочли действие уместным, а возрастная группа от 30 до 59 – чрезмерным. В качестве основания для оценки действия немцы выдвигали следующие факторы: вина немецкого народа, религиозные чувства (католики и протестанты), изменение польской границы и страдания еврейского народа.

Исследование Алленсбахского института демоскопии было проведено по запросу журнала *Der Spiegel* (1970) [5]. Сам журнал тяготеет к одобрению жеста федерального канцлера. В тексте статьи фигурируют такие выражения, как «соотечественники Гимmlера и Гейдриха», «большинство пытается извлечь уроки из прошлого», «полуголодный еврейский ребенок, поднимающий руки перед эсэсовцем», «эсэсовцы с огнеметами». Шпигель будто стремится показать, что ни религиозные, ни политические, ни исторические причины и разногласия не могут быть поводом для отрицания уместности коленопреклонения Брандта, для отрицания вины. Согласно результатам опроса *Der Spiegel*, единственное абсолютное большинство мнений было достигнуто в возрастной группе от 30 до 59 лет – 54% опрошенных сочли действие Брандта чрезмерным. Взгляды немцев до 30 и старше 60 лет практически совпадают с точностью до одного процента – 46 и 47% соответственно сочли коленопреклонение уместным: «Мудрость старости, так же как и беспристрастие

юности, может пробудить понимание жеста столь же необычного, как и событие, к которому он был приурочен».

Коленопреклонение было описано и в газете *Süddeutsche Zeitung* главным репортером Гансом Ульрихом Кемпски. В его репортаже всего несколько строк. Сначала он описывает, как Брандт, в честь павших за свободу Польши борцов, начинает день (7 декабря) с возложения венка к могиле Неизвестного солдата. «Второй венок будет возложен Брандтом чуть позже перед мемориалом в бывшем гетто. Сделать это было явным желанием федерального канцлера. Гид, пытающийся объяснить ему, какие страдания пришлось перенести здесь польским евреям, не заканчивает свою лекцию. Он замолкает, когда видит, как канцлер, охваченный нахлынувшими чувствами, опускается на колени. Брандту требуются секунды, которые свидетелям кажутся бесконечными, пока он снова не встанет. Похоже, ему нужны все силы, чтобы сдержать слезы» [6]. Кемпски также дает широкое описание переговорному процессу между немецкой и польской делегацией, особое внимание уделяя условиям Варшавского договора.

Для понимания того, как изменилось представление о коленопреклонении Вилли Брандта, необходимо разобрать репрезентацию данного события в современных немецких изданиях.

Deutsche Welle в 2020 г. выпустила статью, посвященную пятидесятилетию коленопреклонения. В статье авторы (Петер Хилле, Розалия Романик, Ральф Бозен) делают упор на «мученическом» образе Брандта. Они используют такие обороты, как «он написал историю за полминуты», «евреи, сражавшиеся с отчаянным мужеством с немецкими мучителями», сравнивая поступок канцлера с христианскими мотивами [7]. Брандт в их описании демонстрирует готовность искупить немецкую вину, сделать первый шаг к примирению. Стоит отметить, что издание периодически выпускает статьи, интервью и заметки о событии и в память о нем.

В год пятидесятилетия события «Шпигель» выпустил статью с названием «Коленопреклонение перед историей». В ней автор (Майкл Зонтхаймер) нарек поступок федерального канцлера величественным жестом [8]. В репрезентации журнала именно коленопреклонение является важной вехой в примирении Польши и Германии, а также предпосылкой объединения Германии (так как является точкой отсчета новой

восточной политики). «Шпигель» стремится показать обе стороны медали, поэтому предпринимает попытку описать происходящее глазами немцев: «тем не менее это абсурдная сцена: немецкий антифашист, бежавший от нацистов в эмиграцию и поэтому подвергшийся нападкам со стороны правых как “изменник отечества”, признает вину Германии и выражает скорбь». В ответ на эти обвинения в статье обрисовываются действия СДПГ и Брандта, направленные на улучшение ситуации между двумя странами, а также в восточной политике.

Таким образом, мы видим, что репрезентация коленопреклонения федерального канцлера в Варшавском гетто практически не изменилась, изменилось само отношение немцев к данному событию. Печатные издания семидесятых годов и двадцатых годов практически одинаково дают описание поступку Брандта: с уважением, с признанием немецкой вины. В прошлом веке мы наблюдаем наличие противоречивости в СМИ касательно этого события (вопрос: уместно или чрезмерно). В современных изданиях, как и в общественном немецком мнении, подобного вопроса не возникает. По итогам исследования мы можем выделить следующие изменения: произошла демократизация немецкого общества, реваншистские настроения были устранены, повсеместно была принята вина за преступления против человечества большинством населения.

Список источников

1. История Германии : учеб. пособие : в 3 т. / под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. Т. 2: От создания Германской империи до начала XXI века / А.М. Бетмакаев, Т.А. Бяликова, Ю.В. Галактионов [и др.]; отв. ред. Ю.В. Галактионов. М. : КДУ, 2008. 672 с.
2. Warschau am 7. Dezember 1970 – ein Kniefall und ein Vertrag, Auswärtiges Amt Politisches Archiv.
3. Брандт В. Воспоминания : [пер. с нем.]. М. : Новости, 1991. 528 с.
4. Allensbacher Institut für Demoskopie. URL: <https://www.spiegel.de/politik/kniefall-angemessen-oder-uebertrieben-a-861df9eb-0002-0001-0000-000043822427?context=issue> (Datum der Bewerbung: 15.02.2023).
5. Ein Stück Heimkehr, DER SPIEGEL. URL: <https://www.spiegel.de/politik/einstueck-heimkehr-a-16a2e47a-0002-0001-0000-000043822428?context=issue> (Datum der Bewerbung: 15.02.2023).
6. Vertrauen wagen, Demut wagen, Demokratie wagen, Süddeutsche Zeitung. URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/prantls-blick-kniefall-willy-brandt-1.5139012> (Datum der Bewerbung: 15.02.2023).

7. 50 Jahre Kniefall von Warschau: Willy Brandts große Geste, Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.com/de/50-jahre-kniefall-von-warschau-willy-brandts-gro%C3%9Fe-geste/a-55811367> (Datum der Bewerbung: 15.02.2023).

8. Kniefall von der Geschichte, Spiegel. URL: <https://www.spiegel.de/geschichte/willy-brandt-in-warschau-a-946886.html> (Datum der Bewerbung: 15.02.2023).

УДК 930.85(410)"19"

Д.С. Корнилова

*Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия*

ВИКТОРИАНСТВО В ПРИЦЕЛЕ БЛУМСБЕРИЙЦЕВ: БРИТАНСКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в. И ЭПОХА КОРОЛЕВЫ ВИКТОРИИ

Аннотация. *Рассматривается восприятие викторианской эпохи кружком Блумсбери и дальнейшее влияние их взглядов на формирование отношения к эпохе королевы Виктории, новой точки зрения, отражающей проблемы морали и свободы творчества, образов людей из этой эпохи. В том числе продвижение концепции фрейдизма, демонстрация произведений импрессионизма.*

Ключевые слова: кружок Блумсбери, эпоха королевы Виктории, фрейдизм, Вирджиния Вулф, Литтон Стрейчи

Викторианская эпоха является одной из самых противоречивых и потому хорошо изученных в истории Великобритании. Тем не менее в академической среде существует мало исследований по истории тех, кто данный вопрос так или иначе уже исследовал. К примеру, в российской научной среде есть всего лишь несколько исследований, посвященных кружку Блумсбери, который существовал в первой трети XX в. и прославился благодаря критическому отношению к викторианству. О том, как формировались взгляды членов кружка и что на них повлияло, как взгляды блумсберийцев пережили возрождение в 1960-х гг., исследований в отечественной науке нет.

Цель исследования – выявить факторы, которые влияли на становление взглядов кружка Блумсбери и их последователей на викторианскую эпоху.

Кружок Блумсбери – это элитарная группа английских интеллектуалов, писателей и художников, выпускников Кембриджа, у которых были различные дружеские, семейные и творческие, вероятно, не самые простые, отношения.

Ядро группы в 1905–1906 гг. регулярно собирается в доме семьи Стивенсов на Гордон-сквер в лондонском районе Блумсбери. В кружок входили писатели-модернисты В. Вулф (дочь Л. Стивена), ее подруга В. Сэквилл-Уэст, Л. Стрейчи, Э.М. Форстер, Д. Гарнетт, художники Д. Каррингтон и Д. Грант, историки искусства К. Белл и Р. Фрай, экономист Д. Мейнард Кейнс, ориенталист А. Уэйли, философ и математик Б. Рассел и др. [1].

Основой этики и эстетики блумсберийцев послужило учение преподавателя Кембриджского университета, английского философа Д.Э. Мура (1873–1958), изложенное в работе «Принципы этики» (1903): он отождествляет этическое и эстетическое [2. С. 89]. Взгляды блумсберийцев, кроме философской концепции гедонизма, были основаны на принципах художественного поиска, независимости в искусстве и в жизни [3]. Благодаря изучению иных творческих направлений блумсберийцами, лондонцы знакомились с новыми направлениями в искусстве. К примеру, Б.Р. Фрай устроил первую в Лондоне выставку постимпрессионистов в 1910 г. Ванесса Белл писала об этом событии: «К Блумсбери уважительно отнеслись и признали благодаря выставке. Я не могу перестать думать, что в нас есть что-то возвышенное» [4. Р. 4].

В 1913 г. Роджер Фрай создает дизайн-ателье «Omega Workshops», чтобы обеспечить художников новым источником регулярного дохода и принести эстетически приятные предметы в английский дом. У Клайва Белла в 1914 г. исключительно успешной стала книга «Искусство», которая была в значительной степени основана на идеях Фрая. Еще одной значительной работой, прославившей кружок, стали «Именитые викторианцы» Литтона Стрейчи, которые стали наиболее ярким примером отношения блумсберийцев к викторианству. Например, в своей работе [5] он описывал Г. Мэннинга, служителя церкви, перешедшего в католицизм и ставшего первым за несколько веков кардиналом в Британии. Главное, чему уделяет внимание Стрейчи, – психологический портрет и отсутствие идеализации людей. Во многом на Мэннинга повлияла именно семья и ее религиозность: мать ставила

сына на колени за слова неправды и просила молить господу о прощении, а отец писал письма в университете и заставлял задумываться о жизни и праведности. Но это только на первый взгляд. В конечном итоге Мэннинг для него – просто карьерист. Флоренс Найтингейл – человек, сублимирующий сексуальную энергию в занятие благотворительностью. Поэтому автор и уделяет именно таким, казалось, незначительным историям в описании жизни большое внимание, чтобы дойти до сути душевной, а не образа. Это развенчивает миф о «непогрешимых» викторианцах.

Желая свободы в творчестве, блумсберийцы были против манерности викторианской морали и реакционного истеблишмента, полагая, что викторианство сковывало свободу, в том числе свободу творчества. «Вы думаете, что предубеждение заставляет нас ненавидеть викторианцев? Они кажутся мне скопищем грязи и лицемерия, но, возможно, на самом деле, в них существует очарование барокко, которое будет обнаружено нашими праправнуками, как мы обнаружили очарование Джона Донна, который казался невыносимым в XVIII в. Только я не верю в это... Я хотел бы жить еще 200 лет» [4], – писал Литтон Стрейчи.

Критика блумсберийцев была связана и с ограничением женских прав в Викторианскую эпоху. Так, М.Ю. Лукинова отмечает интерес В. Вулф к феминизму и частичное проявление в ее творчестве феминистской повестки и взглядов [2]. Об этом же в работе «В. Вулф. Творчество и психоанализ» (1989) размышляет Э. Абель, с помощью концепции фрейдизма отмечая анализ Вирджинией Вулф женщин викторианской эпохи и в их числе самой себя [2. С. 91]. Викторианская эпоха использовала концепцию семейности и сохранения за женщиной традиционных ролей, оттого проявление феминистских взглядов Вирджинией, а также переписка Вулф и Виты Сэквилл-Уэст, в которой можно было усмотреть намеки на их взаимоотношения, создавали противоречие концепциям той эпохи.

К 1940-м гг. деятельность кружка стала сходиться на нет. «В 1930-х и 1940-х их нападки на патриотические чувства и милитаризм вместе с Империей стали вызывать сожаления о потере кружком Блумсбери лояльности власти и даже оказались основой для ухода из кружка, как считали пишущие жалобы, таких людей, как Бургесс, МакЛинн и Филби» [6], – отмечает Гудвин Гредсон.

Второй волной повышения интереса к викторианской эпохе в британском обществе считают 1960–1970-е гг. Тогда же и возродился интерес к кружку Блумсбери и их статьям как связанным с викторианством, ведь они жили в то время и видели эту эпоху изнутри. Гудвин отмечает, что взлет интереса к кружку блумсберийцев произошел после того, как их личные переписки, дневники и биографии были опубликованы, а люди открыли для себя новых авторов, чьи автобиографические сведения и заметки, произведения могли использовать в своих научных исследованиях о викторианской эпохе. Более того, сама жизнь кружка Блумсбери, которая явно не соответствовала представлениям викторианцев о правильной, тоже вызывала интерес, ведь родившиеся и выросшие в ту эпоху личности явно ее ценности не принимали.

Современные исследователи отмечают, что заявление о категорическом неприятии викторианства блумсберийцами будет упрощением их взглядов. Так, по мнению Б.М. Проскурнина, следует признать «более органическую, чем традиционно принято считать, связь творчества Вулф и викторианской литературы» [7]. Стоит согласиться, что литературная критика Вулф об Дж. Остен, Ш. Бронте, Дж. Элиот, Э.Б. Браунинг и других есть не что иное, как попытка сопоставить свой и их конфликтный с той эпохой опыт, отыскать некую свою точку опоры. Другими словами, критика викторианства вполне может являться реакцией на личный травмирующий опыт и не задевать эпоху полностью, а только конкретные явления.

Итак, блумсберийцы родились и выросли в эпоху правления королевы Виктории. Стивенсоны, Вулф, Гарольд и остальные личности прекрасно понимали систему викторианской морали, а это накладывало определенный отпечаток на их деятельность. Свобода самовыражения и творчества становится приоритетом для представителей кружка. Они как люди той эпохи, видевшие ее недостатки, критикуют ее и оставляют после себя множество различных сведений, в том числе и высказываний негативного ключа.

Таким образом, в кружке Блумсбери возникают две тенденции: желание свободы в творчестве и пацифистское восприятие мира, в котором никто не должен вмешиваться в дела другой страны военным путем. В этом смысле обращение к антиимперской и антивикторианской

риторике стало основой нового витка исследований, посвященных жизни и деятельности членов кружка Блумсбери.

Список источников

1. Архив Тейт. URL: <https://web.archive.org/web/20070206094114/http://www.tate.org.uk/archive/journeys/bloomsburyhtml/> (дата обращения: 15.02.2023).
2. Лукинова М.Ю. Группа Блумсбери: к постановке проблемы // Вопросы русской литературы. 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gruppa-blumsberi-k-postanovke-problemy> (дата обращения: 15.02.2023).
3. Группа Блумсбери. URL: <https://web.archive.org/web/20070219181407/http://therem.net/bloom.htm> (дата обращения: 15.02.2023).
4. Douglass W., Orr M.D. Psychoanalysis and the Bloomsbury Group. Clemson University, 2004. 40 p.
5. Strachey L. Eminent Victorians. London : Chatto and Windus, 1929.
6. Craufurd D.G. The Bloomsbury Group as Creative Community (Prepared for Conference at Hitotsubashi University, Tokyo, December 11–12, 2006). Duke University, 2006.
7. Проскурин Б.М. Романное в нероманном: книга Литтона Стрейчи «Имениные викторианцы» // Мировая литература в контексте культуры. 2020. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/romannoe-v-neromannom-kniga-littona-streychi-imenitnye-viktoriantsy> (дата обращения: 15.02.2023).

УДК 929(470):791.227"1918/1953"

Д.А. Македонов

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА Л.Д. ТРОЦКОГО В СОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ ПЕРИОДА 1918–1953 гг.

Аннотация. *Представлены краткий обзор фильмов, посвященных революционной деятельности большевиков, снятых в период с 1918 по 1953 г., а также анализ репрезентации образа Л.Д. Троцкого в фильмах этого же периода. Цель доклада заключается в раскрытии степени влияния политики государства на массовый кинематограф.*

Ключевые слова: исторический образ, историческая память, кинематограф, репрезентация, личность, Троцкий, Сталин

В настоящее время вопросы, касающиеся репрезентации исторической личности в кино, остаются предметом дискуссий и споров не только среди историков, но и среди политиков. Лучшим способом демонстрации тех или иных исторических образов был и остается такой массовый вид искусства, как кино, особенно в связи с потребностью переосмысления этих образов в обществе. Становится актуальным вопрос о репрезентации спорных, но в прошлом влиятельных исторических личностей, когда кинематограф стремительно развивался и становился, согласно словам, приписываемым В.И. Ленину, «важнейшим из искусств». Действительно ли образ тех или иных исторических личностей может рассказать исследователю о настроениях, царивших в правительстве и обществе в тот или иной промежуток времени?

Целью данного исследования является анализ причин, по которым такая спорная и влиятельная личность, как Л.Д. Троцкий отображается в кинематографе разных периодов по-разному. Следует отметить, что исследование основано не только на общенаучных, но и на специальных исторических и культурологических методах, включает в себя анализ киноязыка, поэтому в нем используется семиотический метод для изучения языка и знаковых систем в кинофильмах. Такие методы, как историко-генетический и историко-сравнительный, позволяют более детально выявить особенности репрезентации образа Л.Д. Троцкого в кино на протяжении рассматриваемого исторического периода.

Изученность кинематографа, как отображения политики государства по отношению к спорным личностям, является неполной на данной момент, так как работ, посвященных репрезентации спорных личностей в кино, не так много. Большая часть исследователей, например Н.В. Чернова [1], В.А. Слесарчук [2], акцентируют внимание на анализе крупных исторических личностей, оставшихся в памяти народов, таких как Гитлер или Сталин. Кино как объект изучения является частью исторической памяти народов о тех или иных людях или событиях, поэтому исследователи нередко исследуют кино, рассматривают его как исторический источник. В целом кинематограф как носитель исторической памяти изучен подробно такими авторами, как И.В. Грибан, А.В. Неволин, Е.В. Волков, Е.В. Пономарева. Тем не менее глубоких исследований о кинематографе, как зеркале идеологии страны, отображающих политические установки правительства, не так много.

Переходя непосредственно к исследованию, следует выделить в кинематографе два основных хронологических периода: 1918–1928 гг. и 1928–1953 гг. Так, первый отрезок времени включает такие события, как Гражданская война, смерть В.И. Ленина, после которой началась борьба за власть в СССР.

Во время революции и затем в ходе Гражданской войны финансирования для съемок фильмов не хватало, равно как не было и пленки. В основном фильмы выходили в ограниченный, скромный прокат по 3–5 копий.

В основе своей фильмы были короткометражными, как правило документальными, больших художественных фильмов не выходило вообще. Поэтому дебютный фильм Дзиги Ветрова «Годовщина Революции», вышедший в ноябре 1918 г. [3], является наиболее крупным кинопроизведением, созданным в годы Гражданской войны, и, более того, самым тиражируемым фильмом того периода – был разослан по 40 кинотеатрам (в некоторых источниках 50) [4. С. 129].

Фильм представляет собой последовательное изложение событий октября 1917 г., а также последовавшие за ними боевые столкновения с «контрреволюцией». Фильм условно можно разделить на две части: первая часть рассказывает зрителю о подготовке, проведении и итогах революции; режиссер не обходит стороной и главных деятелей того периода – кадр за кадром Д. Ветров представляет нам активных участников событий октября. Ближе к середине, режиссер уделяет много времени представлению Ленина, прогуливающегося у стен Кремля. Вторая часть фильма посвящена главным образом событиям, происходящим на фронте в 1918 г. Здесь раскрывается образ Троцкого как выдающегося полководца. В течение всего оставшегося хронометража режиссер уделяет внимание именно Троцкому и его победам над силами белых. Более того, Троцкий показан как агитатор, приободряющий солдат с платформы своего знаменитого паровоза. Таким образом, видно, насколько популярной личностью был Троцкий, председатель Реввоенсовета Советской России, – в первом своем фильме Ветров уделяет ему столько же времени, сколько отводит на все повествование о предшествующих событиях, в том числе и Ленину.

Следующие фильмы данного периода можно рассматривать как подвергнутые цензуре. Цензура коснулась не фильмов, а их

фрагментов, где раскрывался каким-либо образом Л.Д. Троцкий. Этими фильмами были, например, «Стачка» (1924) [5], «Октябрь» (1928) [6], «Необычайные приключения мистера Веста в стране большевиков» (1924) [7].

Так, из статьи Тихонова В.В. «Революция 1917 г. в коммеморативных практиках и исторической политике советской эпохи» можно узнать [8. С. 98], что в изначальных вариантах представленных картин присутствовал Троцкий либо как действующее лицо (агитатор в «Стачке» и «Октябре»), либо как часть нарратива фильма (вставка с речью Троцкого в «Необычайных приключениях мистера Веста в стране большевиков»). Однако в последствии эти фрагменты были изъяты и, вероятно, уничтожены, потому как до сих пор эти эпизоды найдены не были. Эпизоды с Троцким подверглись цензуре по причине изменений в политике СССР и надвигающейся смены руководства: Сталин – главный противник Троцкого – уже укреплял свои позиции в правительстве.

Таким образом, фильмы 1920-х гг., где раскрывался образ Троцкого как видного революционера и агитатора, пошли «под ножницы» и неправильные с точки зрения нового политического курса фрагменты были вскоре изъяты.

Вторым рассматриваемым периодом является сталинская эпоха в СССР 1928–1953 гг. Наиболее примечательны фильмы о событиях Гражданской войны, такие как «Разгром Юденича» режиссера Павла Петрова-Бытова (1940) [9], «Александр Пархоменко» Леонида Лукова (1942) [10] и «Оборона Царицына» братьев Васильевых (1942). Персонажа Троцкого в них нет, однако его имя упоминается, но теперь звучит как имя некоего «скрытого злодея», который стремится подорвать обороноспособность СССР изнутри. В этих картинах упоминается и даже иногда присутствует в кадре и И.В. Сталин, которого представляют как антипода Троцкого, уже как «верховного покровителя» всех нуждающихся. Сталин как бы в закулисы происходящих на экране событий противостоит Троцкому-«вредителю».

В последующие, уже послевоенные годы, фильмов о прошедшей Великой Отечественной войне практически не появлялось – из популярных представителей исключение составляет разве что «Молодая гвардия» Сергея Герасимова или «Сталинградская битва» Владимира Петрова. В большей части фильмов, таких как «Незабываемый 1919»

[11] Михаила Чиаурели или «Вихри враждебные» Михаила Калатозова, обращались к предшествующим событиям правления Сталина и акцентировали свое внимание именно на личности вождя или его приближенных. Образ же Л.Д. Троцкого стерт из повествования: о нем нет упоминаний в сценарии, его фамилию не произносят персонажи, они не ссылаются на него. Однако примечателен другой факт: его личные успехи и заслуги начинают присваиваться Сталину.

Интерес представляет пример с бронепоездом, на котором Троцкий разъезжал по фронтам Гражданской войны. В сценах фильма «Незабываемый 1919» на бронепоезде едет спасать Революцию и фронт не председатель Реввоенсовета, а И.В. Сталин, занимавший на тот момент пост наркома по делам национальностей. Наиболее заметен вымысел с поездкой Сталина в Петроград, где он «должен был навести порядки» по поручению В.И. Ленина. В реальности Сталин не принимал участия в обороне Петрограда – город оборонял Троцкий, положительные черты которого были присвоены вождю народов.

Таким образом, согласно проведенному анализу кинематографа периода от Гражданской войны до свертывания нэпа и от начала форсированной индустриализации до смерти Сталина, можно сделать вывод о том, что миф об исторической личности во многом формируется для поддержания существующей в стране политической линии партии. На примере Л.Д. Троцкого – «скрытого от глаз врага и шпиона» – можно проследить тенденцию изменения образа политического оппонента правителя, в данном случае Сталина. Происходит инверсия образа от видного революционера и создателя советской армии до скрытого врага и предателя. Видно, насколько политическая линия правителя проникает в нарратив фильма, меняет его под себя, создавая себе некий выгодный имидж. Образ таких спорных личностей, как Троцкий, был и будет оставаться дискуссионным: он не являлся ярко выраженным противником государства, потому что был оппонентом одного конкретного деятеля – Сталина. Это заочная борьба продолжалась в искусстве, а имя Троцкого постепенно вытеснялось из массового кинематографа, чтобы продемонстрировать достижения и полную победу одного деятеля – И.В. Сталина.

Список источников

1. Чернова Н.В. Полководческий образ Сталина периода гражданской войны в трактовке советского художественного кинематографа второй половины 1930-х – начала 1950-х годов. Магнитогорск, 2007. 289 с.
2. Слесарчук В.А. Л.Д. Троцкий и репрезентация его образа в художественном кинематографе СССР // Бюллетень научных студенческих обществ нижегородского государственного университета им Н.И. Лобачевского. 2018. № 9. С. 33–37.
3. Годовщина революции: [художественный фильм] / режиссер-постановщик Д. Ветров. М. : КАРО. Арт, 2018 (год издания на DVD).
4. Листов В.С. Первый фильм Дзиги Вертова // Прометей. Историко-биографический альманах. М., 1969. Т. 7. С. 127–136.
5. Стачка: [художественный фильм] / режиссер-постановщик С. Эйзенштейн. М. : Новый Диск, 2010 (год издания на DVD).
6. Октябрь: [художественный фильм] / режиссер-постановщик С. Эйзенштейн. М. : Союз-Видео, 2006 (год издания на DVD).
7. Необычайные приключения мистера Веста в стране большевиков: [художественный фильм] / режиссер-постановщик Л. Кулешов. М. : ГОСКИНО, 1924.
8. Тихонов В.В. Революция 1917 года в коммеморативных практиках и исторической политике советской эпохи // Российская история. 2017. № 2. С. 92–112.
9. Разгром Юденича: [художественный фильм] / режиссер-постановщик Павел Петров-Бытов. М. : Ленфильм, 1940.
10. Александр Пархоменко: [художественный фильм] / режиссер-постановщик Леонид Луков. М. : Союз-Видео, 2005 (год издания на DVD).
11. Незабываемый 1919: [художественный фильм] / режиссер-постановщик Михаил Чиаурели. М. : Мосфильм, 1951.

УДК 930.1

А.Г. Мананникова

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

«НЕПРЕРЫВНАЯ ЧЕРЕДА ТЕПЕРЬ»: ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ВРЕМЕНИ М. ХАЙДЕГГЕРА КАК ОСНОВА РАБОТЫ С ПОНЯТИЕМ «ПАМЯТЬ»¹

Аннотация. *Статья посвящена анализу вклада Мартина Хайдеггера в дискуссию о специфике работы с понятиями «время» и «память» в*

---

¹ Исследование выполнено в рамках проекта № 2.3.7.22 ОНГ программы ТГУ «Приоритет 2030» «Темпоральные дискурсы современности и проективные реальности будущего в перспективе трансдисциплинарного знания».

исторической науке. Рассмотрены трактовки природы времени, предложенные философом, специфика из отражения в историческом рассказе. Проведены линии преемственности между феноменологией времени Мартина Хайдеггера с последующими авторами. Это позволяет обогатить понимание исследуемой проблемы, а именно помогает осмыслить время, с одной стороны, как темпоральный горизонт человека, внутри которого достигается понимание бытия, с другой – как антропоцентричный по своей природе феномен.

Ключевые слова: феноменология времени, память, антропологический поворот, историческое время, Dasein

Изучение истории помогает осознать наш временной опыт, понять смысл настоящего и перспективы будущего, поэтому размышления о времени и темпоральности занимают важное место в эпистемологических изысканиях исторической науки. В работе историка настоящее и прошлое время смешано в неравной пропорции: сам исследователь не является свидетелем эпохи, но обладает знанием о том, что случилось позже, и имеет обобщенные данные о периоде, которых были лишены сами акторы. При работе с историческим временем историк интуитивно использует сложившиеся в его культуре образы, однако иногда этих образов оказывается недостаточно, чтобы понять прошлое и описать его таким, каким его видели современники, поэтому в историографии поднимается вопрос о том, как время встраивается в исторический рассказ.

Ответ на этот вопрос предлагает философия бытия Мартина Хайдеггера (1889–1976), которая фактически определила направление движения европейской философии XX в., оказав влияние и на другие поля гуманитарного знания. Вклад М. Хайдеггера в разработку проблемы соотношения исторического опыта и времени отличается высоким эвристическим потенциалом, привлекающим внимание все новых поколений исследователей.

Проблема представленного исследования состоит в раскрытии потенциала концепции времени Мартина Хайдеггера, как одного из направлений феноменологии времени, и возможности использования ее как инструмента работы с материалами исторической памяти.

По словам С.В. Соловьёвой, «Хайдеггер производит фундаментальный переворот в философии истории, так как не помещает человека в универсум истории, но наделяет само его существование историчностью» [1. С. 107].

Идеи Хайдеггера изменили и подход к феномену памяти. Хотя сам он с этим понятием практически не работает, своей феноменологией он закладывает основу для дальнейших исследований.

Каким образом он выводит последующих авторов на изучение памяти? Рассматривая концепцию бытия, Хайдеггер уделяет особое внимание вопросу о времени. Он предлагает отказаться от связки времени с пространством, которая, по его мнению, привела А. Бергсона к неверным выводам о сущности времени. При этом время рассматривается как совокупность моментов «теперь», каждое из которых само по себе включает стороны «уже-не» и «еще-не». Модусы времени описываются Хайдеггером как «ожидание, удержание и настояние» [2. С. 342]: «потом» – то есть пребывание в ожидании, «тогда» – как удержание или забвение прошедшего, «теперь» – соотнесение себя с присутствующим в настоящем. Это разделение соответствует введенному Аристотелем, при этом, так же как в концепции Аристотеля, три измерения времени неразделимы и все отражают позицию настоящего, так как оно заключено и в ожидании, и в удержании. Но если ранее время, особенно время в истории, представлялось в виде реки, с постоянно меняющимся настоящим и отдаляющимся прошлым, то Хайдеггер описывает три модуса времени как связанные и взаимовлияющие, предлагая тем самым новый способ работы со временем. Также, несмотря на близость к идеям Аристотеля, Хайдеггер отмечает, что видение времени Аристотелем отражает позицию природного времени, сам же философ переводит его в плоскость мирового времени, как времени значимого и приуроченного. Значимость времени объясняется его связанностью с Dasein¹, то есть значимостью для человека, приуроченность – отношение каждого «теперь» к некоторому значимому событию. Еще одной существенной чертой времени Хайдеггер называет «публичность», то есть доступность «теперь» для любого «без ущерба для различия в приуроченности» [2. С. 349].

То есть время представляет собой устремленную в будущее последовательность «теперь», каждое из которых является переходом из

---

¹ Dasein («вот-бытие», «присутствие») используется в разговорном немецком в качестве обозначения «существования», «жизни». Хотя это понятие также встречается у Г. Гегеля, М. Хайдеггер уточнил его значение от «определенного бытия» до «способа вовлечения в мир и заботы о нем» при приоритете мира над человеком.

«уже-не» в «еще-не», образуя при этом непрерывную длительность. Нужно отметить, что эти моменты складываются не только в настоящее, память о прошедшем также состоит из череды сменяющихся «теперь». Если для Эдмунда Гуссерля перенос событий в область памяти означает их ослабление и постепенное исчезновение, то Хайдеггер, обращаясь к человеку с его субъективным миром, описывает область восприятия прошлого как значимую и живую.

Dasein, как это описывает философ, всегда связано с восприятием времени и вступает в отношения с разными его модусами. При этом отношения Dasein с будущим можно описать как ожидание «будущего наступающего» (zukünftig), а с прошлым как удерживание или забывание чего-либо. «Бывшее» Dasein напрямую связано с будущим, так как оно уже заложено в самом «вот-бытии» и определяет его дальнейшее существование. Для описания настоящего Dasein философ вводит понятия: настоящее (Gegenwart) в экзистенциальном смысле, присутствие (Anwesenheit) и наличие (Vorhandenheit) [3. С. 352].

Dasein постоянно соотносится с имеющимся в настоящем, при этом также затрагивая формирование горизонта будущего. Как мы видим, отделить три модуса времени друг от друга невозможно, эту слитность прошлого, будущего и настоящего Хайдеггер называет «временностью».

Бытие, по его мнению, осмысливается временем, оно не статично как представлялось ранее, а устремлено вперед, движется в будущее. На это же направлена присущая «вот-бытию» экзистенция, обнаруживание себя, побуждающая «вот-бытие» выходить за собственные пределы, стремиться к самореализации, проектированию себя во времени. Время для Хайдеггера представляется единым с бытием. То есть человек изначально временен.

Если раньше большинство историков придерживались идеи Гегеля о том, что именно время является носителем истины, и потому далекое прошлое или давняя история более значимы, чем память о недавних событиях, то Хайдеггер вводит в свою эпистемологию важность недавнего прошлого и его восприятия человеком. Для уточнения перехода между прошлым и настоящим философ вводит концепцию «бывшего», история при этом обозначается как «бывшествование» (Gewesenheit). Бывшее, понимающееся как сбывшееся, описывает историческую

действительность, еще открытую к изменениям и связанную с позицией человека в настоящем. Описывая прошлое, Хайдеггер указывает, что это не что-то просто отсутствующее в настоящем, а отсутствующее в его изначальном значении, но, возможно, присутствующее в качестве артефакта или следа бывшего Dasein. То есть любое прошлое можно рассмотреть с двух позиций: прошлое как другая действительность, по отношению к которой у нас есть свой, отличный от былого мир, и по отношению к которой мы можем занять какую-то внешнюю позицию, то есть как «прошедшее прошлое». С другой стороны, мы можем смотреть на прошлое как на «сбывшееся» событие, то есть как на произошедшие изменения, опыт бытия, влияющий на нас в настоящем.

Таким образом, Хайдеггер переводит время в человеческое измерение, ставит время в центр бытия, а человека в центр времени. Связь Хайдеггера с теологией приводит его к мысли о том, что время воспроизводится человеком в процессе его становления, то есть время – это структура, изначальна присущая человеку и невозможна без его участия. Это объясняет акцент на «бытие-к-смерти» и конечность, через которую субъект осознает временность. При этом сохраняется значимость прошлого и памяти о нем, которые во взгляде феноменолога не уходят на второй план, но становятся неотъемлемой частью настоящего, влияющей на горизонт будущего.

Относительно времени в истории Хайдеггер указывает на различимость прошлого и настоящего, что также привносит особый характер в понятие «историческое время»: прошлое всегда воспринимается как нечто отсутствующее и отличное от настоящего, однако имеет ценность только в связи с этим настоящим. Хайдеггер описывает Dasein как историчный феномен, а проблема времени рассматривается им в контексте антропологической философии. Исследователь творчества философа Ф.-В. Херрманн описал представления Хайдеггера о смешении бытия и времени следующей формулой: «спрашивать о бытии и времени, значит мыслить изначальное существо бытия из изначального существа времени и изначальное существо времени из изначального существа бытия» [4. С. 151]. Время в истории качественно, а не количественно. Если физика интересуется долготой прошедшего времени в ходе эксперимента, то историк акцентирует внимание на качественных характеристиках эпох, важности отдельных событий. Даже

современная хронология истории построена на отсчете времени от значимого события истории, которое и задает систему координат.

Хайдеггеру удалось в каком-то смысле преодолеть как «исторический объективизм», так и господствующую идею о субъективности истории. Рассматривая историческую науку, философ пришел к выводу, что постичь смысл истории в ее дисциплинарной форме невозможно, так как выделение истории как предметного поля предполагает внешнее положение к нему субъекта познания, в то время как человек всегда находится внутри этой области. История, по его мнению, осмысливается деятельностью человека, чему способствует также ее незавершенность. Историчность рассматривается философом как незамкнутое пространство, обращенное как к прошлому, так и к будущему.

История интересна философу, так как, по его мнению, человек не просто изучает или помнит ее, но самоосуществляется через исторический материал и память о недавнем прошлом, видит через него мир. Однако нужно отметить, что в своих размышлениях Хайдеггер уходит от истории к историчности, описывая первую как цепи событий, внешних по отношению к индивиду, а вторую – как результат принятия человеком истории как основы своего бытия, то есть активное взаимодействие с историей, выстраивание через нее своего бытийного горизонта. Здесь видно, как тесно представление об историчности связано с вопросом времени. Через историчность человек осознает свою конечность, выстраивает понимание «бытия к смерти», в котором увязываются прошлое и будущее.

Таким образом, через рассмотрение процесса восприятия бытия Хайдеггер приходит к пониманию субъективности человека как условия конструирования и восприятия бытия, а значит, и времени. Постепенно в центре всей его концепции вырастает воспринимающий субъект. И эта установка изменяет парадигму работы с понятием времени, которое начинает восприниматься как время жизни человека и общества. Хайдеггер ввел человеческое измерение времени, заложив опорный элемент дальнейших концепций русла феноменологии по работе с прошлым и памятью. Его выводы стали основой для идеи традиции социальной памяти Х.-Г. Гадамера и его герменевтического подхода, основанного на признании временной дистанции с прошлым и субъективности исследователя, идее о необходимости восприятия прошлого

как дистанцированной, но включенной в общий исторический горизонт реальности; самостоятельной, но сохраняющей актуальность [5]; концептуализации «пространства опыта» и «горизонта ожиданий» Р. Козеллека [6]; выведения в центр эпистемологии субъективной личности П. Рикёром, создания им регрессивно-прогрессивного метода, рассматривающего человека через три временных модуса, выстраивания концепции памяти и забвения как работы с прошлым, с одной стороны, и телеологичности личности, как направленности ее в будущее [7], с другой; идеи о темпоральных разрывах и мемориальной политике современности А. Ассман [8].

Благодаря совершенному Хайдеггером «антропоповороту» стало возможным появление концепций, основанных на идее «разрешенной» человеку субъективности по отношению ко времени и истории.

Список источников

1. Конев В.А. Критика способности быть: (Семинары по «Бытию и времени» Мартина Хайдеггера). Самара : Сам. ун-т, 2000. 274 с.
2. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб. : Высшая религиозно-философская школа, 2001. 456 с.
3. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск : Водолей, 1998. 383 с.
4. Херрманн Ф.-В. Понятие феноменологии у Хайдеггера и Гуссерля. Минск : Изд-во ЕГУ ЗАО «Пропилеи», 2000. 192 с.
5. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988. 704 с.
6. Козеллек Р. «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» – две исторические категории. Методические замечания // Социология власти. 2016. Т. 28, № 2. С. 149–173.
7. Рикёр П. Память, история, забвение / пер. с франц. М. : Изд-во гум. лит.ратуры, 2004. 728 с.
8. Ассман А. Забвение истории – одержимость историей / пер. с нем. Б. Хлебников. М. : Новое литературное обозрение, 2019. 552 с.

М.С. Острикова

Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, Омск, Россия

**ПРОЯВЛЕНИЕ ВОЕННОЙ МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОЙ ТРАВМЫ
В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ФРАНЦИИ
КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.**

Аннотация. На примере источников визуального и личного характера, а также литературных произведений раскрывается проявление межпоколенческой военной травмы людей, участвовавших в революционных и наполеоновских войнах. Используется реконструкция символического поля.

Ключевые слова: Франция XIX в., наполеоновские войны, межпоколенческая травма, боевая психическая травма, изобразительное искусство

Связь политики и культуры многогранна. Современная отечественная политология концентрируется на областях политической психологии (Е.Б. Шестопал, М.Ю. Урнов и др.) и коммуникации (В.С. Мартыянов, Т.В. Евгеньева и др.), и в целом культуре и искусству отводится второстепенная роль приложения политтехнологий или культурной политики. Сложное взаимовлияние власти, эмоциональных состояний общества и искусства теряется и отдается в распоряжение социологии и искусствоведения. Также есть пробел в сфере работы с визуальными источниками – упор идет на лингвистику. Данная работа – попытка восполнить этот пробел. Цель исследования – выяснить, привлекая визуальные источники, как военные события отражались в умах французов, участвующих в боевых действиях, и как это могло сказаться на следующих поколениях.

За основу исследования взято понимание истории Р.Дж. Коллингвуда, анализировавшего связь между миром идей и социальными явлениями, влияние философии науки на культуру и область практической политики. Определенную роль сыграли работы П. Бурдьё и его мысли о культуре как поле борьбы за власть; Л.С. Выготского, разрабатывающего связь психики, символа и передачи культурного опыта. Человек передает свои эмоции и мысли посредством визуальных и словесных образов, основанных на его предыдущем жизненном и культурном опыте. В таком случае средства невербальной коммуникации играют

особую роль: они способны усилить или ослабить воздействие на личность, а в случае противоречия вербального и невербального сообщений она будет неосознанно склоняться в сторону последних [1. С. 134–136]. Предположительно, можно попытаться проследить коллективный опыт через эволюцию образов и через соотношение декларируемого и принимаемого, то есть через принятие и отвержение образов, транслирующих определенные установки.

Великая французская революция создала свои характерные образы. В конце XVIII – начале XIX в. Франция, переживая череду войн, находилась в болезненном состоянии что в области финансов, что в социальной сфере, что в эмоциональном аспекте [2. С. 284–285; 3. С. 7]. Произошел надлом привычных представлений о реальности [4. С. 24, 48–50], размывание понимания о личном и публичном, о социальных ролях, политических нуждах и требованиях. На политическую сцену выходил новый игрок – народ, впрочем, тогда понимающийся еще весьма абстрактно и часто вызывающий чувство тревоги со стороны как консерваторов, так и революционно настроенных слоев, примером чему являются роялистские восстания, закрытие женских политических клубов, изменения в системе образования, целью которых было воспитание сознательного гражданина и максимально широкое просвещение темных народных масс. Неудивительно, что столь значимые изменения вызывали социальную тревожность и повышенную эмоциональность населения. Произошли перемены в наполнении понятий общая и личная выгода, гуманность и жестокость, добро и зло, что, впрочем, связано с естественной адаптацией психики к новой экстремальной реальности [5. С. 50–56]. Происходящее кровопролитие обосновывалось высокими целями. Так, революционный террор мифологизировался и облекался в созидательную силу. Это можно увидеть на картинах [6–8], все чаще изображающих персонажей, призывающих к порядку, совершающих акты насилия, наоборот, защищающих слабых от произвола или же взывающих о защите. Прослеживается это и в политических выступлениях. Например, Робеспьер прямо называл террор эманацией добродетели, а ораторы Манежа считали политические казни ценой, которую необходимо заплатить за спасение республики. Эмоциональное состояние общества было обострено, и оно искало виновных и свое спасение все в новых и новых фигурах, будь то казнь,

затем идеологическая реабилитация Робеспьера, или воспевание нового храброго генерала, способного защитить родину от разворачивающегося хаоса [2. С. 290]. Фигуры сменяли друг друга, но в целом массовому сознанию прививалась идея героического самопожертвования ради великой цели. И она нашла отклик у части населения. Например, можно проследить, что бессмертие имени тесно связывалось с военной славой, а героическая самоотверженность стала ролевой моделью [9; 10. С. 88–92, 97, 429; 11; 12. С. 102–103]. Молодые люди желали стать частью эпохальных событий, и официальная пропаганда подхватила этот запрос. Фигура Наполеона мифологизировалась [13], а завоевательным войнам придавались черты мессианства: внедрялись понятия «французская нация», «национальные интересы», «миссия нации» [14]. Мемуары солдат великой армии говорят о том, что если не общество, то множество участников сражений верило в то, что они являются медиатором новой эпохи [10–12].

Однако участие в боевых действиях особым образом трансформирует психику. С течением времени негативные эффекты могут также распространяться между людьми [15]. Можно выделить несколько категорий жертв военного конфликта:

1. Участники боевых действий. У них формируются черты поведения, помогающие выжить на войне, но мешающие в мирной жизни. В худших случаях поведение становится разрушительным как для самого человека, так и для окружающих [16. С. 28–31]. Симптомы боевой психической травмы мы можем найти в мемуарах [10. С. 417–421; 11. С. 26; 12. С. 147, 349], на картинах [17; 18], но это характерно для более позднего периода, что объясняется рефлексией общества и «дозволением» показывать неприглядные стороны предыдущего режима.

2. Свидетели конфликтов. Они испытывают фоновое чувство опасности. Стресс матери может повлиять на уязвимость к будущим психологическим травмам еще не рожденного ребенка [19. С. 314]. Также, согласно исследованиям, для детей травматично не только прямое наблюдение насилия, но и опосредованное – через СМИ или отражение событий в семейных историях [15; 20; 21].

3. Близкие люди участников сражений. Если эмоциональные травмы родителей не будут преодолены, они могут закрепиться и повлиять на идентичность потомков через семейные взаимоотношения

[20. С. 66–69; 21]. Наиболее распространенные причины развода в конце XVIII – начале XIX в. – длительное отсутствие одного из супругов или несовместимость их характеров. В отчетах семейных и гражданских трибуналов часто фигурируют истории о семейном насилии [4. С. 29–37]. Отсутствие в жизни ребенка одного или обоих родителей накладывает отпечаток на его психику, то же самое можно сказать, если дети сталкиваются с семейным насилием или наблюдают подавленное состояние родителей. Неудачные военные кампании сильно ударяли по эмоциональному состоянию солдат, так, в кризисные годы количество самоубийств достигало максимума, а «антирекорд» установил 1812 г. Среди самоубийц преобладали мужчины [4. С. 42–43; 10. С. 419; 22]. Надо сказать, что отличием наполеоновских войн от конфликтов прошлых эпох является их тотальность, хоть и не в такой степени, как это произойдет в XX в. Это значит, что травма имела достаточно большой масштаб.

Неудивительно, что тема душевных терзаний стала центральной для следующего поколения романтиков – художников и писателей [23. Ч. 1, гл. 2; 24]. Можно также говорить о том, что в части общества, которая имела боевой опыт и не могла вписаться в новую послевоенную реальность (в силу социальных и психологических причин, связанных с боевой психической травмой), сохранились установки на преобразование действительности [10. С. 423, 446; 25], и многие художники последовали за этим импульсом [26. Ч. 2, гл. 1].

Список источников

1. Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Психология массовой политической коммуникации : учеб. пособие. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2013. 304 с.
2. Троицкий Н.А. Наполеон Великий. Т. 1: Гражданин Бонапарт. М. : Политическая энциклопедия, 2019. (Мир Французской революции). 526 с.
3. Тьер Л.-А. История Консульства и империи. Кн. I: Консульство / [пер. с франц. Ф.А. Кони]. М. : Захаров, 2012. 896 с.: ил.
4. История частной жизни / под общ. ред. Ф. Арьеса, Ж. Дюби. Т. 4: От Великой французской революции до I Мировой войны / Ален Корбен, Рожен-Анри Герран, Кэтрин Холл, Анна Мартен-Фюжье, Мишель Перро ; пер. с фр. О. Панайотти ; под ред. М. Перро. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 672 с.
5. Сорокин П.А. Социология революции. М. : Российская политическая энциклопедия, 2004. 703 с.
6. Преступление короля. 1790 г. The Getty Research Institute, Los Angeles. ID no.: gri_980009_b17_f08.

7. Разум. 1794 г. The Getty Research Institute, Los Angeles. ID no.: gri_980009_b30_f09.
8. Мученики Свободы. 1794 г. The Getty Research Institute, Los Angeles. ID no.: gri_980009_b26_f08.
9. Жак Луи Давид. Клятва Горациев. 1784 г.
10. Сегюр Ф.-П. История похода в Россию. Мемуары генерал-адъютанта. М. : Захаров, 2014. 464 с.
11. Земцов В.Н. Искусство правильно умирать. Во имя чего шли на смерть французские солдаты // Родина. 2002. № 8. С. 26–29.
12. Коленкур Арман де. Поход Наполеона в Россию. Смоленск : Смядынь, 1991. 368 с.
13. Жан-Антуан Гро. Бонапарт посещает чумной госпиталь в Яффе 11 марта 1799 года. 1804 г.
14. Лобачкова М.Г. Образ Наполеона Бонапарта в русской публицистике. 1799–1815 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2007. 263 с.
15. Бурлакова Н.С. Психическое развитие детей, переживших массовые бедствия: от изучения последствий к проектированию развития на основе культурно-исторического анализа // Национальный психологический журнал. 2018. № 1 (29). С. 17–29.
16. Снедков Е.В. Боевая психическая травма (клинико-патогенетическая динамика, диагностика, лечебно-реабилитационные принципы) : автореф. дис. ... д-ра мед. наук. СПб., 1997. 48 с.
17. Фабер дю Фор Х.В. Бивак около Михайловки, 7 ноября 1812 г. 1830-е гг.
18. Фабер дю Фор Х.В. Между Дорогобужье и Михайловкой, 7 ноября 1812 г. 1830-е гг.
19. Child development and family mental health in war and military violence: The Palestinian experience // International Journal of Behavioral Development. 2008. № 32 (4). P. 310–321.
20. Danieli Assessing Trauma. Across Cultures from a Multigenerational Perspective, Cross-Cultural Assessment of Psychological Trauma and PTSD. 2007. P. 65–89.
21. Бурлакова Н.С. Психодинамика передачи травматического опыта от поколения к поколению в контексте культурно-исторической клинической психологии // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 45. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/490/673> (дата обращения: 22.07.2023).
22. Жертвоприношение Наполеона Бонапарта. Франция, 1815 г. Catalogue of Political and Personal Satires in the Department of Prints and Drawings in the British Museum (12562). ID no.: 1868,0808.8228
23. Альфред де Мюссе. Исповедь сына века / пер. с фр. Д. Лившиц, К. Ксанина. URL: https://royallib.com/read/de_myusse/ispoved_sina_veka.html#0 (дата обращения: 13.03.2023).
24. Теодор Жерико. Умалишенный, воображающий себя полководцем. 1822 г.
25. Эжен Делакруа. Свобода, ведущая народ. 1830 г.
26. Бенуа Ф. Искусство Франции эпохи Революции и Первой империи. М. ; Л. : Искусство, 1940. 383 с.

Секция II

ИНФОРМАЦИЯ И ДАННЫЕ: ПРАКТИКИ УПРАВЛЕНИЯ, СОХРАНЕНИЯ И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

УДК 930.25:004

В.В. Лутошкина

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

ОТКРЫТЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ АРХИВ ЭГО-ДОКУМЕНТОВ «ПРОЖИТО»: СОХРАНЕНИЕ ЛИЧНЫХ ИСТОРИЙ

Аннотация. *В повседневной деятельности человек накапливает большое количество разнородных материалов, отражающих как его жизнь, так и более широкий исторический контекст и имеющих потенциальную научную ценность. В статье охарактеризован проект «Прожито», который занимается формированием электронного архива эго-документов. На его примере автор выявляет значение подобных проектов для профессиональных исследователей, архивистов, общества в целом.*

Ключевые слова: электронные архивы, эго-документы, Прожито, личные дневники, гражданская архивистика

У человека на протяжении жизни накапливаются документы, отражающие не только его личную историю, но и историю его семьи, социальной группы, города. Их совокупность формирует историю целой страны и дает возможность увидеть прошлое глазами простых людей.

Система институтов памяти ориентирована на сохранение документов, важных для реконструкции и понимания прошлого. Среди них могут быть и документы личного происхождения, но экспертиза ценности, являющаяся обязательным этапом отбора документов для архивного хранения, подразумевает, что в архивы попадают не все материалы, а только имеющие общественную значимость. Но это не означает,

что личные истории обычных людей не заслуживают того, чтобы быть рассказанными.

Интерес к эго-документам – «источникам, исходящим от конкретного человека и, как правило, написанным от первого лица» [1], растет уже несколько десятилетий. Они могут показать разные стороны «большой истории» через призму истории «маленького человека». В мире существуют несколько архивных проектов по сбору, расшифровке и публикации дневников, писем, фотографий и т.п. Так, проект «Deutsches Gedächtnis» [2] формирует цифровые коллекции документов личного происхождения, информация которых может быть связана с наиболее значимыми событиями истории Германии. Бельгийский проект The Autobiographical Heritage at the Archives and Museum of Literature [3] сохраняет автобиографические произведения обычных людей, творчество которых не стало общественным достоянием. В России появились проекты, такие как «Память народа», публикующие истории и воспоминания участников Великой Отечественной войны [4], а также проекты, сохраняющие документальные свидетельства жизни советских евреев [5; 6].

Самой известной российской инициативой по созданию открытых электронных баз данных эго-документов является проект «Прожито» [7], где аккумулируются дневники, воспоминания, фотографии, семейные хроники граждан «без оглядки на возраст, пол или социальную траекторию жизни авторов» [7]. «Прожито», по замыслу его инициаторов, – это попытка создать полноценный «народный архив», не ограниченный определенными событиями или социальными группами, востребованный как профессиональными исследователями, так и просто заинтересованными гражданами.

Проект создан в 2015 г., и изначально был нацелен на сбор и публикацию текстов личного происхождения, а в 2019 г. реализован Центр изучения эго-документов [7]. Сегодня проект возглавляет историк М. Мельниченко, а в его команду входят культурологи, архивисты, программисты. За время существования «Прожито» в его работе приняли участие более 1 000 волонтеров [8], а также студенты гуманитарных специальностей российских вузов в рамках производственной практики [9].

Сегодня центр «Прожито» работает над развитием электронной библиотеки личных дневников, которая позволяет работать с

разнообразными текстами, отобранными по различным критериям, например по дате, полу, возрасту, месту ведения и пр. [7]. Общий объем рукописей составляет более 600 тыс. документов: личных дневников, воспоминаний, писем и других материалов, еще несколько терабайт отсканированных рукописей находятся в обработке [8].

Изначально проект был ориентирован на изучение феномена «блокадного дневника» – такие дневники составляют значительную часть коллекции «Прожито». Исследователи хотели понять, чем отличались дневники мирного и военного времени, какое значение имели личные записи для их авторов [8]. Позже тематика и хронологические рамки проекта расширились: среди записей появляются дневники представителей советской молодежи, крестьянства, сотрудников дипломатических миссий и т.д. [10].

Электронная библиотека «Прожито» формируется из опубликованных и неопубликованных текстов любого формата и содержания. Опубликованные дневники специалисты проекта находят в Интернете или при взаимодействии с издательствами. Неопубликованные рукописи в основном принимаются от наследников [11]. Поступившие тексты оцифровываются, а их содержание расшифровывается. Перед началом работы с текстом организаторы предлагают правообладателям подписать пакет документов, необходимых для сохранения законности в работе с личными дневниками [12].

Текст дневника обрабатывается поэтапно. На первом этапе из отсканированного текста удаляется весь текстовый «мусор» (номера страниц, колонтитулы и пр.), и материал подготавливается для размещения на сайте по правилам проекта. Далее в специальной таблице Excel фиксируются время создания дневника, язык и другие характеристики. После проверки дневник загружается на сайт [11].

На данный момент база данных проекта содержит различные эго-документы как умерших, так и живых авторов на русском, украинском и белорусском языках [10], среди которых есть по-настоящему уникальные экземпляры. Например, дневник человека с болезнью Альцгеймера, для которого ведение записей стало инструментом сохранения своей памяти [10], дневник человека, застрелившего двух «кулаков», в котором он анализирует события, предшествовавшие такому исходу [11].

Работа с материалами сайта не требует специальных навыков: система «дружелюбна» как к профессиональному исследователю, так и ко всем заинтересовавшимся. На сайте (prozhitto.org) пользователь попадает на страницу с поисковой консолью. Поиск записей можно осуществлять по дате написания, ключевым словам, тегам, имени, включить фильтр по языку документа. Материалы можно сортировать по виду документа: дневники или воспоминания [12]. Для документов, хранящихся в иных местах, указаны места хранения.

Для расшифровки материалов активно привлекаются волонтеры. За ними закрепляется обязанность не публиковать и не распространять содержание переводимой рукописи без согласования с координатором и до публикации результата работы на сайте [13]. Стать волонтером можно, оставив заявку на сайте [14].

Кроме формирования собственно электронного архива дневников команда «Прожито» организует открытые встречи – «Лаборатории» [15], – на которые приглашаются все желающие. Для «Лабораторий» отбирается ранее не опубликованный интересный дневник, который разбивается на фрагменты между участниками встречи, эти фрагменты расшифровываются, объединяются и обсуждаются.

Как и другие проекты, связанные с сохранением документального наследия, «Прожито» сталкивается со сложностями юридического, технического, организационного толка. Публикация результатов интеллектуальной деятельности остро ставит вопрос авторского права. Организаторам не всегда удается согласовать публикацию текста со всеми заинтересованными сторонами, и команда проекта вынуждена выкладывать рукописи на свой страх и риск, а в случае возникновения спорных или конфликтных ситуаций удалять материалы из общего доступа. Если доступ к дневнику закрывается по просьбе автора или наследников, об этом на сайте делается соответствующая пометка, иногда дополненная контактной информацией автора.

Проекты, подобные «Прожито», важны как для исследователей и архивистов, так и обычных граждан. Такие разноплановые в тематическом и видовом отношении коллекции материалов становятся оптикой, через которую можно посмотреть в прошлое, увидеть жизнь «простых» людей.

Ученые, обращаясь к такого рода коллекциям, получают доступ к документам, которые имеют мало шансов на попадание в

традиционные архивы, но позволяют составить картинку прошлого, дополненную бытовыми и личностными деталями. К примеру, изучение блокадных дневников – это возможность окунуться в атмосферу осажденного города, прочувствовать все многообразие эмоции людей, понять, как они выживали и какую роль в этом играли сами дневники [8]. Исследуя рукописи, специалисты могут сформировать более глубокое представление об особенностях быта, культуры, воспитания людей определенной эпохи, понять их ценности и проследить изменение этих феноменов с течением времени.

Тема сохранения цифрового наследия сегодня активно обсуждается во всем мире. Представители архивного сообщества все чаще говорят о том, что в ближайшем будущем большая часть материалов личного происхождения будет храниться не в рамках институциональной системы, а у создателя, и задача профессионального архивиста будет заключаться в том, чтобы оснастить граждан инструментами, которые позволят им самим сохранять свое документальное наследие [16]. В этом смысле опыт «Прожито» и подобных инициатив помогает понять, какие эго-материалы имеют наибольший потенциал как источники для исследований, какие характеристики материалов должны быть в их описании, чтобы это описание было удобным для пользователя и делало эти документы «видимыми» для традиционных архивных систем. Кроме того, такие проекты – это шанс привлечь внимание к гражданской архивистике и проблеме сохранения персонального наследия.

Наконец, для обычных граждан это возможность рассказать и сохранить свою историю и историю своей семьи, поделиться гордостью и печалью, о которых прежде можно было рассказать лишь в разговоре с самим собой.

Список источников

1. Своими словами: что такое эго-документы и как они помогают изучать историю // Постнаука. [Б. м.], 2021. URL: <https://postnauka.ru/longreads/156363> (дата обращения: 29.04.2023).
2. Archiv «Deutsches Gedächtnis» // FernUniversität in Hagen. Institut für Geschichte und Biographie. [Hagen], 2023. URL: <https://edac-eu.org/the-network/institut-fur-geschichte-und-biografie-deutsches-gedachtnis/> (Datum der Bewerbung: 29.04.2023).
3. Archives et Musée de la Littérature. [S. l.], 2023. URL: <https://www.aml-cfwb.be/> (access date: 29.04.2023).

4. Память народа. [Б. м.], [б. г.]. URL: https://pamyat-naroda.ru/about/?static_hash=00a93640840228ae63eeaf6f6a0b6e7av2 (date de la demande: 29.04.2023).
5. Земелah: советские еврейские эго-документы. [Б. м.], [б. г.]. URL: <https://zemelah.online/about-project> (дата обращения: 29.04.2023).
6. Электронный архив еврейских документов собирает Центр библеистики и иудаики РИГУ // STMEGI. [Б. м.], 2020. URL: <https://stmegi.com/posts/77665/elektronnyu-arkhiv-evreyskikh-ego-dokumentov-sobiraet-tsentr-bibleistiki-i-iudaiki-rggu> (дата обращения: 29.04.2023).
7. Прожито. [СПб.], 2015–2023. URL: <https://prozhito.org/> (дата обращения: 29.04.2023).
8. Как Михаил Мельниченко создал проект «Прожито», где обычные люди наравне с исследователями изучают блокадные дневники. Это первый подобный кейс в России! / интервью с М. Мельниченко // SOBAKA.RU. [СПб.], 2022. URL: <https://www.sobaka.ru/city/science/150970> (дата обращения: 29.04.2023).
9. Студенческая практика // Прожито. [СПб.], 2023. URL: <https://prozhito.org/page/universities> (дата обращения: 29.04.2023).
10. Проект «Прожито»: о чем мечтали и тревожились советские интеллигенты, крестьяне и школьники // Нож. [Б. м.], 2018. URL: <https://knife.media/prozhito/> (дата обращения: 29.04.2023).
11. Как устроен дневниковый проект Prozhito / интервью с М. Мельниченко // Arzamas. [Б. м.], 2015. URL: <https://arzamas.academy/mag/139-prozhito> (дата обращения: 29.04.2023).
12. Корпус // Прожито. [СПб.], 2019. URL: <https://prozhito.org/page/corpora> (дата обращения: 29.04.2023).
13. Расшифровка рукописей // Прожито. [СПб.], 2015. URL: <https://prozhito.org/page/transcription> (дата обращения: 29.04.2023).
14. Волонтерам // Прожито. [СПб.], 2015. URL: <https://prozhito.org/page/volunteers> (дата обращения: 29.04.2023).
15. «Прожито»: чужие дневники, которые можно и нужно читать // Филантроп. [Б. м.], 2017. URL: <https://philanthropy.ru/heroes/2017/08/17/53453/> (дата обращения: 29.04.2023).
16. Citizen archivist missions // National Archives. [S. l.]. URL: <https://www.archives.gov/citizen-archivist/missions> (access date: 13.03.2023).

С.А. Шурыгина

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ДОКУМЕНТАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ (НА ПРИМЕРЕ МФЦ ПО КИРОВСКОМУ РАЙОНУ Г. ТОМСКА)

Аннотация. *Рассматривается организация системы документационного обеспечения управления МФЦ по Кировскому району г. Томска. Обращается внимание на то, что ДОУ МФЦ является важной частью управления центров и играет ключевую роль в обеспечении процессов коммуникации. Наибольший интерес для настоящего исследования представляют характерные черты системы ДОУ.*

Ключевые слова: многофункциональный центр, документационное обеспечение управления

Многофункциональные центры (МФЦ) – это единое место приема, регистрации и выдачи документов заявителям при предоставлении государственных и муниципальных услуг по принципу «одного окна». После того как гражданин обратился в МФЦ для оказания услуги, центр взаимодействует с органами власти для создания необходимых документов без участия заявителя. Такой порядок действий направлен на снижение временных, организационных и материальных издержек получателей услуг.

МФЦ – самая масштабная, территориально доступная, клиентоориентированная государственная сеть организаций. По итогам 2021 г. МФЦ было оказано более 100 млн услуг. Но с учетом созданной в регионах инфраструктуры есть потенциал для оказания большего объема государственных, муниципальных и иных услуг: до 120–125 млн в год [1]. В России аналогов центров не существует, поэтому они должны эффективно осуществлять свою работу. Это касается и документационного обеспечения управления МФЦ (ДОУ МФЦ). Несмотря на постоянную оптимизацию процессов получения услуг, изготовление документов до сих пор занимает много времени. Почему же так важно

оптимизировать ДООУ МФЦ? Это поможет сократить время на обслуживание получателей услуг и изготовление документов.

По количеству статей в электронных библиотеках видно, что изучение МФЦ приобрело большую популярность среди научного сообщества. Исследователи в своих работах представляют результаты мониторинга работы МФЦ и приводят перечень проблем в их работе [2]; рассматривают вопросы повышения качества и доступности государственных услуг для населения [3]; поднимают проблему перехода на электронный документооборот [4]. Статей, в которых рассматривается ДООУ МФЦ, мало, так как система достаточно специфична: существуют документы, которые организуют деятельность центров (приказы, положения, письма и т.д.) и которые сопровождают деятельность центров (заявления МФЦ, реестры, описи, документы заявителей и т.д.). В данном исследовании рассматриваются оба варианта.

Цель исследования – на основе анализа функций и деятельности многофункциональных центров в РФ выявить характерные черты документационного обеспечения управления МФЦ по Кировскому району г. Томска.

Чтобы собрать информацию об устройстве ДООУ МФЦ, были проведены интервью с начальником структурного подразделения ОГКУ «ТО МФЦ» по Кировскому району Н.А. Жердецких и ведущим документооборотом административно-управленческого аппарата А.А. Солдатенко. С помощью метода анализа удалось выделить части, составляющие систему документационного обеспечения управления, и изучить их.

Система документационного обеспечения управления МФЦ

Согласно государственному стандарту «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения», документационное обеспечение управления – это деятельность, целенаправленно обеспечивающая функции управления документами [5].

В процессе предоставления государственных и муниципальных услуг весь объем работ по сбору, подготовке, сверке, согласованию и утверждению необходимых документов или сведений из этих документов проводится органами исполнительной власти (ОИВ) самостоятельно без вмешательства заявителя. МФЦ берет на себя функцию

сбора всех документов из разных инстанций, касающихся заявителя, формирования на их основе полного комплекта документов, необходимых для предоставления услуги, и организации выдачи заявителю конечного документа [6].

Главная роль системы ДОУ МФЦ проявляется в осуществлении посреднических функций между органами власти и заявителями.

Объем документооборота МФЦ по Кировскому району г. Томска составляет порядка 3 000 единиц документов разного вида в год, поэтому хранить и обмениваться документами удобнее в электронном формате за счет технических средств и специализированного программного обеспечения [7]. С их помощью можно быстро решать рабочие задачи, обрабатывать большие массивы информации, формировать базы данных и управлять безопасностью посредством ограничения прав доступа к клиентским данным.

В перечень программ, используемых для работ с документами, входит автоматизированная информационная система (АИС). АИС предназначена для регистрации принятых от заявителей пакетов документов на получение услуги. Этот программный комплекс объединяет все МФЦ Томской области. С помощью АИС сотрудники могут направить запрос в ОИВ, чтобы получить сведения для оказания услуги, или ознакомиться с ранее поданными заявлениями, независимо от того, в каком многофункциональном центре региона или города они были созданы.

В 2016 г. в системе ДОУ произошла глобальная оптимизация – внедрена программа внутреннего электронного документооборота (ЭДО). Удалось перевести большие массивы бумажных документов в электронный формат. Преимуществом ЭДО является возможность знакомства с документом по мере его поступления в организацию. Руководитель может проставлять резолюции и рассылать документы исполнителям.

Учет документов осуществляется в системе ЭДО автоматически. При необходимости в оперативном поиске внутреннего документа сотрудники пользуются соответствующими функциями системы. Еще одним преимуществом ЭДО является возможность отслеживания сроков исполнения документов.

В 2018 г. для безопасного обмена информацией был создан корпоративный мессенджер. Он менее уязвим перед мошенниками, в

отличие от «Telegram» и «WhatsApp», которыми ранее пользовались сотрудники.

Перечисленные элементы программного обеспечения МФЦ дают возможность быстро взаимодействовать сотрудникам между собой, даже если они территориально находятся в разных офисах. Корпоративные программы обеспечивают безопасность распространения информации.

Система электронной очереди позволяет заявителю подать документы, необходимые для получения услуги, в день и час, указанные на талоне. Один талон предполагает подачу одного заявления и одного пакета документов. Оптимизация электронной очереди проходит раз в четыре года – последняя была в 2020 г.

Многофункциональные центры взаимодействуют с ОИВ через систему межведомственного взаимодействия (СМЭВ) и Государственную информационную систему о государственных и муниципальных платежах (ГИС ГМП). Электронное взаимодействие позволяет уменьшить объем пакета документов, предоставляемых заявителем.

С 29 июня 2022 г. Росреестр и МФЦ перешли на безбумажный документооборот в рамках проекта «Стоп-бумага». Это положило начало полностью электронного взаимодействия между органом исполнительной власти и центрами, что позволит минимизировать хранение бумажных носителей, обеспечить экстерриториальную регистрацию, сократить затраты на доставку документов и увеличить скорость предоставления услуг заявителям.

В МФЦ по Кировскому району г. Томска созданием документов, организующих деятельность центра, занимаются сотрудники административно-управленческого аппарата. Создание документов происходит полностью в электронном виде. Согласование документов осуществляется на бумажном носителе, но по возможности сотрудники стараются делать это в электронном формате. Для электронного согласования сотрудники могут не покидать свои рабочие места и параллельно выполнять рабочие задачи. Готовый проект соглашения, который директор подписывает с представителем какого-либо органа исполнительной власти, согласовывается только на бумажном носителе.

Процесс разработки документов для введения новой услуги происходит в несколько этапов:

- 1) получение письма от органа исполнительной власти (чаще всего федерального уровня) о необходимости введения новой услуги;
- 2) рассылка письма всем руководителям отделов «Мои документы» в г. Томске;
- 3) составление соглашения между МФЦ и ОИВ, анализ бланков по новой услуге, внесение правок и рекомендаций юристу;
- 4) заключение соглашения о предоставлении услуги между директором МФЦ и ОИВ;
- 5) разработка и издание многофункциональными центрами г. Томска административного регламента по предоставлению новой услуги;
- 6) перевод сотрудниками IT-отдела бланка заявления из бумажного вида в электронный для АИС;
- 7) если нет бланков, утвержденных административным регламентом, то их разработкой занимаются сотрудники МФЦ. Составленный проект документа отправляют на согласование в ОИВ в электронном виде. Когда бланк готов, его шаблон передают сотрудникам IT-отдела, которые переводят его с бумажного вида в электронный для АИС [8].

Заключение

Система ДОУ МФЦ по Кировскому району г. Томска имеет свои характерные черты. Специально разработанные корпоративные программы для МФЦ обеспечивают безопасность передачи информации. Благодаря АИС гражданин, независимо от места нахождения, может получить услугу в любом МФЦ региона и страны. Разработкой различных документов по новой услуге занимаются центры совместно с ОИВ, и проходит этот процесс в несколько этапов. Взаимодействие между ними активно переходит в электронный формат, что сокращает расходы на доставку документов из одной организации в другую и время на оказание услуг заявителям.

Существующая система документационного обеспечения управления МФЦ полностью соответствует главной функции центров – сбор касающихся заявителя документов из разных инстанций, формирование на их основе полного комплекта документов, необходимых для предоставления услуги, и организация выдачи заявителю конечного документа.

Многофункциональные центры являются важным инструментом для поддержки граждан. Быстрое оформление документов, возможность обратиться за помощью – вот что делает МФЦ важным институтом в нашем государстве.

Список источников

1. 80% очных обращений граждан за госуслугами будут переведены в МФЦ // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/80_ochnyh_obrashcheniy_grazhdan_zh_gosuslugami_budut_perevedeny_v_mfc.html (дата обращения: 20.12.2022).
2. Калинин А.М., Яковлева Н.А. Создание многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг в России: результаты мониторинга // Вопросы государственного управления. 2009. № 2. С. 182–189.
3. Калинина А.Э., Соколов А.Ф. Организационное, институциональное и информационное обеспечение функционирования многофункциональных центров оказания государственных и муниципальных услуг // Вести Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2013. № 2 (23). С. 37–46.
4. Попов Р.В. Организация электронного документооборота в МФЦ «Мои документы» // Journal of Economy and Business. 2021. № 5–3. С. 43–46.
5. ГОСТ Р 7.0.8–2013. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. М. : Стандартинформ, 2013.
6. Романенко Н., Ермолаева А.В. Документационное обеспечение государственных и муниципальных услуг в многофункциональных центрах // Делопроизводство. 2017. № 4. С. 49–58.
7. Интервью респондента А.А. Солдатенко / записала С.А. Шурыгина // Личный архив автора.
8. Интервью респондента Н.А. Жердецких / записала С.А. Шурыгина // Личный архив автора.

Секция III

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО:

ДИАЛОГ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕМЕН

УДК 323.21

Е.В. Бронская

Российский университет транспорта, Москва, Россия

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАК ТЕХНОЛОГИЯ ВОВЛЕЧЕНИЯ

Аннотация. *В современном мире отдельным предметом исследований выступает молодежь как социальная группа, которая вовлечена практически во все сферы жизни. В связи с амбивалентностью проявлений для молодых людей стараются подобрать те рычаги влияния, которые будут коррелировать с интересами не только государства, но и самих представителей. Технологии вовлечения молодежи в политические процессы – это новый вызов для политических элит, который вызывает к нестандартным решениям.*

Ключевые слова: молодежь, символическая политика, государство, технологии

Политическая жизнь в современном государстве представляет собой не только гетерогенность в политическом пространстве, но и разнообразие символических способов официальных интеракций. При этом взаимодействия субъектов политического поля могут быть рассмотрены в разных культурных контекстах в зависимости от выбранной исследовательской оптики. Подобные контексты тесно связаны с понятием «символическая политика».

Конечно, особый интерес, обуславливающий актуальность изучения символической политики как технологии создания коммуникационного поля больших и малых социальных групп в политической сфере жизнедеятельности общества, вызывает ее психологическая природа,

формирующая систему реакций и впоследствии интеракций между субъектами политического пространства.

Эта проблематика включает в себя различные теоретические подходы, которые основаны на определенных способах определения идентификации, социальной репрезентации, поведенческих паттернов, смысловых феноменов.

В основе осуществления символической политики зависимости от объекта можно выделить два направления реализации одного из видов коммуникации в политическом пространстве:

- индивидуальный, включающий продвижение и создание образа одного политического деятеля;

- массовый, создающий единое политическое поле, где возможны политические коммуникации и действия как политиков, так и отдельных социальных групп.

При этом образование такого поля включает в себе несколько причин. Во-первых, внутри него возможны политические выступления, поддерживающие авторитет и популярность современной (или будущей) политической элиты. Такая форма символической политики получила название «символическая политика сверху» в связи с действиями непосредственно власти.

Во-вторых, мобильность социальных групп, на которых направлена имплементация символической политики, поддерживает и обеспечивает жизнеспособность политической культуры государства. Такая форма символической политики называется «символическая политика снизу».

Безусловно, вышеназванные течения могут пересекаться и совпадать в процессе реализации политических интеракций. Это происходит в момент, когда производимые властями ритуалы, символы и мифы коррелируют с потребностями тех или иных социальных групп, в результате чего достигается консенсус.

Одним из ярких кейсов взаимодействия государственного аппарата и социальной группы являются интеракции политической элиты и молодежи в поле молодежной общественно-политической жизни государства. В данном случае символическая политика «сверху» заключается в создании молодежных объединений для приобщения молодых людей к социально полезной деятельности с целью воспитания у

участников гражданской позиции и чувства патриотизма. Это достигается посредством восполнения доминирующих потребностей, которые присущи молодежи как социальной группе.

Следует отметить, под термином «молодежь» понимается «поколение людей, проходящих этап усвоения социокультурных норм и общественно-профессиональных функций. На данном этапе процесс освоения социальных статусов и ролей носит особый характер в связи с активным процессом детерминации личности. Одним из главных свойств данного общественного класса является не только усвоение, но и видоизменение социальных норм с их потенциальной имплементацией» [1. С. 102].

Из вышесказанного следует отметить, что главными потребностями молодого поколения являются самоопределение и способность к реализации своего потенциала. В данном случае создание молодежных объединений, вероятно, является «символом-эрзацем» реальной общественно-политической жизни, включающем в себя собственную символику, ритуалы и мифы.

Помимо прочего, следует выделить понятие «ритуализация», которое включает в себе определенные психологические смыслы, отвечающие потребностям молодых людей в социализации. В процессе участия в молодежной организации участник проходит через стадии «символического рождения»:

- появление первого позиционирования;
- этап вступления, участия в первых мероприятиях;
- символическая смерть – в случае изменения социального статуса, роли либо с окончанием деятельности в организации.

При этом процесс ритуализации также отвечает и потребностям политической элиты, выступающей организатором политической социализации молодежи. Проведение мероприятий в созданном политическом пространстве основывается на психологической функции объединения молодых людей, аспектами которой являются: определение общей цели, относящейся к мифологии организации; установление норм поведения посредством института поощрения; организация деятельности, что позволяет осуществлять контроль. В этом случае образуется психологическое господство, необходимое для поддержания власти. В данной коннотации успехом создания поля молодежно-политических

интеракций будет выступать рекрутизация политической элиты как процесс поощрения, которая выражается в окончании участия молодого человека в пространстве символической политики и переходе к реальным действиям.

Само участие в молодежных объединениях для новых поколений является символом, заменяющим другие политические акции, которые могли бы быть организованы молодыми людьми самостоятельно. Такие действия являются легитимизированным самовыражением, которое в процессе обретает политизированный характер. В данном случае происходит процесс символической политики «снизу», согласованный с государством.

Таким образом, роль символической политики носит особый «переплетающийся» формат, сочетающий течение и «сверху» и «снизу»: с одной стороны, сама политическая элита принимает в этом процессе активное участие, являясь агентом социализации для молодых людей; создание молодежных общественно-политических организаций обретает воспитательный характер, от которого зависит внутренняя устойчивость государства в случае грамотного воздействия на уникальную социальную группу подрастающего поколения. С другой стороны, молодое поколение участвует в предложенных вариантах социальной активности, осуществляя общественно-политические действия с самых низов.

Список источников

1. Накашидзе Д.Д. Молодежь как особая социально-возрастная группа в современном обществе // Science time. 2016. № 8 (32). С. 102–106.

УДК 32.019.5

В.О. Гашков

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

ЖЕНЩИНЫ ВО ВЛАСТИ: ИССЛЕДОВАНИЕ ОПЫТА СТРАН АФРИКИ (РУАНДА, ЮАР) И ОКЕАНИИ (АВСТРАЛИЯ, НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ)

Аннотация. *Актуальность темы обусловлена противоречивым отношением к механизмам гендерного квотирования в странах Африки (Руанда,*

ЮАР) и Океании (Австралия, Новая Зеландия). С одной стороны, данные страны демонстрируют высокие показатели женского представительства в политике, что в определенной степени обусловлено гендерными квотами, но с другой – в этих странах все еще сохраняется гендерная дискриминация, а женщины, построившие политическую карьеру, не одобряют политику гендерного квотирования.

Ключевые слова: гендерные квоты, карьера, женщины, Африка, Океания, женские карьеры

На протяжении веков женщины были лишены гражданских прав и свобод, возможности выражать свои взгляды, женское переживание жизни исключалось из социально-экономических отношений. В XX в. начинается период социально-политических изменений, происходит «женская революция». Женщины получают право участвовать в политической жизни общества. В XXI в. женщины активно покоряют политические вершины, чаще претендуют на важные государственные посты, посвящают свою жизнь построению карьеры. Ситуация, когда женщина занимает пост президента или министра, сегодня становится реальностью не только в странах Европы.

Интерес для исследования представляют некоторые страны Африки и Океании. Выбор таких стран, как Руанда, ЮАР, Австралия, Новая Зеландия, в качестве предмета исследования продиктован следующими обстоятельствами. Во-первых, в силу недостаточной представленности в отечественной политологии исследований по этим странам относительно особенностей влияния гендерного фактора на карьерные стратегии женщин в политической среде представляется необходимым сосредоточить внимание на исследовании их специфики. Во-вторых, данные страны демонстрируют успехи в достижении гендерного баланса в политической сфере. Согласно карте «Женщины в политике: 2023» [1], по доле женщин в парламенте Руанда находится на 1-м месте (61,3%), Новая Зеландия на 4-м месте (50%), ЮАР на 11-м месте (46,3%) и Австралия на 33-м месте (38,4%). В-третьих, вышеуказанные страны заслуживают внимания, так как, несмотря на свое колониальное прошлое, патриархальные убеждения, традиционное понимание гендерных ролей, им удалось продемонстрировать успехи в достижении гендерного баланса, сопоставимые со странами Запада.

В начале XXI столетия в Африке произошли изменения, свидетельствующие о разрушении гендерных стереотипов относительно

разделения сфер компетентности женщин и мужчин в политике. Показательным является назначение женщин на высшие государственные посты. Однако только два субрегиона – Южная Африка (ЮАР) и Восточная Африка (Руанда) демонстрируют высокий уровень представленности женщин в политике [2. Р. 49].

В ЮАР и ряде других государств Африканского континента женщины были активными участниками в борьбе с режимом апартеида, в национально-освободительном движении, а в Руанде после геноцида 1994 г. женщины остались главными экономическими добытчиками и действующими лицами в обществе. Все это способствовало признанию равенства женщин с мужчинами и трактуется современными исследователями как проявление социальной справедливости [3. С. 35]. Достижение гендерного равенства в политике также обусловлено следованием за мировыми тенденциями, чтобы в глазах международного сообщества выглядеть более прогрессивно [4. С. 188]. По мнению Т.С. Денисовой, «...руководители африканских государств с первого дня правления ставили перед собой задачу утвердиться в качестве лидеров, признанных мировым сообществом» [5. С. 579].

Значительную роль в достижении гендерной симметрии на политической арене в Африке оказывает введение гендерных квот на женское представительство в органах власти. В статье 9 Конституции Руанды отмечается, что женщины должны занимать не менее 30% должностей во властных структурах, а в ЮАР в правящей партии «Африканский национальный конгресс» установлена квота 50% представительства женщин в выборных структурах [6. С. 46].

Хотя гендерные квоты могут быть мощным инструментом для повышения представительства женщин во властных кругах, к вопросу их введения не все относятся положительно. В 2014 г. в стенах Санкт-Петербургского государственного университета выступала посол Руанды Жанна д'Арк Муджавамария с лекцией [7], в которой отметила, что не одобряют политику введения гендерных квот в своей стране по ряду причин. Во-первых, гендерные квоты игнорируют качественные возможности женщин-кандидатов. Во-вторых, они лишь подчеркивают слабость женщин по отношению к кандидатам-мужчинам в силу того, что для женщин необходимо создавать особые условия. В-третьих, введение квот лишает женщин возможности равной конкуренции с

мужчинами, в силу чего под сомнение попадает сам вопрос гендерного равенства.

Несмотря на достигнутые результаты, для стран Африки до сих пор является актуальным конфликт между традициями и принципом равенства полов, так как в обществе сохраняется патриархальный взгляд на роль женщин, имеют место двойные стандарты относительно равных прав и возможностей полов. Независимо от того, насколько сильным парламентарием является женщина, дома она обязана выполнять даже церемониальные обязанности [8. Р. 567].

Переходя к рассмотрению следующего кейса, важно отметить, что Океания зачастую считается тем регионом мира, в котором не поддерживаются политические амбиции женщин. Однако необходимо констатировать тот факт, что одними из первых в мире женское избирательное право признали Новая Зеландия в 1893 г. и Австралия в 1902 г. [9. Р. 141]. Ситуация, когда женщины недостаточно представлены в политике, является проблематичной, так как специфические интересы и потребности женщин не могут быть в должной степени учтены в политике, в которой доминируют мужчины [10. Р. 48].

Вопрос о необходимости введения гендерных квот в Австралии был оставлен на усмотрение политических партий. Лейбористская партия поддержала введение квот, а Либеральная и Национальная партии выступили против, так как с их точки зрения это противоречит принципу заслуг для кандидатов, потому что они отдают предпочтение женщинам, а также квоты не являются проявлением демократичности. С 2012 г. Лейбористская партия приняла введение гендерных квот по формуле 40:40:20 [11]. В Новой Зеландии отсутствуют гендерные квоты.

Построение карьеры в политической сфере в Австралии и Новой Зеландии традиционно считается мужским делом. Партийных лидеров здесь издавна называли отцами нации, поэтому первых женщин-политиков вначале называли матерями нации [12. Р. 33]. Опросы показывают, что в Австралии существует гендерный разрыв в политических знаниях и амбициях между мужчинами и женщинами, однако этот разрыв сократился, когда премьер-министром Австралии в 2010 г. впервые в истории этой страны стала женщина [13. Р. 139]. По мнению профессора И. Макаллистера, «открытие политического мира для большего

числа женщин политиков должно привести к более высокому уровню политической активности среди женщин» [14].

В странах Океании существуют препятствия для политического представительства женщин. В качестве таких препятствий могут выступать патриархальные устои общества, подчиненный экономический статус женщины. Еще одним препятствием для построения политической карьеры в Океании может служить репрезентация женщин-политиков в СМИ. Женщины, которые не оправдали высоких ожиданий, взойдя на политическую арену, часто подвергаются жестоким нападениям и унижениям [15]. Джулия Гиллард – бывший премьер-министр Австралии и первая женщина на данном посту, анализируя свое пребывание на вершине политического олимпа, отмечает, что «оружие в жестких политических дебатах стало своего рода оскорблениями, которыми бросают только в женщину... Каждый негативный стереотип, который вы можете себе представить... все это разыгрывалось» [16].

Несмотря на значительные трудности, с которыми сталкиваются женщины стран Африки и Океании, в данных регионах мира немало женщин, которые смогли преодолеть барьеры и сделать политическую карьеру своей жизненной траекторией. Значимую роль в странах Африки (Руанда, ЮАР) имеют гендерные квоты, хотя существуют противники подобных мер. Тем не менее разговоров об отмене гендерных квот в этих странах на уровне государства не поднимается, однако, как показывает опыт Руанды, которая значительно перешагнула порог в 30%, надобность в подобных мерах постепенно будет отпадать. Ключевой особенностью влияния гендерного фактора на политическую карьеру женщин в странах Африки можно назвать сильное воздействие традиционной культуры. Говоря об особенностях карьерных стратегий женщин в странах Океании (Австралия, Новая Зеландия), важно констатировать тот факт, что к введению гендерных квот в этих странах относятся неоднозначно. Опыт Новой Зеландии демонстрирует, что даже без введения подобных мер можно достичь женского представительства в 50%. Нельзя забывать, что женщины вынуждены строить свою карьеру в условиях патриархальных убеждений и неравного доступа к экономическим ресурсам. Главной особенностью влияния гендерного фактора на политическую карьеру женщин в странах Океании

является различие в сфере политических интересов – женщины-политики являются носителями оппозиционных настроений.

Список источников

1. Women in politics: 2023 // UN Women. URL: <https://www.unwomen.org/en/digital-library/publications/2023/03/women-in-politics-map-2023> (access date: 22.07.2023).
2. Aloysius U.O. Foresight Africa. Top priorities the continent in 2022 // Brookings Institution. 2022. 122 p.
3. Крылова Н.Л., Ксенофонтова, Н. А. Африка в гендерном измерении (К 30-летию гендерных исследований в российской африканистике) // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 32–42.
4. Прокопенко Л.Я. Женщины и власть: на примере стран Юга Африки. М. : Ин-т Африки РАН, 2018. 206 с.
5. Денисова Т.С. Тропическая Африка: эволюция политического лидерства. М. : Ин-т Африки РАН, 2016. 596 с.
6. Прокопенко Л.Я., Денисова, Т.С. Проблема гендерного паритета во внешне-политических ведомствах стран Африки // Женщина в российском обществе. 2021. № 1. С. 44–55.
7. Публичная лекция Посла Руанды Жанны Д.Арк Мужамавария // СПбГУ. Экономический факультет. URL: <https://www.econ.spbu.ru/ru/news-events/news/publicnaya-lekciya-posla-ruandy-zhanny-dark-muzhamavariya> (дата обращения: 22.07.2023).
8. Abbott P., Malunda D. The promise and the reality: women's rights in Rwanda // African journal of international and comparative law. 2016. № 4. P. 561–581.
9. George N. Women in politics: Pacific Islands and New Zealand // Women, policy and political leadership: regional perspectives in today's world. 2020. № 2. P. 141–158.
10. Curtin J. Women and Proportional Representation in Australia and New Zealand // Policy and Society. 2003. № 1. P. 48–68.
11. McCann J. Electoral quotas for women: an international overview // Parliament of Australia. URL: https://www.aph.gov.au/About_Parliament/Parliamentary_Departments/Parliamentary_Library/pubs/rp/rp1314/ElectoralQuotas_-_ftn58 (access date: 22.07.2023).
12. Simms M. Women politics and leadership in Australia and New Zealand // Symposium: challenges to women's leadership. 2008. № 1. P. 32–46.
13. Porter E. Women in politics in Australia // Women, policy and political leadership. 2020. P. 131–139.
14. McAllister I. The gender gap in political knowledge revisited: Australia's Julia Gillard as a natural experiment. Bristol University Press, 2019. URL: <https://bristoluniversitypressdigital.com/view/journals/ejpg/2/2/article-p197.xml> (access date: 22.07.2023).

15. Acker E. Media representation of women politicians in Australia and New Zealand: high expectations, hostility or stardom // Policy and Society. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1449403503700162> (access date: 22.07.2023).

16. Gillard J., Okonjo-Iweala N. Women and leadership. Real lives, real lessons // Vintage books. URL: <https://yes-pdf.com/book/2011/read> (access date: 22.07.2023).

УДК 94(44)

А.И. Готка

Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, Омск, Россия

СВЯЩЕННОЕ ЕДИНЕНИЕ И ФРАНЦУЗСКОЕ ДЕЙСТВИЕ. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФРАНЦУЗСКИХ ВЛАСТЕЙ И МОНАРХИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. *Рассматривается взаимоотношение между республиканским правительством и лигой «Французское действие» в период политики «священного единения». Антиреспубликанская лига в условиях военного конфликта поддержала государственные инициативы по сохранению гражданского мира. За время конфликта заметно вырос политический авторитет лиги, что позволило ей провести своих членов в палату депутатов после окончания военных действий.*

Ключевые слова: Третья Французская республика, Первая мировая война, Аксьон Франсез, Французское действие, Священное единение

С началом Первой мировой войны во многих странах – участницах конфликта наблюдался широкий подъем патриотических настроений, в государствах наблюдалась «политика единения внутри страны». В Третьей Французской Республике данная политика получила название «священное единение» (L'union sacrée). Такой термин впервые использовал президент республики Раймон Пуанкаре. В своем послании к парламенту 4 августа 1914 г. он объявил, что «сыны Франции поднимутся на героическую защиту отчизны и навсегда сохраняют перед угрозой врага священное единение» [1. С. 5]. После этого к термину «священное единение» не раз обращались и другие политические деятели. Несмотря на то что не имелось какого-либо программного документа, который бы четко прописывал пункты «священного единения», как в

случае с декретом национального собрания Франции «Родина в опасности» (*La patrie en danger*) от 11 июля 1792 г. (к нему «священное единение» явно апеллировало), по большей части оно воспринималось как консенсус о сохранении гражданского мира внутри республики ради завоевания победы в войне и сохранения самой республики.

Так, к примеру, премьер-министр Аристид Бриан уже в декабре 1914 г. при формировании своего кабинета подчеркивал: «чтоб добиться победы недостаточно только одного героизма на фронте, необходимо обеспечить союз внутри страны». Об этом же заявляли крупные руководители Третьей республики Жорж Клемансо, Раймон Пуанкаре, Андре Тардьё, Жорж Лейг, Александр Мильеран [2. С. 19].

При этом «священное единение» поддерживали и такие непримиримые враги с республикой, как роялисты из лиги «Французское действие» (*Action française*), которые с самого начала мировой войны заявили о необходимости забыть внутренние разногласия и добиться того «священного единения», о котором объявил президент Пуанкаре [3. Р. 3]. Соответствующие идеи вошли и в приказ верховного вождя организации – герцога Орлеанского [4. Р. 2].

Хотя до 1914 г. в официальной прессе организации «Французское действие» – ежедневной газете «*L'actions française*» – звучала всесторонняя критика республиканского режима, от выпадов в адрес неэффективных реформ вооруженных сил [5. Р. 165] и промахах в социальной политике [6. Р. 3] до критики культурных и идеологических основ республики [7. Р. 2].

Роялисты французского действия подчеркнули, что не желают использовать военный конфликт для реализации собственной программы, которая и заключалась в свержении республики и ее институтов, поскольку роялистская программа свела бы на нет священное единение.

В августе 1914 г. «Аксьон Франсэз» объявила свои цели на период войны: поддерживать правительство; усилить борьбу против шпионов; наблюдать за подстрекательством и подавлять анархию; извлечь из войны уроки для укрепления государства [8. С. 147]. Многие члены «Аксьон Франсэз» отправились на фронт добровольцами, а идейные вдохновители организации Шарль Моррас и Леон Доде, не подлежавшие призыву по состоянию здоровья, продолжили заниматься написанием статей и издательством газеты в Париже, причем они не покинули

Париж даже когда республиканское правительство осенью 1914 г. эвакуировалось в Бордо [9. Р. 26].

Члены «Французского действия» действительно соблюдали гражданский мир, так, множественные публичные акции – основной метод политической борьбы лиги – были сведены к минимуму, конечно, важную роль в этом сыграла почти полная мобилизация молодежи, состоящей в «*Camelots du Roi*» – организации лиги, члены которой являлись разносчиками газеты «*L'actions française*», а попутно участвовали во всевозможных уличных потасовках с социалистами и коммунистами.

Кроме того, лига «Французское действие» свела к минимуму и выпады в сторону политических сил, которые не присутствовали в правительстве, но поддерживали священное единение, к примеру, в сторону (СФИО) Французской секции рабочего интернационала [10. Р. 5].

«Французское действие» в условиях невозможности прибегать к предвоенной тактике было вынуждено выработать новую, а поскольку почти весь «управляющий состав» лиги попутно занимался газетой, то решение сделать ставку именно на усиление публицистской деятельности выглядит вполне логичным.

На страницах газеты регулярно публиковались сводки с полей сражений, где перманентно подчеркивался героизм французского солдата и «жестокость немецких варваров»; публиковались статьи с выпадами в сторону газет и политиков, которые нарушали «священное единение» [11. С. 40]. При этом критика в сторону правительственных министров была сведена к минимуму и допускалась только тогда, когда политики уходили в отставку, а их инициативы не оказывали влияния на текущую политику республики, либо же в случае «предательства интересов французской нации», в этом преимущественно обвинялись политики, которые слишком попустительски относились к нарушению гражданского мира и к потенциальным шпионам. Речь идет прежде всего о 75-м премьер-министре Франции Жозефе Кайо, 82-м премьер-министре Аристиде Бриане, 84-м премьер-министре Жорже Клемансо и министре внутренних дел в 1914–1917 гг. Луи-Жане Мальви [11. С. 36–39].

Широкую популярность приобрели сводки Леона Доде, в которых он излагал свои наблюдения и информацию о потенциальных коллаборантах и эмиссарах «немецкого влияния», особенно широкое внимание произвело дело о газете «*Le bonnet rouge*» (Красный колпак), когда

весной 1917 г. финансовый директор газеты был остановлен на француско-швейцарской границе с немецкий чеком [11. С. 46]. Произошедшее как раз и вызвало конфликт с Кайо, Брианом и Мальви, которые были уличены в связях с газетой, а вследствие конфликта выпуск газеты «L'action française» даже был приостановлен на две недели [9. Р. 26].

К 1917 г. влияние «Французского действия» заметно усилилось, неуклонно росла аудитория газеты. Тираж газеты увеличился с 15–20 тысяч экземпляров в довоенный период до более 150 тысяч в ноябре 1917 г. Это было далеко от миллионного тиража самых массовых газет Франции, но рост примечателен [9. Р. 27]. «Французскому действию» удалось привлечь также консервативных и националистических читателей, не входящих в круг монархистов, и рядовых граждан Франции. Лигой была организована помощь солдатским семьям, отправка снаряжения на фронт, помощь солдатам в отпуске, сбор корреспонденции для раненых в госпиталях, помощь в поиске пропавших родственников. Все это сопровождалось роялистской агитацией [9. Р. 23]. Так, газета, которая ранее считалась маргинальной, приобрела весомое интеллектуальное влияние, причем и среди гражданского населения, и среди военных кругов.

При этом французское действие с большой радостью сообщало о приостановлении деятельности республиканских институтов. Так, к примеру, лига «Французское действие» одобрила приостановку деятельности парламента и ввод частичной цензуры, причем роялисты призывали прессу к самоцензуре и осмысленной печати [12. Р. 85]. Лидеры «Французского действия» также настаивали на усилении полномочий исполнительной власти и на предоставлении авторитарных, диктаторских полномочий главе государства или даже военному командованию [9. Р. 72].

Со стороны республиканских властей не наблюдалось прямой конфронтации с «Французским действием», хотя, судя по отчетам генеральной службы безопасности МВД, французское действие оставалось потенциально опасной ячейкой, которая в случае политического кризиса может задействовать внушительные силы [9. Р. 28]. Прямой конфликт возник уже под конец политики «священного единения», как раз во время дела «Le bonnet rouge».

По всей видимости, причины, по которым «Французское действие» не воспользовалось даже потенциальной возможностью переворота, особенно в условиях кризиса весны 1917 г., следующие.

Несмотря на рост авторитета «Французского действия», популярность именно роялистских идей во французской среде оставалась на довольно низком уровне, читателей «Французского действия» привлекала именно патриотическая риторика лиги, а не ее роялистская программа. А основной боевой состав лиги в лице «Camelots du Roi», как уже сказано выше, был мобилизован. Также весомую роль сыграла риторика «Французского действия» и пропагандируемый лигой «интегральный национализм», постулирующий, что национальные интересы стоят выше доктринальных. И по логике «интегрального национализма» в условиях войны «священное единение» и выступало объединяющим элементом и отвечало интересам французского государства. Его нарушение выглядело бы максимально антипатриотично.

К тому же Германия оставалась для Франции опасным соперником даже после подписания мирного договора, о чем «Французское действие» сообщало еще в цикле предвоенных статей [13. Р. 215]. С другой стороны, куда большую угрозу для республиканских властей, по всей видимости, играли левые движения, отказавшиеся от «священного единения», и Всеобщая конфедерация труда, особенно в реалиях революций в России и роста пацифистских настроений в рядах вооруженных сил Франции.

Список источников

1. Пуанкаре Р. На службе Франции 1915–1916: Воспоминания за девять лет : [в 2 кн.] / пер. с фр. Ф. Капелюша. Кн. 1. М. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1936. 527 с.
2. Ачкинази Б.А. Великая война и феномен «священного союза» во Франции (1914–1919) // Актуальные проблемы гуманитарных наук : труды IV Всерос. науч.-практ. конф. Симферополь, 2018. С. 19–24.
3. Le Moral // L'Action Française. 1 août 1914.
4. Devant l'ennemi // L'Action Française. 3 août 1914.
5. Maurras C. Kiel et Tanger, 1895-1905: La Republique française devant l'Europe. Paris : Nouvelle Librairie Nationale, 1914. 432 p.
6. La République et la Question ouvrière // L'Action Française. 1905.
7. Ploutocratie et liberté // L'Action Française. 9 mars 1911.
8. Молодяков В.Э. Шарль Моррас и «Action Française» против Германии от Кайзера до Гитлера. М. : Ун-т Дмитрия Пожарского, 2020. 430 с.

9. Audet-Vallée K. 'Faites un roi, sinon faites la guerre' L'Action française durant la Grande Guerre (1914–1918). Montréal : Département d'histoire Faculté des arts et sciences, 2012. 142 p.

10. Après vingt ans: paix ou guerre? // L'Action Française. 2 août 1914.

11. Молодяков В.Э. «Королевский прокурор»: Леон Доде, Шарль Моррас и военные усилия «Action française» // Вопросы национализма. 2016. № 1 (25). С. 34–50.

12. Maurras C. Les conditions de la victoire. Vol. 1. La France se sauve elle-même de juillet a mi-novembre, 1914. Paris : Nouvelle Librairie Nationale, 1916. 486 p.

13. Daudet L. L'avant-guerre; études et documents sur l'espionnage juif-allemand en France depuis l'affaire Dreyfus. Paris : Nouvelle librairie nationale, 1913. 312 p.

УДК 323.2

Д.И. Гуревич

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

МОЛОДЕЖНЫЕ СООБЩЕСТВА СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ» КАК КАНАЛ ПРОТЕСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ МОЛОДЕЖИ СТУДЕНЧЕСКОГО ГОРОДА

Аннотация. *Обозначена значимость исследования форм проявления политической активности молодежи в университетском городе Томске, в том числе активности протестной. Представлены результаты исследования молодежных сообществ Томской области в социальной сети «ВКонтакте» как канала протестной коммуникации молодежи: указаны данные о количестве публикаций и комментариев протестного характера, количестве молодежи среди авторов протестного контента, данные об эффективности канала протестной коммуникации.*

Ключевые слова: молодежь, протестная активность, протестная коммуникация, сообщества «ВКонтакте», студенческий город, Томск, протестный контент

Томск является студенческой столицей России. Этот город полностью соответствует признакам университетского города: высокая роль научно-образовательного комплекса в экономике города, на территории города присутствуют кампусы, университетские библиотеки, музеи и ботанические сады, отмечается инновационная активность и благоприятные условия для развития предпринимательства и пр. По данным Томскстата, в Томской области на 2021 г. доля молодежи в

общей численности населения региона составляет 27% (288 720 человек из 1 070 339) [1]. Число студентов на территории Томска в начале 2021/2022 уч. г. достигло 85 тыс. человек [2]. То есть около 14,4% населения Томска – студенты. Это значит, что студентом является каждый седьмой томич. Учитывая образовательный и производственный потенциал среды университетского города Томска, а также большое количество студентов и молодежи, справедливо можно предположить, что молодежь принимает или предпринимает попытки участия в политической жизни на муниципальном и региональном уровнях. В этой связи встает вопрос о формах проявления ее политической активности. Вопрос о протестной активности молодежи является на сегодняшний день недостаточно изученным и в томских условиях (появление в представительных органах новых партий и депутатов по итогам выборов, участие молодежи в различных акциях протеста) принимает особенно актуальное значение.

В современном мире в условиях информационного общества СМИ развиваются и играют все большую роль в процессе коммуникации, в том числе коммуникации политической. Сегодня социальные сети являются полноценными средствами массовой информации и коммуникации, а социальная сеть «ВКонтакте» является наиболее востребованной и популярной в Российской Федерации по объему контента и количеству авторов [3]. К тому же на сегодняшний день «ВКонтакте» является наиболее удобной открытой площадкой для коммуникации. Именно поэтому эта социальная сеть была выбрана как источник для анализа политической коммуникации в сети Интернет.

Для исследования отобрано несколько молодежных сообществ («Мой Томск», «Студенческий Томск», «Администрация Томска», «Томск Online», «Нетипичный Томск») социальной сети «ВКонтакте» на территории Томской области, а также их публикации за период с 01.01.2022 по 31.12.2022. Исследование проводилось при помощи критического дискурс-анализа по модели Н. Фэркло и анализа метрик в социальных сетях. Выбор периода связан со значимыми политическими событиями: начало специальной военной операции на Украине, назначение В.В. Мазура врио губернатора области, предвыборная кампания и выборы губернатора, довыборы в Думу города Томска, рассмотрение уголовного дела бывшего мэра И.Г. Кляйна, объявление

частичной мобилизации в России, присоединение Донецкой и Луганской республик, Запорожской и Херсонской областей к России, отмена прямых выборов мэра Томска.

В результате исследования было выявлено, что молодежные сообщества социальной сети «ВКонтакте» действительно являются каналом протестной коммуникации. Средняя доля публикаций протестного характера в сообществах за исследуемый период составила 19,46%. Средняя доля комментариев протестного характера в общем числе комментариев к публикациям в сообществах за исследуемый период составила 22,06%.

При этом возникают трудности в идентификации именно молодежного протестного контента, так как в большинстве случаев отсутствовала возможность определения точных демографических характеристик авторов протестного контента. Чаще всего аккаунты таких авторов являются закрытыми, у них не определен пол, возраст, а визуальный материал аккаунта не представляет возможности определить пол и возраст владельца аккаунта. Из 148 авторов контента протестного характера пол и/или возраст удалось определить у 45 авторов, 4 из которых можно было наверняка отнести к представителям молодежи.

Стоит отметить, что наиболее просматриваемыми публикациями стали те, в которых освещалась жизнь и деятельность нового политического субъекта на территории региона – губернатора В.В. Мазура, сначала в должности врио губернатора, а потом и в должности главы региона. Вероятно, это связано с количеством публикаций в ходе предвыборной кампании на пост губернатора Томской области, а также с разнообразием контента разного характера. Если сравнивать с новым событием федерального уровня – со специальной военной операцией, то можно отметить, что СВО в публикациях упоминалась гораздо реже, чем деятельность В.В. Мазура.

В числе контента, который имел высокие показатели вовлеченности аудитории, помимо материала с В.В. Мазуром, можно отметить материалы, связанные с протестами против вакцинации и введения QR-кодов, однако эти материалы присутствовали в повестке сообществ лишь в начале 2022 г. Среди событий, повлиявших на авторские позиции, помимо указанных выше, стоит выделить события федерального уровня: специальную военную операцию и частичную мобилизацию.

Необходимо обозначить, что в контенте протестного характера использовались разнообразные дискурсы и различные смысловые текстовые элементы для выражения авторской позиции, привлечения внимания к позиции и проблеме в целом. К наиболее часто используемым из таких элементов можно отнести обвинение конкретных акторов политико-управленческих процессов в происходящих событиях, имеющих негативные последствия (в публикациях, освещающих события различного уровня, фигурировали разные акторы: от томской городской администрации и отдельных лиц городской администрации до президента Российской Федерации и правительства), приведение аргументов и обозначение собственного отношения к проблеме, обвинение политических акторов и указание на их ответственность за произошедшие события негативного характера без называния конкретных лиц (чаще всего присутствовало обвинение в адрес абстрактного субъекта политических отношений – «власти» или «властей»), задавание вопросов к оппоненту и инициирование диалога, ссылки на экспертное мнение или репосты отдельных публикаций.

Трудно однозначно сказать об эффективности протестной коммуникации, представленной именно в рамках этого канала онлайн-коммуникации, так как реакции на контент протестного характера со стороны органов власти и местного самоуправления, а также со стороны лиц, ответственность которых за происходящие события была обозначена в публикациях и комментариях к ним, почти не последовало и присутствовали они исключительно в исследуемом сообществе «Администрация Томска», то есть официальном сообществе органа местного самоуправления.

Среди способов привлечения внимания к авторской позиции можно отметить такие средства, как сравнение сложившейся ситуации негативного характера с ситуациями позитивного характера в других городах России или даже в других странах, использование нецензурной лексики, выдвижение конкретных требований к ответственным за ситуацию лицам, гиперболизацию проблемы за счет подмены понятий и выдвижения «громких» лозунгов, обозначение негативных последствий сложившихся ситуаций, разделение позиций ответственных лиц и граждан, народа в целом.

Список источников

1. Распределение населения по возрастным группам // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Томской области. Томск, 2021. URL: <https://tmsk.gks.ru/folder/32175> (дата обращения: 02.12.2021).
2. День студента // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Томской области. Томск, 2023. URL: <https://tmsk.gks.ru/news/document/195674> (дата обращения: 25.01.2023).
3. ВКонтакте подвела итоги первого квартала 2022 года: количество российских пользователей в месяц – 73,4 млн, ежедневных просмотров VK Видео – 2,45 млрд // Новости ВКонтакте. [Б.м.], 2022. URL: <https://vk.com/press/q1-2022-results> (дата обращения: 15.02.2023).

УДК 353.2:[332.02]

И.Е. Делов

НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, Санкт-Петербург, Россия

ПАРТИСИПАТОРНОЕ БЮДЖЕТИРОВАНИЕ В РОССИИ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

Аннотация. *В рамках теории политического предпринимательства рассматривается механизм реализации партисипаторного бюджетирования в Санкт-Петербурге для ответа на вопрос: какой механизм лежал в основе его переноса? Для этого проанализированы интервью с акторами, участвовавшими в переносе опыта, которые раскрывают роль отдельных личностей в имплементации партисипаторного бюджетирования.*

Ключевые слова: партисипаторное бюджетирование, политическое предпринимательство, участие

Введение

Тренд на вовлечение граждан в политический процесс нельзя назвать новым, разговоры о партисипаторной демократии – демократии участия – ведутся уже с конца 1960-х гг., но последовательные воплощения идеала прямой демократии в реальной политике встречаются не так часто. В 1980-х гг. в бразильском городе Порту-Алегри, после того как левая Партия трудящихся одержала победу, запустился масштабный процесс преобразований, результатом которых и стало появление партисипаторного бюджетирования – механизма вовлечения граждан в распределение бюджетных средств. Как следствие

внедрения ПБ¹ в Порту-Алегри существенно сократилась коррупция и клиентелизм, а открытость муниципальных властей выросла [1. Р. 13]. После широкого распространения по Бразилии и Латинской Америке ПБ распространилось по всему миру. Россия не стала исключением, и в 2007 г. в Ставропольском крае запустилась Программа поддержки местных инициатив по модели Всемирного банка. Эта модель – одна из двух заметных вариаций партисипаторного бюджетирования в России, вторая – модель ЕУСПб, реализованная силами исследователей в Череповце, Сосновом Бору и Санкт-Петербурге².

С учетом демократического посыла бразильской практики возникает вопрос: какой механизм лежит в основе переноса опыта ПБ в контексты с ограничениями представительских институтов? Чтобы это выяснить, был проанализирован механизм ПБ в Санкт-Петербурге, проведены экспертные интервью с акторами, которые принимали участие в переносе опыта партисипаторного бюджетирования.

Теория и литература

В литературе относительно много внимания уделено результатам реализации ПБ [2. Р. 11], но меньше работ посвящено разбору механизмов его диффузии (policy diffusion) в различных контекстах. Особое внимание уделяется роли конкретных акторов при переносе опыта ПБ, анализируются их действия в рамках теории политического предпринимательства (policy entrepreneurship) со стороны государственных и негосударственных акторов [3]. Политические предприниматели, согласно Кингдону, – это акторы, готовые «вкладывать свои ресурсы – время, энергию, репутацию, деньги – в продвижение определенной позиции в обмен на ожидаемую будущую выгоду. Такая выгода может прийти к ним в виде политик, которые они поддерживают, удовлетворения от участия, а может даже привести к личному продвижению в виде укрепления на рабочем месте или продвижения по карьерной лестнице» [4]. В литературе о российском опыте переноса ПБ описываются особенности перевода курса (policy translation) и роль негосударственных акторов в процессе работы ПБ [5], но не рассматриваются

---

¹ Здесь и далее – партисипаторное бюджетирование.

² В первых двух механизмах до сих пор продолжает работать.

драйверы переноса и роль государственных акторов в имплементации ПБ. В то же время литература о диффузии политических курсов в России проблематизирует часто принудительный характер переноса политических курсов [6. С. 106] и ограниченные возможности политического предпринимательства в условиях «вертикали власти» [7. С. 131]. Кэтрин Оуэн, осмысливая расширение участия в России и Китае, видит в нем проявление партисипаторного авторитаризма, когда при сохранении закрытости политической сферы, для повышения эффективности приоткрывается сфера управления, но эффект от этого участия подбивается [8. Р. 420].

Так, литература о диффузии политических курсов в России не рассматривает ПБ, а литература о диффузии ПБ не касается России. В связи с этим вопрос: каким образом такая демократическая практика была реализована в Санкт-Петербурге?

Эта работа стремится заполнить указанный пробел и представить анализ переноса партисипаторного бюджетирования на примере Санкт-Петербурга, уделяя особое внимание роли государственных акторов в процессе переноса опыта ПБ.

Методология

Было проведено пять полуструктурированных интервью с непосредственными акторами переноса опыта ПБ в России и Петербурге. Акторы представляют собой три стороны, относящиеся к переносу ПБ: российский научно-исследовательский центр, который занимается продвижением инициативного бюджетирования¹ по всей стране, чиновники Комитета финансов Санкт-Петербурга, группа исследователей Европейского университета, которые занимались реализацией проекта «Твой Бюджет».

Результаты исследования

Идея петербургского партисипаторного бюджетирования, реализованная в проекте «Твой Бюджет», родилась в Комитете финансов Санкт-Петербурга. Сам проект представлял собой многоступенчатый

---

¹ Название для практик партисипаторного бюджетирования, закрепившееся в России, – инициативное бюджетирование.

процесс реализации инициатив петербуржцев в самых разных сферах (преимущественно в сфере благоустройства), который содержал и обязательный образовательный блок. На него выделялось 120 млн руб. в год, что составляло мизерную часть бюджета города.

По словам респондентов, А. Корабельников придал первоначальный импульс внедрению проекта партисипаторного бюджетирования, а его заместитель¹ описывается как человек, без которого бы «не было инициативного бюджетирования [в Санкт-Петербурге]» [9], и как «большой энтузиаст этого дела [механизмов взаимодействия с горожанами]» [10]. Со слов респондента 2, проект «Твой Бюджет» стал результатом удачного совпадения вкупе с инициативой А. Корабельникова – ему, «молодому и амбициозному» руководителю, хотелось «зачинить здесь свой проект»: «несложный», «пиаристый» – как возможность что-то «продемонстрировать руководству города» и «получить обратную связь» [11].

Начало реализации проекта ПБ – осень 2015 г., когда председатель Комитета финансов Алексей Корабельников, получив приглашение на Первую всероссийскую конференцию по инициативному бюджетированию, организованную НИФИ, заинтересовался идеей инициативного бюджетирования и поручил заместителю узнать об этом подробнее. Он пытался найти особый подход для Петербурга, которому не подходила практика Всемирного банка, больше ориентированная на решение инфраструктурных проблем в малых поселениях. В результате Комитет финансов обратился к экспертам ЕУСПб, которые уже реализовывали проекты партисипаторного бюджетирования в Сосновом Бору Ленинградской области и Череповце Вологодской области, представляли свои проекты администрациям этих городов. Их проект был ориентирован на решение более комплексных городских вопросов. Изначально контракт заключили с НИФИ Минфина – из-за необычности проекта необходимо было заручиться поддержкой влиятельных акторов, которым и стал исследовательский институт при Министерстве финансов, активно продвигавший ИБ² в России. На это наложились конфликты вокруг Европейского университета, с которым контракт все же заключили. Хотя переговоры между городом и консультантами тянулись

---

¹ Здесь и далее – респондент 2.

² Здесь и далее – инициативное бюджетирование.

почти год, респонденты отмечали, что видение проекта Европейским университетом в целом совпадало с видением Комитета финансов – они все были заинтересованы в качественной реализации рабочего механизма. Важно отметить, что консультанты ЕУСПб имели высокую агентность в процессе разработки методологии и итоговый проект является воплощением и их идей. Несмотря на это, логики, которыми руководствовались акторы, по словам респондента 4, неизбежно различались из-за работы в разных структурах [12]. Если консультанты Европейского университета стремились представить новую форму коммуникации между горожанами и властями, то чиновники были заинтересованы в более технократических целях, таких как обратная связь, большая эффективность бюджетных расходов и др. Более того, эти логики, со слов обеих сторон, претерпели значительные изменения в процессе реализации проекта.

В процессе работы над проектом «Твой Бюджет» вскрылась проблема, которая стала одной из причин закрытия и реформирования проекта. Не все чиновники горели идеей реализации проекта. Это касалось как линейного персонала Комитета финансов, так и других ведомств, кооперация с которыми была жизненно важна для проекта, но для них проекты граждан не являлись приоритетной задачей. Это обусловило необходимость «ручного режима» в процессе работы над проектом «Твой Бюджет», когда А. Корабельников и его заместитель постоянно продавливали инициативы в смежных комитетах и вкладывали огромное количество ресурсов в обеспечение нормального функционирования проекта [12]. В этом свете выглядит логичным окончательный упадок работы над проектом к концу 2021 г., когда Корабельников ушел с поста председателя Комитета финансов и перешел на должность вице-губернатора Санкт-Петербурга. После этого новые руководители Комитета финансов «ничего не закрыли, но и ничего не привнесли» [9]. Но проект «Твой Бюджет» был перезапущен в ином виде благодаря заместителю Корабельникова.

Такая ситуация показывает, как два чиновника, которые действовали как политические предприниматели, стали главными акторами реализации проекта ПБ. Заметна и разница в подходах: в то время как Корабельников стремился закрепиться и зарекомендовать себя на ответственном посту, его заместитель – респондент 2 – была

заинтересована в проекте идеологически. Видна и слабость политического предпринимательства в отсутствие поддержки со стороны других акторов. Важной находкой является и большая роль экспертов ЕУСПб, чьи действия в немалой степени определили итоговую форму проекта.

Выводы. Дискуссия

Политические предприниматели внутри Комитета финансов сыграли критическую роль в использовании окна возможностей для реализации механизма партисипаторного бюджетирования, и неудача в институционализации механизма проекта ПБ привела к его увяданию. На примере этого случая заметна и разница в мотивации предпринимателей: глава Комитета финансов хотел показать себя, а его заместитель оказалась сторонником идеи гражданского участия, заинтересованным в реализации качественного механизма вовлечения.

Данная работа показывает возможности и ограничения политического предпринимательства в реализации опыта ПБ различными инструментами. Если провести анализ реализации опыта ПБ в рамках теории множественных потоков (Multiple Streams Framework) Кингдона, то можно расширить тему для более полного понимания процесса. Анализ конкретной модели, лежавшей в основе переноса опыта, а также сравнительное исследование опыта ПБ городов Петербурга, Череповца и Соснового Бора помогут выяснить, какие факторы повлияли на выбор той же модели в последних двух городах.

Список источников

1. Pateman C. Participatory democracy revisited // *Perspectives on politics*. 2012. Vol. 10, № 1. P. 7–19.
2. Bartocci L., Grossi G., Mauro S.G., Ebdon C. The journey of participatory budgeting: a systematic literature review and future research directions // *International Review of Administrative Sciences*. 2022. P. 1–18.
3. Krenjova J., Raudla R. Policy diffusion at the local level: participatory budgeting in Estonia // *Urban affairs review*. 2018. Vol. 54, № 2. P. 419–447.
4. Kingdon J.W. *Agendas, Alternatives, and Public Policies*. Pearson, 2014. 240 p.

5. Aleksandrov E., Timoshenko K. Translating participatory budgeting in Russia: the roles of inscriptions and inscriptors // JAAE. 2018. Vol. 8, № 3. P. 302–326.

6. Гельман В.Я., Томила В.Л. Политические диффузии в условиях пространственно гибридного режима: институциональное строительство и выборы мэров в городах России // Полис. Политические исследования. 2007. № 6. С. 86–109.

7. Семенов А.В., Минаева Э.Ю. Заимствования политических курсов в сфере городского управления: анализ стратегического городского планирования в России // Ars Administrandi (Искусство управления). 2020. Т. 12, № 1. С. 120–136.

8. Owen C. Participatory authoritarianism: From bureaucratic transformation to civic participation in Russia and China // Rev. Int. Stud. 2020. Vol. 46, № 4. P. 415–434.

9. Интервью № 1 (мужчина, руководитель научно-исследовательского центра при НИФИ Минфина). Санкт-Петербург, 18.03.2023 // Из личного архива автора.

10. Интервью № 3 (мужчина, консультант проекта Твой Бюджет). Санкт-Петербург, 24.03.2023 // Из личного архива автора.

11. Интервью № 2 (женщина, глава одного из отделов Комитета финансов Санкт-Петербурга). Санкт-Петербург, 03.03.2023 // Из личного архива автора.

12. Интервью № 4 (женщина, консультант проекта Твой Бюджет). Санкт-Петербург, 11.04.2023 // Из личного архива автора.

УДК 304.42

А.Д. Дульский

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ И ТИПИЗАЦИИ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ

Аннотация. В статье анализируются различные подходы к определению понятия «цифровые платформы». Целями работы являются анализ понятия «цифровые платформы» и выявление общих тенденций к пониманию явления с точки зрения различных научных сфер. Выделены общие черты к определению цифровой платформы в технологическом, экономическом и социополитическом подходах: цифровые платформы представляют собой высокотехнологичные модели; цифровые платформы служат цели упрощения взаимодействия пользователей; цифровые платформы могут нести и совмещать в себе различные функции.

Ключевые слова: цифровые платформы, экосистемы, бизнес-модель, интернет, инновация

За последние 10 лет количество активных пользователей интернета выросло в 2,5 раза. По данным агентства We Are Social и сервиса для SMM Hootsuite на 2021 г., 4,95 млрд человек используют интернет, из них 4,62 млрд активно пользуются социальными сетями – это 58,4% от общей численности населения мира. В среднем, по данным исследования, пользователь проводит в интернете 7 часов в день, то есть почти половину бодрствования [1]. Интернет стал новой реальностью, позволяющей нам за несколько мгновений получить нужную информацию, воспользоваться необходимой услугой, связаться с кем-нибудь или выразить свою позицию в чем-либо. И эта огромная реальность состоит из миллионов различных цифровых платформ, предоставляющих пользователям различные возможности. Цифровые платформы в последние годы находятся в центре внимания исследователей со всего мира. Их изучение ведется в контексте таких дисциплин, как политология, коммуникативистика, социология, менеджмент, информационные технологии, экономика. Исследователи используют различные подходы к определению того, что представляет собой платформа, к их концептуализации и систематизации. Первые попытки сформировать концепцию цифровых платформ прослеживаются в 80-е гг. прошлого века в работах лауреата Нобелевской премии по экономике Жана Тироля. На примере цифровых платформ он объяснял, как двусторонние рынки влияют на экономические отношения [2]. В первое десятилетие XXI в. термин «цифровая платформа» ассоциировался в основном с экономикой, однако начиная с 2017 г. число научных публикаций, посвященных платформам, превышает два десятка в год, и интерес к этому явлению продолжает расти. Однако методологические подходы к объектам исследования существенно различаются. Обозреватели литературы о платформах насчитали уже восемь разных концепций платформ и 18 субконцепций в корпусе из 140 научных работ по девяти дисциплинам. В рамках данной работы мы рассмотрим основные подходы к изучению данного понятия с экономической, технологической и политической позиции.

Начнем с технического определения цифровых платформ. С точки зрения ИТ цифровая платформа – это автоматизированная информационная система особого класса. Она позволяет неограниченному либо условно неограниченному кругу лиц пользоваться ее возможностями

через интернет и решать свои технологические или функциональные задачи в автоматизированном режиме. В этом ее существенное отличие от других информационных систем, в частности от внутренней автоматизированной ИС. Цифровые платформы – это программные среды, в которых аппаратные средства интегрируются с прикладными решениями, повышающими эффективность всех сфер жизни общества [3]. С этой точки зрения существует несколько типов цифровых платформ:

1) **инструментальные цифровые платформы**, в основе которых находятся программные или программно-аппаратные комплексы (продукты), предназначенные для создания прикладных решений с использованием типовых функций и интерфейсов для обработки информации и с применением сквозных технологий работы с данными. Также цифровые платформы представленного типа включают функционал для отладки прикладных программных или программно-аппаратных инструментов. Примеры таких платформ – Java, SAP HANA, Android OS, iOS, Intel x86, Bitrix, Amazon Web Services, Microsoft Azure, TensorFlow, Cloud Foundry;

2) **инфраструктурные цифровые платформы**, связанные с экосистемами участников рынков информатизации, на которые выводятся ИТ-сервисы, использующие сквозные цифровые технологии работы с данными и доступ к источникам информации и применяемые в пределах экосистем. К платформам такого типа относятся General Electric Predix, ESRI ArcGIS, ЕСИА, «CoBrain-Аналитика», ЭРА-ГЛОНАСС (партнерская программа);

3) **прикладные цифровые платформы** – бизнес-модели, предоставляющие возможности алгоритмизированного обмена ценностями между значительным числом независимых участников рынка. Транзакции при этом проводятся в единой информационной среде. В данную группу входят, например, Uber, AirBnB, Aliexpress, Booking.com, Avito, Boeing suppliers portal, Apple AppStore, AviaSales, Alibaba, Yandex Taxi, Yandex Search, Predix Developer Network Appstore.

С технической точки зрения платформы представляют собой базис, на котором идет надстройка сервисов для использования. Однако кроме этого базиса выделяется группа бизнес-моделей для предоставления пользователям товаров и услуг, что формирует экономическую модель подхода к термину.

Экономическая сторона подхода к определению цифровой платформы многогранна и предоставляет множество вариантов толкования понятия [4]. Вот лишь некоторые из них:

Цифровая платформа – обеспеченная высокими технологиями бизнес-модель, которая создает стоимость, облегчая обмены между двумя группами участников или большим числом взаимозависимых групп.

Цифровая платформа – предприятие, обеспечивающее взаимовыгодные взаимодействия между сторонними производителями и потребителями. Она дает открытую инфраструктуру для участников и устанавливает новые правила.

Цифровая платформа – система алгоритмизированных взаимовыгодных взаимоотношений значимого количества независимых участников отрасли экономики (или сферы деятельности), осуществляемых в единой информационной среде, приводящая к снижению транзакционных издержек за счет применения пакета цифровых технологий работы с данными и изменения системы разделения труда.

Цифровая платформа – подрывная инновация, представляющая собой интегрированную информационную систему, обеспечивающую многосторонние взаимодействия пользователей по обмену информацией и ценностями, приводящие к снижению общих транзакционных издержек, оптимизации бизнес-процессов, повышению эффективности цепочки поставок товаров и услуг.

Исходя из вышесказанного, можно выделить несколько отличительных черт цифровых платформ как экономического явления: во-первых, это высокотехнологическая модель; во-вторых, она направлена на сокращение издержек; в-третьих, открыта для двухстороннего взаимодействия участников платформы. Стоит отметить, что эта двусторонность выделяется также и в техническом подходе к определению и служит основой для выделения цифровых платформ как социополитического инструмента [5].

Следует сказать, что как такового единого подхода к термину «политические цифровые платформы» нет. Основным примером подобных платформ на сегодняшний день являются официальные сайты различных органов власти и политических партий. В отличие от информационных сайтов, которые только предоставляют одностороннюю информацию пользователям, платформы, которыми пользуются, например, в

администрации г. Томска, предоставляют пользователям возможность обратиться в так называемую интернет-приемную, предоставляют возможность отправить обращение в форме электронного документа и получить информацию о ходе рассмотрения поданных ранее обращений. Подобные сервисы позволяют гражданам вести открытый диалог с представителями власти. Можно сказать, что политические цифровые платформы – это инструмент для двухстороннего взаимодействия граждан с органами власти посредством цифровых сервисов.

Приведенные варианты подходов к цифровым платформам свидетельствуют о том, что, несмотря на разные области, существуют общие тенденции к пониманию сущности платформ:

1. Цифровые платформы представляют собой высокотехнологичные модели.
2. Цифровые платформы служат цели упрощения взаимодействия пользователей.
3. Цифровые платформы могут нести и совмещать в себе различные функции.

Список источников

1. Global Digital 2022: вышел ежегодный отчет об интернете и социальных сетях – главные цифры // Sostav.ru. URL: <https://goo.su/v4gUD> (дата обращения: 28.03.2023).

2. Лауреат Нобелевской премии: Apple, Amazon, Facebook и Google нарушат мировой индустриальный и социальный статус-кво. URL: <https://forbes.kz/life/opinion/dddd/> (дата обращения: 28.03.2023).

3. Аналитический доклад Центра подготовки руководителей цифровой трансформации. URL: <https://strategy.cdto.ranepa.ru/predislovie> (дата обращения: 28.03.2023).

4. Поляков М.Л. Основные подходы к типологии цифровых медиаплатформ // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2022. № 2. С. 399–413.

5. Стырин Е.М., Дмитриева Н.Е. Государственные цифровые платформы: ключевые особенности и основные сценарии развития : доклад к XXII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апреля 2021 г. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 32 с.

А.В. Казанцев

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИМИДЖА ДВИЖЕНИЯ ТАЛИБАН

Аннотация. *В статье анализируется политический имидж движения Талибан, а также изучается политическое поле, в котором движение действует, на предмет наличия или отсутствия политического героического мономифа. В статье исследуются различные официальные опубликованные материалы движения Талибан, и на основе полученных данных выделяются основные элементы политического имиджа, а также формируется политический героический мономиф, характерный для движения.*

Ключевые слова: Талибан, политический имидж, политический мономиф, политическое поле, легитимация режима

В современном мире, где события быстро развиваются, люди воспринимают только часть информации из огромного потока, который проходит через их сознание. [1. С. 3]. По этой причине в политическом поле все большую значимость приобретает политическая коммуникация и политическое управление как ее составные части. В свою очередь, структурным элементом политической коммуникации выступает политический имидж – как сообщение, посылаемое в диалоговом взаимодействии между отправителем и адресатом [2. С. 80].

С момента отстранения лидеров от власти движение Талибан начало активные военные действия, используя террористические методы. Чтобы увеличить свою численность и расширить свое влияние в регионе, движение проводило пропаганду среди населения Афганистана, при этом сознательно формируя имидж, который был понятен и принимался населением [3. Р. 902]. Кроме того, политический имидж также можно рассматривать, как один из факторов, влияющих на легитимизацию власти [4. С. 35]. Эту же цель преследует политический миф, который А.М. Цуладзе определяет как «миф, используемый для реализации политических целей: борьбы за власть, легитимизации власти, осуществления политического господства» [5. С. 56].

Следовательно, и политический имидж, и политический миф, используются Талибаном, и как элемент пропаганды, и как способ легитимизации власти. Таким образом, целью данного исследования являются анализ и описание политического имиджа движения Талибан, а также рассмотрение политического поля, в котором существует Талибан, для определения наличия или отсутствия в этом символическом поле героического мономифа. Хронологические рамки данного исследования – 2007–2015 гг., что обусловлено изменениями во внутренней политике движения и признанием смерти первого лидера Талибана Муллы Омара.

В настоящее время отсутствует достаточное количество исследований, посвященных политическому имиджу движения. Наиболее близким политическому имиджу движения по смыслу и структуре, как представляется, является имидж политической партии. Важно отметить, что формирование политического имиджа представляет собой комплексный процесс, включающий деятельность средств массовой коммуникации, личностей и иные действия, связанные с движением. Например, террористические акты, которые также влияют на имидж Талибана.

Одним из основных нарративов лидеров Талибана является праведная борьба за защиту Ислама и традиционного культурного уклада жизни. В официальных заявлениях говорится о «восстановление исламской системы и нашей независимости» как о «священной обязанности» во время Джихада, т.е. священной борьбы за веру против «неверных»¹ [6]. В другом заявлении подчеркивается «защита принципов ислама и религии» и «спасение страны и народа от иностранного колониализма» [7].

Члены Талибана также видят себя героями, так как сражаются против «захватчиков», вторгнувшихся в страну. Сами себя талибы называют «Mujahideen» [7], что означает человека, сражающегося в поддержку своих религиозных убеждений [8]. В мусульманской культурно-религиозной традиции данный термин не имеет того негативного оттенка, которым мы привыкли наделять понятие. Напротив, «муджахид» или «муджахед» имеет более позитивное значение для мусульман – для них это мученик, добровольно выбравший путь мученичества. Мученичество же в исламе

---

¹ Infidels.

предопределяет право мученика на вечную жизнь после смерти. Таким образом, образ муджахеда для мусульман, в частности афганцев, – это образ праведника, отдавшего свою жизнь за свои убеждения.

Талибан использует исторические сравнения для поддержания героического нарратива в своих заявлениях. Они ссылаются на великие битвы прошлого и сравнивают героев того времени с современными «героями», что позволяет им создать образ праведных защитников веры и повысить значимость своей борьбы. Такие сравнения отсылают не только к истории Афганистана, но и к истории ислама. Так, операция «Badar» названа в честь Битвы при Бадре [7], в результате которой усилилось распространение ислама. В то время как операция «Омари» сравнивалась с Битвой при Ярмуке, которая имеет важное значение для мусульман. Талибан также акцентировал внимание на том, что в той битвы войска под лидерством халифа Умар ибн аль-Хаттаб одержали победу над неверными [7]. Таким образом, для Талибана важно показать преимущество в линии «защитников веры». Можно допустить, что Талибан, помимо ореола «героев-патриотов», также пытается создать образ праведных защитников веры.

В-третьих, Талибан и его лидеры не позиционируют себя как приверженцев той или иной ветви ислама. Наоборот, бывший глава движения заявлял, что «Ислам видит мусульман, как единое сообщество» [9. С. 26], при этом отрицая внутренний конфликт между шиитами и суннитами [10]. Более того, религия становится объединяющим фактором в движении, позволяя создать образ общеафганского, а не только пуштунского движения, тем самым смещая акценты с этнического на общегосударственный уровень. Однако пуштунские территории остаются стратегическим ядром, обеспечивая ресурсную базу для военных и политических целей Талибана.

Понятие мономифа дает Джозеф Кемпбелл в своей работе «Тысячеликий герой». В этой работе Кемпбелл анализирует путь мифогероя в смысловом аспекте. Героический мономиф, в центре которого «герой-избранник», стал частью политической реальности. В данном контексте мономиф в первую очередь символически означает власть лидера в политическом поле. Далее будет кратко разобрана биография Мухаммеда Омара – лидера движения – с целью определения выстроен ли на основе его жизни героический мономиф.

По Кемпбеллу, структура мономифа состоит из пути героя, который делится на исход, инициацию и возвращение; контекст, на фоне которого происходит путешествие героя (хаос сменяется космогенным порядком) [11. С. 287–301]. Мироустройство можно выделить как последний структурный элемент мономифа: герой, повергнув «зло» и преодолев испытания, возвращается с триумфом, чтобы принести средство спасения – «волшебный эликсир», и приступает к созданию нового мира, вводя «эликсир» в мир повседневный из мира сакрального [11. С. 253]. Таким образом, весь мономиф представляет собой историю путешествия героя из мира «профанного» в мир символический и обратно, каждый раз совершая обряд перехода [11. С. 229–240].

Первым этапом в путешествии героя является исход. Герой получает озарение от судьбы, толкающее его приступить к подвигу. В истории Мухаммеда Омара таким поворотным событием, как представляется, является создание движения Талибан в провинции Кандагар после 1992 г. В его биографии, написанной после его смерти, указано, что должность лидера ему «предложили на общем собрании» [12]. Таким образом, герой получает призыв к путешествию от судьбы.

Второй этап – фаза инициации, связанная с преодолением героем ряда испытаний, чтобы в итоге переродиться. Герой получает магическую помощь, которая позволяет ему раз за разом успешно проходить препятствия на пути к цели [11. С. 78–81]. Этот лейтмотив также присутствует в биографии Мухаммеда Омара. Так, в «путешествии» Мухаммеда Омара можно выделить два периода, в которых ему приходится бороться с трудностями. Первый – это период прихода Талибана к власти, второй период начинается после 2001 г. Герой, по Кемпбеллу, каждый раз преодолевает посланные ему испытания при помощи «волшебного помощника». В нашем случае Мулла Омар использует «магические силы», что является «божественной помощью Аллаха» [13].

Наконец, последний этап – возвращение героя с победой. Герой возвращается, чтобы установить новый порядок. Его триумф обожествляет его в глазах других. Мухаммед Омар также проходит заключительный этап, установив новое справедливое мироустройство в виде новообразованного государства – Исламского Эмирата. Стоит также отметить, что героическое путешествие Мухаммеда Омара происходит на фоне борьбы Порядка с Хаосом, где Порядок олицетворяет

движение Талибан, а Хаос и Зло – его враги, персонифицированные правительством президента Раббани, а затем коалицией во главе с США.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы: во-первых, движение Талибан целенаправленно создает свой политический имидж, в основе которого лежит образ защитников нации и религии от «неверных»; во-вторых, для политического имиджа движения характерно наличие политического мономифа, представленного фольклорной обработкой биографии его первого лидера Мухаммеда Омара. Таким образом, создается особая политическая реальность, позволяющая легитимизировать власть лидеров Талибана на подконтрольных территориях.

Список источников

1. Власова Ю.А. Психологические аспекты в рекламной деятельности // Международная научно-техническая конференция молодых ученых БГТУ им. В.Г. Шухова. Минск, 2017. С. 1–5.
2. Чернышова Л.В. Некоторые подходы к исследованию понятий политический имидж и сетевой имидж // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2020. № 3 (33). С. 79–84.
3. Lalancette M., Raynauld V. The power of political image: Justin Trudeau, Instagram, and celebrity politics // American behavioral scientist. 2019. № 63 (7). P. 888–924.
4. Гасратова Ф.М. Факторы легитимации власти // Вестник ГУУ. 2014. № 7. С. 35–38.
5. Цуладзе А.М. Политическая мифология. М. : Эксмо, 2003. 384 с.
6. Statement by Leadership Council of Islamic Emirate regarding inauguration of spring offensive entitled «Operation Omari» // Carol Anne Grayson (Radical Sister) blog. URL: <https://activist1.blog/2016/04/12/statement-by-leadership-council-of-islamic-emirate-regarding-inauguration-of-spring-offensive-entitled-operation-omari/> (access date: 01.04.2023).
7. Statement of the Leadership Council of the Islamic Emirate Regarding the Inception of the Spring Operations // Geneva Call. 2011. URL: http://theirwords.org/media/transfer/doc/af_taliban_2011_07-99874ad97798da2a788e3f5257435780.pdf (access date: 01.04.2023).
8. Oxford Learner's Dictionary // Oxford University Press. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/american_english/mujahideen#:~:text=%2C%20%2F%CB%8Cmud%CA%92%C9%99h%C9%99%CB%88din%2F,of%20their%20strong%20Muslim%20beliefs (access date: 01.04.2023).
9. Johnson T.H., DuPee M., Shaaker W. Taliban narratives: The use and power of stories in the Afghanistan conflict. Oxford University Press, 2017. 376 p.

10. Message of Ameer Al Mumeneen Mullah Mohammad Omar Mujahid about the pleasure of Eid al-Fitr // Arrahmah Media Network. 2008. URL: <https://www.arrahmah.id/message-of-ameer-al-mumeneen-mullah-mohammad-omar-mujahid-about-the-pleasur/> (access date: 01.04.2023).

11. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. Москва : Рефл-бук ; АСТ ; Киев : Ваклер, 1997. 384 с.

12. د مرحوم امير المؤمنين ملا محمد عمر مجاهد (رحمه الله) ژوند ليک // Official website of Islamic Emirate of Afghanistan. 2017. URL: <https://clck.ru/3552Uh> (access date: 01.04.2023).

13. د امير المؤمنين ملا محمد عمر مجاهد رحمه الله، په ژوند کې مهم تصاميم او عبرتونه. // Official website of Islamic Emirate of Afghanistan. 2021. URL: <https://clck.ru/3552U3> (access date: 01.04.2023).

УДК 316.48

Д.А. Курочкина

*Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск, Россия*

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ОРГАНЫ ВЛАСТИ: ПОТЕНЦИАЛ ПОСРЕДНИЧЕСТВА В ГОРОДСКИХ КОНФЛИКТАХ

Аннотация. В статье представлены результаты исследования выбираемых стратегий действий муниципальных органов власти в городских конфликтах и анализ потенциала посредничества. Эмпирическим материалом для анализа послужили 12 кейсов конфликтов в Новосибирске. Действенное и перспективное устранение разногласий – включение в конфликт местного самоуправления в качестве третьей стороны для устранения масштабного и резонансного протеста, возникшего в рамках городской «арены».

Ключевые слова: городские конфликты, муниципальные органы власти, посредничество, стратегии управления конфликтом

Городские конфликты являются естественным и актуальным фоном развивающихся городов. Это обусловлено наличием разнообразных противоречий в городской среде и ростом факторов конфликтности, вызванных быстрыми изменениями в градостроительной и технологической сферах, экономических и социальных отношениях. По справедливому замечанию И.Р. Медведева, город считается основным местом конфликтов [1. С. 25]. Его пространство постоянно трансформируется

и наполняется новыми жителями, интересы которых зачастую сталкиваются между собой. Проблемы во взаимоотношениях между основными акторами в городской среде сегодня во многом определяются темпами и характером развития городского пространства. Городские конфликты разворачиваются во взаимоотношениях субъектов трех основных типов: муниципальные органы власти, бизнес-структуры и городская общественность, причем если два последних чаще всего выступают участниками конфликта, то роль местного самоуправления может существенно варьироваться от глубокой вовлеченности до дистанцирования или посредничества. Помимо основных субъектов, в конфликтных взаимоотношениях присутствуют и другие участники, так называемые «актеры второго плана», которые могут оказывать существенное воздействие на конфликт, оставаясь при этом в стороне.

Поскольку роль и позиции муниципальных органов власти как «игрока» на «аренах» городских конфликтов существенно дифференцированы (местное самоуправление может быть сопричастно к конфликту, игнорировать конфликт или использовать различные стратегии управления конфликтом), проблема исследования заключается в необходимости выделения позиций муниципальных органов власти в конкретных конфликтах, а также в анализе выбираемых стратегий и потенциала посредничества.

Теоретической рамкой анализа процессов взаимодействия основных пользователей города является концепция «игроков» и «арен», созданная Джеймсом Джаспером, с помощью которой можно рассматривать процессы взаимодействия участников городских отношений. Джаспер определяет «арены» как места или ситуации, функционирующие в пределах конкретных правил и имеющихся ресурсов, которые допускают различные виды взаимодействия участников [2]. «Игроки» – индивиды или группы индивидов, организаций, заинтересованных в развитии ситуации в свою пользу в рамках имеющихся «арен», которые взаимодействуют друг с другом, преследуя поставленные цели, устанавливают приоритетные аспекты, выбирают стратегии поведения и справляются с противоречиями [3]. «Арены», на которых взаимодействуют «игроки», могут быть связаны между собой и являться частью установленной системы, могут быть связаны самими игроками, которые, являясь участниками сразу нескольких «арен», формируют

определенные взаимоотношения и свое «дипломатическое» видение ситуации. Характер городских «арен» во многом определяется городскими режимами, которые предполагают существование устойчивых коалиций и наличие определенных ресурсов. Кларенс Стоун предложил классификацию режимов в зависимости от поставленных целей: режим развития (органы власти и бизнес-структуры инвестируют ресурсы в рост экономики); режим поддержания статуса-кво, согласно которому существует определенный уровень гарантированных публичных благ; прогрессивный режим (в политике активно принимает участие средний класс); режим, целью которого является реализация программ государства, направленных на помощь бедным слоям населения [4. Р. 135]. Всеволод Бедерсон на основании исследования современных российских городов выделяет такие режимы, как состязательный, характеризующийся преобладанием бизнес-структур и наличием вертикали власти; конфронтационный – режим, отличающийся от других своей высокой степенью политической конкуренции и нефрагментированным бизнесом; соревновательный авторитарный, в котором присутствует низкая политическая конкуренция и фрагментированный бизнес и закапсулированный режим, который характеризуется нефрагментированностью бизнеса и низкой политической конкуренцией [5. С. 291]. Влияние городских режимов на «арены» определяется такими параметрами, как наличие повестки, степень конкуренции политических и экономических групп, степень фрагментации бизнеса и направленность целей. Характер режимов и «арен» влияет на действия «игроков», но во многом и конструируется ими в ходе холодных и горячих городских конфликтов.

Предметом анализа являются выбираемые стратегии действий органов власти в городских конфликтах. Эмпирической базой исследования стали кейсы конфликтов, аккумулированные в геоинформационной системе сбора данных и анализа конфликтов Новосибирской агломерации «Конфликты NSK». Используя кейс-метод, из нее выделены и проанализированы 12 конфликтов в городе Новосибирск с участием муниципальных органов власти за 2014–2022 гг. В рамках исследования была проанализирована позиция муниципальных органов власти в таких конфликтах, как «Богдана Хмельницкого: Дом спорта, Клуб Отдых», «Сквер на Демакова», «Нарымский сквер», «Строительство на

территории Лицея № 22 «Надежда Сибири»», «Строительство Восточного обхода Новосибирска, пуск транзитного транспорта через Советский район», «Жители МЖК против стройки торгового павильона на месте обещанного сквера», «Православные активисты против концерта Мэрилина Мэнсона в Новосибирске», «Пешеходный мост», «Жители Родников/Снегирей против мечети» и другие. Для отбора кейсов были использованы следующие критерии: состав участников (обязательное присутствие муниципальных органов власти в конфликте), масштаб проекта, локация конфликта в пределах Новосибирска, наличие информации о действиях органов власти и наличие завершенности конфликта с известным исходом.

В 5 из 12 случаев муниципальные органы власти выбирали стратегию посредничества и придерживались данной позиции в ходе всего конфликта. Посредничество реализовалось через организацию переговоров со сторонами конфликта и поиск решения, удовлетворяющего требованиям конфликтующих сторон. Например, в конфликте «Богдана Хмельницкого: Дом спорта, Клуб Отдых», где местные жители выступали против строительства жилого комплекса, мэрия разрешила строительство, согласовав волнующий жителей внешний облик нового здания и ограничила этажность постройки. Однако, выбрав с самого начала стратегию посредничества, органы власти не смогли удержать ее до конца и ушли в административные решения, объявив улицу Богдана Хмельницкого объектом культурного наследия. В других конфликтах посредничество проявлялось в инициировании органами власти диалога между сторонами, путем организации площадки, например круглого стола, встреч, общественных обсуждений, или повышении информированности сторон через трансляцию информации о положительных сторонах реализуемого проекта в средствах массовой информации. То есть органы власти пытались перевести конфликт в конструктивное русло. Выбор стратегии посредничества определялся масштабом конфликта и уровнем резонанса, инвестиционной емкостью проекта, наличием ресурсов у местного самоуправления для урегулирования конфликта, а также необходимостью снижения социальной напряженности.

Кроме того, были выявлены случаи, когда местное самоуправление, прибегая к посредничеству, в результате становилось участником

конфликтных взаимоотношений. Это связано с эскалацией конфликта органами власти и применением силовых методов влияния на других. Участником конфликта органы власти становились в тех случаях, когда возникало недовольство со стороны местных жителей, а также неприятие проекта инициативы от власти, поскольку горожане были уверены, что это нарушает их права на «свой» город, как, например, в конфликте «Жители Родников/Снегирей против мечети» [6. С. 146]. А нереализованный проект или решение несет местному самоуправлению большие финансовые и репутационные потери.

В оставшихся проанализированных кейсах, объединенных отсутствием посреднических действий, позиция муниципальных органов власти связана с дистанцированием от конфликта, которое обусловлено отсутствием рычагов для решения проблемы и одобрения со стороны региональных органов власти; игнорирование конфликта органами власти проявляется в отсутствии реакции на митинги, которые организуют активисты, или избегании очных встреч с представителями общественности – представители власти аргументируют это отсутствием полномочий для решения проблемы; использование стратегии нейтрализации конфликта зачастую применяется, если в конфликте фигурируют дорогие федеральные проекты.

Анализ кейсов конфликтов показал, что в современном городе существует открытый социальный запрос на умение высоконравственно и гуманно разрешать городские конфликты, поскольку устранение деструктивных последствий, возникших в результате данных конфликтов, потребует привлечения значительных средств и сил. Действенное и перспективное устранение разногласий – включение в конфликт третьей стороны. Поэтому в ряде случаев местное самоуправление берет на себя функции посредника в городских конфликтах. Это обусловлено тем, что в настоящее время выход из конфликта путем переговоров является важным не только для основных «игроков» на «аренах», но и для всех жителей города. Органы власти пытаются устранить масштабный и резонансный протест, возникший в рамках городской «арены». В большинстве случаев противоречия возникают в таких сферах, как благоустройство, строительство, стратегия городского развития и реализация коммерческих проектов. Занимая нейтральную сторону между конфликтующими сторонами, местное самоуправление помогает им в преодолении разногласий и конструктивном урегулировании

конфликта, устанавливая и поддерживая общение непосредственно между сторонами.

Список источников

1. Медведев И.Р. Разрешение городских конфликтов. М. : Инфотропик Медиа, 2017. 372 с.
2. Jasper J.M. Linking Arenas: Structuring Concepts in the Study of Politics and Protest // Social Movement Studies. 2021. № 20 (2). P. 243–257.
3. Желнина А.А., Тыканова Е.В. «Игроки» на «аренах»: анализ взаимодействий в городских локальных конфликтах (случай Санкт-Петербурга и Москвы) // ЖИСП. 2021. № 2. 18 с.
4. Stone C.N. Regime Politics: Governing Atlanta, 1946–1988. Lawrence : University Press of Kansas, 1989. 314 p.
5. Бедерсон В.Д., Шевцова И.К. Застройщики, партия власти и немного конкуренции в российских миллионниках: типология городских режимов в 2010-е гг. // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19, № 2. С. 285–300.
6. Лефевр А. Другие Парижи // Логос. 2008. № 3 (66). С. 141–147.

УДК 316.647.82

М. Лазурди

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ЭТНИЧЕСКИХ КИТАЙЦЕВ В ИНДОНЕЗИИ: АНАЛИЗ ДИСКРИМИНАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ ПО ОТНОШЕНИЮ К ЭТНИЧЕСКИМ КИТАЙЦАМ В ИНДОНЕЗИИ

Аннотация. В этой работе обсуждается динамика политической жизни и дискриминационное обращение с этническими китайцами в Индонезии, а также выясняется, как дискриминационные политические взгляды все еще существуют, хотя дискриминационной политики больше нет.

Ключевые слова: дискриминация, политика идентичности, этнические китайцы в Индонезии

Отношения между политической властью элиты и простыми коренными жителями Индонезии и этническими китайцами проходят через множество взлетов и падений. Начиная с периода королевств на архипелаге часто возникали разногласия между властями / коренным

населением и этническими китайцами. Худшие отношения между властью и китайским обществом сложились во времена Нового порядка, ситуация стала улучшаться после реформы. Дискриминационная политика была четко обозначена в эпоху Нового порядка, но постепенно устранилась президентами в период реформ, и до сих пор в их рамках практически не существует политики в виде законов и постановлений, которые явно или неявно дискриминируют китайское сообщество. Несмотря на то что положения, дискриминирующие этнических китайцев в политике, были отменены, формы дискриминации в отношении этнических китайцев в Индонезии по-прежнему часто наблюдаются в различных аспектах.

Дискриминация относится к несправедливому обращению с определенными людьми. С человеком обращаются несправедливо из-за этнической, межгрупповой принадлежности, пола, расы, религии и убеждений, политической принадлежности, физического состояния или других характеристик – так проявляются акты дискриминации. История жизни китайцев в Индонезии всегда сопровождалась дискриминацией, которая приводила к насильственным инцидентам. Почти при каждой смене периода в Индонезии этнические китайцы становятся жертвами насилия из-за антикитайских настроений. Политика правительства по систематической дискриминации этнических китайцев началась с авторитарного правительства Сухарто [1. Р. 32]. Через указ президента № 240 от 1967 г. О политике в отношении индонезийских граждан иностранного происхождения правительство Нового порядка (режим Сухарто) ввело политику ассимиляции, которая дискриминировала этнических китайцев [2. Р. 2]. После падения авторитарного режима Сухарто и начала политической реформы в Индонезии в 1998 г. политика систематической дискриминации была отменена, но культурная дискриминация со стороны общественности и политических элит в отношении этнических китайцев продолжалась, особенно в политической сфере, например дискриминация на выборах кандидатов из числа этнических китайцев. Даже крайне правые нарративы нетерпимы к группам меньшинств, в первую очередь к китайцам, которые являются козлами отпущения за любой происходящий хаос, особенно в политике. Именно эта группа провела демонстрацию против губернатора Джакарты китайско-индонезийской национальности и сумела свергнуть его в 2017 г.

Возникновение политической дискриминации этнических китайцев в Индонезии можно увидеть из исторических аспектов политики на архипелаге. Правительством в 1967 г. издается Поручение президента № 14 о запрете китайских религий, верований и обычаев, препятствующих самовыражению в повседневной жизни китайских граждан. Антипатия к этническому китайскому меньшинству возникла не вдруг. Это состояние является наследием колониальной политики, которое до сих пор поддерживается многими людьми [3. Р. 256]. Историческая память и религиозная доктрина сыграли большую роль в формировании антикитайских настроений в индонезийской политике.

Политическая дискриминация этнических китайцев в прошлом привела к потере их политических прав, а в наше время – к ограничению пространства для передвижения и самовыражения в обществе. В эпоху авторитарного Нового порядка китайцы практически не вели серьезной борьбы с дискриминацией в политической сфере, а вместо этого переключили свое внимание на мир бизнеса и экономики. После Нового порядка китайцы смогли стать государственными чиновниками и политическими деятелями, сохраняя при этом свою этническую идентичность. Китайское общество сейчас поднимается на борьбу с дискриминацией посредством организационных форумов [4. Р. 2].

Исторически сложилось так, что в Конституции Республики Индонезия есть одна статья, которая содержит дискриминационную политику в политической сфере, а именно ст. 6 (1) Конституции 1945 г., в которой обозначено требование к кандидату на должность президента: должен быть коренным индонезийцем [5]. Другими словами, потомком первоначального индонезийского племени. Эта статья исключает участие в президентских выборах в Индонезии политических деятелей иностранного этнического происхождения или иммигрантов. Поэтому на протяжении десятилетий политический процесс в Индонезии следовал в неверном направлении, дискриминируя другие этнические группы, не являющиеся коренными индонезийцами.

В своем исследовании Т.Х. Ситабуан [6. Р. 175] пишет, что в эпоху реформы положение этнических китайцев в Индонезии улучшилось. Некоренным жителям китайского происхождения были предоставлены различные свободы, а индонезийское общество стало более открытым и терпимым по отношению к ним. Но разные политики, избранные

президентами в эпоху реформ, не смогли устранить или ликвидировать дискриминацию в отношении этнических китайцев на практическом уровне в виде дискриминационных исполнительных правил или обращения со стороны бюрократических чиновников. И даже после издания Закона № 12 от 2006 г. «О гражданстве Республики Индонезия» во время правления президента Сусило Бамбанг Юдхойоно в 2004–2009 и 2009–2014 гг., который явно изменил «концепцию коренных граждан» на «концепцию исконной индонезийской нации» и отменил доказательство индонезийского гражданства (SBKRI), в Индонезии все еще сохраняется дискриминация этнических китайцев.

Примером является дискриминация Басуки Тьяхаджи Пурнамы или Ахока, когда он был заместителем губернатора DKI Джакарты. Этот факт подтверждается его признанием о том, что подвергся значительной дискриминации из-за своей религии и этнической принадлежности, когда сопровождал Джокко Видодо в качестве заместителя губернатора Джакарты [7]. Национальные политические условия по-прежнему доминируют в использовании политики идентичности для получения власти. Неудивительно, что во время выборов губернатора Джакарты в 2017 г. Ахок, который когда-то был регентом Восточного Белитунга, наткнулся на вопрос о религиозном богохульстве, вызвав переполох на национальном политическом уровне. Затем его посадили в тюрьму на два года [8].

Изменения были внесены в третью и четвертую поправки к Конституции 1945 г. Третья поправка к Конституции 1945 г. внесена на ежегодной сессии Народного консультативного собрания 1–9 ноября 2001 г., а четвертая поправка была внесена на ежегодной сессии Народного консультативного собрания 1–11 августа 2002 г. [9]. Статья 6 (1) в настоящее время гласит: кандидаты в президенты и кандидаты в вице-президенты должны быть гражданами Индонезии с рождения и никогда не принимать другое гражданство по своей собственной воле, никогда не предавать государство и быть физически и психически способными к выполнению своих обязанностей и обязательств в качестве президента и вице-президента. Кроме того, были предприняты попытки решить проблему SBKRI конкретно или устранить структурную дискриминацию в Индонезии [10. P. V]. Иными словами, правительство предприняло попытку отменить письменные нормы, ведущие к

дискриминации, в то время как в обществе возникли дискуссии между коренными жителями и китайцами.

Таким образом, политическая дискриминация этнических китайцев в Индонезии происходила в эпоху правления Сухарто, продолжилась она и в период реформ, и до сих пор дискриминация этнических китайцев все еще существует в различных аспектах. Несмотря на то, что дискриминационных правил в виде законов и постановлений больше нет, дискриминационное поведение остается, хотя проявляется все реже. Это будущая задача для правительства —развивать возможность-межгруппового диалога, чтобы устранить политизацию идентичности в обществе и укрепить целостность национального единства.

Список источников

1. Nurcahyo D.A. Kebijakan orde baru terhadap etnis Tionghoa. Skripsi Sarjana, Universitas Sanatha Dharma, 2016. 114 p.
2. Dawa M.D.L. Kebijakan asimilasi pemerintah orde baru dan tanggapan orang-orang tionghoa kristen di gereja kristus tuhan (GKT) 1968–1998. Malang : Media Nusa Creative, 2016. 300 p.
3. Hapsari R.D. Bibit Nasionalisme di Kalangan Penduduk Tionghoa di Indonesia // Jurnal Politica. Dinamika Masalah Politik Dalam Negeri Dan Hubungan Internasional. 2016. № 7 (2).
4. Irawan J. Diskriminasi Terhadap etnis tionghoa dan pembentukan Perhimpunan indonesia tionghoa (INTI). Skripsi Sarjana, Universitas Kristen Petra, 2006. URL: <https://dewey.petra.ac.id/catalog/digital/detail? id=19489> (access date: 11.04.2023).
5. Undang-undang dasar negara Republik Indonesia 1945 BAB III Pasal 6 ayat 1 tentang kekuasaan pemerintah // MKRI.id. Jakarta, 2022. URL: <https://www.mkri.id/public/content/infoumum/regulation/pdf/UUD45%20ASLI.pdf> (access date: 11.04.2023).
6. Sitabuana T.H. Penyelesaian Masalah Diskriminasi Terhadap Etnis Cina: Studi Tentang Perkembangan Politik Hukum Bidang Kewarganegaraan Republik Indonesia. Jakarta : Konpress, 2014. 512 p.
7. Aldila N., Dp Y.A. Ahok Curhat tentang Diskriminasi Etnis Tionghoa dan PDI P // Bisnis. 2021. URL: <https://kabar24.bisnis.com/read/20210212/15/1355614/ahok-curhat-tentang-diskriminasi-etnis-tionghoa-dan-pdi-p> (access date: 11.04.2023).
8. Tim. Jatuh Bangun Etnis Tionghoa dalam Politik Indonesia // Nasional. 2019. URL: <https://www.cnnindonesia.com/nasional/20190205120557-32-366561/jatuh-bangun-etnis-tionghoa-dalam-politik-indonesia> (access date: 11.04.2023).
9. Raditya I.N. Isi Pasal 6 dan 6A: Bunyi Sebelum & Setelah Amandemen UUD 1945 // Tirto.id. Jakarta, 2021. URL: <https://tirto.id/gj5C> (access date: 11.01.2022).
10. Komisi Nasional Hak Asasi Manusia (Komnas HAM). SBKRI: analisis dan hasil pemantauan // Perpustakaan Komnas HAM. Jakarta, 2006. URL:

УДК 323.2

Е.Д. Наумова

НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, Санкт-Петербург, Россия

КОНЦЕПЦИЯ ПАТРИОТИЗМА: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

Аннотация. *В статье рассматриваются современные способы концептуализации понятия «патриотизм», альтернативные общепринятым, аналитически малосодержательным определениям. Посредством критического анализа выявляются перспективы и трудности использования того или иного подхода, предпринимается попытка систематизации существующих типологий патриотизма. Работа носит теоретический (методологический) характер.*

Ключевые слова: патриотизм, политическая идентичность, социально-политическая психология, политические ценности

Патриотизм, будучи неотъемлемой частью общественного дискурса в России, в последнее время все чаще используется риторикой власти. Поскольку патриотизм отражает отношение человека или группы к определенному политическому сообществу [1. Р. 101], эта тема является актуальной в исследованиях диалога между властью и обществом.

Однако в большинстве источников отечественной и зарубежной литературы патриотизм трактуется исключительно как эмоциональная реакция («любовь к Родине» [2], «преданность» [3], «приверженность своей стране» [4], «чувство» [5]), в результате чего эта категория оказалась на периферии политической науки. В связи с этим целью данной работы является литературный обзор и критический анализ более продуктивных способов концептуализации патриотизма.

В первом выделенном подходе для определения патриотизма используется теория социальной идентичности Г. Тэджфела и Дж. Тернера. В рамках этого подхода одна группа исследователей определяет патриотизм как внешнее, нередко эмоциональное проявление национальной идентичности [6. Р. 65], в то время как другая группа

рассматривает патриотизм как одну из форм национальной или гражданской идентичности, противопоставляя ее другим формам (шовинизм [7. Р. 291–293], национализм [8. Р. 74–75]). Второй способ определения представляется более продуктивным для изучения патриотизма с точки зрения политической науки, поскольку за счет критериев, на основе которых выделяются упомянутые выше классификации, патриотизм приобретает собственный концептуальный смысл и отличается по значению от исключительно эмоциональных проявлений.

Что касается возможностей подхода в целом, идентичность признается многими авторами как продуктивный инструмент исследований, обладающий потенциалом для изучения политического участия, межгрупповых конфликтов, политического конформизма [9], политических предпочтений, динамики политических режимов [6] и т.д. Такой подход способствует становлению патриотизма как самостоятельной аналитической категории. Однако данный способ концептуализации также сталкивается с рядом трудностей. В первую очередь в уточнении нуждается основание или объект патриотизма, поскольку часто термины «национальная идентичность» и «гражданская идентичность» используются в одном и том же значении без учета специфики каждого из них. Одним из способов преодоления этой трудности является использование более широких и нейтральных понятий, таких как, например, «макрополитическая идентичность» [10]. Кроме того, в силу принадлежности этих понятий к разным дисциплинам, методологическую трудность представляет переход между ними [8. Р. 74]. Остается неясным, как соотносятся социальная идентичность и политическая и как это соотношение влияет на концептуализацию и дальнейшие исследования патриотизма.

Одна группа исследователей считает, что социальная идентичность становится политической при совмещении ее в сознании индивида с определенными свойствами «политического», например, с верой в то, что цели группы могут быть достигнуты путем коллективного действия [11]. Другая группа рассматривает политическую идентичность как результат политической социализации [12]. Интересным и проблематичным также представляется вопрос о соотношении индивидуального и коллективного в определении патриотизма. Многие ученые

говорят о необходимости разделения исследований, связанных с темой идентичности, на индивидуальный и коллективный уровни [13]. Также стоит отметить тот факт, что в самой теории идентичности существуют пробелы [14], проявляющиеся особенно ярко при изучении политических феноменов.

Во втором подходе патриотизм рассматривается как «ценностная установка на взаимное выполнение обязанностей гражданина и власти, которая лежит в основе формирования гражданской идентичности индивида» [15. С. 15]. Несмотря на то, что принцип подотчетности власти обществу сужает теоретическую рамку до анализа исключительно гражданского типа патриотизма на индивидуальном уровне, преимуществом является тот факт, что при таком подходе четко очерчены субъект патриотизма (гражданин) и его объект (власть, государственные институты), и это способствует использованию определения для эмпирических исследований патриотизма. То же самое можно сказать о попытке авторов «вывести» патриотизм из сферы эмоционального в сферу рационального и осознанного, однако полный отказ от рассмотрения эмоциональных аспектов патриотизма, по мнению некоторых исследователей, может привести к потере связи с реальностью [16. Р. 444–446]. Другим моментом, требующим дополнительных исследований, является определение происхождения патриотических ценностей. Чтобы понять, от чего зависит их наличие, необходимо знать, каким образом они формируются. В этом плане интересным моментом является соотношение ценностей, которые насаждаются извне и воспринимаются некритически, и ценностей, которые осмысляются и трансформируются в сознании индивида под влиянием уже существующих установок. Такие исследования открывают перспективы для изучения влияния таких феноменов, как политика идентичности или пропаганда, проводимых государством, на ценности и установки отдельной личности.

Третий подход предполагает представление патриотизма в виде субъект-объектного отношения [17]. Целью такого подхода является выделение его базовых элементов. Можно выделить 3 элемента патриотизма: субъект, отношение и объект. На взгляд автора, этот подход позволяет систематизировать существующие типологии патриотизма. Так, главным критерием для выделения субъекта можно считать

сознание, в котором будет содержаться отношение патриотизма. К элементу «субъект» можно отнести разделение патриотизма по уровню сознания на индивидуальный и коллективный, где коллективный в свою очередь подразделяется по степени осознанности патриотических установок на политическую психологию и политическую идеологию [18. С. 246], а также по степени специфичности патриотических ценностей на групповой и общественный [19. С. 35–36]. В рамках объекта можно выделить классификацию по масштабу макрополитического сообщества: местный, региональный, общегражданский [5. С. 70–73] и транснациональный уровни патриотизма.

Для объяснения элемента «отношение» предлагается использовать теорию социально-политических установок Г.Г. Дилигенского, которая включает 4 компонента: когнитивный, эмоциональный, ценностный и поведенческий [20]. Тогда ценностный компонент будет включать в себя те классификации, в основе которых лежат представления индивида о том, как должны выглядеть отношения между человеком или группой и макрополитическим сообществом. Например, сюда можно отнести распространенное сегодня разделение патриотизма на критический (constructive) и некритический (blind) [21]. Помимо систематизации существующих типологий, разделение патриотизма на базовые элементы позволяет исследовать его на уровне политических систем. Например, используя теорию Д. Истона [22], если представить патриотизм в виде своеобразного «черного ящика», который формирует вход (input) политической системы, можно исследовать патриотизм на уровне его функций и сделать выводы относительно того, как ценности и установки отдельного субъекта (человека или группы) проявляются и оказывают определенное влияние на уровне политической системы в целом.

Таким образом, в данной статье собраны современные способы определения патриотизма, рассмотрены возможности и трудности каждого из них. Отдельно хочется отметить, что в силу того, что каждый из подходов опирается на теоретические положения социологии, личностной и социальной психологии, при дальнейших исследованиях патриотизма продуктивным будет использование междисциплинарного подхода. Кроме того, поскольку значения, которыми отдельные личности и группы наделяют патриотизм, варьируются очень широко,

перспективными представляются исследования, опирающиеся на интерпретативные методы.

Список источников

1. Archard D. Three Ways to Be a Good Patriot // *Public Affairs Quarterly*. 1995. Vol. 9, № 2. P. 101–113.
2. Viroli M. *For love of country: An essay on patriotism and nationalism*. New York : Oxford University Press, 1995. P. 1–13.
3. Keller S. Patriotism as Bad Faith // *Ethics*. 2005. Vol. 115, № 3. P. 563–592.
4. Brighouse H. Justifying Patriotism // *Social Theory and Practice*. 2006. Vol. 32, № 4. P. 547–558.
5. Халий И.А. Патриотизм в России: опыт типологизации // *Социологические исследования*. 2017. № 2. С. 67–74.
6. Huddy L., Khatib N. American Patriotism, National Identity, and Political Involvement // *American Journal of Political Science*. 2007. Vol. 51, № 1. P. 63–77.
7. Blank T., Schmidt P. National Identity in a United Germany: Nationalism or Patriotism? An Empirical Test with Representative Data // *Political Psychology*. 2003. Vol. 24, № 2. P. 289–312.
8. Citrin J., Wong C., Duff B. The meaning of American national identity: Patterns of ethnic conflict and consensus // *Social identity, intergroup conflict, and conflict reduction* / ed. by R.D. Ashmore, L. Jussim, D. Wilder. 2001. P. 71–100.
9. Bar-Tal D. Patriotism as Fundamental Beliefs of Group Members // *Politics and the Individual*. 1993. Vol. 3, № 2. P. 45–62.
10. Малинова О.Ю. Макрополитическая идентичность // *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. М. : Весь мир, 2017. С. 368–370.
11. Group Consciousness and Political Participation / A.H. Miller, P. Gurin, G. Gurin, O. Malanchuk // *American Journal of Political Science*. 1981. Vol. 25, № 3. P. 494–511.
12. Семененко И.С. Политическая идентичность // *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. М. : Весь мир, 2017. С. 349–354.
13. Малахов В.С. Неудобства с идентичностью // *Вопросы философии*. 1998. № 2. С. 43–53.
14. Huddy L. From Social to Political Identity: A Critical Examination of Social Identity Theory // *Political Psychology*. 2001. Vol. 22, № 1. P. 127–156.
15. Мартынов М.Ю., Габеркорн А.И., Пуртова В.С. Патриотизм и формирование гражданской идентичности. Сургут : Дефис, 2019. 270 с.
16. Primoratz I. Patriotism: A Deflationary View // *The Philosophical Forum*. 2002. Vol. 33, № 4. P. 443–458.
17. Кудря А.Д. Понятие «патриотизм», его сущность и виды. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3284 (дата обращения: 17.03.2023).

18. Трифонов Ю.Н. О патриотической идеологии в условиях идеологического многообразия // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 3 (35). С. 245–254.

19. Абрамов А.В. Российский патриотизм: история и современность. М. : ИИУ МГОУ, 2016. 184 с.

20. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М. : Институт «Открытое общество», 1994. 304 с.

21. Schatz R.T., Staub E., Lavine H. On the Varieties of National Attachment: Blind versus Constructive Patriotism // Political Psychology. 1999. Vol. 20, № 1. P. 161–174.

22. Easton D. A Re-Assessment of the Concept of Political Support // British Journal of Political Science. 1975. Vol. 5, № 4. P. 435–457.

УДК 303.8+311.2

Д.Д. Потапова

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

ПРОБЛЕМА ПРИНЯТИЯ ЗАКОНА О ДОМАШНЕМ НАСИЛИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКЕ ФЕМИНИСТИЧЕСКИХ ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВ

Аннотация. *Учитывая, что домашнее насилие является традиционной темой феминистического дискурса, представляется интересным изучить, какое место занимает данная проблема в политической повестке феминистических онлайн-сообществ. В данном исследовании будет проанализирован контент онлайн-сообщества «Школа феминизма» за 2019 и 2021 гг., проведено сравнение полученных результатов и сделаны выводы о динамике интереса к рассматриваемой теме со стороны администратора изучаемого сообщества.*

Ключевые слова: политическая коммуникация, феминизм, онлайн-сообщество, Интернет, домашнее насилие

Активное развитие медиапространства в XXI в. способствовало появлению такого явления, как медиакратия. Влиятельные позиции в данных условиях занимают не народ или правитель, а люди (или группы людей), создающие уникальные культурные коды, которые в дальнейшем формируют новую виртуальную реальность [1. С. 67]. А.И. Соловьев считает, что медиакратия становится некой политической

альтернативой в странах с переходным режимом (например, в России), где слабо развиты идеологические методы символизации [2. С. 11].

Российский политолог Н.Г. Щербинина считает, что массмедиа предоставляют индивидам адекватное знание о политическом мире и тем самым формируют политическую медиареальность (особый мир символов и смыслов, через восприятие которых человек оценивает политический порядок) [3. С. 220].

Одной из проблем, беспокоящих современных феминисток, без сомнений является домашнее насилие. По статистике МВД России 75% пострадавших от домашнего насилия в России – женщины, 83% российских женщин, осужденных за превышение самообороны, защищались от своих партнеров, в то время как всего 3% российских мужчин, осужденных за превышение самообороны, защищались от своих партнеров [4]. Более того, как показал анализ политической повестки в исследованиях, проводимых ранее [5. С. 155], тема домашнего насилия занимает в ней особое место.

С учетом значимости интернет-коммуникации в современном российском обществе представляется значимым отследить динамику освещения темы домашнего насилия в онлайн-сообществе «Школа феминизма». Исходная гипотеза заключается в том, что интерес соответствующего сообщества к этой теме связан с изменениями, происходившими с законопроектом о профилактике домашнего насилия в 2019 (когда законопроект был выдвинут на рассмотрение в Государственную думу) и 2021 гг. (когда мировое сообщество активно призывало Россию принять закон, направленный на борьбу с домашним насилием).

В функции поиска по стене сообщества было указано словосочетание-маркер «домашнее насилие» (в склонениях). Временные рамки исследования первоначально должны были охватывать 2021 и 2019 гг. полностью. Однако в процессе анализа стало известно, что любое упоминание домашнего насилия в контенте сообщества «Школа феминизма» начинается лишь со второй половины 2019 г. (а именно – с 21.06.2019). Такой разрыв представляется неслучайным, так как именно во второй половине 2019 г. законопроект о профилактике домашнего насилия стал известен широкой общественности и был внесен на рассмотрение в Государственную думу. Следовательно, публикации в данном сообществе входили в общий информационный фон

продвижения законопроекта в наиболее актуальный период его обсуждения. Поэтому в выборку вошли публикации за весь 2021 г. (165) и вторую половину 2019 г. (252).

Так, сплошной выборкой было отсортировано 417 постов, посвященных теме домашнего насилия (далее – ДН) в целом. Затем с помощью дискурс-анализа были выявлены ключевые аспекты каждой публикации, что позволило выделить 10 категорий: «Социальные акции, пикеты, митинги», «Проблема ДН в других странах», «Как борются с ДН в других странах», «Стереотипы», «Закон о ДН», «Помощь жертвам ДН», «Образование и искусство», «Прорехи в законодательстве», «Проблема ДН в РФ», «Реальные истории» [6. С. 104].

Анализ количественных данных сообщества «Школа феминизма» за изучаемые периоды показал неравномерный интерес со стороны администраторов как к теме домашнего насилия в целом, так и ко многим из выделенных выше категорий. В частности, общее количество публикаций по данной теме в 2021 г. оказалось в 1,53 раза меньше, чем во второй половине 2019 г.

В контенте сообщества за вторую половину 2019 г. доминируют такие категории, как «Закон о ДН» (45 публикаций) и «Проблема ДН в РФ» (40 публикаций). В 2021-м же лидирующие позиции заняли категории «Стереотипы» (29 публикаций) и «Проблема ДН в РФ» (28 публикаций).

Информационная освещенность некоторых категорий в сравнении 2019 и 2021 гг. не претерпела ощутимых изменений. Почти не заметна разница долей публикаций в таких категориях, как «Проблема ДН в других странах» (снижение на 2%), «Как борются с ДН в других странах» (снижение на 2%), «Прорехи в законодательстве» (снижение на 5%), «Проблема ДН в РФ» (повышение на 1%), «Реальные истории» (повышение на 4%).

Отметим, что для «Школы феминизма» просвещение подписчиков в области феминизма (в частности, проблемы домашнего насилия) по-прежнему является одним из приоритетных направлений. Категория «Образование и искусство» не претерпела существенных изменений за два года, даже наблюдается прирост в 2021 г. на 5%.

Однако в случае некоторых категорий наблюдается интересная динамика. «Социальные акции, пикеты, митинги» в 2021 г. стали

составлять лишь 2% контента (что на 8% ниже показателей 2019 г.), а «Закон о ДН» – 5% (снижение на 13%). «Стереотипы» и «Помощь жертвам ДН», напротив, стали чаще встречаться в годовом контенте сообщества (прирост на 11 и 9% соответственно).

Очевидно, что, несмотря на сохранение общей структуры актуальной повестки «Школы феминизма», интерес ее авторов к законопроекту о профилактике домашнего насилия, а также акциям в его поддержку или против практики домашнего насилия стал угасать. Такой неравномерный интерес к значимым аспектам темы может быть связан как с отсутствием информационных поводов по объективным причинам (ограничение проведения массовых мероприятий в связи с пандемией COVID-19, замедление темпов прохождения законопроекта), так и с переориентацией создателей и авторов сообщества на другие (возможно, более актуальные) темы.

Одновременно с этим увеличился интерес к категориям, связанным с распространением стереотипов о домашнем насилии и помощью жертвам домашнего насилия. Вероятно, активное обсуждение законопроекта среди населения привело к еще большему распространению стереотипов о домашнем насилии, с помощью которых традиционно настроенная общественность получила инструменты для дальнейшего поощрения подобной практики. Кроме того, можно предположить, что российское феминистское сообщество пришло к осознанию, что в борьбе с домашним насилием бессмысленно полагаться на помощь государства, отказывающегося финансировать приюты и обеспечивать безопасность внутри них. Поэтому многочисленные негосударственные женские организации самостоятельно справляются с финансовыми тяготами, а феминистические онлайн-сообщества доносят информацию об их положении до своих подписчиков.

В целом анализ контента изучаемого феминистического онлайн-сообщества за 2019 и 2021 гг. показал отрицательную динамику заинтересованности государства и общества в решении данной проблемы. Заинтересованность в создании контента именно такого содержания значительно снизилась за два года, что является примечательным в рамках данного исследования. Эту гипотезу подтверждает снижение количества публикаций, посвященных состоянию законопроекта, анонсирующих различные социальные акции в поддержку его скорейшего

принятия. Тем не менее администраторы сообщества по-прежнему занимаются просветительской деятельностью среди своих подписчиков, рассказывают о реальных случаях домашнего насилия и повсеместности проблемы, пытаются повлиять на сознание общества и подтолкнуть к действиям по борьбе с ней.

Диалог власти и феминистических сообществ сначала был успешен, ведь многочисленные публикации на эту тему обращали внимание общественности и занимали центральное место в формировании общей повестки дня. Первое время государство реагировало на эти вызовы, о чем свидетельствовали положительные изменения в принятии законопроекта. Однако к 2021 г. в состоянии законопроекта не происходит никаких изменений, да и сами феминистические онлайн-сообщества замещают контент этого содержания другим (вероятно, более актуальным). Вероятно, бездействие властей в отношении данной проблемы в конечном счете привело к спаду интереса к ней внутри феминистического сообщества.

Таким образом, можно сделать вывод, что сетевая политическая коммуникация о путях решения проблемы домашнего насилия в российском обществе оказалась неэффективна.

Список источников

1. Ковалев Г.С. Медиакратия в современном политическом процессе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2007. № 4. С. 67.
2. Соловьев А.И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. 2002. № 3. С. 5–18.
3. Щербинина Н.Г. Определение медиареальности и коммуникации в контексте теории политического конструирования реальности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 50. С. 220.
4. Реальный масштаб домашнего насилия в России. 20 чисел. URL: <https://meduza.io/feature/2020/01/28/realnyy-masshtab-domashnego-nasiliya-v-rossii-20-tsifr> (дата обращения: 17.01.2022).
5. Потапова Д.Д. Политическая повестка феминистских сообществ в российском сегменте сети Интернет (на примере сообщества «Soc-Fem» в социальной сети «ВКонтакте») // Актуальные вопросы истории, философии, права и педагогики. 2021. С. 153–158.
6. Потапова Д.Д. Проблема домашнего насилия в политической повестке феминистических онлайн-сообществ в социальной сети «ВКонтакте» // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика / под ред. Я.Ю. Шашковой, Т.А. Асеевой, О.С. Киреевой. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2023. Т. 15. С. 101–107.

А.С. Протасов

Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, Россия

ПРОБЛЕМА НАСИЛИЯ В ХОДЕ МЕКСИКАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1910–1917 гг.

Аннотация. *В статье рассматривается феномен насилия в ходе коренных социальных изменений в обществе на примере Мексиканской революции 1910–1917 гг. Анализируются различные формы и виды насилия. Показана ведущая роль социального насилия одной части общества над другой, его объективные социально-экономические предпосылки. Делаются выводы об усугублении форм социального и иного насилия при обострении и длительном неразрешении важнейших проблем общества.*

Ключевые слова: Мексиканская революция 1910–1917 гг., насилие, социальное насилие, аграрная проблема, социальная история, «асиендадос», «асиенды»

Насилие во всех своих проявлениях является неотъемлемой частью человеческого общества. Переломные моменты истории государств, такие как революции и гражданские войны, прочно ассоциируются с масштабным применением насилия. Отечественные исследователи посвящают этой проблематике свои работы, показывают психологические, философские, идеологические аспекты возрастания на применения насилия. Для нашей страны это особенно актуально, учитывая богатый революционный опыт России [2]. Другие регионы и страны не являются исключением. В качестве примера может служить Мексика, которая также прошла через эпоху революции, тем более что экономика и общество обеих стран в начале XX в. были преимущественно аграрными и экспортно ориентированными.

История Мексиканской революции 1910–1917 гг. полна кровавых эпизодов, затрагивающих не только солдат и мирное население страны, но и граждан других государств. Так, рейд мексиканского полевого командира П. Вильи в американский приграничный город Коламбус 9 марта 1916 г. закончился резней, как и ранние убийства американских специалистов в Мексике [1. С. 40–41]. Все это привело к полномасштабной интервенции американских войск в Мексику и к новой волне насилия.

Откуда же происходит массовое физическое насилие, порождаемое революциями, что служит ему причиной? Такое масштабное явление, как революция, затрагивает общество в целом, а значит, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо изучить общественные отношения перед социальными потрясениями и в ходе них. Кроме того, убийства и другие следствия войн и нестабильности являются лишь крайними проявлениями насилия, которое имеет быть место постоянно. Это социальное насилие, которому одни прослойки населения страны подвергают другие. Их корни также лежат в общественных отношениях и социально-экономическом положении страны.

В данной работе на примере революционных событий и социально-экономического положения Мексики первой четверти XX в. проводится анализ форм насилия, изучаются объективные предпосылки взрыва насилия во время резких социальных перемен в обществе. Данный исторический период подробно рассмотрен в фундаментальной работе Н.Н. Платошкина [3]. Источниками для исследования послужили программные документы мексиканских революционных движений и лидеров, в которых институционализируются различные виды насилия [4, 5].

Социальной опорой режима «порфириата» (1876–1911) и выгодоприобретателем либеральной модернизации стала прослойка крупнейших землевладельцев «асиендадос», которые составляли политическую элиту страны: они были друзьями и старыми соратниками самого П. Диаса. Их крупные землевладения, «асиенды», пользуясь поддержкой правительства, поглощали мелкие хозяйства, приобретали товарность и становились крупнейшими сельскохозяйственными производителями. От такой политики страдали крестьяне, вынужденные наниматься в кабальные условия. В южном штате Морелос земли лишились до 99% крестьян [3. С. 77–78].

«Асиенды» были достаточно устойчивы, чтобы сохранять архаичные феодальные черты. Владельцы часто не управляли своим владением и не жили в нем, всеми делами занимались назначаемые ими управляющие. Они, в свою очередь, делили землю на ранчо и также передавали их своим заместителям, «ранчерос», которые управляли им как своей собственностью, отсылая часть урожая управляющему. Крестьянам-арендаторам доставалась земля в самых бедных ранчо.

«Асиенда» часто была скорее способом вести безбедную и престижную жизнь, чем капиталистическим предприятием, хозяйство охотнее стремилось к самодостаточности, чем к поставке товаров на рынок [6. Р. 106–108]. Эта самодостаточность обеспечивалась максимальным сокращением расходов, поэтому крестьяне пахали на выращенных на «асиенде» волах, используя примитивные инструменты собственного изготовления и производя большую часть необходимой продукции самостоятельно, ослабляя рыночные связи в государстве.

Характер рабочей силы на крупных сельскохозяйственных предприятиях был очень разнообразен. Типы работников включали в себя: постоянных наемных работников, сезонных работников, часто приезжающих издалека. Значительная часть земледельцев находилась в долговой зависимости и работали на господской земле фактически за еду, а часть формально были жителями свободных деревень, а не «асиенды», но так как во владениях последней находились все лучшие земли и пастбища, они были вынуждены арендовать их [6. Р. 110–112]. Четкой системы заработной платы у работников не было, чаще всего ее аналогом служила продукция самой «асиенды», деньги выдавались несколько раз в год по праздникам, и тратить их зачастую можно было только «тьендах де райа» (магазинах, принадлежащих хозяину «асиенды»). В целом средняя покупательная способность мексиканского сельского работника была в 14 раз ниже, чем у такового в США [6. Р. 149–151].

Можно сделать вывод, что структура сельского хозяйства продолжала оставаться архаичной, несмотря на внедрение капиталистических элементов. Подавляющему большинству населения модернизация не принесла ничего, кроме потери стабильного источника дохода в виде собственной земли и все ухудшающихся условий найма у «асиендадос». Вместо маиса – основного продукта питания – крестьяне были вынуждены выращивать технические культуры, что еще больше ухудшало их уровень жизни. Какая-либо поддержка со стороны государства непосредственно аграрных работников отсутствовала.

Таким образом, мы видим, что в течении целых поколений подавляющее большинство населения Мексики – сельские работники –

подвергалось социальному насилию со стороны нескольких сотен семей «асиендадос» и служившего их интересам государственного аппарата. Лишение общинников своих земельных участков ставило их под угрозу голодной смерти и прямой контроль со стороны крупных землевладельцев, диктовавших свои условия. Это социальное насилие перетекало в прямое физическое, когда крестьянские выступления подавлялись сельской полицией «руралес».

Волна революционного насилия была спровоцирована в первую очередь политической и хозяйственной элитой страны, которые, в силу своих интересов, не разрешали социально-экономические проблемы большинства населения. Конечно, лишенное политического и гуманистического просвещения население в ходе жесткой социальной перестройки часто демонстрировало жестокость и насилие, особенно к представителям старой элиты.

Политическая жестокость, которая ранее применялась к большинству населения, в период социальных потрясений применяется им же против меньшинства крупнейших земельных собственников и их социальных союзников – армии, церкви, части интеллигенции и буржуазии. Крестьянские массы выдвигают своих лидеров и предпринимают попытки институционализировать процесс в своих интересах, противоположных интересам старой элиты. Так, крестьянский вождь Э. Сапата в своем «Плане Айала» (1911) призывает к разделу собственности крупнейших «асиенд».

Другие социальные группы также стремились следовать своим интересам. Так, мексиканская буржуазия и средние земельные собственники стремились лишить асиендадос политической власти. В их программном документе «План Сан-Луис-Потоси» акцент делается на необходимости установления политических свобод, но также говорится и о несправедливости существующих земельных отношений, что вызвало поддержку этого плана у широких масс населения [5]. Данная группа также пользуется инструментами насилия и принуждения, но делает это в более мягких формулировках в силу развитой политической культуры. Однако процесс насилия в ходе революции и гражданской войны всегда кумулятивен, то есть уровень его применения постоянно возрастает с каждым актом насилия, совершенным одной из групп, и в следующий раз акты

такого рода совершают уже все стороны конфликта [2]. Этот процесс движется по возрастающей.

Физическое насилие не происходит из ниоткуда, оно имеет под собой твердую основу и порождается другим видом насилия – социальным. Наиболее ярко оно проявляется при противоречии интересов различных социальных групп, которое и вызывает всплески социального насилия, перетекающего в физическое. Препятствия развитию и благополучию большинства населения становятся самыми значительными противоречиями, порождающими самое масштабное использование насилия. Его жертвами становятся те группы, которые не обладают политической силой, и военными ресурсами в данный момент.

Список источников

1. Манухин А.А. Карательная экспедиция генерала Першинга в Мексику (1916–1917). Причины, ход и последствия // Латинская Америка. 2012. № 9. С. 39–52.
2. Морозова О.М. Применение насилия в период революции и гражданской войны в России: идеология и практика. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?level1=main&level2=articles&textid=2414> (дата обращения: 30.01.2023).
3. Платошкин Н.Н. История Мексиканской революции. Истоки и победа 1810–1917 гг. Т. 1. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2011. 425 с.
4. El Plan De Ayala, 28 de Noviembre de 1911. URL: <https://www.memoria-politica-demexico.org/Textos/6Revolucion/1911PDA.html> (access date: 30.01.2023).
5. El Plan de San Luis Potosí. Octubre 5 de 1910. URL: <https://www.memoriapolitica-demexico.org/Textos/6Revolucion/1910PSL.html> (access date: 30.01.2023).
6. Tannenbaum F. The Mexican Agrarian Revolution. New York : Archon Books, 1968. 543 p.

Д.Е. Середя

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОДГОТОВКИ ЮРИСТОВ В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. *На основе нормативно-правовых актов, принятых в первое десятилетие советской власти, устанавливаются особенности государственной политики в сфере подготовки юристов. Делается вывод о том, что при наличии изначально рациональных мотивов в реформе высшего юридического образования этого периода были заложены системные ошибки.*

Ключевые слова: СССР, государственная политика, юридическое образование, подготовка юристов, юриспруденция

В условиях проведения различных государственно-правовых преобразований, а также поиска оптимальных моделей взаимодействия государства и общества на первый план выдвигаются вопросы совершенствования системы высшего юридического образования. Вместе с тем совершенствование этой системы предполагает исследование исторического опыта прошлого (как позитивного, так и негативного). В перспективе такое исследование позволит избежать повторения системных ошибок при проведении реформы юридического образования на современном этапе.

Феномен воспроизводства профессиональных юридических кадров всегда оказывался внутри актуального правоведческого дискурса. Однако плодотворно осмысливаемая в последние годы проблема так называемых переходных периодов страны так и не нашла пристального внимания и системного отражения в исследованиях по истории юридического образования. Данный факт обусловил выбор темы данной статьи, целью которой стало выявление особенностей государственной политики в сфере подготовки юристов в первое десятилетие советской власти.

Главным образом, проведенное исследование позволило установить, что в рассматриваемый период были заложены основы советского юридического образования, а также сформулированы его

идеологические принципы. В этот период руководство страны прошло путь от полного отрицания необходимости юридического образования для нового советского государства к пониманию его значимости как одного из основополагающих институтов государственного устройства, требовавшего в изменившихся обстоятельствах разработки новой педагогической парадигмы своего существования.

Революционные события 1917 г. со всей очевидностью повлекли за собой изменения во всех направлениях жизни государства. Приход к власти большевиков ознаменовал начало нового этапа реформирования системы подготовки юристов. Советская власть стала держать юридические учебные заведения под строгим административным и идеологическим контролем, что было вполне объяснимо: именно здесь обучались кадры будущих чиновников, судей, прокуроров и т.д.

В первое десятилетие советской власти был конкретно поставлен вопрос о необходимости подготовки юридических кадров, что выразилось в принятии ряда партийных и правительственных документов. В то же время решение такой задачи связывалось больше с насаждением классового подхода к решению различных юридических вопросов, а не с возможностью изменения программ юридических факультетов.

Задачи, решаемые высшим юридическим образованием, были существенно изменены с началом социалистического строительства страны. Последнее было связано с общими для всего гуманитарного образования факторами. В частности, на это существенно оказало влияние начало процессов социальной, экономической и политической трансформации общества и государства, требовавших соответствующего идеологического обеспечения. Кроме того, были распространены антибольшевистские настроения дореволюционной профессуры. К примеру, политика новой власти в отношении высшей школы зачастую подвергалась критике на страницах томских газет в конце 1917 г. [1. С. 65].

Снижение социального статуса гуманитарных наук, во многом воспринимавшихся в качестве элемента буржуазной идеологии, в сочетании со стремлениями к революционным экспериментам в образовательной сфере повлияли не только на сокращение программ юридического образования, но и на искоренение его традиционных структур в виде юридических факультетов. «С первого удара коммунистической

революции, – писал один из основоположников советской юстиции П.И. Стучка, – пал буржуазный юрист и буржуазное право» [2. С. 106].

Постановлением Наркомпроса РСФСР № 859 от 12 февраля 1918 г. «Об упразднении юридических факультетов российских университетов» все юридические факультеты университетов были упразднены ввиду «совершенной устарелости учебных планов <...> полного несоответствия этих планов требованиям научной методологии» [3. С. 15–16]. Кафедры юридических факультетов на время переходного периода передавались на историко-филологические.

В то же время правительство стремилось кардинальным образом поменять целостный социальный состав студентов и «наполнить» университеты представителями рабочего класса как своей политической опоры. Реализовать это стремление было возможно путем открытия доступа в университеты пролетариям. В этом смысле обращают на себя внимание положения следующих нормативных актов: Декрета СНК РСФСР «О правилах приема в высшие учебные заведения» и постановления СНК «О преимущественном приеме в высшие учебные заведения представителей пролетариата и беднейшего крестьянства». Так, Декретом СНК РСФСР от 2 августа 1918 г. отменялись ранее действовавшие ограничения. В университеты открывался доступ каждому, независимо от гражданства, пола или национальности. Не требовалось предоставление дипломов, аттестатов или даже свидетельств об окончании средней или иной школы. Отменялась плата за обучение в вузах РСФСР [4]. В свою очередь, постановлением СНК от 2 августа 1918 г. устанавливалось, что в высшие учебные заведения в первоочередном порядке принимались лица из среды пролетариата и беднейшего крестьянства, которым предоставлялись в широком размере стипендии и иные меры социальной поддержки [5].

Как итог, в Советском государстве был закреплён ключевой идеологический принцип классовой принадлежности, а в контингенте советских университетов произошли значительные изменения. Вместо ликвидированных юридических факультетов создавались факультеты общественных наук (ФОНЫ) [3. С. 16], на которых в рамках экономического, политико-юридического и исторического отделений шла разработка идей материалистического мировоззрения и научного социализма. Реорганизация факультетов проходила под руководством

Наркомпроса РСФСР и специализированного органа по вопросам высшего образования – Главпрофобра.

Значение юридического образования на законодательном уровне было сведено лишь к отделению на факультете. Основным моментом при создании ФОНов являлось, прежде всего, введение в учебный план марксистской базы – исторического материализма, политической экономики, экономической политики, истории социализма и истории коммунистических партий. Курс ФОНа был рассчитан на три года вместо прежних четырех лет.

Необходимость дальнейшего совершенствования системы подготовки юридических кадров была вызвана лишь переходом государства к НЭПу в марте 1921 г. Стало очевидно, что лишь методами «революционного правосознания» регулирование экономических процессов на рассматриваемом историческом этапе уже не могло осуществляться. Отныне требовалось качественно новое правовое обеспечение ввиду введения элементов рыночной экономики, частной собственности и товарно-денежного оборота. По этой причине началась и ликвидация ФОНов. Так, в 1924 г. Декретом СНК РСФСР «Об изменениях сети высших учебных заведений» ликвидировались ФОНы в Саратовском и Ростовском университетах; факультеты общественных наук Иркутского и Среднеазиатского университетов были реорганизованы в факультеты права и хозяйства [6]. К концу 1920-х гг. ФОНы были либо полностью ликвидированы, либо реорганизованы в иные гуманитарные подразделения, получившие свое развитие уже в 1930-е гг.

Решение о закрытии ФОНов поддерживалось профессиональным сообществом. Подчеркивалось, что до создания факультетов советского права курсы ФОНов были рассчитаны на 3 года, причем приблизительно 1,5 года отводилось на общие для всех отделений предметы, составляющие научную базу марксистского обществоведения, и только 1–1,5 года отводилось на специализацию по избранному студентом отделению. Как отмечал Н.И. Челяпов, подобная организация, не имеющая четкой целевой установки, не удовлетворяла ни студентов, ни те государственные органы, в которых должны были работать выпущенные с ФОНа специалисты [7. С. 96].

Несмотря на определенные разногласия в вопросах построения учебных планов, переход от ФОНов к собственно факультетам

советского права оказал более благотворное влияние на состояние юридического образования. Росло и количество студентов таких факультетов. По утверждению О.П. Дезиса, на юридическом факультета МГУ в 1925/1926 уч. г. обучалось 999 студентов, в то время как в 1928/1929 уч. г. их количество равнялось уже 1937 [8. С. 103].

Ограничиваясь изложенным, можно заключить, что сфера подготовки юридических кадров в высших учебных заведениях считалась одной из важнейших частей внутренней государственной политики Советского государства. По этой причине доступность и широта возможностей при получении юридического образования явились важнейшими факторами социально-экономического развития страны. Вместе с тем в процесс реформы высшего юридического образования на данном этапе были заложены системные ошибки. Важнейшей из ошибок явилась подмена классического юридического образования, имеющего стратегическую для государства функцию, идеологически обусловленным обществоведческим знанием. В последующем данный факт повлиял на проблему нехватки квалифицированных юридических кадров в стране.

Список источников

1. Юридическое образование в Томском государственном университете: Очерк истории (1898–1998 гг.) / под ред. В.Ф. Воловича. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. 248 с.
2. Стучка П.И. Революционная роль советского права: хрестоматия-пособие для курса «Введение в советское право» / с предисл. П. Кузьмина. 3-е изд. М. : Советское законодательство, 1934. 178 с.
3. Сборник декретов и постановлений рабочего и крестьянского правительства по народному образованию. Вып. 2. М. : НКП РСФСР, 1920. 236 с.
4. Декрет СНК РСФСР от 02.08.1918 «О правилах приема в высшие учебные заведения» // СУ РСФСР. 1918. № 57, ст. 632 (Известия ВЦИК. 06.08.1918. № 166).
5. Постановление СНК РСФСР от 02.08.1918 «О преимущественном приеме в высшие учебные заведения представителей пролетариата и беднейшего крестьянства» // Известия. 1918. № 165. 4 августа.
7. Декрет СНК РСФСР от 08.08.1924 «Об изменениях сети высших учебных заведений» // Известия Ц.И.К. и В.Ц.И.К. 1924. № 181. 9 августа.
8. Челяпов Н.И. Факультет советского права I Московского гос. университета // Революция права. 1928. № 3. С. 96–98.
9. Дезис О.П. О факультете советского права I МГУ // Революция права. 1929. № 3. С. 103–105.

Е.К. Туржанов

Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, Омск, Россия

ПРОПАГАНДА КАК ВАЖНЕЙШИЙ ИНСТРУМЕНТ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)

Аннотация. *В статье пропаганда рассматривается как инструмент мобилизационной политики СССР в годы Великой Отечественной войны. В рамках мобилизационной политической системы Советского государства создана сеть пропагандистских органов. Выделено три вида пропагандистских органов: партийно-государственные, специальной пропаганды, общественно-культурные. Установлено, что их деятельность оказала огромное влияние на консолидацию масс для борьбы с гитлеровскими захватчиками.*

Ключевые слова: пропаганда, Великая Отечественная война, СССР, мобилизационная политика, ЦК ВКП (б)

Тема пропаганды довольно часто привлекала внимание ученых-историков. Труды авторов посвящены различным аспектам пропаганды, ее воздействию на население. В них пропаганда рассматривалась как средство информационного противостояния во время Великой Отечественной войны [1. С. 36–37], выступала как фактор организации народа на исполнение идеологических задач в военное время [2. С. 184–189], как феномен психологического влияния на массы людей [3. С. 69–72]. В данном исследовании предлагается рассмотреть пропаганду как важную часть советской мобилизационной политики в годы Великой Отечественной войны.

Под «мобилизационной политикой» в данном исследовании понимается деятельность государственных органов СССР для достижения преимущества различного характера: военного, экономического, морального с активным использованием методов и средств морально-психологического воздействия. Американский исследователь Чарльз Эндрейн в своем труде, где он подвергает анализу различные политические системы, выделяет элитистскую мобилизационную

политическую систему. В ней преобладают лица, исполняющие определенные роли. Это могут быть чиновники, государственные управленцы, люди военной сферы, кадровые партийные функционеры, лидеры общественных организаций и т.д. [4. С. 106–107]. Именно такая система сложилась в СССР под руководством Иосифа Виссарионовича Сталина. При И.В. Сталине, по мнению автора, мобилизация народных масс была обусловлена тремя факторами: индустриализация в 1930-х гг., Великая Отечественная война 1941–1945 гг., послевоенное восстановление разрушенного хозяйства в 1945–1953 гг. [4. С. 118].

В годы Великой Отечественной войны перед советской пропагандой стояла непростая задача консолидации страны, объединения усилий перед захватчиком, мобилизация народа на разгром врага. Военные победы всегда были связаны с противоборством за душевные состояния, мыслительные и сознательные процессы людей.

Условия военного времени потребовали реализации чрезвычайных мер различного характера, в том числе и в информационно-идеологической сфере. Исходя из этого была создана сеть пропагандистских органов. Данная сеть органов способствовала поддержанию морального и боевого духа тылового населения, солдат на фронте. С этой целью в годы войны сформировалось три вида пропагандистских органов: партийно-государственные, органы специальной пропаганды, общественно-культурные.

Пропагандистскую деятельность направлял и контролировал аппарат ЦК ВКП(б). В годы войны он выполнял важную информационно-идеологическую функцию. Для этого отделы печати, пропаганды, науки, культурно-просветительской работы были объединены в один орган – Управление агитации и пропаганды [5. С. 31].

Партийному аппарату приходилось не только осуществлять контроль и направленность пропагандистской деятельности, определять содержание пропаганды, но и заниматься техническими проблемами. В августе 1941 г. выходит Постановление ЦК ВКП (б) о создании мощностей по производству газетной бумаги в восточных областях страны. Согласно постановлению, нужно было незамедлительно начать строительство целлюлозно-бумажного комбината большой мощности в г. Чепце Кировской области [6. С. 118]. В свою очередь, это отразилось и на пропаганде, а именно печатной

пропаганде. Пропаганда в печати и пропаганда по радио – важнейшие формы агитационно-пропагандистской деятельности. Строительство комбината способствовало большему выпуску газет, тем самым охват населения пропагандой увеличивался.

Деятельность аппарата ЦК ВКП(б) была важна и при формировании кадрового резерва пропаганды. Документ проекта постановления ЦК ВКП(б) «О подготовке журналистских кадров» утверждал создание при Высшей партийной школе отделения журналистики курсы для повышения квалификации [6. С. 222].

Среди партийно-государственных органов можно выделить, в частности, Советское информационное бюро, созданное постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 24 июня 1941 г. Совинформбюро, согласно постановлению, должно было руководить пропагандой в печати и по радио, осуществлять контрпропаганду на противника, освещать события и действия войск на фронтах, готовить военные сводки по материалам Главного командования [7. С. 63].

Органы специальной пропаганды, к примеру, Советское бюро военно-политической пропаганды, созданное постановлением ЦК ВКП(б) от 25 июня 1941 г., в годы войны выполняли важную функцию по ведению пропаганды и контрпропаганды среди войск и населения противника путем создания листовок, составления лозунгов, обращений, организации радиопередач [8. С. 76].

23 июня 1941 г. на IV пленуме ЦК Профессионального союза работников искусств (РАБИС) было объявлено о всемерной поддержке Красной Армии и Военно-морского флота. Работники заявляли о том, что искусство отныне будет их оружием для борьбы с фашизмом [9. С. 199]. Тем самым было дано начало общественно-культурным органам, которые занимались агитационно-пропагандистской деятельностью и поддержанием морального состояния населения в тылу и солдат на фронте, организовывая военно-шефскую работу. Военно-шефская работа осуществлялась путем проведения концертов музыкальных коллективов, постановками различных спектаклей, чтением художественной литературы и т.д. В «Отчете Омского областного комитета союза РАБИС с 21 июня 1941 г. по 1 марта 1943 г.» приводятся сведения о военно-шефской работе этого союза. За этот период было дано около 4 100 мероприятий разного рода: огромное количество

концертов, спектаклей, художественных чтений, бесед, также были проинструктированы руководители кружков красноармейской самодеятельности [6. С. 441].

Пропаганда вышеперечисленных органов имела свою эффективность. В «Сообщении контролеров КПК (Комиссии партийного контроля) М.Ф. Шкирятову (председателю Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б))» говорилось о настроениях рабочих на некоторых московских предприятиях. Отмечалось, что среди служащих наблюдался большой патриотический подъем, план рабочие перевыполняли, настроение было хорошим [6. С. 581]. Исходя из этого можно сделать вывод, что пропаганда положительно влияла на население, в данном случае на рабочих фабрик и заводов.

Таким образом, пропагандистская деятельность была важной частью мобилизационной политики Советского государства. Пропаганда контролировала общественное мнение, ее целью была организация массовой мобилизации для победы над врагом. В мобилизационной системе СССР руководство пропагандистской деятельностью осуществлял партийный аппарат: ЦК ВКП(б) задавал направленность пропагандистской деятельности, осуществлял контроль над ней и формировал кадровый резерв пропаганды. В рамках мобилизационной системы советское руководство создало сеть пропагандистских органов. Органы выступали в качестве механизма пропаганды. В структурном отношении они делятся на три вида: партийно-государственные, органы специальной пропаганды, общественно-культурные. Создав сеть пропагандистских органов, удалось затронуть огромное количество населения, тем самым консолидировав народные массы для достижения победы над противником.

Список источников

1. Марков Е.А. Пропаганда как информационное оружие в годы Великой Отечественной войны // Проблемы толерантности: история и современность : материалы международной научной конференции, Череповец, 16–18 апреля 2015 г. Череповец : Череповецкий государственный университет, 2015. С. 36–37.
2. Узлов Ю.А. Пропаганда как фактор идеологического влияния в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Новая наука: теоретический и практический взгляд. 2016. № 4–3 (75). С. 184–189.

3. Кравченко Е.А. Психологическое влияние пропаганды на патриотическое настроение народа во время Великой Отечественной войны // Педагогическое образование на Алтае. 2015. № 2. С. 69–72.

4. Эндрейн Ч.Ф. Сравнительный анализ политических систем. Эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования: пер. с англ. М. : ИНФРА-М ; Весь Мир, 2000. 320 с.

5. XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б) 10–21 марта 1939 г. стенографический отчет. М. : Государственное издательство политической литературы, 1939. 737 с.

6. Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы / сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М. : Российская политическая энциклопедия, 2007. 806 с.

7. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне : сборник документов. Т. 2: Начало. Книга первая (22 июня – 31 августа 1941 года). М. : Русь, 2000. 724 с.

8. В штабах Победы. 1941–1945. Документы : в 5 кн. / отв. ред. А.К. Сорокин. Кн. 1: 1941. «Вставай, страна огромная». М. : Научно-политическая книга, 2020. 576 с.

9. РСФСР – фронту. 1941–1945: Документы и материалы / отв. сост. Н.П. Беликова. М. : Сов. Россия, 1987. 384 с.

Секция IV
ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ:
ИНСТИТУТЫ, КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ,
ИНИЦИАТИВЫ, ЛИЧНОСТИ

УДК 930.2

В.Е. Богданов

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

ЯЗЫК И СПОСОБЫ ОТРАЖЕНИЯ
РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ
СИБИРИ 1904–1905 гг.

Аннотация. Данное исследование призвано ответить на вопросы: как периодическая печать Западной Сибири того периода освещала Русско-японскую войну, какие языковые средства для этого применялись, и на основании этого сделать вывод о том, какое общественное мнение о событиях на Дальнем Востоке формировалось в западносибирских газетах.

Ключевые слова: Русско-японская война, периодическая печать, Сибирь, язык, способы отражения

Актуальность. Русско-японская война 1904–1905 гг., как известно, закончилась поражением Российской империи. При этом стоит отметить, что в масштабе военных действий и контексте общественно-политических изменений в России, которые повлекла за собой Первая мировая война, Русско-японская война представляется лишь как столкновение двух стран на Дальнем Востоке, хотя, безусловно, она способствовала разворачиванию Первой русской революции и выявила военно-техническую отсталость Российской империи. Можно сказать, что страны Запада (США, Великобритания) воевали с Россией руками

японцев, помогая ей в строительстве флота, обучении японских военных моряков и т.д.

Освещение данных событий в периодической печати того времени было неоднозначным с точки зрения формирования патриотической позиции населения России. Данный тезис очень актуален в современной военно-политической и общественной ситуации.

Периодическая печать Западной Сибири, представлявшая собой медиасферу начала XX в., как и в современных условиях, освещала происходившие события под определенным идеологическим ракурсом. Ведь печать – это форма трансляции информации на читателя, в которой форма подачи информации играет не меньшую роль, чем содержание.

Методология. В основу исследования положен принцип историзма, а также использованы сравнительно-исторический метод и лингвистический анализ.

Источниковой базой выступили периодические издания Западной Сибири 1904–1905 гг.: «Томские губернские ведомости», «Восточное обозрение», «Акмолинские областные ведомости», «Сибирская жизнь», «Сибирский вестник».

Исследование построено на сравнении освещения боевых действий Русско-японской войны 1904–1905 гг. в официальной и частной периодической печати Сибири.

В результате анализа литературы по теме исследования и источников был сделан ряд выводов:

1. В дореволюционный и советский периоды исследований, посвященных отражению Русско-японской войны в периодической печати Сибири, отмечено не было. Для первого этапа характерно сосредоточение на военных и прикладных аспектах войны. А в советский период, представленный М.А. Петровым, В.Е. Егорьевым, Н.Б. Павловичем, В.П. Костенко, П.Д. Быковым, А.И. Сорокиным, И.А. Козловым и В.А. Золотарёвым, данный аспект попросту не рассматривался.

2. В постсоветское время развития отечественной историографии сложились предпосылки формирования интереса непосредственно к проблеме отношения к войне в общественном сознании и мысли. Произошло расширение предмета исследования, появились альтернативные точки зрения на отдельные аспекты войны, в том числе отношение

к ней русского общества, и, как следствие, появились работы, касающиеся периодической печати в данный период. Это исследования Т.В. Чибиковой [1], иркутского ученого С.И. Гольдфарба [2], В.В. Шевцова [3. С. 287–288; 4], Н.В. Жиликовой [5, 6], О.В. Gefнера [7].

3. Одни и те же события в частной и официальной печати рассматривались по-разному. Так, Цусимское морское сражение в официальном органе печати «Томские губернские ведомости» рассматривалось через призму официальных документов. Но некоторое разнообразие в описании боев присутствовало и в официальных печатных органах Сибири, например в «Акмолинских областных ведомостях» – описание боев под Тюренченом [8. С. 3], геройский подвиг подполковника Спиридонова [9. С. 3–4] или рассказ о ночном нападении японских брандеров на Порт-Артур В.И. Немировича-Данченко [10. С. 5]. Важно отметить, что эти описания характерны для неофициальной части данного издания. Если продолжать тему, то стоит заметить и довольно живое описание подвига миноносца «Стерегущий» в «Томских губернских ведомостях» от 8 апреля 1904 г., где говорится как раз о легендарном подвиге двух матросов, запершихся в трюме «Стерегущего» [11. С. 2]. Но в данной газете это присутствует в части неофициальной. А вот в частном периодическом издании «Сибирский вестник» имеется фельетон «Слепая война» (автор – военный корреспондент В.И. Немирович-Данченко), в котором в причинах поражений в эмоциональной форме обвинялся «бюрократический режим» [12. С. 2]. Или же «Дневник» В.И. Немирович-Данченко, опубликованный в газете «Сибирская жизнь» от 29 июля 1904 г.

4. Взгляды сибирской периодической печати на образ японцев (образ врага) также различались. Уже упомянутый нами «Сибирский вестник» дал характеристику японских военачальников как исключительно положительную – «...кипевших энергией и силой вождей противника, не знавших усталости». Если говорить об «Акмолинских областных ведомостях», то в рамках неофициальной части можно встретить две кардинально противоположные характеристики японцев – от утверждений, что армия Оку не сможет взять Порт-Артур, до «запальчивый» и «стойкий», но самая интересная характеристика содержится в № 13 от 28 июля 1904 г. – «немца перещеголял японец», «поговорка

“аккуратен, методичен, как немец” устарела» [14. С. 4] и т.д. Иногда о японцах писали в стихотворной манере (в «Восточном обозрении» от 9 мая 1904 г.): «Эй, микадо, будет худо, перебьем твою посуду...», «Там, брат, желтую-то шкуру спустят моряки!» [15. С. 2] и т.д. Налицо насмешка над противником и его недооценка. В этом же номере можно встретить выражения про японцев, уже откровенно глумливые: «что же ты бегаешь, желтолицый?», «курносый дурачище» и т.д. [16. С. 2].

5. Что же касается изображения русской армии, русского солдата, то тут тоже не все однозначно. С одной стороны, русские военачальники на страницах «Сибирского вестника» характеризуются как «...больные, престарелые, давно позабывшие боевую действительность...» [12. С. 3]. В «Восточном обозрении» от 1 апреля 1904 г. по поводу неудач русской армии и вовсе говорится, что русские раньше блестящие победы одерживали за счет численного превосходства (!) – «...А почему это дело окончилось столь блестяще? А потому, что турок было 18 тыс., а у нас 22 тыс.» [16. С. 3]. С другой стороны, отмечается героизм офицеров, солдат, матросов, которые готовы погибнуть за Отечество. В этом плане обращает на себя внимание образ полковника Хвастунова на страницах «Сибирской жизни», погибшего при Вафангоу: «тихий, скромный, застенчивый, он в бою оказался храбрым из храбрых». И как о нем отзывались солдаты – «хороший был командир», «и в бою самым первым шел под пули», «а солдат дома все будет передавать детям и внукам про доброго полковника Хвастунова, “жалевшего” его и ни разу ничем не оскорбившего чуткую думу» [13. С. 2]. Или вот еще: «удивительными солдатами, безропотно умиравшими офицерами...» [13. С. 2]. Тут можно заметить разницу в характеристиках верховного командования (отрицательная) и простых офицеров и рядовых (героическая).

6. Главные отличия. Официальная печать выстраивала освещение боевых действий путем публикации официальных документов: рапорты, донесения, телеграммы и др. Частная печать освещала войну через фельетоны, стихотворения, дневники и т.д. Также именно в частной печати можно встретить критику русского генералитета и всего режима. При этом стоит отметить, что неофициальная часть тех же «Томских губернских ведомостей» могла использовать другие способы, помимо тех, что использовала официальная часть. Частная печать располагала

большей свободой в описании Русско-японской войны, чем официальные издания, соответственно, имела более сильное влияние на умы и сердца читателей.

7. Периодические издания в изображении событий русско-японской войны использовали разнообразные изобразительно-выразительные средства языка (таблица).

Языковые средства

Языковое средство	Примеры
Сравнения	«...точно тысячи гигантских челюстей брошены туда на высоту...», «лежит точно обнявшись со своим адъютантом, у которого две пули во лбу», «точно напоследок хотят натешиться оттуда над нашей усталю»
Синекдоха	«немца перешеголял японец» [14. С. 4]
Олицетворения	«и этот подленький страх за себя молчал», «у хоботов орудий»
Эпитеты	«желтолицый» [15. С. 2] (по отношению к японцам), «молодой флот» (о японском флоте), «доблестный флот» [17. С. 3] (о русском флоте), «едва различимых от серых утесов-серых людей», «тишина растущая, все угнетающая» [13. С. 2]
Описания	«...окровавленной спиной...», «...грудь пробита в двух местах...», «тонкий, болезненный», «раненый в живот и голову»

Все эти средства формировали у читателя определенное отношение к событиям войны. Например, победный настрой в начале войны (когда противопоставляются «молодой» японский флот и «доблестный» русский флот), пренебрежительно-презрительное отношение к врагу – «желтолицый». Или же чтобы читатель почувствовал ужас войны и тяжесть положения русской армии – «окровавленной спиной», «...точно тысячи гигантских челюстей брошены туда на высоту...» [13. С. 2] и др.

8. Большую роль в формировании патриотической позиции играла частная печать за счет разнообразных средств воздействия на читателя, позволявших как можно сильнее выставить в неприглядном свете противника, вплоть до высмеивания, и описания героизма русских солдат, матросов и офицеров. Критика русских властей и генералитета в

частной печати началась уже тогда, когда русские армия и флот стали терпеть тяжелые поражения.

Общий вывод в процессе проведенного исследования можно сделать следующий. Отражение Русско-японской войны 1904–1905 гг. в периодической сибирской печати зависело от характера издания (официальное или частное). Официальная печать делала это путем публикации официальных документов. Частная печать имела больше свободы, помимо официальных документов она печатала фельетоны, дневники, стихотворения, т.е. была более разнообразна. Тенденции выделены следующие: формирование патриотического настроения у населения, обличение властей и генералитета, воспевание героизма русских офицеров, солдат и матросов, восхваление японцев в плане боевой подготовки. Причем одна тенденция могла смениться другой (формирование патриотического настроения в начале войны и обличение властей и генералитета по мере возрастания неудач на фронте).

Список источников

1. Чибикова Т.В. Развитие западносибирской легальной периодической печати и ее общественно-политическая проблематика в период 1905–1907 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004. 27 с.
2. Гольдфарб С.И. Газета «Восточное обозрение» (1882–1906). Иркутск, 1997. 216 с.
3. Шевцов В.В. «Томские губернские ведомости» (1857–1917 гг.) в социокультурном и информационном пространстве Сибири. Томск, 2012. 414 с.
4. Шевцов В.В. Правительственная периодическая печать Сибири (вторая половина XIX – начало XX века) / ред. В.П. Зиновьев. Томск, 2016. 619 с.
5. Жиликова Н.В. Журналистика города Томска (XIX – начало XX века): становление и развитие / [науч. ред. Л.П. Громова, Н.М. Дмитриенко]. Томск, 2011. 444 с.
6. Жиликова Н.В. История российской печати конца XIX – начала XX веков : учебно-методическое пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности и направлению «Журналистика». Томск, 2008. 200 с.
7. Гефнер О.В. Образ армии в периодической печати Западной Сибири (конец XIX – начало XX вв.) // Вестник ОмГУ. 2011. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-armii-v-periodicheskoy-pechati-zapadnoy-sibiri-ko-nets-xix-nachalo-xx-vv> (дата обращения: 02.05.2023).
8. Тюренченский бой // Акмолинские областные ведомости. 1904. 5 мая.
9. Немирович-Данченко В.И. С театра войны // Акмолинские областные ведомости. 1904. 12 мая.

10. Немирович-Данченко В.И. Рассказ очевидца о ночном нападении японских брандеров на Порт-Артурский рейд //Акмолинские областные ведомости. 1904. 12 мая.
11. Газетная хроника о войне // Прибавление к Томским губернским ведомостям. 1904. 8 апр.
12. Немирович-Данченко В.И. Слепая война // Сибирский вестник. 1905. 19 мая.
13. Немирович-Данченко В.И. Из «Дневника» Немировича-Данченко // Сибирская жизнь. 1904. 29 июля.
14. Телеграфные известия // Акмолинские областные ведомости. 1904. 28 июля.
15. И.П. Мимоходом // Восточное обозрение. 1904. 9 мая.
16. Вести с Азиатского Востока и театра войны // Восточное обозрение. 1904. 1 апр.
17. Иностранная хроника // Сибирский вестник. 1904. 5 фев.

УДК 061.2+342

Г.Д. Лычев

НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия

ОБРАЩЕНИЕ В КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РФ: РОЛЬ ПРАВОЗАЩИТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ¹

Аннотация. *В статье представлены результаты исследования, направленного на выявление роли неправительственных правозащитных организаций в работе Конституционного суда путем изучения процесса подачи и сопровождения обращений в КС РФ. На основании структурирования и анализа данных из открытых официальных источников сформулированы выводы о результативности участия НПО в деятельности главного органа конституционного контроля, а также предложена типология возможных форм взаимодействия.*

Ключевые слова: Конституционный суд, неправительственные правозащитные организации, конституционализм, взаимодействие институтов, гражданское общество

Конституционная реформа 2020 г. и судебная реформа 2021 г. помимо институциональных изменений повлекли за собой волну

---

¹ Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (проект № 23-00-032) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2023 г.

исследовательского интереса к трансформации конституционного строя и к функционированию отдельно взятых институтов. Одним из главных объектов в данном исследовательском пространстве стал Конституционный суд Российской Федерации, который ранее чаще всего изучался с позиции юридической науки как обособленный институт и высший судебный орган конституционного контроля в Российской Федерации. В центре внимания исследователей оказывалась деятельность Конституционного суда, затрагивающая конституционное судопроизводство и его организацию в рамках конституционного права.

Одним из направлений становится изучение процессов взаимодействия Конституционного суда с различными акторами. Согласно новому определению, которое Конституционный суд получил после внесения изменений в Федеральный конституционный закон № 1-ФКЗ в 2021 г. и поправок в Конституцию РФ в 2020 г., помимо защиты основ конституционного строя, Конституционный суд осуществляет свою деятельность в целях защиты основных прав и свобод человека и гражданина, что делает очевидным его правозащитный характер и подкрепляет необходимость выхода за рамки юридической науки [1. Ст. 1]. В таком случае целесообразным выглядит уделение внимание изучению взаимодействия Конституционного суда и иных правозащитных организаций в России, что мы могли наблюдать и ранее в случае с государственным правозащитным институтом Уполномоченного по правам человека [2. С. 65–67]. Однако правозащитная деятельность в России не ограничивается институтом омбудсмана, существуют и неправительственные правозащитные организации, взаимодействующие с Конституционным судом. Формы взаимодействия с Конституционным судом, цели и результативность данных процессов остаются не раскрытыми, что затрудняет восприятие полной картины. Таким образом, мы получаем систему взаимоотношений между акторами, которая остается за рамками исследования по причине того, что большинство исследований Конституционного суда направлено на действия институтов «сверху» – Конституционного суда как самостоятельного института, института омбудсмана, в ретроспективе – региональных (уставных) конституционных судов, а после реформы 2021 г. – конституционных советов [3. С. 39–60]. Сами же неправительственные правозащитные

организации чаще всего изучаются изолированно как разновидность феномена негосударственных институтов и часть гражданского общества.

Взаимодействие НПО и КС РФ может быть рассмотрено с точки зрения теории конституционализма, набирающей популярность в последнее время. В российской науке конституционализм часто исследуют с позиции ретроспективного анализа событий начала XX в., что больше уводит в историю феномена. В рамках же более теоретических можно встретить определение конституционализма как набора ожиданий относительно поведения правительства, в то время как Конституция – это политико-правовая конструкция [4. Р. 13]. Однако впоследствии, развивая концепцию, Андраш Шайо и др. пишет о недостаточности формального закрепления прав и свобод человека на законодательном уровне и определения полномочий институтов [4. Р. 17]. Согласно позиции автора, эффективный конституционализм (реальный, а не формальный) требует участия институтов как государственных, так и негосударственных. Данные тезисы в отношении определения конституционализма будут использованы в работе для выявления роли неправительственных правозащитных организаций как части гражданского общества в работе КС РФ и, следовательно, обеспечения конституционализма «снизу», с уровня негосударственных институтов.

Необходимо обратиться к данным для подтверждения фактов и определения форм взаимодействия неправительственных правозащитных организаций с Конституционным судом Российской Федерации, размещенным на сайте КС РФ и сайте ИППП¹. Будут взяты во внимание решения Конституционного суда, отвечающие требованиям исследования, а также разделы «судебная практика» и «аналитика» на сайте Института права и публичной политики [5, 6].

Всего было проанализировано 36 решений Конституционного суда Российской Федерации по обращениям, так или иначе соприкасающихся с правозащитными организациями, из них 27 – результативные обращения, сопровождаемые Институтом права и публичной политики; 9 – обращения, поданные правозащитными организациями в качестве юридических лиц – заявителей. Данное количество, безусловно, не отражает всех поданных обращений неправительственных

---

¹ Институт права и публичной политики включен в реестр иностранных агентов.

правозащитных организаций, однако показательно для подтверждения отсутствия исчерпывающей информации. 8 из 9 обращений были отклонены, и только по одному коллективному обращению было принято постановление 2-П/2015, признающее неконституционность законодательного акта [7]. Основываясь лишь на официальной статистике, трудно сделать объективный вывод относительно роли правозащитных организаций непосредственно в качестве заявителя, кроме двух основных:

1. Неправительственные правозащитные организации могут и выступают в качестве заявителей при подаче обращений в КС РФ.

2. Неправительственные правозащитные организации, выступая в качестве заявителей, имеют ненулевую результативность хотя бы потому, что есть один объективный прецедент вынесения постановления Конституционным судом о признании заявленной нормы неконституционной.

С обращениями, сопровождаемыми Институтом права и публичной политики, дела обстоят лучше, потому что мы имеем 27 результативных обращений, о которых есть как информация на сайте ИППП, так и на сайте КС РФ. Также мы имеем статистику, предложенную самим институтом, используя которую можно определить результативность конкретной организации. ИППП сопроводил 73 жалобы в Конституционный суд РФ, из которых 27 являются результативными (по информации из картотеки дел с сайта ИППП, подтвержденных на сайте КС РФ). По результативным обращениям вынесено 5 постановлений и 22 определения. Согласно результатам, общая результативность обращений, сопровождавшихся неправительственной правозащитной организацией, а именно Институтом права и публичной политики, составляет 36% от общего числа поданных обращений, что является вполне хорошим показателем того, что экспертное сопровождение приводит к положительным результатам. Также из материалов, размещенных на сайте ИППП, можно выявить дополнительные формы возможного взаимодействия с КС РФ со стороны правозащитников, что позволяет более полноценно оценить роль неправительственных правозащитных организаций. Институт права и публичной политики взаимодействует с КС РФ по следующим основным направлениям:

- сопровождение обращений в КС РФ и представление интересов заявителей;
- проведение консультаций, снижающих поток необъективных обращений в КС РФ, и, тем самым, нагрузку на институт судебной системы;
- направление меморандумов *amicus curiae* в Конституционный суд РФ.

Проанализировав собранные и структурированные данные, можно с уверенностью подтвердить, что неправительственные правозащитные организации в России участвуют в работе Конституционного суда РФ в различных формах, которые не описаны в функциях и существующих классификациях правозащитных организаций. Было принято решение разработать собственную структуру форм взаимодействия неправительственных правозащитных организаций и Конституционного суда России. Взаимодействие может происходить в следующих формах:

1. Прямое взаимодействие через обращения. Данный тип взаимодействия подразумевает участие неправительственных правозащитных организаций в качестве заявителя при подаче обращений в КС РФ.

2. Прямое взаимодействие через направление экспертных заключений. Данный тип взаимодействия подразумевает экспертное участие неправительственных правозащитных организаций или их представителей в качестве непроцессуальной стороны, предоставляющей экспертное мнение по поводу того или иного дела/обращения.

3. Косвенное взаимодействие через сопровождение обращений заявителей подразумевает участие неправительственной правозащитной организации в качестве консультанта, представителя интересов, юридического наставника заявителя в процессе литигации.

4. Косвенное взаимодействие через проведение консультаций, снижающих поток необоснованных обращений в Конституционный суд. Данный тип взаимодействия еще более косвенный, чем предыдущий, однако осуществление неправительственными правозащитными организациями отчасти просветительской и консультативной функций позволяет избежать увеличения необоснованной нагрузки на судопроизводство, что позволит более тщательно рассматривать дела, действительно претендующие на решение в пользу заявителя.

Основные выводы по данной работе в соотношении с теоретической рамкой в целом можно описать следующим образом:

1. Правозащитные организации выполняют расширенный спектр функций: просветительскую, коммуникативную, правозащитную, исследовательскую. Это дает возможность выделять их в отдельную категорию при изучении и как минимум отделять адвокатские конторы от реально работающих по вышеизложенным функциям организаций.

2. Наличие правозащитных организаций и их безбарьерное функционирование, безусловно, является фактором развития конституционализма, по определению Андраша Шайо, включающим необходимость взаимодействия различных институтов правозащиты, которыми они и являются, тем более взаимодействуя с Конституционным судом – правозащитным институтом по определению.

Таким образом, составленная типология форм взаимодействия неправительственных правозащитных организаций и Конституционного суда РФ позволяет ответить на вопрос о роли правозащитных организаций и в дальнейшем позволит вести более структурированный и качественный мониторинг взаимодействия между институтами. Она, безусловно, может дополняться и корректироваться с течением времени и подбором новых аргументов.

Список источников

1. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) «О Конституционном Суде Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2021).

2. Нездуров А.Л., Сунгуров А.Ю. Права человека в России: общественные дискуссии и институт государственного правозащитника // Мир России. Социология. Этнология. 2018. Т. 27, № 3.

3. Медушевский А.Н. Конституционная реформа в России: содержание, направления и способы осуществления // Общественные науки и современность. 2020. № 1. С. 39–60.

4. Sajó A., Uitz R. The constitution of freedom: An introduction to legal constitutionalism. Oxford University Press, 2017.

5. Конституционный Суд Российской Федерации. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Pages/default.aspx> (дата обращения: 11.05.2023).

6. Институт права и публичной политики. URL: <https://ilpp.ru/> (дата обращения: 11.05.2023).

7. Постановление Конституционного суда Российской Федерации 2-П/2015. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision187870.pdf> (дата обращения: 11.05.2023).

А.Д. Мамаева, А.А. Численко

*Красноярский государственный педагогический университет
имени В.П. Астафьева, Красноярск, Россия*

РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕСТРОЙКИ (НА МАТЕРИАЛАХ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)

Аннотация. В статье рассматривается процесс возникновения и развития неформальных объединений в Красноярском крае в годы перестройки, участие в них студенческой молодежи, направления деятельности и взаимоотношения с ВЛКСМ. Выявлено, что участие студенчества в деятельности данных организаций обусловлено, с одной стороны, неудовлетворенностью деятельностью традиционной формы общественно-политического объединения ВЛКСМ, с другой – открывающейся возможностью самоорганизации и свободы мнений.

Ключевые слова: гражданская активность, молодежь, студенчество, неформальные организации, перестройка, Красноярский край, ВЛКСМ

В наши дни сохраняется внимание к проблемам формирования и развития гражданского общества. Интерес вызывает процесс демократизации и гласности в СССР, начавшийся с 1985 г. Перестройка привела к оживлению общественно-политической активности населения, в том числе студенческой молодежи, которая участвует в создании неформальных ассоциаций. С ростом таких групп одновременно начинает падать авторитет и численность ВЛКСМ – ведущей массовой общественно-политической молодежной организации. Данные процессы протекали и в Красноярском крае.

Тема гражданской активности и неформальных организаций студентов в Сибири, в том числе и в Красноярском крае, пока не стала объектом специального исследования. Не нашел достаточного освещения вопрос о формах взаимодействия неформальных студенческих организаций с ВЛКСМ. Вместе с тем в работе С.А. Величко дан обзор общественно-политической жизни в Сибири в годы перестройки – неформальные самодеятельные организации были малочисленны, но имели влияние на общественное мнение; комсомольские организации

Сибири в 1989 г. находились на грани самораспада [1. С. 64]. Вопрос изучения гражданского общества в России через неформальные молодежные объединения в период перестройки был освещен в работе А.М. Карафелова (на материалах г. Москвы): неформальные объединения молодежи социальной направленности существовали вне или на периферии организационной структуры управления социально-культурной сферой. [2. С. 35]. Если же рассматривать данную тему локально, то здесь можно выделить статьи В.Н. Казьмина, Н.С. Сидоренко и Н.В. Шувалова о неформальных организациях молодежи в Западной Сибири и Челябинской области [3, 4].

При проведении исследования мы использовали общенаучные методы анализа и синтеза, системный подход, метод контент-анализа, сравнительно-типологический метод.

В исследовании были использованы письменные и устные источники. Это нормативные неопубликованные документы из фондов Государственного архива Красноярского края, где сохранилась информация о взаимоотношениях неформальных организаций и ВЛКСМ; материалы периодической печати (еженедельная краевая газета «Красноярский Комсомолец» и газета КГПУ «Знания-сила» 1985–1991 гг.); устные источники: интервью с бывшими студентами Красноярского педагогического вуза – участниками неформальных организаций периода перестройки города Красноярска.

Как и Дж.Л. Коэн, мы рассматриваем гражданское общество как совокупность инициативных, добровольно организованных негосударственных объединений граждан. Их деятельность может раскрываться в различных сферах жизни общества, в том числе в образовании. Одной из форм проявления гражданского общества являются неформальные студенческие объединения – вид социального объединения студентов, отличительная особенность которого – спонтанно сложившаяся система внутренних социальных связей и действий, основанная на принципах самостоятельности [5. С. 55].

В годы перестройки в Красноярске сосуществовали традиционные формы активности студентов (стройотряды, КИДы и др.) и новые формы.

К новым формам относятся общества содействия перестройке (КСП). У обществ не было фиксированного устава, но они внесли

существенный вклад в повышение социальной активности. Комитет содействия перестройке г. Красноярска образовался в мае 1987 г. Одним из методов борьбы КСП был сбор компрометирующих материалов на местных партийных, советских и хозяйственных руководителей и предание этих материалов гласности.

Другой формой активности стали самоуправленческие группы в общежитиях. В краевой молодежной газете «Красноярский комсомолец» сообщается, что в общежитии № 4 медицинского института по инициативе студентов был организован «Студсовет», который взял управление общежитием в свои руки. Это уборка, плотнические работы, организация культурно-массовых мероприятий. Со временем студсовет набирал популярность среди студентов, к нему присоединяется общежитие № 2 Красноярского государственного университета. Теперь студсовет вел переговоры с руководителями предприятий и университета. Главный принцип работы – самоуправление [6].

Выпускники исторического факультета Красноярского педагогического университета вспоминают, что «Студсовет» был организован в 1989 г. Он должен был объединить функции профсоюзной организации и комсомольской. Он решал вопросы студенчества вуза. Например, о выпуске ежемесячной студенческой газеты, вопрос о заселении в общежитие, организация конференций и т.д.

Самоуправленческие группы действовали в рамках учебных заведений. Они могли осуществлять индивидуальное и коллективное наставничество над своими однокурсниками. Кроме того, в медицинском университете существовало общество трезвости, где проводили беседы со студентами по поводу пагубных привычек.

Третья форма – политические клубы в рамках вуза. На историческом факультете Красноярского педагогического университета (КПИ) действовала два политических клуба. Первый был организован в 1985 г. и назывался «Левый блок». Левый, так как он критически относился к преподаванию истории партии и основывался на попытках самостоятельного изучения «белых пятен истории». Был организован шестью студентами и просуществовал около 1,5 года. Его деятельность особо не афишировалась, но те, кто знали о его существовании, не высказывались о нем негативно.

Второй политический клуб был организован в 1989 г. на платформе исторического факультета КПИ. Е.Л. Зберовская отмечает особую общественно-политическую атмосферу на факультете, способствующую развитию гражданской активности, что привело к появлению неформального Политклуба. Сложился стихийно, по желанию студентов и преподавателей. Инициативу создания на себя взяла преподаватель политэкономии. Это был клуб, где обсуждались различные общественно-политические настроения, студенты могли обмениваться мнениями о том, что происходило в стране, в достаточно комфортной обстановке. Не было устава, программы, расписания (собирались студенты раз-два в месяц). Численность также была невелика, в среднем 30 человек. Кроме того, принимали участие в дискуссиях и сами преподаватели, которым были интересны мнения обучающихся [7].

Наибольшая активность студенческой молодежи проявилась в деятельности дискуссионного центра. Он был создан в 1987 г. на историческом факультете КПИ по инициативе студентов, бывших участников «Левого блока». В него входили студенты старших и младших курсов. Деятельность данного объединения выражалась в различных общественных акциях, т.е. о нем знали не только в рамках института, но и за его пределами. Центр проводил беседы в других вузах, устраивал дискуссии по поводу «белых пятен истории». В течение года центр выезжал по договоренности с химзаводом, проводил мероприятия в г. Зеленогорске с рабочей молодежью. Работу центра периодически поддерживали преподаватели. Участники неформального объединения поднимали вопросы о выборе веры, идеологии, мнений, о введении многопартийности.

В эти же годы падает авторитет ВЛКСМ. С 1985 г. уменьшается численность тех, кто вступал в ряды организации, и увеличивается число тех, кто выходил из комсомола.

Неформальные студенческие объединения и ВЛКСМ работали на одном поле и неизбежно взаимодействовали. По мнению экс-участника дискуссионного центра, за помощью к комсомолу обращались для решения формальных вопросов, свою главную деятельность и решения объединение осуществляло самостоятельно: «Под эгидой комсомола не стремились выступать, ведь будет опять “загон” в рамки

партии и как показала с годами практика – самоорганизация более действенна и долговечна» [8].

В ВЛКСМ отмечали, что за период застоя он утратил функцию идейного воспитателя молодежи и стал тормозом развития ее инициативности. На заседании постоянной идеологической комиссии в 1986 г. отмечалось: «Для реализации социально-политического потенциала молодежи необходимо устранить отчужденность между комсомолом и неформальными организациями. Решено образовать ассоциацию политических, дискуссионных, экологических и других клубов края» [9]. То есть комсомол хотел вновь объединить все новые структуры молодежи города под единым руководством, распределив их по сферам деятельности. Но неформальные группы не спешили действовать в рамках, предлагаемых ВЛКСМ. Они убедились, что могут обходиться без комсомола и активно развиваться на новых модернистских и демократических началах.

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам. В Красноярском крае в изучаемый нами период существовали неформальные организации, но были они немногочисленны. Предполагаем, что это связано с неготовностью общества активно выступать с новыми идеями и позицией на тот период времени.

Организации были известны и вызывали общественный интерес благодаря активности своих членов, среди которых была и студенческая молодежь. Сосуществовали традиционные формы активности студентов и новые формы – самоуправленческие группы в общежитиях и учебных заведениях, политические клубы, общества трезвости, дискуссионные центры. Деятельность новых организаций освещалась в краевых печатных средствах массовой информации слабо.

В архивных документах фонда ВЛКСМ отложилась информация о росте и быстром распространении влияния новых молодежных организаций, с которыми комсомол пытался контактировать. В сложившейся ситуации КПСС, ее руководство поставили задачу изменить политику в отношении молодежи, как того требовали новые обстоятельства, велись обсуждения, но сам закон о молодежи был принят только 16 июля 1991 г.

Анализ нарративных материалов показал: комсомол и неформальные студенческие организации не были антагонистами. Авторитет ВЛКСМ, несмотря на предпринимаемые в годы перестройки усилия, начал падать. Неформальные объединения не стремились работать под эгидой комсомола – он не предложил новых демократических и модернизационных идей. В восприятии многих молодых людей он оставался «младшим братом» господствовавшей много лет компартии. Расширяющаяся свобода слова, гласность открывали для молодежи, и особенно образованной ее части, студенчества, другие перспективы – к самоорганизации и свободному выражению мнений.

Список источников

1. Величко С.А. Общественно-политическая жизнь Сибири (1985–1991 гг.). Омск : Изд-во ОмГТУ, 2004. 376 с.
2. Карафелов А.М. Неформальные молодежные объединения СССР в 80-е – начале 90-х гг XX в.: историческое исследование (на материалах г. Москвы) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 260 с.
3. Казьмин В.Н. Неформальные организации Западной Сибири в период перестройки // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 10-2. С. 42.
4. Сидоренко Н.С., Шувалов Н.В. Вузовские комитеты ВЛКСМ Челябинской области в период «перестройки» (1985–1991 гг.) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2016. № 4. С. 64–68.
5. Коэн Дж.Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория: пер. с англ. / общ. ред. И.И. Мюрберг. М. : Весь Мир, 2003. 784 с.
6. Красноярский комсомолец. 1986–1989. Январь-июль/август-декабрь.
7. Воспоминания о неформальных студенческих организациях [интервью с Е.Л. Зберовской] // Запись от 3 марта 2023 г. Личный архив автора.
8. Воспоминания о неформальных студенческих организациях [интервью с А.В. Федоровым] // Запись от 29 марта 2023 г. Личный архив автора.
9. Государственный архив Красноярского края. Ф. Р. 1874. Оп. 42. Д. 40. Протокол № 1 Заседания постоянной идеологической комиссии.

М.П. Романов

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДУХОВЕНСТВА ЕНИСЕЙСКОЙ ЕПАРХИИ ПРИ СМЕНЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ НАЧАЛА XX в.

Аннотация. *В скором времени после Первой русской революции 1905 г. появляются социалистически настроенные семинаристы и священники, готовые сменить сан на звание революционера. На приходах ощущается кризис, который пытаются разрешить самостоятельно. На местах создаются кооперативы, чтобы решить одну из главных проблем – финансирование деревенского духовенства. При этом системная работа начинается достаточно поздно, вопрос о новом уставе поднимается лишь в 1916 г.*

Ключевые слова: Русская православная церковь, Енисейская епархия, духовная семинария, церковный приход, кооператив, революция, освоение Сибири

Начало XX в. для Русской православной церкви в Российской империи – тяжелое время перемен. Пытаясь угнаться за быстротекущими событиями, происходящими в мире, православное духовенство не всегда выбирало надежную сторону или вообще смертельно медлила в политике преобразований.

Цель настоящей статьи – дать оценку происходящих изменений в церковной среде. Для ее достижения необходимо выявить особенности социально-политического положения духовенства, структурировать и проанализировать их воззрения и программы преобразований.

Мысли о современных настроениях и жизни в 1907 г. были изложены в одноименной статье в «Енисейском церковном вестнике». Стоит заметить, что и само издание вестника сменило собой Епархиальные ведомости в связи с попыткой демократизации церковной печати. Настрой в обществе отмечался как атеистический, свидетельствовался упадок веры и нравственности. Причины этого находили в законе о свободе совести, который «освободил» от нее русский народ, и в

учении социализма, последователи которого стремились смести с лица земли всякую религиозность [1. С. 1].

Переходя к процессам внутри церкви, стоит начать с положения духовных учебных заведений, которое определялось как «разложение». Семинаристы читали Ницше, Дарвина, Ренана без какой-либо критики, которую оставляли исключительно для святоотеческой литературы. В семинариях стали появляться студенты социал-революционеры, которые устраивали забастовки богослужений, майские демонстрации, обливали портрет царя кислотой, приговаривали преподавателей и студентов-черносотенцев к смертной казни, искали средства и оружие на дело революции. И это все в стенах учебных заведений, называемых «семинария», т.е. цветник [2. С. 1]. Приезжая домой на каникулы, студенты не посещали богослужений, проповедовали так называемое жидовство, т.е. социализм, и говорили о том, что не будут «за хвост тянуть аллилуйю». А поступят в университет и станут адвокатами и врачами. Архиепископ Антоний Волинский писал в Синод о том, что необходимо разрушить до основания систему духовного образования, создать ее по новой и наполнить новыми людьми, иначе это самостоятельно сделает народ [3. С. 3].

В радикальных партиях состояли и некоторые священнослужители, например, о. Александр Бриллиантов, чье имя в Енисейской епархии стало нарицательным для крайне левонастроенных [4. Л. 4]. В 1907 г. он как член II Государственной Думы от партии эсеров был вызван в Санкт-Петербург к митрополиту Ладонежскому Антонию, чтобы покаяться и сменить партию на монархическую. К митрополиту о. Александр не явился, что повлекло за собой лишение сана, так как нахождение в партии «бомбистов» несовместимо с священным званием [5. С. 5].

Стоит отметить, что не только негативные явления породил новый век. Весьма важным являются попытки священнослужителей интегрироваться в нарождающийся мир, используя те механизмы, которые он с собой принес. Кооперативы были важным полем для возможной деятельности проповеди, кредитные товарищества в начале XX в. набирали популярность в Енисейской губернии. В 1908 г. их было 3, в 1910 г. – 22, в 1913 г. – 93, а к 1916 г. число кредитных товариществ достигло 117 [6. С. 23].

Кооперативное объединение выгодно отличалось от коммерческих предприятий тем, что защищало интересы разных социальных слоев общества, что отлично подходило для включения в них сельских священников [7. С. 269]. Как видно из трудов съезда учредителей мелкого кредита 1913 г. и общегубернского совещания кооперативов 1914 г., по факту 73,8% их участников по социальному составу относились к крестьянству [8. С. 6].

Вопрос участия клира в кооперации поднимался в 1910 г. 29 августа на XL съезде духовенства Енисейской епархии. Несмотря на его спорность, принята положительная резолюция. Еп. Евфимий для решения данного вопроса пригласил на собрание двух инспекторов мелкого кредита. Председателем съезда иереем Владимиром Кузьменым было предложено организовывать на приходах кооперативные товарищества мелкого кредита, таким образом, заботясь не только о духовных нуждах народа, но и о материальном их положении. Это могло привести к поднятию статуса сельского священника и дать возможность заниматься вопросами просвещения, нравственности, борьбой с пьянством [9. С. 6; 10. С. 9].

Были и представители духовенства, настроенные против кооперативов, указывающие на то, что на селе проблема не в деньгах, а в пьянстве и упадке нравов, что в сельские кабаки сносят в год тысячи рублей, которые могли бы пойти на иные цели. Следовательно, приходской кооператив будет только усиливать нравственную смуту, даст повод для слухов и толков, и опять окажется виноват приход и священник [11. С. 21–23; 12. С. 25].

Несмотря на горячие прения, нам известно минимум об одиннадцати священнослужителях которые занимались кредитной кооперацией в Енисейской епархии [13. С. 5–8]. О. Владимир Кузьмин рапортовал об успешной деятельности им организованного кредитного товарищества в Минусинском уезде, где было выдано порядка 200 кредитов и многие из них были возвращены до срока, и лишь один с запозданием [14. С. 18].

Не только частная инициатива пробивалась в церковной структуре, были в начале века и общие попытки преобразований. В 1916 г. в Государственную думу был внесен законопроект о преобразовании прихода, благодаря чему он становился более самостоятельным.

В Енисейской епархии еп. Никон в послании возлюбленным во Христе пастырям писал о том, что теперь для них настало время активной работы не только на духовном поприще, но и материальном, призывал создавать и вступать в кооперативы, становиться вождями и предводителями в своей коммуне [15. С. 17].

На пастырском заседании под председательством еп. Никона обсуждался вопрос о возможности реализации на приходе грядущих изменений. Некоторые из заседателей выразили свое мнение о том, что еще с глубокого синодального периода за священником тянется плохая репутация и, следовательно, отношение народа к нему презрительное, иногда переходящее в ненависть, либо просто иронически-добродушное. Отмечалось то, что духовенство отстало от жизни, жизненные запросы прихожан опередили развитие и знание пастыря. Еп. Никон ответил на это тем, что современный пастырь должен уметь приложить старые церковные нормы к стремительно меняющемуся миру, но изменения допустить может только Собор. На заседании выявили проблемы приходской жизни и сформулировали принципы борьбы с ними [16. С. 7–8; 11–12].

Последующую реакцию духовенства мы видим на страницах Епархиальных ведомостей в статье священника Николая Катанова «К вопросу о возрождении приходской жизни», где он возмущен тем, что в сухом остатке по решению прошедшего пастырского заседания священник представляется живым трупом, выгоревшим и ни на что не годным. При этом каждый священник изначально это горящий юноша, которого в итоге губит бедность, слабое образование, бумажная формалистика и территориально неохватные приходы. Изменения требует сама структура церкви, а не настроение пастыря, которое зависит не от количества крестных ходов, а от установки иерархии [17. С. 19–21]. О том же пишет священник Петр Скрынченко, по его мнению, вся проблема в финансировании прихода, священники вынуждены брать с живых и мертвых, что в итоге привело к тому, что для мужика на селе он приобретает характеристику «поберушки» [18. С. 17].

Как мы видим, духовенство Енисейской епархии пыталось себя самоидентифицировать с радикальными явлениями своего времени, принимать от него допустимые и полезные структуры, погружаясь в новый для себя вид деятельности. При этом в своем большинстве церковь

недопустимо медлила в политике преобразований. На государственном уровне процесс освобождения прихода начался лишь в 1916 г., хотя уже в 1907 г. всем было ясно, что первые воспитанники священника, т.е. их дети, учащиеся в семинариях, несут на себе негативный опыт подобного строя церковной жизни. На епархиальных заседаниях поднимались вопросы преобразований на приходах, но по факту виновными остались сами священнослужители. Как верно заметил еп. Никон на одном из заседаний, самостоятельные попытки духовенства влиться в новый мир и скорректировать церковные нормы с современной реальностью может реализовать только Поместный собор, но, как нам сейчас известно, для этого понадобится еще одна революция.

Список источников

1. Свящ. И. Фокин. Из мыслей о современных настроениях и жизни // Енисейский церковный вестник. 1907. № 25.
2. Разложение Духовной Школы // Енисейский церковный вестник. 1907. № 22.
3. Вниманию неучащихся семинаристов // Енисейский церковный вестник. 1907. № 21.
4. Доклад священника Миловского об учреждении приходских советов // ГАКК. Ф. 560. Оп. 1. Д. 76.
5. Летопись церковно-общественной жизни в Европейской России и Сибири // Енисейский церковный вестник. 1907. № 22.
6. Шнейдер А.Р. К вопросу о содействии кооперативному строительству в заселяемых районах Енисейской губернии. Красноярск : Енисейская Губернская Типография, 1916. 44 с.
7. Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. М., 1989. 496 с.
8. Труды 1-го совещания кооперативов Енисейской губернии в г. Красноярске, 29 мая – 1 июня 1914 года. Красноярск : Енисейская губернская электро-типография, 1915. 130 с.
9. Пастырские собрания // Енисейские епархиальные ведомости. 1910. № 18. 40 с.
10. Свящ. В. Кузьмин. Письма к соработникам на ниве Христовой, письмо V // Енисейские епархиальные ведомости. 1910. № 21. С. 32.
11. Свящ. И. Парышев. К вопросу об участии духовенства в кооперативных учреждениях // Енисейские епархиальные ведомости. 1911. № 2.
12. Свящ. И. Парышев. К вопросу об участии духовенства в кооперативных учреждениях (продолжение) // Енисейские епархиальные ведомости. 1911. № 3.
13. Труды съезда представителей мелкого кредита Енисейской губернии в г. Красноярск, 28–31 мая 1913 года. Петроград : Сила, 1913–1914. 240 с.

14. Свящ. В. Кузьмин. Письма к соработникам на ниве Христовой, письмо VI // Енисейские епархиальные ведомости. 1911. № 8.
15. Епископ Никон. Возлюбленные во Христе пастыри! // Енисейские епархиальные ведомости. 1916. № 5.
16. Протокол Канского Уездно-пастырского заседания // Енисейские епархиальные ведомости. 1916. № 9.
17. Свящ. В. Катанов. К вопросу о возрождении приходской жизни // Енисейские епархиальные ведомости. 1916. № 14.
18. Свящ. П. Скрынченко. К вопросу о возрождении прихода. // Енисейские епархиальные ведомости. 1916. № 13.

УДК 93/94

Н.С. Скляренко

*Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,
Красноярск, Россия*

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ О СОСТОЯНИИ СЛЕПЫХ В ЯПОНИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛОВ «СЛЕПЕЦ» И «РУССКИЙ СЛЕПЕЦ»)

Аннотация. *Статья раскрывает представления российской дореволюционной общественности о социально-экономическом положении и уровне образования слепых в Японии и помогает понять причины слабого интереса к вопросу инклюзии в Японии в конце XIX – начале XX в.*

Ключевые слова: Россия, Япония, «Слепец», «Русский слепец», инклюзия, образование

История такого социального слоя, как слепые, в Японии имеет долгую историю, однако в силу некоторых исторических особенностей, включающих длительный период изоляции Японии, а также ее конфронтацию с Российской империей, она слабо представлена в исследованиях российских историков. Проблематика, касающаяся развития системы образования слепых в Японии, тоже недостаточно проработана. В основном исследователи изучают общие аспекты данного вопроса [1]. Например, существуют работы по исследованию развития специального образования в Японии [2]. Однако в них проводятся общие, поверхностные исследования вопроса инклюзивной политики, не

затрагивая особенностей системы преподавания для отдельных групп лиц с ограниченными возможностями здоровья (слепые, глухие, люди с ментальными проблемами и др.).

Важность исследования слепых как социального слоя заключается в том, что через отражение данного слоя у нас есть возможность проанализировать уровень общественного благополучия в исследуемом государстве. Например, исследования о слепых позволяют более четко идентифицировать этапы развития государства, его экономики, определить механизмы социальной политики и выявить их особенности. Так, в начале эпохи Мейдзи, когда внешнеполитические условия диктовали скорейшую модернизацию экономического и социального уклада японского общества, правительство стремилось как можно быстрее провести реформу начального образования, которая бы позволила Японии находиться на равных с европейскими странами в экономическом и военном плане. Предполагалось, что при опоре на принцип «риссинтисан» («состоявшаяся личность – налаженное дело»), который заключался в возрождении империи через развитие и совершенствование личных качеств ее подданных, возможно провести всемерное укрепление государства [3. С. 42].

Безусловно, в таких условиях трудно было дать образование абсолютно всем [3. С. 15]. Основной упор делался на детей, которые могли без посторонней помощи заниматься в школах, такие категории, как слепые, глухие и прочие инвалиды, отошли на второй план. Только к 1912 г. Япония смогла добиться охвата детей школьного возраста на 98% [3. С. 303], и после этого началась политика по просвещению 2% детей, оставшихся вне системы образования.

Япония, как и Россия, претерпевала качественные изменения в XIX в. под влиянием стран Запада. В конце XIX – начале XX в. был относительно небольшой период в японской истории (период Мейдзи и часть периода Тайсе), когда между Японской и Российской империями существовали относительно добрососедские отношения (за исключением Русско-японской войны), когда российские и японские подданные активно изучали перспективы взаимовыгодного сотрудничества, например, в экономической сфере [4].

Кроме того, с началом реформ Александра II российская общественность стала активно интересоваться вопросом образования

слепых и слабовидящих людей, перенимая европейский опыт, что можно увидеть по статьям в специализированных журналах по вопросам слепых «Русский слепец» (1886–1889) и «Слепец» (1889–1917). Несмотря на то, что вопрос о положении слепых в Японии данные журналы освещают редко и основные вопросы, которые рассматривались в данных периодических изданиях, были связаны с положением слепых в Российской империи и на Западе (в основном странах Западной и Центральной Европы), они позволяют составить представление о прогрессивных тенденциях японской социальной политики в отношении слепых. Кроме того, на страницах этих журналов проводится анализ школ («институтов») слепых, а также анализ образовательных программ и методик, которые в данных школах реализовывались.

Первые сведения о слепых в Японии относятся к 1886 г., когда в журнале «Русский слепец» появилось сообщение о том, что в Стране восходящего солнца недавно произведено введение шрифта Брайля [5]. Однако в статье отсутствует информация о месте введения и результатах, которые последовали за данным решением. В последующих выпусках журнала также отсутствует информация по данному вопросу. Еще раз Япония упоминается в этом издании только в рецензии на книгу Армитаджа, в которой собраны сведения об образовательных заведениях как в европейских странах, так и в Китае, Бразилии, США и Японии [6]. Больше Япония на страницах данного журнала не упоминается.

В журнале «Слепец» 1893 г. приводится легенда о происхождении гильдии слепых в Японии. По версии автора статьи это произошло «тысячу лет тому назад», когда у императора «КоканоТенко» родился слепой сын «Атаго-но-микато». Видя, что вельможи не могут развлечь молодого принца, император велел привести 800 ученых «слепцов», которые его «развлекали», а когда принц стал управлять отведенными ему провинциями, стали еще и помогать советами. Более того, по версии репортера, после этого появились чиновничьи ранги у слепых [7]. Однако ситуация с зарождением гильдии слепых и ее функционированием была не совсем такова, как представлена в журнале.

Первые сведения о зарождении сообществ слепых относятся к периоду сегуната Накамура. Тогда считалось, что, несмотря на то что слепота являлась следствием плохой кармы, наиболее благочестивые

слепые обладают мистическими силами, не только исцеляющими окружающих, но дарующими их обладателю способность предсказывать будущее. С раннего детства слепые объединялись в небольшие сообщества для защиты своих интересов. Например, в 1240 г. в Камакура был издан указ, «объявлявший нищих слепых на улицах вне закона» наряду с уличными борцами сумо, уличными торговцами [8]. Кроме того, слепые объединялись в сообщества для отстаивания видов искусств, на монополию которых они претендовали. Так, в это время появляется гильдия слепых под названием *とうどうぎ* (当道座), которая имела монополии на иглоукалывание, акупунктуру и исполнение своих песен на «бива» (четырёхструнная лютня, на которой играли с помощью большого деревянного медиатора) [8].

Несмотря на то что часть информации о движении слепых подвергнута нами критике, статья, представленная журналом «Слепец», даёт весьма ценную информацию о роде их деятельности. Так, в статье указывается, что основные занятия японских слабовидящих – это массаж и акупунктура, игра на музыкальных инструментах (симаэсен) и пение песен. Срок обучения искусству массажа равняется 9 лет – 3 года отводится на обучение массажу у учителя, 3 года – акупунктуре и 3 года испытательного срока. Только по истечении данного срока слепой имел право заниматься данной деятельностью [7].

В следующем году на страницах данного журнала появилось сообщение, что на Конгрессе учителей слепых в Чикаго в 1893 г. «фигурировали предметы, присланные из Германии, России, Англии, Испании, *даже Японии* (курсив мой. – С.Н.)» [9]. Помимо этой короткой заметки отсутствует информация о вкладе японской стороны в данном конгрессе. И нам неизвестно, какого рода были эти «предметы» (рукоделие или печатная продукция).

После статьи в 1894 г. о Японии долго не пишут. Это можно объяснить нарастанием политического напряжения между Россией и Японией. Следующий раз о Японии напишут только во время Первой мировой войны, незадолго до революции в России, в 1916 г. Между тем стоит отметить, что последняя статья 1916 г. по своей информативности сильно превосходит все описанные ранее.

Во-первых, в ней приводились данные о начале формирования системы образования слепых. Автор статьи отмечал, что первая школа

для слепых и глухих детей в Японии была открыта в 1878 г. в Токио. Далее описывалось развитие системы образования. Так, на момент написания статьи в Японии насчитывалось 57 специализированных учебных заведений, в которых, по приблизительным оценкам автора статьи, обучалось примерно 1 600 человек [10].

Во-вторых, из статьи можно узнать о системе образования для слепых. Детей для обучения принимают от 10 до 16 лет, но, как указывается в статье, в данных школах могут находиться воспитанники до 30 лет. Общеобразовательная программа, рассчитанная в среднем на 5 лет обучения, включает: мораль, японский язык, арифметику, историю, географию, пение и гимнастику. Девочек еще обучают шитью. Кроме общей программы существуют профессиональные курсы: шестилетний курс обучения музыке и пению и четырехлетний курс массажа. Как утверждает автор статьи, девушки в основном предпочитают музыкальные курсы, а юноши курс массажа [10]. Также в статье проводится анализ качества самого образования по отношению к европейскому стандарту, а также быт японских воспитанников в школах слепых.

Таким образом, можно сделать вывод, что российская прогрессивная общественность, несмотря на близость двух государств, не имела полных сведений о положении и уровне образования японских слепых на протяжении всего исследуемого периода, а имевшиеся сведения носили весьма поверхностный и зачастую неточный характер. Это может быть объяснено тем, что в основном в России делался упор на исследование наиболее прогрессивных европейских и североамериканских тенденций и нововведений, которые активно внедрялись в тех странах. Соседняя Япония в силу проводимой в ней политики модернизации не могла похвастаться успехами в области призрения слепых в соответствии с европейскими стандартами. Возможно, по этой причине России был безынтересен японский опыт инклюзивной политики. Только к 1917 г., когда японские достижения стали видны невооруженным глазом, российская общественность обратила внимание на Японию.

Список источников

1. Складенко Н.С. Состояние школьного образования для слепых в Японии к началу XX в. // История мировых цивилизаций. Образование как фактор социально-политического развития : материалы XVII Всероссийской научной конференции, посвященной памяти С.И. Кангуна. Красноярск, 2022. С. 59–64.

2. Дронишинец Н.П., Филатова П.А., История и проблемы развития специального образования в Японии // Специальное образование. 2008. № 9. С. 5–8.
3. Прасол А.Ф. Японское образование в эпоху Мэйдзи (1868–1912). Владивосток : Дальнаука, 2002. 358 с.
4. Васкевич П.Г. Дневник поездки в Японию от порта Цуруга до порта Ниигата: с прил. табл. японск. мер, алф. указ. имен геогр., предм. и собств. и 8 карт и пл. Владивосток : Дальний Восток, 1904. XVI. 607 с.
5. Русский слепец: журнал для обсуждения вопросов, касающихся улучшения положения слепых. 1886. № 3.
6. Русский слепец: журнал для обсуждения вопросов, касающихся улучшения положения слепых. 1886. № 9.
7. Слепец: журнал для обсуждения вопросов, касающихся улучшения положения слепых. 1893. № 1.
8. Gerald Groemer. The Guild of the Blind in Tokugawa // Japan Monumenta Nipponica. 2001. Vol. 56, № 3. P. 349–380.
9. Слепец: журнал для обсуждения вопросов, касающихся улучшения положения слепых. 1894. № 3.
10. Слепец: журнал для обсуждения вопросов, касающихся улучшения положения слепых. 1916. № 12.

УДК 94(57)

Г.А. Толстов

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

РОЛЬ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВКП(б) В РАБОТЕ ТОМСКОГО ГОРОДСКОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

***Аннотация.** На примере деятельности томского городского Совета депутатов трудящихся второго и третьего созывов рассматривается проблема методов, особенностей и механизмов взаимодействия партийных и советских органов на местах в послевоенный период.*

Ключевые слова: СССР, советская демократия, местные советы, томский горком ВКП(б), томский горисполком

Советы депутатов трудящихся – избравшиеся населением органы власти и «политическая основа СССР». Местные советы рассматривались как часть единой системы советов и ввиду этого

противопоставлялись органам местного самоуправления, существовавшим в капиталистических странах и в дореволюционной России [1. С. 178], что, впрочем, никак не мешает нам проводить известные параллели между местными советами и современными органами местного самоуправления, так как и те и другие вынуждены решать схожие задачи.

Демократический характер советов, по Сталину, достигался за счет того, что они становились всеобъемлющими организациями самих масс. При этом подчеркивалось руководство массами со стороны авангарда, составляющего ядро советов пролетариата, а значит, и пролетарской партии, осуществляющей пролетарскую диктатуру через советы. Однако при этом за последними сохранялась определенная субъектность. Сталин констатирует: «Едва ли нужно доказывать, что партия, взявшая на себя руководство, не может не считаться с волей, с состоянием, с уровнем сознания руководимых, не может сбрасывать со счета волю, состояние и уровень сознания своего класса» [2. С. 128]. Иными словами, советский аппарат понимался одновременно и как механизм реализации принятых партией решений, и как механизм их согласования с остальной – непартийной – частью общества, менее инициативной и организованной, но также имеющей свои интересы и свою волю, игнорировать которую оказывается невозможно. Таким образом, советы с их изначально стихийно-демократической сущностью органически вписывались в партийно-государственную модель диктатуры пролетариата.

На практике формы партийного руководства советами, механизмы партийного и советского управления переплетались довольно причудливым образом. Разумеется, никак нельзя говорить о фиктивности, «ширмовом» характере местных советов, за спиной которых стояли всемогущие инстанции ВКП(б). Партийные инстанции имели свой – и довольно объемный – круг деятельности и едва ли могли при всем желании взять работу под тотальный контроль. Можно согласиться с тем, что партийные органы могли принимать какие-либо ключевые, концептуальные или векторные решения, в русле которых разворачивалась работа советов.

Существует точка зрения, согласно которой формой «мелочной опеки и подмены» советских органов партийными в послевоенный период принято считать совместные постановления бюро партийных

комитетов и соответствующих исполкомов [3. С. 97–103]. Мы же отметим, что в г. Томске такого рода постановления после войны выходили существенно реже, чем в предвоенный период, и в целом имели свою логику. Так, например, постановление «Итоги выполнения социалистических обязательств коллективами промышленных предприятий г. Томска за январь 1949» возлагало вину за проблемы в работе местной промышленности на райисполкомы, а провалы в организации социалистических соревнований – на райкомы партии [4]. Постановление содержит в себе некоторое разделение труда между партией и советами, позволяющее задействовать в его выполнении как хозяйственные и административные органы при помощи исполкомов, так и коллективы предприятий при помощи партийных и профсоюзных организаций. Иными словами, совместный характер постановлений позволял задействовать одновременно ресурсы и партии, и советов. Подобного рода практика позволяла усиливать советы в конкретной ситуации за счет партийного аппарата. Впрочем, сложившееся разделение было довольно мягким. Например, в апреле 1949 г. именно горисполком (правда, при содействии редакции «Красного знамени») занялся организацией соревнования за чистоту усадеб [5].

Другой формой партийного руководства было воздействие напрямую – в обход советов и их исполкомов. В этих условиях более строгая партийная дисциплина и меньшая формализованность действий могли позволить добиваться лучших результатов. Однако в этих условиях дублирование управленческих функций могло и дезорганизовать работу. Управляющий трестом «Томскстрой» говорил: «При сооружении этой дамбы мы имели частые посещения секретаря горкома партии, председателя исполкома, заместителей председателя исполкома, и каждый давал свои указания... В этом, конечно, мы виноваты, что работали не по проекту, что мы слушаем всех, а надо, видимо, слушать одного. Я бы просил горком партии, партийную конференцию о том, чтобы поменьше было товарищей, которые имели бы возможность нами руководить, а надо кого-нибудь одного или из горкома партии, или из обкома партии» [6].

Важным рычагом партийного руководства был контроль за назначениями на ключевые советские должности. Показательно, что председатель горисполкома Ф.М. Булаев был заменен С.Я. Давыдовым

именно после прошедшей в сентябре 1952 г. XII городской партконференции, причем Давыдов на момент данной перестановки не являлся даже депутатом городского совета – пришлось срочно организовывать довыборы, и лишь затем очередная сессия горсовета избрала его председателем горисполкома [7]. В свою очередь, горисполком направлял деятельность уже самих сессий городского совета.

Также партийные органы в целом снабжали органы советов (в первую очередь отделы его исполкомов) кадрами. Подобная практика позволяла с переменным успехом бороться с кадровым дефицитом. Однако и партийные органы Томской области также не располагали достаточным кадровым резервом, что отмечало и руководство томского обкома ВКП(б) [8]. В этих условиях как бы само собой получалось так, что советы порой подпитывались людьми по остаточному принципу. В частности, именно об этом говорил предгорисполкома Булаев на той же XII партконференции, указывая на случаи попадания на исполкомовскую работу морально разложившихся кадров. Он прямо называет сложившийся подход к укомплектованию местных советов несерьезным [9]. Сложившееся положение вещей, надо полагать, не способствовало усилению позиций советов.

Так или иначе, но для руководящих работников их деятельность как членов ВКП(б) оказывалась связанной с советской работой. Так, например, 21 марта 1950 г. в «Красном знамени» в посвященной партийной жизни колонке вышла заметка, в которой заведующая горздравотделом Бубнова обвинялась в грубом зажиме критики, приводились факты, указывающие на семейственность и необоснованные увольнения честных работников [10]. После разгромной критики на ближайшей же сессии городского совета 6 апреля Бубнова была освобождена от должности по собственной просьбе – по болезни [11].

Другое часто отмечаемое явление – непосредственное сращивание партийных и советских органов. Оно проявлялось в осуществлении соответствующих кадровых назначений – председатель горисполкома неизбежно избирался членом бюро горкома партии. В свою очередь, секретарь городского комитета ВКП(б) избирался одним из членов горисполкома. В том числе и подобная практика позволяет утверждать, что решение о замене Ф.М. Булаева С.Я. Давыдовым было принято именно по результатам XII партконференции – Булаев, в отличие от

Давыдова, не был избран членом бюро горкома [12]. Кроме того, членами городского комитета ВКП(б) были и депутаты городского совета – например, председатель постоянной комиссии здравоохранения Т.Д. Янович и директор трамвайного треста Бреднев, которые также выступили на партконференции и подвергли горисполком жесткой критике со своих позиций [13]. Таким образом, партийные инстанции открывали дополнительные возможности для воздействия на горисполком как «сверху», так и «снизу» – со стороны партийной ответственности и актива городского совета.

Также при городском совете существовали партгруппа, состоявшая из депутатов-коммунистов, и парторганизация горисполкома. Партийная группа горсовета собиралась за 30 минут до начала его сессии и согласовывала некоторые узловые решения [14]. Учитывая, что для серьезного обсуждения вопросов сессии у партгруппы просто физически не было времени, можно сказать, что она являлась скорее инструментом проведения через горсовет тех самых ключевых решений, однако в целом положение рядовых депутатов-коммунистов от депутатов беспартийных отличалось незначительно.

Не обладала высоким статусом и парторганизация горисполкома. Ее работа была ориентирована в основном на разбор внутренних проблем деятельности исполкома. На партсобраниях начальники отделов исполнительного комитета стремились защитить интересы своих организаций, критикуя горисполком. В свою очередь, секретарь и председатель горисполкома громили уже самих начальников отделов. Критиковали работники горисполкома нервную атмосферу и текучку кадров, обращение предгорисполкома с подчиненными, поднимали общие проблемы работы горисполкома, например проблему выполнения принятых им решений [15].

Таким образом, партийное руководство томским городским советом депутатов трудящихся осуществлялось в первую очередь через воздействие на его исполком, который, в свою очередь, управлял работой своих отделов и руководил деятельностью сессий и постоянных комиссий. При этом партийные организации могли позволить себе осуществлять руководство не через советы, а в обход них или вместе с ними – за счет издания совместных постановлений. Такие методы работы, в долгосрочной перспективе ведя к ослаблению авторитета

советов, сами были вызваны именно слабостью советского аппарата, в силу чего и требовалось вмешательство партийных органов. Неслучайно председатель горисполкома Ф.М. Булаев на партконференции заявил: «Мы не нуждаемся и не нуждались в опекунстве, но мы нуждаемся в реальной, конкретной помощи» [16].

При этом следует отметить, что сложившееся положение не было обусловлено идеологически самой концепцией диктатуры пролетариата в сталинском ее понимании, так как базовые идеологические тексты допускали различную трактовку. Оно вытекало именно из конкретных условий, в которых работал городской совет, в которых авторитет последнего зависел от результатов его самостоятельной работы, а их не всегда удавалось добиться в условиях жесткой нехватки кадров и ресурсов послевоенного времени. Союзное и республиканское руководство отмечало явления, связанные с ослаблением роли советов, и пыталось с ними бороться, о чем говорят тексты соответствующих постановлений ЦК ВКП(б) и СМ РСФСР, однако оно не предпринимало никаких радикальных мер.

При этом партийные организации являлись еще и дополнительной площадкой для отстаивания различными коллективами и ведомствами своих интересов, еще одним рычагом воздействия на руководящих работников – причем как «сверху», так и «снизу», что в некоторых условиях открывало дополнительные возможности, не ломая при этом централизованной государственной дисциплины.

Список источников

1. Беседы об общественном и государственном устройстве СССР. М. : Молодая гвардия, 1948. 310 с.
2. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М. : Политиздат, 1952. 652 с.
3. Орлянский С.Ф. О формах и методах партийного руководства Советами Кузбасса в годы четвертой пятилетки (1946–1950 гг.) // Местные советы Западной Сибири в период строительства социализма и коммунизма : материалы к научной конференции по истории местных Советов, посвященной 50-летию образования СССР. Вып. 1. Прокопьевск, 1973. 151 с.
4. Красное знамя. 1949. 13 февраля.
5. Красное знамя. 1949. 22 апреля.
6. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 4. Д. 570. Л. 165.
7. ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 1116.
8. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1488. Л. 166.
9. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 4. Д. 570. Л. 171.

10. Красное знамя. 1950. 21 марта.
11. ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 1019. Л. 21.
12. Красное знамя. 1952. 16 сентября.
13. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп.4. Д. 570. Л. 152.
14. ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 948. Л. 124(в).
15. ЦДНИ ТО. Ф. 317. Оп. 6. Д. 1.
16. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 4. Д. 570. Л. 174.

УДК 94(57)

И.Д. Филонов

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

ЖЕНСКИЙ ВОПРОС НА СТРАНИЦАХ СИБИРСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Аннотация. В статье рассматривается отношение представителей сибирской периодической печати к женскому вопросу. В качестве основных изданий для рассмотрения были взяты «Томские губернские ведомости», «Восточное обозрение» и «Сибирский вестник». Сибирские правительственные издания избегали прямых высказываний по женскому вопросу. Сибирские либеральные издания, к которым можно отнести «Восточное обозрение» и «Сибирский вестник», напротив, активно выступали за широкие права женщин и их эмансипацию.

Ключевые слова: женский вопрос, областничество, периодическая печать, Сибирь, Восточное обозрение, Сибирский вестник, Томские губернские ведомости

Одной из актуальных в настоящее время исследовательских практик являются гендерные исследования. В данной работе будут представлены и проанализированы взгляды разных сибирских периодических изданий по женскому вопросу. XIX в. являлся для России временем активных споров о положении женщин в обществе. Часть настроенной консервативно общественности выступала против эмансипации женщин, против развития женского образования и за

укрепление семейных традиций. Другая часть общественности, включавшая в себя представителей совершенно различных общественных течений – от радикальных левых до умеренных либералов, выступала за расширение прав женщин и их эмансипацию. Общероссийская дискуссия о месте женщин в социуме не обошла стороной и сибирский регион, где во второй половине XIX в. активно развивалась периодическая печать и нарастала потребность в самоидентификации сибиряков, выразившаяся в развитии специфического для Сибири областного движения.

Взгляды правительственной газеты *«Томские губернские ведомости»* на женский вопрос нередко ограничивались скупыми сообщениями и новостями на эту тему. Например, в газете публиковались крайне короткие сообщения о смене руководства тех или иных женских образовательных учреждений [1. С. 1], о передаче во владение женским образовательным учреждениям новых построек [2. С. 16; 3. С. 10], об изменениях в положении женщин из императорской семьи [4. С. 1] и т.д. Известны единичные случаи, когда на страницах *«Томских губернских ведомостей»* звучали призывы к развитию женского образования. Так, в 16 номере Томских губернских ведомостей от 1861 г. говорится о пользе женского образования: *«Образуйте грамотную мать – у такой матери ни одно дитя не останется безграмотным»*. Так или иначе, подобные взгляды нечасто выражались на страницах газеты и вполне соответствовали официальной позиции властей по вопросу о женском образовании. Такой подход к женскому вопросу был присущ многим правительственным изданиям сибирского региона. Подобные газеты создавались правительством для простого информирования людей, а также для того, чтобы замедлить развитие общественной мысли на периферии государства. Зачастую местной интеллигенции отказывали в создании нового печатного издания, обосновывая это его вторичностью по отношению к уже существующим *«Томским губернским ведомостям»* [5. С. 97–100]. Ввиду указанных фактов можно утверждать, что *«Томские губернские ведомости»* и ряд подобных им правительственных официальных изданий не внесли заметного вклада в развитие женского вопроса в Сибири. Данные газеты не создавались как площадки для общественно значимых высказываний.

Намного больший интерес вызывают областнические печатные ресурсы, к которым относится газета *«Восточное обозрение»*. Областники имели абсолютно определенную позицию по женскому вопросу. Известно, что виднейший идеолог областничества Г.Н. Потанин относился к женщинам довольно либерально и видел в них соратников [6. С. 206–216]. Он полагал, что женщинам необходима эмансипация и образование. Однако удивительным является тот факт, что Г.Н. Потанин видел необходимость в эмансипации лишь для тех женщин, кто занимался общественно полезной деятельностью (гуманитарными науками) и не занимался медициной. Кроме того, эти идеи о женской эмансипации развивались в труде Н.М. Ядринцева *«Сибирь как колония»*. Сам Г.Н. Потанин активно развивал женское образование в регионе и даже вошел в состав учредителей Общества для открытия и поддержания Сибирских высших женских курсов [7. С. 12–17]. На страницах *«Восточного обозрения»* высказывались идеи о необходимости женщин-врачей в Сибири. Это обосновывалось тем, что женщины являются хорошими врачами: *«С другой стороны, кто имеет жену или дочь, тот в состоянии оценить, какие услуги оказывает женщина-врач. Нечего и говорить, что врачебную часть в женских учебных заведениях всего естественнее поручить женщинам»* [8. С. 1]. Помимо привлечения женщин к врачебной деятельности газета *«Восточное обозрение»* выступала за участие женщин в миссионерской деятельности. В № 17 от 1887 г. приводился пример успеха женщин-миссионерок в Филадельфии. Делался акцент на успешности их миссионерской деятельности, а также на вкладе этих женщин в развитие исследований языческих верований [9. С. 13]. Газета *«Восточное обозрение»* отражала вполне прогрессивные воззрения областников на женский вопрос, заключающиеся в необходимости женской эмансипации, а также в расширении сфер женской занятости.

Еще одной сибирской либеральной газетой с конкретной позицией по женскому вопросу являлся *«Сибирский вестник»*. Данная газета запомнилась своей скандальностью и участием в полемике с областниками. Однако, несмотря на несогласие с представителями областнического движения по вопросу о сибирской автономии, *«Сибирский вестник»* придерживался вполне областнической точки зрения по вопросу о положении женщин в обществе. Позиция *«Сибирского вестника»*

являлась вполне прогрессивной и актуальной даже для сегодняшнего дня. Так, в одном из номеров от 1902 г. содержится вполне либеральная и обличительная оценка положения женщин в России, осуждается практика заключения браков «не по любви», а также без желания самой невесты [10. С. 2]. Кроме того, на страницах газеты обличались проблемы женского образования, одной из которых была нехватка денег у учащихся женщин и отсутствие помощи от государственных обществ [11. С. 2]. «Сибирский вестник» также критиковал сложную ситуацию с женским образованием, сложившуюся в Тобольске: *«Т.е. у города только и есть, что два мужских приходских училища, и нет ни одного женского»* [12. С. 7]. «Сибирский вестник», подобно областническому «Восточному обозрению», также высказывался в поддержку занятости женщин в сфере медицины: «Новое официальное подтверждение полезной деятельности женщин-врачей», – такими словами начинается заметка в одном из номеров «Сибирского вестника». В ней высказывается мысль о том, что женщины ничуть не хуже мужчин справляются с обязанностями фельдшера и, более того, нередко преуспевают в этом деле больше, чем их коллеги-мужчины [13. С. 1].

Таким образом, руководствуясь перечисленными фактами, по отношению к женскому вопросу сибирские периодические издания можно разделить на две категории: консервативные и реформистские. Консервативные издания представлены, главным образом, правительственными газетами и не выражают значительного стремления к эмансипации женщин. Консерватизм в данном случае не препятствует тому, чтобы женщины получали образование и обладали минимальным уровнем прав и свобод. С другой стороны общественной дискуссии располагались издания реформистской направленности. Данные издания выступали с позиции необходимости предоставления женщинам широких прав и свобод. Издания реформистской направленности носили, главным образом, либеральный характер и, помимо выступления с позиции поддержки женской эмансипации, также выступали за проведение иных либеральных преобразований и за расширение уже частично существовавших прав и свобод.

Список источников

1. Приказы Томского Губернатора от 20 декабря 1890 г. № 145 // Томские губернские ведомости. 1891. 3 января. С. 1.
2. О совершении данных // Томские губернские ведомости. 1887. 12 марта. С. 16.
3. О вводе во владение // Томские губернские ведомости. 1886. 31 июля. С. 10.
4. Учреждение о Императорской фамилии: о степенях родства в доме Императорском // Томские губернские ведомости. 1886. 21 августа. С. 1.
5. Иванова В.А. Особенности сибирских изданий конца XIX века // Молодежный вестник ИРГТУ. 2022. № 3. С. 97–100.
6. Никонова Н. Е., Масяйкина Е. В. Культурная программа сибирского областничества и женский вопрос: по материалам наследия Г.Н. Потанина // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2018. Т. 4, № 4. С. 206–216.
7. Шиловский М.В. Концептуальные подходы Г.Н. Потанина к развитию образования в Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 2. С. 12–17.
8. Потребность женщины-врача в Сибири и на Дальнем Востоке // Восточное обозрение. 1886. 9 января. С. 1.
9. Хроника жизни за неделю // Восточное обозрение. 1887. 30 апреля. С. 13.
10. Литературные очерки // Сибирский вестник. 1902. 15 декабря. С. 2.
11. 1885 год для Сибири // Сибирский вестник. 1886. 1 января. С. 2.
12. Корреспонденция «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. 1885. 24 октября. С. 7.
13. Безымянная заметка // Сибирский вестник. 1887. 21 октября. С. 1.

Секция V
ЗАПАД И ВОСТОК:
ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ВЫЗОВЫ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ
И СОВРЕМЕННОСТИ

УДК 304:327(061.1ЕС)

П.А. Кашеварова

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

ПОЛИТИКА ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА ЕС

Аннотация. Доклад посвящен проблеме гендерного равенства и борьбе с дискриминацией по признаку пола на уровне Европейского союза. Рассмотрены основные индикаторы измерения неравенства в ЕС и действия, которые предпринимают наднациональные институты ЕС во внутренней и во внешней политике.

Ключевые слова: гендерное равенство, Европейский союз, Европейский институт гендерного равенства, внешняя политика, Латинская Америка

Проблема данного исследования заключается в изучении понимания гендерного равенства на уровне Европейского союза. Проблеме гендерного равенства во всем Союзе в целом, и в каждой стране ЕС уделяется большое внимание. Наличие гендерного неравенства признается в современном мире на уровне ООН и Европейского союза. На протяжении десятилетий ЕС реализует достаточно успешную политику гендерного равенства, а борьба с дискриминацией по признаку пола в трудовых отношениях заявлена в первых договорах, учредивших европейские сообщества в 1950-е гг. Основные направления реализации гендерного равенства на уровне ЕС заключаются в

обеспечении равенства в условиях найма на работу, в условиях труда, оплаты и участия в управлении производством, а также в политическом процессе. В XXI в. институты ЕС уделяют особое внимание достижению реального, а не декларируемого гендерного равенства.

Начнем рассмотрение проблематики исследования с определения «гендерное равенство». На официальном сайте Европейского института гендерного равенства в разделе «Словарь терминов» (Glossary & Thesaurus) дано следующее определение: «Равные права, обязанности и возможности женщин и мужчин, девочек и мальчиков» [1]. Также под определением есть дополнительная информация, которая более подробно раскрывает смысл понятия «гендерное равенство»: «Равенство не означает, что женщины и мужчины станут одинаковыми, но права, обязанности и возможности женщин и мужчин не будут зависеть от того, родились они женщинами или мужчинами. Гендерное равенство подразумевает учет интересов, потребностей и приоритетов как женщин, так и мужчин, тем самым признавая разнообразие различных групп женщин и мужчин. Гендерное равенство – это не только женский вопрос, оно должно касаться и полностью вовлекать в равной степени как мужчин, так и женщин. Равенство между женщинами и мужчинами рассматривается как вопрос прав человека и как условие и показатель устойчивого развития, ориентированного на человека» [1]. Из данных определений можно сделать вывод, что гендерное равенство должно касаться человека вне зависимости от пола. Должны учитываться особенности, нужды и потребности как в обыденной жизни, так и в карьерном плане.

Наднациональные органы Европейского союза уделяют особое внимание проблемам гендерного равенства и отсутствию дискриминации по признаку пола. Так в 2020 г. Европейская комиссия заявила стратегию по достижению гендерного равенства, которая должна быть реализована с 2020 по 2025 г. (Gender Equality Strategy 2020–2025). Главная задача стратегии заключается в выполнении обязательств Комиссии под руководством Урсулы фон дер Ляйен по созданию «Союза равенства» (Union of Equality). Цели и действия, представленные в стратегии, направлены на создание Союза, в котором все граждане ЕС имели бы равные права и возможности в разных областях и сферах, вне зависимости от вероисповедования, пола или места рождения. По

большей части данная стратегия, как и многие другие проекты ЕС, сосредоточена на действиях внутри Союза, но она также согласуется с внешней политикой ЕС в области гендерного равенства и расширения прав и возможностей для женщин.

Год назад 8 марта 2022 г. Европейская комиссия предложила поправки к директиве, связанной с борьбой с насилием в отношении женщин и домашним насилием на всей территории ЕС. Для реализации этого были предложены следующие меры: криминализация и санкции за подобные преступления; защита жертв насилия и доступ к правосудию; оказание поддержки жертв насилия; профилактика гендерного насилия; координация и сотрудничество стран Союза в данной области. В документе дано определение того, что именно является насилием в отношении женщин и в каких формах оно существует: «Насилие в отношении женщин – это гендерное насилие, направленное против женщины, потому что она женщина...» [2]. Гендерное насилие включает такие виды преступления, как «сексуальное насилие, включая изнасилование, калечащие операции на женских половых органах, принудительные браки, принудительные аборт или стерилизацию, торговля людьми в целях сексуальной эксплуатации, преследование, сексуальные домогательства, феминцид, разжигание ненависти и преступления по признаку пола, а также различные формы насилия в Интернете (“кибернасилие”), включая обмен интимными материалами без согласия или манипуляции с ними, киберпреследование и кибердомогательства» [2]. В документе было отмечено, что «такое насилие коренится в гендерном неравенстве, являясь проявлением структурной дискриминации в отношении женщин» [2–4]. Другой формой насилия, о которой говорится в документе, является домашнее насилие. Оно также в большей мере касается насильственных действий в отношении женщины, хотя потенциальной жертвой такого насилия может стать любой человек, независимо от его пола или гендерной принадлежности. Но в отличие от гендерного насилия домашнее насилие связано с биологическими или юридическими семейными связями, так как происходит в семье, либо между сексуальными партнерами, либо между другими членами семьи, в том числе между родителями и детьми.

Для изучения проблемы по инициативе Европейского союза был создан Европейский институт гендерного равенства (European Institute

for Gender Equality) как исследовательский и аналитический центр, который занимается вопросами, связанными с гендерным равенством. Этот независимый центр является основным источником информации о гендерном равенстве в Европейском союзе. Институт проводит исследования, собирает и анализирует данные, измеряет состояние гендерного равенства как на уровне ЕС, так и на уровне государств-членов. Указанная деятельность института направлена на распространение знаний о гендерном равенстве, развитие сотрудничества с социальными партнерами для повышения осведомленности о проблеме гендерного равенства на уровне ЕС, на уровне стран ЕС и стран-кандидатов. На официальном сайте Института гендерного равенства есть раздел Индекс гендерного равенства (Gender Equality Index), где ежегодно публикуются актуальные статистические данные [5].

Общий показатель «Индекс гендерного равенства» включает ряд показателей: **трудовые отношения** (измеряет степень, в которой женщины и мужчины могут воспользоваться равным доступом к занятости и хорошими условиями труда); **финансовая сфера** (измеряет гендерное неравенство в доступе к финансовым ресурсам и экономическое положение женщин и мужчин); **образование** (измеряет гендерное неравенство в получении образования, участии в образовании и обучении в течение жизни и гендерной сегрегации); **временные показатели** (измеряет гендерное неравенство в распределении времени, затрачиваемого на уход, домашнюю работу и социальную деятельность); **сфера власти** (измеряет гендерное равенство на должностях, связанных с принятием решений в политической, экономической и социальной сферах); **здравоохранение** (измеряет гендерное равенство в трех аспектах, связанных со здоровьем: состояние здоровья, поведение в отношении здоровья и доступ к медицинским услугам); **проблема насилия** (предоставляет набор показателей, которые могут помочь ЕС и его государствам-членам отслеживать масштабы наиболее распространенных и документированных форм насилия в отношении женщин). Однако последний показатель не входит в общий Индекс гендерного равенства в виду отсутствия сопоставимых данных по всему ЕС (рис. 1).

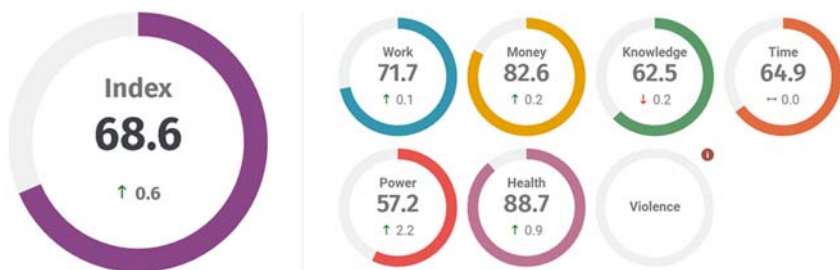

Рис. 1. Gender Equality Index 2022 [5]

Стоит отметить определенный успех европейской политики в данной области, так как с 2010 г. наблюдается значительный прогресс в области гендерного равенства, оценка ЕС увеличилась на 5,5 пункта. С 2019 г. показатель ЕС увеличился еще на 0,6 балла. Сейчас индекс составляет 68,6 из 100 баллов, что в который раз подтверждает, что Европейскому союзу предстоит пройти долгий путь к достижению гендерного равенства, как отмечено на сайте, – оценка в **100** баллов означает, что страна достигла полного равенства между женщинами и мужчинами.

Европейский союз распространил вопросы гендерного равенства в свою внешнюю политику. Данное направление внешней политики ЕС координируется Европейской дипломатической службой – Европейской службой внешнеполитической деятельности (ЕСВД) (European Union External Action). Служба продвигает гендерное равенство не только в пределах ЕС, но и на мировом уровне. В 2020 г. Европейская комиссия и высокий представитель Союза по иностранным делам и политике безопасности выдвинули амбициозные планы по продвижению гендерного равенства и расширению прав и возможностей женщин через все внешние действия Европейского союза. Для реализации этой цели был принят План действий ЕС по гендерному равенству и расширению прав и возможностей женщин во внешней деятельности на 2021–2025 гг. – The Gender Action Plan III (GAP III). Данный план представляет собой целый ряд действий, с помощью которых ЕС намерен ускорить прогресс в выполнении международных обязательств и создании мира, в котором каждый имеет пространство для процветания. Именно опираясь на European Union External Action, можно понять,

какого рода сотрудничество и какая политика осуществляется между ЕС и странами Латинской Америки относительно проблемы гендерного равенства.

Основные выводы работы заключаются в том, что уже на протяжении многих лет Европейский союз проводит политику гендерного равенства и ему удалось добиться значительного прогресса в данной области. Последние тенденции показывают, что число женщин на рынке труда существенно увеличивается, повышается уровень образования и профессиональной подготовки, тем не менее гендерные различия сохраняются. Это в основном касается представительства женщин в органах власти и системе управления, в оплате труда и при трудоустройстве.

Европейский союз реализует достаточно успешную политику гендерного равенства через большое количество проектов. Данная политика не ограничивается лишь одним Евросоюзом. Опираясь на свой опыт ЕС также активно взаимодействует со множеством стран по всему миру, продвигая политику гендерного равенства. Следующим этапом будут конкретные программы и их результаты, например, «EUROsociAL». Данная программа отражает сотрудничество Европейского союза и стран Латинской Америки и направлена на сокращение неравенства, повышение уровня социальной сплоченности и укрепления институтов 19 латиноамериканских стран.

Список источников

1. Gender equality // European Institute for Gender Equality. [S.l.], 2023. URL: <https://eige.europa.eu/thesaurus/terms/1168> (access date: 29.03.2023).
2. Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council on combating violence against women and domestic violence // European Commission. Luxembourg, 2022. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52022PC0105> (access date: 29.03.2023).
3. Gender equality strategy // European Commission. Luxembourg, 2020. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/policies/justice-and-fundamental-rights/gender-equality/gender-equality-strategy_en (access date: 29.03.2023).
4. European Institute for Gender Equality. Vilnius, 2023. URL: <https://eige.europa.eu/> (access date: 29.03.2023).
5. Gender Equality Index. Vilnius, 2023. URL: <https://eige.europa.eu/gender-equality-index/2022/country> (access date: 29.03.2023).

Е.Д. Котовская

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Россия*

ХРИСТИАНСКИЙ ФАКТОР В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ АСПЕКТОВ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация. В работе выявлена риторика национальной безопасности в контексте религиозного фактора Турции, показано ее применение на практике по отношению к христианским меньшинствам, обозначены основные очаги давления на христиан, а также субъекты, дестабилизирующие ситуацию на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: Турция, национальная безопасность, религиозные меньшинства, религиозный фактор, христианство

Мировой политический процесс развивается динамично и противоречно. На политическом ландшафте между основными акторами, определяющими вектор дальнейшего социально-экономического, политического и духовного развития государств, происходит процесс многосторонних взаимодействий друг с другом в поисках нахождения эффективных механизмов для разрешения острых актуальных вопросов современной повестки дня. Турция является одной из региональных стран, стремящихся оказывать влияние на международные процессы. Однако в политических взаимодействиях отсутствует взаимопонимание, что препятствует достижению консенсусных решений, а порой предполагает несбыточность реализации компромисса вследствие того, что каждый из участников отстаивает свои интересы, иной раз в ущерб национальным/наднациональным.

Негативные проявления мировой политики, безусловно, сказываются и на внутривнутриполитическом курсе. Между правящим политическим классом и оппозицией диалог часто заменяется монологом о дальнейшем общественно-политическом развитии страны, в том числе на основе религиозного фактора.

Идеи турецкого национализма и религиозной исламской идентичности крепко укоренились в политическом дискурсе. Особенно популярным среди правящего класса стало использование представления слияния национализма и политизации ислама, как единого целого, в качестве господствующей идеологии. Доминирование ислама, происходящее внутри страны, проявляется не только в государственной, но и общественной жизни и порождает ежегодно усиливающееся давление на религиозные меньшинства, в частности на христиан. Используя риторику национальной безопасности, правительство оправдывает ограничение прав христиан, опираясь на положения нормативно-правовых актов. По данным правозащитной организации Open Doors за 2023 г., среди стран, в которых христиане сталкиваются с самыми жестокими гонениями, Турция занимает 41 место, что подтверждает «очень высокий уровень преследований христиан» [1]. Используется практика депортации духовных лидеров, уголовное преследование священнослужителей, обвиняемых в связях с террористическими организациями.

Завоевательный характер проведения внешней политики, который Турция унаследовала от Османской империи, вынуждает республику быть готовой отражать глобальные вызовы национальной безопасности, исходящие не только от внешних угроз, но и от внутренних. Понятие «национальной безопасности» в стратегическом турецком аспекте способно рассматриваться в нескольких превалирующих на практике плоскостях, а именно в безопасности государства и безопасности наций. В первом случае подразумевается система политических, экономических, военных и иных мер, позволяющих обеспечивать подготовку к вооруженной защите государства, при возникновении чрезвычайных ситуаций, а во втором – защита интересов общества с учетом национальных особенностей, где нации выступают в качестве способа легитимации власти [2. S. 3].

Концепция национальной безопасности Турции выявляет наличие причины для ограничения свобод, опираясь на положения Конституции, одно из них гласит: «Основные права и свободы могут быть ограничены законом в целях защиты национальной безопасности, в соответствии со словом и духом Конституции...» [3. S. 22]. Под угрозами внутренней безопасности, соразмерно нормативно-правовому акту,

понимаются «насильственные и опасные действия против Родины и Республики или широко распространенные действия насилия внутреннего и внешнего происхождения, угрожающие государственной и национальной целостности...» [3. S. 86].

Практика последних лет показывает рост прецедентов выдворения иностранных христиан из страны посредством присвоения кодов ограничений (Tahdit Kodu), применяемых по принципу закона об иностранцах и международной защиты под номером 6458 [4. S. 1–48] и выдаваемых Министерством внутренних дел при сотрудничестве с Турецкой разведкой (MIT). На основании данного закона, в целях предотвращения преступлений и для обеспечения безопасности, иностранные граждане подлежат депортации за пределы Турции, чаще всего в страну происхождения или транзита. Кроме этого, полученный код означает препятствие к повторному въезду в республику.

За 2019–2021 гг. около 78 религиозных представителей протестантизма были вынуждены принудительно покинуть Турцию по причине получения кодов ограничений [5]. По итогу 185 человек, включая детей, выехало за пределы государства для сохранения семей, в том числе из-за того, что один из иностранных супругов, состоящий в браке с гражданином Турецкой Республики и при этом исповедующий христианство, получил код. Как утверждает Ассоциация протестантских церквей, религиозные лица получали два вида кодов ограничений, обозначающих деятельность против национальной безопасности: N-82 (связывает въезд в Турцию с процессом предварительного утверждения) и G-87 (люди, которые, как полагают, представляют общую угрозу безопасности), а их судебные дела оканчивались вынесением бездоказательного вердикта. Апеллируя идеей уважения прав человека на основе национальной солидарности и справедливости, Стамбульский фонд протестантской церкви также обращал внимание СМИ на обязательства получения предварительного разрешения перед въездом в страну священнослужителям и мирянам протестантского вероисповедания из-за их евангелизационной и миссионерской деятельности, однако не запрещенной законом, и выразил желание пересмотра судебного дела местного духовного лидера, проповедавшего в Турции на протяжении восемнадцати лет, но внезапно получившего код [6]. В то же время вследствие необходимости предоставления правовой защиты

осужденным лицам, ввиду обострения совокупности взаимосвязанных социально-правовых явлений, адвокаты сталкиваются с серьезными препятствиями для оказания юридической помощи, поскольку в большинстве случаев при запросе конфиденциального файла с обвинениями клиента они получают отказ от турецкого разведывательного центра [7]. Таким образом, не обладая возможностью ознакомления с объемом, содержанием и характером обвинения, у правозащитников возникают затруднения для оказания услуг по оспариванию решений органов государственной власти.

Вместе с тем к обострению религиозного вопроса в ближневосточном регионе приводят случаи привлечения христианских священнослужителей к уголовной ответственности. Ассирийский священник Сефер Билечен, возглавлявший сирийский православный монастырь в турецкой провинции Мардин, находящейся на юго-востоке страны и преимущественно населенной курдами, в 2020 г. был приговорен прокуратурой к более чем двум годам тюремного заключения по обвинению в помощи террористической организации. Причиной ареста стали показания некоего свидетеля, сообщившего о посещении монастыря Мор Якуб (Mor Yakup Kilisesi) участниками запрещенной на территории Турции Рабочей партии Курдистана (Partiya Karkerên Kurdistan – РПК), просивших хлеба и воды у единственного смотрителя религиозной общины. По мере проведения судебных разбирательств, Сефер Билечен отрицал выдвинутые против него обвинения, подчеркивая, что помощь с его стороны не имела политического умысла и он не знал, что прихожане являются членами РПК: «Я даю пищу каждому, кто подходит к моей двери – кем бы он ни был» [8], что и предполагает его духовная миссия в рамках христианской религии. В силу того что географическое расположение ассирийского монастыря на протяжении десятилетий выступало полем противоборств сил безопасности с РПК, оно также включает поселение различных народов, в том числе курдов, исторически проживающих с количественным превосходством численности населения на этих землях, при этом не имеющих отношения к террористической деятельности, поэтому вычислить боевика среди мирных прихожан представляется довольно трудной задачей.

Укоренение исламского компонента идентичности турецкого общества провоцирует пренебрежительное отношение к приверженцам

иных религий в Турции и позволяет политизировать вопрос религиозных и этнических меньшинств на основе дихотомии «свой – чужой» [9. С. 176–181] ради реализации политического дискурса возвышения роли религии в государстве. Наличие официального учреждения – Управления по делам религии Турецкой Республики (Diyanet İşleri Başkanlığı), осуществляющего деятельность, связанную лишь с верой, принципами поклонения и морали ислама [10. С. 1], иной раз подтверждает доминирование одной избранной формы общественного сознания, заключенной в рамках светского государства, над другими. Конфигурация угроз национальной безопасности, исходящая якобы от религиозных групп, находящихся в оппозиции к доминирующему религиозному большинству, является следствием призывов к действию со стороны государственных деятелей. Во время одной из встреч с исламскими неправительственными организациями в Диярбакыре председатель «Диянет» Али Эрбаш публично сказал: «Давайте защитим наших детей от идеологий, отличных от ислама, и различных организаций и структур, пропагандирующих неверие, атеизм, деизм и зороастризм» [11], тем самым заявив, что неисламские идеологии представляют опасность.

При условии, что среди религиозных меньшинств численность христиан преобладает и постепенно возрастает вследствие влияния ряда геополитических факторов, на территории Турции также проживают иудеи, езиды, алевиты и другие группы, сталкивающиеся с рядом ограничений по религиозному признаку, однако в меньшей степени, чем христиане. Несмотря на это, существуют как единичные примеры нарушения прав человека (в марте 2021 г. житель Амасьи, алевит, обратился в службу безопасности в связи с тем, что подвергся оскорблениям от имама из-за своего вероисповедания), так и присущие большинству религиозных меньшинств, например, игнорирование Турцией постановлений ЕСПЧ, вследствие чего затягивается проблема получения статуса отправления религиозного культа для неисламских общин [12].

Таким образом, проведенное исследование позволило установить ряд характерных особенностей в изменении внутренней политики. Во-первых, используется риторика национальной безопасности для оправдания давления на христиан со стороны общественных и политических деятелей. Во-вторых, борьба с представителями религиозных

конфессий осуществляется в контексте защиты национальных интересов. В-третьих, действуя в рамках политического курса, направленного на поддержание главенствующей роли национализма и турецкой исламской идентичности, государственные органы и их представители оказывают влияние на формирование образа религиозных меньшинств как негативного явления с исходящим от него риском подрыва национальной мировоззренческой конструкции, немыслящей себя вне идеологических рамок.

Список источников

1. Open Doors / World Watch list 2023. URL: <https://www.opendoors.org/en-US/persecution/countries/> (access date: 10.05.2023).
2. Hasan Tunç. Ayhan Döner. MGK ve mili güvenlik kavramı // Selçuk Üniversitesi Sosyal Bilimler Meslek Yüksekokulu Dergisi. 2014. № 1. S. 3–22.
3. Kanunlar ve kararlar başkanlığı. Türkiye Cumhuriyeti Anayasası. Ankara : TBMM. Basımevi, 2020. 251 s.
4. Yabancılar ve uluslararası koruma kanunu №6458 [Kabul tarihi: 4/4/2013]. URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/mevzuatmetin/1.5.6458.pdf> (access date: 10.05.2023)
5. Association of Protestant Churches / Protestant Community Rights Violation Report. URL: <http://www.protestankiliseler.org/?p=1075> (access date: 10.05.2023).
6. Istanbul Protestant Church Foundation / Press Release from Istanbul Protestant Church Foundation. URL: <https://hyetert.org/2020/06/16/press-release-from-istanbul-protestant-church-foundation/> (access date: 10.05.2023).
7. Open Doors / World Watch list: Situation of religious freedom for Christians. URL: <https://www.opendoors.org/en-US/persecution/countries/turkey/> (access date: 10.05.2023).
8. International Christian Concern. URL: <https://www.persecution.org/2020/02/22/new-details-turkish-priests-indictment/> (access date: 10.05.2023).
9. Соломина В.В. Особенности реализации оппозиции «Свой чужой» в различных видах дискурсов // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2014. № 3. С. 176–181.
10. Diyanet işleri başkanlığı kuruluş ve görevleri hakkında kanun № 633 [Kabul tarihi: 22/7/1965]. URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/File/GeneratePdf?mevzuatNo=19353&mevzuatTur=KurumVeKurulusYonetmeligi&mevzuatTertip=5> (access date: 10.05.2023).
11. Office of International Religious Freedom / Report on International Religious Freedom: Turkey. URL: <https://www.state.gov/reports/2021-report-on-international-religious-freedom/turkey/> (access date: 10.05.2023).
12. İnanç Özgürlüğü Girişimi / Türkiye’de Din veya İnanç Özgürlüğü İzleme Raporu 2022. URL: <https://inancozgurlugugirisimi.org/turkiyede-din-veya-inanc-ozgurlugu-izleme-raporu-2022-raporu-yayimlandi/> (access date: 24.07.2023).

А.В. Никитина

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

ВОПРОС О КОНСТАНТИНОПОЛЕ И ПРОЛИВАХ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ КУРСЕ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В МАРТЕ–ОКТАБРЕ 1917 г.

Аннотация. *Аннексия Российской империей Константинополя и Черноморских проливов была ключевой политической задачей царского, а затем Временного правительства в годы Первой мировой войны. Февральская революция, неудачи на фронтах, шаткое экономическое положение привели к формированию во Временном правительстве точки зрения о необходимости отказа от своих «вековых стремлений» по причине практической невозможности их выполнения.*

Ключевые слова: Временное правительство, Константинополь, Черноморские проливы, внешняя политика

Режим Черноморских проливов и статус Константинополя долгое время занимал важное место во внешней политике Российской империи, начиная с Екатерины II и заканчивая Николаем II. Для России данные территории имели важнейшее стратегическое значение: имея контроль над проливами, российский торговый и военный флот мог бы свободно выходить в Средиземное море, что открывало новые внешнеполитические и экономические возможности. Через Черноморские проливы и Средиземное море торговые корабли могли поставлять зерно в Европу, что повысило бы уровень торговли и, следовательно, доходы. В рамках безопасности контроль над Черноморскими проливами также был значим. Босфор и Дарданеллы являлись ключом к Черному морю, большая часть побережья которого была российской, поэтому Россия стремилась взять контроль над проливами, чтобы регулировать проход иностранных судов, которые потенциально могли угрожать ее территории. Например, в 1833 г. Россия и Османская империя подписали Ункяр-Искелесийский договор, включающий в себя

положение о закрытии Босфора для иностранных кораблей, кроме российских.

Вступление Османской империи в войну в октябре 1914 г. осложнило положение России из-за закрытия Черноморских проливов. Здесь же и создавалась возможность для окончательного решения вопроса о проливах в соответствии с имперскими интересами России. С.Д. Сазонов решил начать переговоры с французскими и британскими послами. В условиях, когда «война мыслилась как продолжение политики, но только иными средствами», территориальный передел слабеющей Османской империи европейскими державами понимался как вполне подходящий вариант устройства ее будущего и порождал, скорее, сложности не в отношениях с Турцией, а в отношениях между самими так называемыми великими державами.

После Февральской революции руководство страной приняло Временное правительство, но империалистический курс внешней политики продолжился, о чем заявил в циркулярной телеграмме новый министр иностранных дел П.Н. Милюков: «В области внешней политики кабинет, в котором я принял портфель министра ин. дел, будет относиться с неизменным уважением к международным обязательствам, принятым павшим режимом, верный обещаниям, данным Россией» [1. С. 466]. В следующей же своей телеграмме министр заявил о сохранении и обязательности для нового российского правительства всех международных договоров и соглашений, заключенных с союзными державами в предыдущее правительство [1. С. 467].

Изначально во Временном правительстве было представлено две позиции по вопросу Константинополя и проливов. Первая принадлежит министру иностранных дел П.Н. Милюкову. Он поддерживал позицию правительства Николая II, что России необходимо получить по окончании войны Царьград и осуществить все свои вековые стремления. Поэтому министр активно настаивал на ведении войны до победного конца и проведении Босфорской операции, в случае успеха которой можно было завоевать Константинополь и проливы. Но современниками отмечается, что Милюков был едва ли не единственным, кто был за завершение вековых стремлений России. Другой позиции придерживался А.Ф. Керенский: по его мнению, Константинополь и проливы должны быть интернационализированы [1. С. 468]. Идея об

интернационализации проливов и Константинополя активно обсуждалась еще до Первой мировой войны, но большее развитие получила в заявлениях премьер-министра Великобритании Ллойд-Джорджа в 1917 г.

О своей идее Керенский заявил в выступлении перед британским военным агентом и журналистом, вскоре после этого французские и британские газеты писали о том, что Россия намерена отказаться от соглашений 1915 г., касающихся Константинополя и Черноморских проливов. Милуков в своих телеграммах подчеркивал, что это явление обусловлено высказываниями отдельных членов Временного правительства (Стеклова и Керенского). Россия же готова и дальше продолжать войну и получить желаемое. К тому же министр иностранных дел приводил пункт из декларации Временного правительства об основных началах внешней политики: «Полное соблюдение обязательств, принятых в отношении наших союзников» [1. С. 479].

После Апрельского кризиса Временного правительства образовался его первый коалиционный состав, в котором А.Ф. Керенский занял пост военного и морского министра, а М.И. Терещенко – министра иностранных дел. С новыми министрами изменилось и отношение к вопросу о Константинополе и Проливах: Терещенко никогда не приветствовал данную идею и считал, что выполнить ее невозможно в виду нехватки людских, военных и экономических ресурсов. Он придерживался мнения, что Константинополь должен быть вольным городом, над которым Россия могла бы иметь распорядительную власть [2. С. 243]. Таким образом, с уходом Милукова, последнего последователя империалистической политики по отношению к Константинополю и проливам, внешнеполитический курс России в отношении «главного приза» на Востоке был изменен.

Несмотря на то, что от аннексии Константинополя и Проливов отказывалось все Временное правительство, за исключением Милукова, министры единодушно разделяли мнение о том, что Россия должна получить разрешение на «вольное» пользование проливами. Помимо этого, Временное правительство все же обладало империалистическими целями: владение турецкой Малой Азией – считалось, что эти территории жизненно важны для России. Но в ходе переговоров на заявление британского посла о необходимости заявления о том, что России более не нужен Константинополь, Временное правительство

ответило отказом, сославшись на волю народа [2. С. 244]. Подобное заявление бы вызвало пересмотр всех секретных договоров, заключенных во время войны, правительство не хотело терять возможности, которые предоставлялись России по этим соглашениям в случае победы, в том числе территории в Малой Азии, в которых Временное правительство было заинтересовано.

Одним из пунктов декларации Временного правительства по вопросам внешней политики за 19 мая 1917 г. было «мир без аннексии и контрибуции» и право народов на самоопределение, что изначально противоречило той цели, которая была поставлена – присоединение Малой Азии [2. С. 244]. Временное правительство вело политику «двойных стандартов». Стараясь угодить странам-союзницам, министры писали о провозглашении свободы Польши и других территорий, но в это же время пришли к выводу, что необходимо добиться пересмотра соглашений, чтобы Малая Азия вошла в состав России после победы в войне. Было принято решение о проведении специальной конференции в августе, где страны Антанты могли обменяться мнениями о целях и итогах войны, определить направления внешней политики. Против высказалось правительство Италии, не желавшее терять обещанные им территории по Лондонскому соглашению и по договору Сайкса-Пико. Но в связи с провалом июньского наступления и вытекающего из него Июльского кризиса Временного правительства союзные державы более не были заинтересованы во Временном правительстве и созыве конференции.

С мая 1917 г. остро стоял вопрос о публикации всех договоров, заключенных до и во время Первой мировой войны. Временное правительство настаивало на обнародовании, так как это, по их мнению, помогло бы раскрыть настоящий повод к участию в войне – «России навязана пагубнейшая из войн из-за чуждых ей, преследовавшихся правящими верхами целей». Упомянутой целью и является владение Константинополем и Черноморскими проливами. Но решение о публикации необходимо было согласовать со странами-союзницами, иначе Россия могла бы остаться изолированной. Предложение России нашло отклик во Франции и Великобритании. Основная часть переговоров проходила между Россией и Францией, но они ни к чему не привели из-за затянувшегося обмена мнениями между министрами стран Антанты. Франция не

хотела публиковать секретные договоры, так как надеялась на скорое окончание войны, поэтому все телеграммы от России с согласием на обнародование были трактованы так, как удобно французской стороне. Переговоры зашли в тупик [1. С. 137–151].

Таким образом, можно увидеть процесс изменений отношения к вопросу о Константинополе и Проливах в России на протяжении периода «от февраля к октябрю» 1917 г. Временное правительство отказалось от империалистической повестки по отношению к Константинополю и Черноморским проливам, однако оставив за собой территориальные претензии в Малой Азии. К постепенному отказу от вековых стремлений привело и положение армии, экономики и настроения в обществе. Народ устал от многолетней безуспешной войны, поэтому и по отношению к присоединению территорий, тем более таких далеких, был настроен в общей степени негативно. Проблемы в армии и с ресурсами сказались на проведении Босфорской операции, которая предполагалась для завоевания Константинополя и закрепления секретных договоров. Постепенно правительство полностью отказалось от данной идеи, считая ее нереализуемой и неактуальной.

С приходом к власти в октябре 1917 г. большевикам было необходимо показать, что они не позиционируют себя как преемники царского и Временного правительств, поэтому последовало обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» В.И. Ленина. Из обращения стало известно, что все секретные договоры, касающиеся захвата Константинополя и черноморских проливов, раздела Персии и Османской империи, заключенные во время войны, «порваны и уничтожены» [3]. Этому предшествовал лозунг «Мир без аннексии и контрибуции» и отказ от тайной дипломатии, следовательно, публикация всех секретных договоров, подписанных в царское время.

Режим проливов будет рассмотрен на Лозаннской конференции в 1923 г., а затем пересмотрен в 1936 г. Конвенция Монтре по отношению к проливам действует до сих пор, но добиться удовлетворения своих интересов в рамках безопасности уже СССР не удалось.

Список источников

1. Константинополь и проливы: по секретным документам б. Министерства иностранных дел / под ред. Е.А. Адамова. Л. : Литиздат НКВД, 1925–1926. Т. 1.

2. Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата / пер. с англ. С.А. Алексеева, А.И. Рубена; предисл. В. Гурко-Кряжина. 2-е изд. М. : Гос. изд-во, 1925. 311 с.

3. Из обращения Совета Народных Комиссаров «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». 20 ноября 1917 г. // Декреты Советской власти. Из истории Гражданской войны в СССР. 1918–1922 : сб. док. и материалов : в 3 т. Т. 1: Май 1918 – март 1919. М. : Советская Россия, 1960. С. 734–735.

УДК 510+6:327

М.Н. Ольховская

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

ПОЛИТИКА РАЗВИТИЯ КИТАЯ ПО ОТНОШЕНИЮ К АФРИКАНСКИМ СТРАНАМ В 2000–2021 гг.

Аннотация. В статье рассматривается политика Китая по отношению к африканским странам в XXI в. Проведенный анализ свидетельствует о том, что с начала 2000-х гг. Китай значительно усилил свои позиции в регионе и не собирается останавливаться. Несмотря на то, что КНР обвиняется западными странами в том, что намерения его недобросовестные и что его политика создает угрозу глобальной безопасности, Китай признает важность обеспечения международного порядка.

Ключевые слова: Китай, Африка, политика развития, глобальная безопасность, инвестиции

Азиатские страны, в отличие от развитых стран Европы, относительно недавно начали проводить политику развития. Китай показывает, что она стала не просто единичной акцией, а полноценным аспектом внешней политики. Начиная с 1990-х гг. Китай активно пытается настроить отношения с африканским континентом, поэтому к началу 2000-х гг., в рамках развития политики «Юг-Юг», ключевой целью для осуществления политики развития были выбраны именно африканские страны. Китай формально заявляет благие цели, строящиеся на принципе безвозмездности и взаимоуважения между собой – донором и странами-реципиентами. Все это происходит в рамках глобальной внешнеполитической стратегии Китая по выстраиванию новых интеграционных процессов и многополярной системы [1. С. 32–37]. В этой

связи другие доноры, в частности европейские, не согласны с политикой Китая и подвергают ее всевозможной критике, называя политикой «неоколониализма» [2. С. 119–141]. К тому же обеспокоенность возникла на фоне стремительно нарастающей силы Китая в африканском регионе, являющимся традиционно сферой влияния Европы. В свою очередь африканские страны не стремятся пока к переформатированию своих отношений с Китаем.

В 2000-м г. создается Форум китайско-африканского сотрудничества (ФОКАК), переопределяющий направления сотрудничества между КНР и африканскими странами. Форум стал универсальной площадкой для Китая, которая полностью соответствует целям Китая по созданию многостороннего сотрудничества между различными странами. В рамках Форума определяются итоги сотрудничества, формируются новые программы взаимодействия, по которым в дальнейшем и будет осуществляться политика стран в отношении друг друга [3. С. 35–46]. Первоначально программы Форума включали больше социально-экономических вопросы в рамках сотрудничества между КНР и африканскими странами, со временем спектр тем расширился и прибавилось культурное и экологическое направления [4. Р. 118]. Это обусловлено тем, что Китай заинтересован в увеличении торговых оборотов с африканскими странами. С 2001 по 2006 г. экспорт из Африки в Китай ежегодно увеличивался на 40% и достиг 28,8 млрд долл. при импорте из Китая в Африку, который увеличился в 4 раза до 26,7 млрд долл. Начиная с 2009 г., торговый баланс африканско-китайской торговли стал отрицательным – Африка импортирует на 20,1 млрд долл. больше, чем экспортирует в Китай. Основными товарами, экспортируемыми из Африки в Китай, являются нефть и газ (62% в 2006 г.), а также минеральные продукты и металлы (13%). В 2011 г. Китай стал крупнейшим торговым партнером Африки с оборотом 166,3 млрд долл. И только за период с 2001 по 2011 г. объем торговли между Африкой и Китаем вырос с 11,5 до 166,3 млн долл. США. По итогам 2018 г. торговый оборот Китая со странами Африки вырос до 204,2 млрд долл. США, при этом наблюдается тенденция исключительного роста [5. С. 4–14]. Помимо торговли Китай развивает инфраструктурные проекты в регионе, и это непосредственно влияет на торговые связи как внутри региона, так и между донором и реципиентом.

Например, в 2016 г. Китай внес значительный вклад в инфраструктуру Марокко. Был построен мост, соединяющий столицу Рабат с городом Сале и входящий в масштабный инфраструктурный проект по созданию крупнейшей в Марокко сети автомобильных дорог – от средиземноморского Танжера до финансовой столицы страны Касабланки. Планируется также строительство высокоскоростной железной дороги между Марракешем и Агадиром. Еще одним символом китайских инвестиций в инфраструктуру Африки считается построенный в 2018 г. мост в Мозамбике, который соединяет центр столицы Мапуту с районом Катебе на южной стороне морского залива. Этот проект стал крупнейшим инвестиционным проектом Китая, реализуемым в Мозамбике, стоимостью около 800 млн долл. США [6]. Большая часть проектов реализуется в рамках китайской инициативы «Один пояс – один путь», реализуемой Китаем с 2013 г. В планах Пекина – активизировать взаимодействие инициативы «Один пояс – один путь» и стратегии национального развития Египта. Пекин неоднократно заявлял, что считает инициативу «стратегической осью» и «региональным приоритетом». Китай – главный торговый партнер Египта (объем торговли в 2016 г. – 12 млрд долл.) и крупнейший инвестор в специальную экономическую зону Суэцкого канала [7]. Важно отметить, что основными механизмами осуществления помощи являются инвестиции и «стратегические кредиты». В области инвестиций в африканских странах в 2017 г. было объявлено, что Китай занял первое место по предоставлению кредитов странам Африки, общий объем которых превысил 100 млрд долл. [8]. Самые кредитоспособные страны в Африке – Ангола, Эфиопия, Замбия и Камерун, но большую часть китайских инвестиций получают Демократическая Республика Конго, Судан, Кения и Марокко. Китай заинтересован в странах с богатыми ресурсами и они в списке главных торговых партнеров Китая (ЮАР, Ангола, Судан, Нигерия и др.). В период с 2000 по 2014 г. Китай предоставил Африке более 80 млрд долл. США, при этом главными получателями финансовых ресурсов стали не обязательно обладающие нефтью и минералами страны. Например, Ангола – богатая нефтью страна – получила наибольшую сумму кредита в размере 21,2 млрд долл. США, а следом за ней идет небогатая сырьем Эфиопия, которая получила 12 млрд долл. США [9]. Однако большая часть китайских займов была

направлена на строительство инфраструктуры, а не на добычу углеводородов и минералов. За последние годы Китай наладил сотрудничество и с небогатыми ресурсами странами, такими как Маврикий, Сенегал и Руанда, что можно трактовать как несоответствие обвинениям в адрес Китая по поводу осуществления «неоколониалистской политики» [2].

Все же такая активная политика в Африке беспокоит страны, которые ранее являлись основными донорами для региона, но сместились Китаем. Европейские страны озабочены активизацией Китая в Африке по нескольким причинам. Некоторые эксперты считают, что Китай использует свои инвестиции и кредиты, чтобы увеличить свою геополитическую и экономическую мощь на континенте, что может привести к усилению конкуренции между Китаем и другими странами, которые также заинтересованы в Африке. Еще одним вызовом может стать увеличение китайского влияния в стратегически важных отраслях, таких как горнодобывающая и энергетическая индустрии, что может привести к росту зависимости африканских стран от Китая. Это может ослабить позицию других стран в регионе и даже привести к возможным конфликтам. Также страны опасаются, что растущее влияние Китая в Африке может привести к снижению уровня демократии и увеличению авторитарных режимов в регионе [10. С. 50–51]. Однако в апреле 2022 г. на церемонии открытия ежегодной конференции Боаоского азиатского форума председатель КНР Си Цзиньпин предложил инициативу по глобальной безопасности, состоящей из 6 пунктов. Китай является не только автором этой важной инициативы, но и силой, готовой к ее воплощению. Председатель заявил, что в отличие от одностороннего стремления некоторых западных стран к собственной абсолютной безопасности, инициатива глобальной безопасности, предложенная Китаем, преследует цель общей безопасности с акцентом на мир и сотрудничество. Она способствует построению международного порядка на основе взаимоуважения, равенства и взаимодоверия, и имеет большое значение для долгосрочного мира и развития в человеческом обществе [11].

Таким образом, активная китайская политика в Африке имеет ряд различных последствий. Усиление Китая в регионе вызывает беспокойство у других стран и может привести к усилению старых

конфликтов или появлению новых, что, несомненно, является вызовом глобальной безопасности современности. Однако в то же время Китай предложил инициативу по глобальной безопасности, которая направлена на достижение общей безопасности на основе многостороннего диалога, что соответствует китайской стратегии, заявленной еще в начале XXI в. Существуют разные стороны китайской политики в Африке и ее последствия для региона и других стран, и это также свидетельствует о том, что Китай стремится к укреплению своего влияния в мире, включая Африку, но также готов сотрудничать с другими странами и признает важность международного порядка на основе взаиморезуважения и равенства.

Список источников

1. Хе Венпин. Китай – Африка: полвека сотрудничества при «любой погоде» и его новые ориентиры как отклик на вызовы XX века // Азия и Африка сегодня. 2002. № 12. С. 32–37.
2. Дейч Т.Л. Китай в Африке: «неоколониализм» или «win-win» стратегия? // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11, № 5. С. 119–141. doi: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-119-141 (дата обращения: 25.04.2023).
3. Забелла А.А. Влияние Форума китайско-африканского сотрудничества на развитие отношений между Китаем и странами Африки // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-foruma-kitaysko-afrikanskogo-sotrudnichestva-na-razvitie-otnosheniy-mezhdu-kitaem-i-stranami-afriki> (дата обращения: 25.04.2023).
4. Parallel Perspectives on the Global Economic Order. A U.S. – China Essay Collection (2017) / eds by D. Remler. URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/170922_Remler_ParallelPerspectives_Web.pdf (access date: 12.03.2023).
5. Потапенко М.В., Холина В.Н., Шолудько А.Н. Рост экономического присутствия Китая в Африке как угроза развитию российско-китайских отношений // Региональные исследования. 2013. № 1 (39). С. 4–14. URL: <https://elibrary.ru/pznnqh> (дата обращения: 25.04.2023).
6. Under the Radar: What’s behind China’s Love Affair with Morocco? // Global Risk Insights. March 26, 2017. URL: <https://globalriskinsights.com/2017/03/chinas-love-affair-with-morocco/> (access date: 12.03.2023).
7. March J. China’s President Xi Pledges Another \$60 Billion for Africa // CNN. September 04. 2018. URL: <https://edition.cnn.com/2018/09/03/asia/focac-china-africa-development-intl/index.html> (access date: 13.03.2023).

8. Китайские инвестиции в Африке: практика Фонда развития Китай – Африка // РСМД. 2018. 5 марта. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/africa/kitayskie-investitsii-v-afrike-praktika-fonda-razvitiya-kitay-afrika/> (дата обращения: 13.03.2023).

9. Калашников Д.Б. Китайская помощь развитию: официальные и истинные цели // Мировое и национальное хозяйство. 2021. № 4 (57). URL: https://mirec.mgimo.ru/2021/2021-04/chinese-development-assistance-official-true-goals#_ftn3 (дата обращения: 12.03.2023).

10. Толстикова А.Д. Китай и ООН: проблема международной безопасности // XLVIII Самарская областная студенческая научная конференция. 2022. Т. 2. С. 50–51.

11. 全球安全倡议概念 (文件) // Xinhua. 2023. 21 февраля. URL: http://www.news.cn/world/2023-02/21/c_1129382628.htm (дата обращения: 01.05.2023).

УДК 328.185

Э.Е. Стародубцева

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

КОРРУПЦИЯ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ США

Аннотация. В статье поднимается тема коррумпированности властных структур в Соединенных Штатах Америки. Автор исходит из тезиса о том, что коррупция представляет угрозу национальной безопасности, угрожая экономическому развитию, демократическим институтам, и подрывает доверие населения к правительству. В исследовании выделяются основные сферы общественной жизни США, страдающие от коррупционного эффекта.

Ключевые слова: коррупция, национальная безопасность, взяточничество, коррупция в США, лоббизм

В настоящее время коррупция признана серьезной проблемой на международном уровне. Конвенция ООН против коррупции подчеркивает важность борьбы с коррумпированностью: «коррупция – это страшная чума, которая поражает общество самым различным образом. Она подрывает основы демократии и верховенства права, ведет к нарушению прав человека, препятствует работе рынков, ухудшает качество жизни и создает условия для процветания организованной

преступности... Коррупция наносит непропорционально большой ущерб именно бедным, поскольку она отвлекает средства, предназначенные для развития, лишает правительства возможности предоставлять основные услуги, является питательной почвой для неравенства и несправедливости и препятствует потокам иностранных инвестиций и помощи» [1].

Коррупционированность Соединенных Штатов привела к формированию угрозы национальной безопасности страны, коррупция оказывает значительное влияние на экономическую, политическую, социальную и иные государственные сферы. Чем конкретно опасна коррупция и как она влияет на безопасность США? На данный вопрос будет дан ответ в статье.

В 2021 г. администрация Джо Байдена выпустила бюллетень по борьбе с коррупцией. Президент заявил: «коррупция угрожает национальной безопасности США, подрывая веру граждан в Правительство, искажая экономику и позволяя авторитарным властям ослаблять демократические институты. Поэтому National Security Study Memorandum поручает министерствам и ведомствам определять и при необходимости создавать новые структуры и штат, совершенствовать сбор и анализ разведывательной информации и увеличивать ресурсы, направленные на борьбу с коррупцией внутри страны и за рубежом» [2]. Сам президент признал коррупцию серьезной проблемой и угрозой национальной безопасности своей страны. Он также заявил о том, что борьба с коррупцией является приоритетом работы в области экономики и национальной безопасности.

Исходя из данных Transparency international, по итогам 2000 г. индекс коррупции США составлял 7,8 из 10, а место среди стран – 14. Данные цифры говорят о невысокой коррупционированности по сравнению с зарубежными странами. В 2020 г. рейтинг США упал до 25 места. Индекс восприятия коррупции составлял 67 из 100 [3]. Эти данные свидетельствуют о росте взяточничества в США, злоупотреблении должностным положением для личной выгоды, сокращении уровня прозрачности, что представляет угрозу национальной безопасности Соединенных Штатов.

Что касается восприятия коррупции населением США, то по итогам опроса Gallup [4] трое из четырех жителей США воспринимают

коррупцию в госорганах в стране как обширную. Опрос проводится каждый год с 2007 г., и этот показатель растет. В 2007 г. 67% населения США ощущали коррумпированность своей страны, а в 2014 г. уже 75%, что говорит о росте уровня коррумпированности и об осязательности повсеместной коррупции, с которой приходится сталкиваться.

Отличительной чертой коррупции в США является легализация взяточничества. Можно привести в пример речь профессора А. Лихтмана: «В США коррупция легальна. Она законна и осуществляется через миллиарды долларов, выделяемых на предвыборные кампании и обеспечивающих доминирование интересов состоятельных людей» [5]. Любой политик, получивший финансовую поддержку от определенной корпорации, в будущем будет отдавать предпочтение их интересам. Спонсирование политиков не является секретной информацией, более того, политические кампании в США обязаны раскрывать информацию о своих спонсорах. Это требование установлено Федеральной избирательной комиссией (FEC [6]), которая регулирует кампании и финансирование в процессе выборов.

Отсюда следует, что важной причиной коррупции является лоббизм. Вашингтон является центром мирового лоббизма [7]. На данный момент в Вашингтоне зарегистрировано больше 14 тыс. лоббистских организаций. Также растут и лоббистские траты. С 2000 по 2008 г. траты выросли больше, чем в 2 раза (Торговая палата – крупнейшая бизнес-лобби). Наибольшая доля лоббистских трат приходится на бизнес.

Существуют и другие причины коррупции, например неравенство доходов, что приводит к желанию чиновников обогащаться нелегальными путями. Низкий уровень этики и морали в обществе приводит к росту коррумпированности, так как никакие моральные принципы не останавливают людей от совершения преступления.

Коррупция в США представляет угрозу национальной безопасности в нескольких аспектах:

1. Экономическая угроза:

- а) теневая экономика – один из показателей коррумпированности государства. Скрываемая экономическая деятельность от государства лишает государственный бюджет притока средств и создает серьезные препятствия для становления рыночной экономики. Как следствие,

ослабевают финансовые рычаги управления государством. Нелегальная миграция и работа нелегальных иммигрантов также являются частью теневой экономики, так как наемные сотрудники не числятся официально, соответственно, не платят налоги и вынуждены работать за низкие зарплаты и без социальных гарантий. По итогам 2015 г. процент распространения теневой экономики составил 7% [8]. По сравнению с предыдущими годами, уровень сократился, что говорит об эффективной борьбе государства с таким видом коррумпированности;

б) высокий уровень коррумпированности США ведет к неэффективному использованию бюджетных средств, в частности, при распределении государственных заказов, поддерживаются неэффективные проекты, финансируются раздутые сметы. В пример можно привести финансирование Министерства обороны США. Ежегодно государство выделяет около 700 млрд долл. [9] Пентагону. Однако, исходя из аудиторских проверок, Министерство обороны не может отчитаться за свои расходы. Так, Пентагон в пятый раз с 2017 г. провалил аудит. Выяснилось, что военное ведомство не смогло отчитаться о 61% своих активов [10], это говорит о пропаже и нецелевом расходе денежных средств.

2. Социальная угроза:

а) высокий уровень коррумпированности чиновников и частных предпринимателей США ведет к углублению социального неравенства: коррупция создает неравный доступ к государственным услугам и ресурсам, что ухудшает шансы малоимущих людей, растет неравенство среди населения Америки. Один из таких примеров – скандал, произошедший в 2019 г. вокруг университета Йеля и Стэнфорда. Родители богатых студентов давали взятки доходным лицам университета, чтобы их дети могли поступить в престижные университеты. Это привело к тому, что бедные студенты оказались в невыгодном положении и не смогли поступить в университеты [11];

б) одно из последствий наличия коррупции – понижение качества образования и здравоохранения: средства, выделенные на образование или здравоохранение, тратятся неправильно или уходят в карманы коррумпированных чиновников, это приводит к сокращению числа школ, больниц и качества услуг, которые они предоставляют.

3. Политическая угроза:

а) одно из важнейших следствий наличия коррупции в США – отсутствие доверия населения к демократии как оптимальной модели функционирования общества. Исходя из опроса, проведенного The Guardian, большинство американцев согласны с тем, что правительство «коррумпировано и направлено против обычных людей, таких как я» [12]. Большой процент населения Америки не чувствует уверенности в своем правительстве;

б) падение международного авторитета государства – прямое следствие всех сопутствующих проблем, которые появляются из-за высокого уровня коррупции.

Корруптированность ведет к потере национального суверенитета. С точки зрения национальной безопасности важным является тот факт, что своим коррупционным поведением люди, занимающие высокие государственные посты, создают уязвимую социальную среду, которая является благоприятной почвой для укрепления позиций, подверженных влиянию иностранных служб, с помощью которых можно влиять на процесс принятия решений правительством, что ведет к подрыву как внешней, так и внутренней обороны США.

Подводя итог, стоит подчеркнуть, что наличие коррупции представляет значительный риск для национальной безопасности из-за ее негативного воздействия на социальную среду, экономическое развитие и международный имидж. Коррупционные практики нарушают функционирование государства и ограничивают конституционные права граждан. Однако, несмотря на угрозу, которую представляет коррупция, уровень коррумпированности остается невысоким, так как существует множество эффективных методов по борьбе со взяточничеством (журналисты проводят расследования по раскрытию коррупционеров, высокий уровень прозрачности). Совокупность этих факторов способствует успешной борьбе с коррупцией, хоть и угроза подрыву национальной безопасности Соединенных Штатов остается.

Список источников

1. United Nations Convention against Corruption // United Nations. URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/treaties/CAC/> (access date: 12.03.2023).
2. U.S. Department of State/Establishing the fight against corruption as a primary national security interest of the United States. URL: <https://www.whitehouse.gov/>

briefing-room/statements-releases/2021/06/03/fact-sheet-establishing-the-fight-against-corruption-as-a-core-u-s-national-security-interest/ (access date: 12.03.2023).

3. Corruption perceptions index/transparency international. URL: <https://www.transparency.org/en/countries/united-states> (access date: 28.12.2022).

4. 75% in U.S. See Widespread Government Corruption от 19.09.2015/Gallup. URL: <https://news.gallup.com/poll/185759/widespread-government-corruption.aspx> (access date: 14.04.2023).

5. Дунаевский И. Почему коррупция в политической системе США стала легальной. URL: <https://rg.ru/2016/01/27/korruptsiya-site.html> (дата обращения: 28.12.2022).

6. Federal Election Commission. URL: <https://www.fec.gov> (access date: 12.05.2023).

7. Белоусов А.Б. Современная практика лоббизма в США от 2013 г. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-praktika-lobbizma-v-ssha> (дата обращения: 28.12.2022).

8. USA: Shadow economy от 2015 г. // The global economy. URL: https://www.theglobaleconomy.com/USA/shadow_economy/ (access date: 12.05.2023).

9. Оборонный бюджет США. История и статистика от 21.12.2019/Тасс. URL: <https://tass.ru/info/7395907> (дата обращения: 14.04.2023).

10. Defense Department fails another audit, but makes progress от 17.11.2022 // The Hill. URL: <https://thehill.com/policy/defense/3740921-defense-department-fails-another-audit-but-makes-progress/> (access date: 14.04.2023).

11. Касьян А. Неравные возможности. Как Йель и Стэнфорд оказались втянуты в коррупционный скандал от 13.03.2019 // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/373283-neravnye-vozmozhnosti-zvezdy-gollivuda-i-top-menedzhery-davali-vzyatki> (дата обращения: 12.05.2023).

12. A quarter of Americans open to taking up arms against government от 2022г. // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2022/jun/30/poll-americans-guns-against-government> (дата обращения: 14.04.2023).

Секция VI
**ИССЛЕДОВАНИЯ СООБЩЕСТВ,
ТЕХНОЛОГИЙ И КУЛЬТУР**

УДК 323.28

М.Ю. Бизина

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

**ВЛИЯНИЕ ОФЛАЙН-ОБЩЕСТВА
НА ФУНКЦИОНАЛЬНУЮ СХЕМУ
РАДИКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ**

Аннотация. Были исследованы результаты картирования радикальных сообществ и этапы радикализации в четырех странах: Российской Федерации, Канаде, Франции и Малайзии. Структура радикальных сообществ и их функциональная схема оказались схожими. Процесс вовлечения молодых людей в радикальные сообщества и алгоритм обмена информацией не зависели от страны проживания. Сохранялся принцип воронки. Было установлено, что тип офлайн-общества, в котором проживает молодежь, не влияет на процесс радикализации, происходящий в онлайн-сообществах.

Ключевые слова: радикализация, онлайн-сообщества, сетевой анализ, атомизация, экстремизм

Еще со времен Аристотеля человек описывался как социальная или политическая особь, живущая в социуме и действующая коллективно, сообща. Век современных технологий не изменил потребность человека в общении, но предоставил последнему гораздо более широкий набор инструментов. Естественные границы общества, в котором проходила жизнь отдельно взятого индивида, расширились, выйдя за пределы его «полиса», и в настоящее время включают в себя практически

всю территорию Земли, охваченную современными средствами коммуникации. Тенденция расширения коммуникативного пространства влияет и на менталитет человека. Он более не ограничен культурными канонами своей общины и, при возможности, может выбирать девиантный вариант поведения, включая также членство в радикальных сообществах. Таким образом, влияние коммуникативной среды сети Интернет на процесс радикализации молодежи (переход от ненасильственных форм выражения мнения к насильственным действиям) представляет собой научный интерес.

Изначально авторами исследования была озвучена гипотеза, что процесс радикализации молодежи зависит от общества, в котором живут молодые люди. В коллективистском обществе, где родственные и общинные связи прочнее, молодежь менее подвержена радикализации, в силу вовлеченности в жизнь общины, чем в индивидуалистском обществе, где зачастую можно наблюдать явление атомизации индивидов, описанное еще Х. Арендт. В своей монографии Арендт представляла атомизацию как основу, необходимую для массовых движений, так как изолированные люди «одержимы желанием уйти от хаотичных, случайных, непостижимых аспектов реальности» [1. Р. 352]. В настоящее время, в связи с широким распространением цифровых технологий, атомизация граждан наблюдается и в индивидуалистских, и в коллективистских сообществах, так как территориальная граница общения оказывается стерта. Парадокс чувства одиночества был описан Ж.М. Твенж [2. Р. 80] в ее монографии, где опрошенные подростки, будучи всегда на связи онлайн, чувствовали себя более одинокими, чем до прихода в их жизнь цифровой реальности. Причиной, по мнению Ж.М. Твенж, является разница между общением онлайн и офлайн: для поддержания душевного здоровья людям необходимо живое общение друг с другом. Проблематика также заключается в нахождении и формировании круга общения.

Процесс поиска новых социальных связей, особенно для человека, переехавшего в новый населенный пункт, где у него/нее нет устоявшегося круга друзей, включает и поиск сообществ по интересам в сети Интернет. При нахождении такового, человек включается в общение, которое при подтверждении однородности взглядов среди акторов переходит также и в офлайн. Посредством ссылок с

основной страницы сообщества на ресурсы со схожей тематикой человек все больше убеждается в распространенности идеологии, импонирующей ему. Сетевые сообщества представляют собой гомогенные группы, связанные со своими единомышленниками, доставляющими похожую информацию в новостных лентах, минимизирующими альтернативную точку зрения за счет модерации содержания постов. При переходе с открытых страниц сообществ в закрытые телеграмм-каналы, доступные по подписке, риторика сообществ становится радикальнее. В сообществах отсутствует жесткая иерархия, но есть харизматичные ключевые фигуры, влияющие на дискурс. Сетевая структура сообществ является гибкой, не статичной, как, например, государство или город, и связь в сообществе сохраняется, пока происходит обмен информацией между его акторами.

Одним из эффективных методов изучения динамики социальных сообществ является анализ социальных сетей. Это исследовательский подход, анализирующий структуры социальных сетей, состоящие из узлов (людей, компаний), соединенных связями (социальными, финансовыми), а также происходящие в них процессы. Ключевым фактором в анализе сетей, как писал М. Бушар, является понимание динамики формирования групп и влияния общества [3. Р. 65]. Анализ рассматривает взаимоотношения между людьми и значимость этих связей, а также использует теорию графов для визуальной репрезентации социальных сообществ [4. Р. 24]. Графический подход помогает определять самые ценные узлы в сети, с наибольшим количеством связей, а также наглядно показывает наличие так называемых мостов – людей, соединяющих разрозненные фракции сообщества. Применение анализа социальных сетей в изучении террористических и экстремистских групп позволяет органам правопорядка нанести таким группам ощутимый урон, изъять из сетевой связи ключевые фигуры – узлы и мосты. Подобный подход может принести продуктивность и в изучении радикализированных сообществ, для предотвращения распространения пагубной идеологии и пропаганды.

Для подтверждения или опровержения нашей гипотезы о влиянии типа общества на радикализацию молодежи нами были

исследованы результаты картирования (описания сетевых связей между членами группы) радикальных сообществ и этапы радикализации, данные о которых находились в открытом доступе в статьях ученых: Солдаты Одина в Канаде [4], 12 молодых людей, интервьюированных об их процессе радикализации во Франции [5], 169 левых, правых и исламистских сообществ в Российской Федерации [6], а также два радикальных сообщества (Лотфи и Ваннди) в Малайзии [7. Р. 1].

Структура радикальных сообществ и их функциональная схема оказались схожими во всех четырех странах. Сообщества формировались на базе неприятия каких-либо общественных явлений [6. С. 14] либо ненависти к конкретным политическим, социальным или религиозным объектам. Процесс вовлечения молодых людей в радикальные сообщества не зависел от страны проживания. Вербовщики во Франции, например, использовали способ тройного замыкания информационного пузыря, включающий в себя недоверие человека к информации, структуру коммуницирующей группы и ограниченность мысли человека. На руку вербовщикам был и так называемый когнитивный пузырь [5. Р. 32], при котором веб-сайты определяют, какую информацию пользователь хотел бы увидеть, основываясь на информации о его месторасположении, прошлых перемещениях и нажатиях курсора, предпочтениях и истории поиска. В результате веб-сайты показывали только ту информацию, которая согласовывалась с прошлыми точками зрения данного пользователя.

Шаги процесса радикализации прослеживались от поста до ретвита (проявлений соучастия, взаимного интереса и притяжения), диалога и наконец радикального разговора, состоящего из трех фаз (дискурса разрыва – теории заговора – салафитского дискурса для интервьюированных во Франции) [5. Р. 37]. Дискурс разрыва, например, показывал молодому человеку, что его интересы, негодование и вопросы являлись элементами, общими для всех тех, кто, как и он, обособлен (атомизирован). В результате новая семья казалась человеку очень теплой и давала чувство принадлежности, которое заменяло чувство принадлежности к обществу и сообществу

офлайн. Формировалась новая идентичность, появлялись новые идеи, поведение, практика и чувства.

Алгоритм обмена информацией также не зависел от страны, в которой было образовано то или иное радикальное сообщество. Сохранялся принцип воронки [7. С. 2], при котором пользователи сети Интернет сначала посещали открытые онлайн-платформы, а при согласии с нарративом перемещались на закрытые площадки для общения с единомышленниками.

Таким образом, нами было установлено, что тип офлайн-общества, в котором проживает молодежь, не влияет на процесс радикализации, происходящий в онлайн-сообществах. В этой связи обмен международным опытом по борьбе с радикализацией, ведущей к насильственному экстремизму и терроризму, представляет научную и практическую необходимость.

Список источников

1. Arendt H. The origins of totalitarianism. 7th ed. Cleveland, OH : The World Publishing Company, 1962. 576 p.
2. Twenge J.M. iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy – and Completely Unprepared for Adulthood. New York : Atria Books, 2017. 342 p.
3. Social Networks, Terrorism and Counter-terrorism: Radical and Connected: collection / ed. by M. Bouchard. New York ; Routledge, 2015. 298 p.
4. Veilleux-Lepage Y., Archambault E. Mapping Transnational Extremist Networks: An Exploratory Study of the Soldiers of Odin's Facebook Network, Using Integrated Social Network Analysis // Perspectives on Terrorism. 2019. Vol. 13, № 2. P. 21–38.
5. Alava S., Najjar N., Hussein H. Étude des processus de radicalisation au sein des réseaux sociaux: place des arguments complotistes et des discours de rupture // Quaderni: communication, technologies, pouvoir. 2017. Vol. 94. P. 29–40.
6. Способы репрезентации радикального контента в условиях государственной антиэкстремистской цензуры на материале социальной сети ВКонтакте / В.В. Кашпур, А.А. Барышев, С.И. Чудинов [и др.] // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2022. Т. 6, № 1. С. 7–18.
7. Nur Azlin Mohamed Y. The Evolution of Online Extremism in Malaysia // Counter Terrorist Trends and Analyses. 2017. Vol. 9, № 7. P. 1–7.

М.Р. Исмаилова

*Школа исследований окружающей среды и общества (Антропошкола)
Тюменского государственного университета, Тюмень, Россия*

КОРЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ, УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ И МЕНЯЮЩИЕСЯ ЛАНДШАФТЫ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ: СЛУЧАЙ ТАЗОВСКОГО РАЙОНА

Аннотация. Арктический регион для России ценен своим культурным наследием и разнообразием экосистем, которые находятся под угрозой в связи с современными экологическими вызовами. Статус экстрактивной периферии Ямала связывает локальное (добычу ресурсов) и глобальное (изменение климата), создавая набор противоречий между корпорациями и коренным населением. Рыбный промысел отражает состояние окружающей среды и служит одним из маркеров реализации целей устойчивого развития. Изучение социальности Тазовского района позволяет выявить особенности взаимодействия между обществом и окружающей средой в этом уязвимом регионе в контексте глобальных климатических изменений.

Ключевые слова: Арктика, рыбный промысел, местное население, устойчивое развитие, медленное насилие

В последние годы Арктика привлекает все больше внимания как со стороны международного сообщества, так и представителей науки. Это связано с тем, что Арктика больше других регионов мира подвержена последствиям глобального изменения климата – процесса, который оказывает огромное влияние на развитие современной экономики, политики и научного знания. Во-первых, изменение климата часто приводит к экологическим катастрофам и чрезвычайным ситуациям (разливам топлива, эпидемиям), которые в свою очередь приводят к сокращению биоразнообразия и снижению устойчивости арктических экосистем. Во-вторых, оно осложняет экономическую деятельность, так как угроза глобального потепления меняет инфраструктуру, влияет на стратегию ведения бизнеса и другие экономические процессы. Арктика является неким рубежом в изучении климатических изменений – одной из самых излюбленных тем спекуляции на рынке массмедиа, в создании новых бизнес-стратегий и формировании культуры

экомышления. И отчасти поэтому в нашем сознании экологические изменения в основном вызывают негативные ассоциации. Несомненно, если изменение климата не воспринимается как угроза, то можно заметить, как эти изменения помогают добавить возможности для новых проектов, развития экономики и бизнеса. Однозначно предугадать последствия изменения климата, как положительные, так и отрицательные, крайне затруднительно. Разные взгляды на развитие ситуации с изменением климата в Арктике нацелены на один результат – создание и развитие различных проектов.

Вместе с тем Арктика – это больше, чем пространство для реализации глобальных и национальных проектов. В первую очередь это регион, ценный своим культурным наследием и разнообразием уязвимых экосистем, которые важно сохранить. В этой статье я постараюсь сместить фокус внимания с восприятия Арктики как места для проектов [1] на восприятие изменения климата людьми, проживающими на территории Арктики [2]. Основа исследования – это изучение влияния экологических вызовов и изменения климата на образ жизни коренных народов севера ЯНАО. В рамках этой статьи предметом исследования является рыбный промысел коренного населения. Основным источником – журнал «Рыбное хозяйство», в котором высказываются эксперты из разных сфер (научная, общественная, законодательная). Выпуски выходят каждый квартал. Для представленного исследования были проанализированы и выделены основные нарративы в журнале с 2004 по 2014 г.

Индигенное население и окружающая среда климатически уязвимых регионов – это одна из самых актуальных тем в динамично развивающемся поле экологических гуманитарных наук (*environmental humanities*). В частности, существует большое количество работ, посвященных восприятию климата индигенным населением на Аляске [3], в Канаде, Гренландии [4], в том числе в сравнительной перспективе. В современных эколого-гуманитарных исследованиях северных индигенных народов сложился очевидный переко́с: большая часть арктических территорий располагается на территории России, но в то же время именно они остаются наименее исследованными (этому есть несколько причин: труднодоступность территорий,

высокая стоимость полевых исследований, контекст развития научного знания в России и т.д.).

Статус экстрактивной периферии¹ Ямала связывает локальное и глобальное, поскольку население одновременно испытывает негативное влияние на окружающую их среду со стороны глобального изменения климата и со стороны локальной добычи ископаемых. Промышленное освоение природных ресурсов и традиционная деятельность коренного населения Крайнего Севера сосуществуют вместе, закономерно создавая набор противоречий с коренным населением, вовлекающим государственные органы в качестве контролирующей стороны. Важное значение в рамках нашего исследования играет концепция «устойчивого развития», предполагающая такой тип экономического развития, который не происходит за счет чрезмерного использования имеющихся ресурсов и сокращения доступа к ним для будущих поколений [5. Р. 31]. Основная ресурсодобывающая деятельность для местного населения Ямала – рыбный промысел, который является не только законным правом, но также основой идентичности, самобытности и способом выживания. С этой точки зрения состояние промыслов индигенных народов в значительной степени отражает состояние окружающей среды и служит одним из маркеров реализации целей устойчивого развития.

Выделив нарративы вокруг состояния рыбных промыслов в журнале «Рыбное хозяйство» с 2004 по 2014 г., я проследила за изменениями и получила следующие выводы. Взаимодействие между окружающей средой и различными группами местного населения Тазовского района укладывается в распространенное в современных гуманитарных исследованиях понятие «медленного насилия». Определение этой концепции в книге «Медленное насилие и защита окружающей среды бедных» дает ее автор – Роб Никсон. При исследовании влияния

---

¹ Экстрактивная периферия – это термин, который относится к конкретным регионам мира, добывающим и экспортирующим природные ресурсы (нефть, газ, минералы и др.). Эти регионы оказывают значительное влияние на мировую экономику, но часто не получают свою справедливую долю национального богатства и социального прогресса. Американский социолог и историк Иммануил Валлерстайн считается основателем этой концепции, которая описывает глобальную политическую и экономическую систему как состоящую из центра, полупериферии и периферии. Периферия, в свою очередь, включает в себя и экстрактивные регионы, играющие роль поставщиков природных ресурсов.

медленного насилия на природу и людей он обращает внимание на то, что многие экологические проблемы происходят не мгновенно, а имеют долгосрочный эффект и не так заметны, как традиционные формы насилия. Никсон выдвигает идею «энвайронментализм бедности» (Environmentalism of the Poor), которая признает жизнеспособность экологических практик и знаний отдельных групп, и предлагает использовать их опыт в экологических действиях [6. Р. 45].

Особая роль коренного населения в развитии арктических территорий (в сравнении с сезонными рабочими и специалистами, работающими вахтовым методом) заключается в наличии у них тесной связи с территорией – «привязанности к месту» (local attachment), обусловленной тем, что они родились и выросли на Ямале, имея возможность наблюдать за долгосрочными процессами в окружающей среде [7. Р. 59]. Эта связь оказывает значительное влияние на их поведение, культуру и социальные отношения и не имеет прямой зависимости от этнического происхождения человека и его религиозных убеждений. И поэтому в своей работе я целенаправленно отказываюсь от понятия КМНС и прибегаю к терминам «местные жители», «коренное население», под которыми подразумеваю людей, родившихся и постоянно проживающих на исследуемой территории, независимо от национальной или этнической принадлежности. Их привязанность к территории позволяет увидеть долгосрочные изменения в окружающей среде, не заметные стороннему наблюдателю (сотрудникам добывающих компаний, работающим вахтовым методом, или людям, принимающим решения в корпоративном менеджменте и органах государственной власти, но которые находятся вдали от региона). Эта тема часто становилась предметом изучения, хотя и не всегда исследователи уделяли внимание экологическим аспектам. Например, Н.И. Новиков в книге «Охотники и нефтяники. Исследование по юридической антропологии» отмечает, что особая обеспокоенность юридическими аспектами заменяет этнологическую важность культуры: вместо названия народа мы все чаще говорим народы Севера или КМНС [8. С. 386]. В книге Ричарда Бутлера и Тома Хинча «Туризм и коренные народы: Проблемы и Последствия», авторы заявляют, что для устойчивого и эффективного управления ресурсами необходимо обращаться к традиционным экологическим знаниям местного населения [9. Р. 26–27].

В более чем 60 выпусках журнала «Рыбное хозяйство» из года в год обсуждались меры по сохранению запасов различных видов рыбы: эксперты оценивали законы и реформы в сфере рыбной промышленности, экологи и биологи измеряли динамику размножения, заболеваемости, адаптации и другие всевозможные показатели состояния водных биологических видов. Один из интереснейших нарративов – эксперимент по выпуску мальков краснокнижной рыбы в реку Обь, который начали в 2010 г. А в 2013 г. в статье «Верхнеобской бассейн пополняется рыбными запасами искусственного воспроизводства» подвели первые итоги. Автор сообщает, что на момент написания статьи, Мобильный экспериментальный рыбоводный пункт выпустил в водоемы Верхнеобского бассейна почти 950 тысяч штук молоди нельмы и муксуна и 89 миллионов личинок пеляди [10. С. 76]. Однако далее авторы указали на катастрофические заморные явления, недостаток нерестилищ и гибель рыбы на мелководьях зимой, вследствие сбросов воды, – все это не позволило стабилизировать ситуацию. Такие истории наиболее ярко отражают необходимость комплексного подхода в попытках сохранения и восстановления биоразнообразия. Так, в журнале 2004 г. в статье «Охрана ценных видов рыб в акватории Обской губы» Антонина Левадная приводит следующую статистику: «к загрязняющим объектам следует отнести 13 тыс. пробуренных в предыдущие десятилетия геологоразведочных скважин, четверть которых бесхозна, требует повторного тампонирования или ремонта устьевого оборудования. Только за последние три года подразделениями Нижнеобьрыбводв вскрыто более 5 тысяч нарушений, связанных с загрязнениями водоемов» [11. С. 96]. Эти цифры дополняет картина браконьерства: «С осетровыми и сиговыми обстановка на бассейне сложилась критическая. Сибирский осетр занесен в “Красную книгу РФ”. <...> Причина в сокращении численности вида не только загрязнение водоемов. Невиданные масштабы за последние 10–15 лет приобрело браконьерство, втянувшее в противозаконный бизнес помимо “пришлого” населения аборигенов, в том числе ненцев, ханты, селькупов» [11. С. 96]. При этом интересно развивается тема браконьерства. Так, в статье от 2010 г. «Браконьер и браконьерство (попытка социального портрета)» автор называет незаконный вылов рыбы местным населением «бытовое браконьерство» [12. С. 33].

Исследование взаимодействия общества и окружающей среды в Тазовском районе позволяет пролить свет на уникальную историю

жителей Крайнего Севера, где рыбный промысел – это способ выживания и основная экономическая деятельность местных жителей. Их привязанность к территории и богатый опыт проживания на ней дают возможность увидеть долгосрочные изменения в окружающей среде, незаметные стороннему наблюдателю, включая сотрудников добывающих компаний, работающих вахтовым методом, или людей, принимающих решения в корпоративном менеджменте и органах государственной власти, но находящихся вдали от региона. В данном исследовании была предпринята попытка сместить (хотя бы отчасти) традиционный взгляд на восприятие процессов, происходящих в Арктике, от представлений государства и крупных корпораций на локальные сообщества, и интегрировать результаты проведенного исследования в международный исследовательский контекст.

Список источников

1. Деттер Г.Ф. «Большие вызовы» освоения арктических пространств в условиях четвертой промышленной революции // Инновации. 2017. № 11. С. 22–28.
2. Artic Russia. Инвестиционный портал Арктической зоны России. URL: <https://arctic-russia.ru/projects/> (дата обращения: 24.07.2023).
3. Herman-Mercer N., Schuster P.F., Maracle K.B. Indigenous Observations of Climate Change in the Lower Yukon River Basin, Alaska // Human Organization. 2011. Vol. 70, № 3. P. 244–252.
4. Bendixen M., Nielsen R.L., Plesner J.L., Minor K. Opportunistic climate adaptation and public support for sand extraction in Greenland // Nature Sustainability. 2022. № 5. P. 991–999.
5. Our Common Future / World Commission on Environment and Development (WCED). 1987. 400 p.
6. Nixon R. Slow violence and environmental protection of the poor. Massachusetts : HUP, 2011. 353 p.
7. Hall E.T., Hall E.T. Hidden Dimension. Michigan : Knopf Doubleday, 2007. 217 p.
8. Новикова Н.И. Охотники и нефтяники: Исследование по юридической антропологии. М. : Наука, 2014. 407 с.
9. Butler R., Hinch T. Tourism and Indigenous Peoples: Issues and Implications. Massachusetts : Elsevier Ltd, 2007. 230 p.
10. Енаки И.Ю. Верхнеобской бассейн пополняется рыбными запасами искусственного воспроизводства // Рыбное хозяйство. 2013. № 1. С. 75–76.
11. Левадная А. Охрана ценных пород рыб в акватории Обской губы // Рыбное хозяйство. 2004. № 1. С. 96–101.
12. Гущин А.В., Пысин И.И., Шаврина И.А. Браконьер и браконьерство (попытка социального портрета) // Рыбное хозяйство. 2010. № 1. С. 32–34.

Н.А. Смирнов

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

ФЕНОМЕН «ДОМОВЫХ СЕТЕЙ» В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-ИНФРАСТРУКТУРЫ Г. ТОМСКА

Аннотация. *В статье рассматриваются предпосылки становления и развития интернет-инфраструктуры г. Томска с конца 1990-х до середины 2000-х гг. Предпринята попытка реконструирования «домовых сетей» с точки зрения важнейшей составляющей формирующейся интернет-инфраструктуры.*

Ключевые слова: история интернета, интернет-инфраструктура, Томск, «Тонет», домовые сети, томский интернет

Изучение локальных городских веб-пространств является аспектом реконструкции распространения интернета в России. Интернет в регионах появлялся неравномерно – тот или иной субъект Российской Федерации встраивался в веб-среду относительно того, как, когда и при каких обстоятельствах в городах формировалась интернет-инфраструктура. Таким образом, интернет в конце 1990-х – начале 2000-х гг. в России носил фрагментарный характер, пока распоряжением правительства РФ от 17 июля 2006 г. № 1024-р, не была одобрена Концепция региональной информатизации, чьей целью являлось обеспечение выравнивания темпов развития регионального интернета [1].

В контексте реконструкции появления и распространения интернета в России, Томская область имеет особое значение для интернет-исследователей. Специфика, выделяющая Томск среди других региональных городов, заключается в трех аспектах: географическом, инфраструктурном и социально-экономическом.

Географическая особенность томского интернета как инфраструктурного объекта заключается в том, что, в отличие от запада и востока России, Сибирский регион не имел поддержки извне. Центральная

часть страны была связана с Европой через сеть «EUnet», а Дальневосточный регион, благодаря своему географическому расположению, получал помощь как финансовую, так и техническую от США и Японии [2].

Инфраструктурной особенностью является создание «пиринговой точки» внутри города – TSK IX, позволившей провайдером двигать трафик внутри Томской сети без значительных экономических затрат. Для того чтобы в процессе выхода в сеть случилось интернет-соединение, должен произойти обмен трафиком между провайдером абонента и провайдерам сервера, на котором располагается необходимый сайт. Обмен трафика происходит в точке пиринга – и если рядом такой нет, то обмен происходит там, где она есть: до 1997 г. обмен трафика для томичей происходил в Москве, где существовала такая пиринговая точка – MSX-IX [3]. В этом случае трафик становился междугородним, что подразумевало низкую скорость подключения и высокую стоимость пользования сети – в среднем по стране стоимость трафика составляла 3,5 руб. за мегабайт. В 1997 г. благодаря взаимодействию местных провайдеров в Томске появилась своя пиринговая точка, которая позволила провайдерам пересмотреть классическую систему оплаты пользования интернетом: теперь за пользование трафиком только внутри Томска провайдеры не брали помегабайтовую оплату с абонентов, так как этот трафик самим провайдерам по причине появления пиринговой точки TSX – IX ничего не стоил. С другой стороны, трафик, выходящий за пределы Томской сети, при подключении к междугородним сайтам оплачивался все также по 3,5 руб. за мегабайт.

Таким образом, внутренний интернет Томска получил буфер, позволяющий вовлечь в сеть огромное количество людей, которые начали конструировать внутренний веб Томской сети – в этом заключается социально-экономическая особенность Томского интернета.

Инфраструктурное развитие интернета в Томске проходило в трех направлениях: академические сети, коммерческие сети и некоммерческие. Академические сети связаны с интернет-центрами томских университетов, в первую очередь с ТГУ, интернет в котором появился с поддержки фондов РФФИ и «Открытая Россия» [4]. Коммерческие сети связаны с прокладкой оптоволоконного кабеля через Томск – проект, в котором были задействованы коммерческие провайдеры и

частично академические сети, носил название «Магистраль». Некоммерческие сети представлены домовыми сетями, которые возникали благодаря находчивости отдельных интернет-пользователей.

Домовая сеть появляется в тот момент, когда абонент, проживая, например, в многоквартирном доме, через локальную сеть начинает делиться интернетом со своим соседом по лестничной клетке, по подъезду и т.д. Подключение к магистральному провайдеру зачастую являлось дорогим удовольствием, не каждый томич мог себе позволить завести домашний интернет, не говоря уже о стоимости ПК [5]. Помимо этого, в 1997–1999 гг. томские провайдеры редко подключали частных абонентов: инфраструктура не была налажена в достаточной степени, цены на подключение оставались для томичей неподъемными. Томские провайдеры в первую очередь ориентировались на подключение бюджетных или коммерческих организаций [6]. Таким образом, появление домовых сетей являлось закономерной ситуацией.

Чтобы запустить домовую сеть, достаточно иметь компьютер с сетевой картой, который через сетевой кабель подключается к сетевому разветвителю. Затем ставился сервер, к которому осуществлялось подключение с других компьютеров, образуя сеть. Все эти детали – и кабель, и сетевая карта, и свитч – стоили довольно дешево, что и позволило пользователям устанавливать домашние сети, которых в Томске было огромное количество. Создание домовых сетей интернет-пользователями характеризует процесс «одомашнивания» технологии, описанный Р. Сильверстуном, который подразумевает преобразование ранее недоступной технологии под запросы пользователя [7. Р. 32].

Несмотря на то что домовые сети являются частью инфраструктуры, подход к их изучению напрямую связан с изучением веб-сайтов, благодаря которым та или иная домовая сеть набирала популярность среди пользователей интернета. Для анализа веб-сайтов используются веб-архивы, которые позволяют в динамике рассмотреть этапы развития того или иного интернет-ресурса. В контексте домовых сетей веб-архивы позволяют выявить этапы их развития.

Оригинальный подход к анализу веб-архивов разрабатывается в рамках Web History – междисциплинарного направления, сформированного в конце 2000-х гг. Основоположником этого направления является Нильс Брюггер. Первые пять лет существования веба созданием

резервных копий веб-страниц занимались только отдельные энтузиасты, однако в 1996 г. потоковую архивацию веб-страниц, вне зависимости от их содержания, запустил проект под названием Internet Archive.

Internet Archive наиболее пригоден для работы с веб-сайтами по причине того, что на базе этого архива существует интуитивно понятный инструментарий – веб-сайт, с помощью которого по прямым URL-адресам можно найти необходимый исследователю снимок интересующего его сайта. Снимок – это «снимок» сайта, http-страница, которая не является статичным изображением, но обладает возможностью просмотра гиперссылок, кода страницы и т.д. Подход Брюггера здесь подразумевает то, что снимок сайта как источник существует в двух плоскостях: морфологическом и синтаксическом. Морфологический анализ фокусируется на характеристиках отдельного элемента: как и какими средствами строится неподвижное изображение? Как устанавливается внутренняя структура и связность письменных текстовых элементов? Синтаксический анализ, в свою очередь, фокусируется на правилах, регулирующих сочетания элементов, а также на функциях этих сочетаний [8. Р. 119–120]. Иными словами, исследование веб-сайта предполагает изучение внутренней структуры, т.е. кода страницы и технологию, и внешней структуры – непосредственного содержания сайта.

Синтаксический анализ веб-сайтов домовых сетей позволил выявить определенную закономерность – чаще всего, в названиях домовых сетей закладывалось название улицы или района, в которых та или иная сеть функционировала: примерами таких сетей служат «Каштак.net», «Lazo.net», «Tomsk2.net», «Kulagina.net», «Irkutskiy.net» и т.д. Помимо этого, все домовые сети базировались на домене верхнего уровня net, что является доменом общего назначения, без привязки к какой-либо зоне интернет-покрытия.

Морфологический анализ сайтов домовых сетей дает представление о том, что на ранних этапах становления домовых сетей их пользователи формировали локальные интернет-сообщества, связанные общими интересами – в первую очередь компьютерными онлайн-играми.

Изначально все сети возникали на добровольных началах. Однако чем больше у сети становилось участников, тем дороже было ее

обслуживание. Впоследствии наиболее крупные сети начинали брать деньги с абонентов за использование сети [9].

Точное число домашних сетей в Томске невозможно подсчитать: из-за простоты создания сети появлялись в огромных количествах и в разные промежутки времени переставали существовать. Помимо этого, более крупные домашние сети поглощали мелкие, выкупая созданную ими инфраструктуру, наращивая количество подключенных ip-адресов. В конечном счете некоторые сети разрастались до таких масштабов, что больше не могли осуществлять коммерческую деятельность в полулегальном поле. Таким образом, крупные сети, такие как «Scalp.net», «Каштак.Net», «Massive.Net» и др., в 2003 г. создают ТРОО «ТАКС» – Томскую региональную общественную организацию «Томская ассоциация компьютерных сетей» [10].

Закатом домашних сетей является приход на рынок интернет-услуг крупных провайдеров, которые занимались скупкой домашних сетей [11]. К 2007 г. в Томске оставались наиболее живучие домашние сети, сумевшие укрупниться и стать конкурентоспособными местным провайдерам. Многие из создателей домашних сетей, изначально не подразумевавшие коммерческую выгоду от своих проектов, так и не смогли (или не захотели) монетизировать свои домашние сети [12]. Покупая домашнюю сеть, провайдер приобретал готовую инфраструктуру, включающую в себя созданные линии связи, подключенные компьютеры, так как изначально оптоволоконная линия связи, проложенная в Томске, затрагивала только определенное количество улиц города. В дальнейшем развитие интернета в Томске опиралось на инфраструктуру, сформированную домашними сетями.

Домашние сети в Томске являлись неотъемлемой частью зарождающейся интернет-инфраструктуры города. Само существование подобных сетей связано с особенностью конъюнктуры Томска – наличием нескольких крупных вузов с большим числом студентов. С ростом числа абонентов домашние сети выходили на легальный рынок – объединялись и создавали провайдера (Томская ассоциация компьютерных сетей). Благодаря домашним сетям провайдеры, заходившие позднее на Томский рынок, получали готовую инфраструктуру – абонентов, узлы связи и т.д. Сайты домашних сетей содержали общую информацию и были сделаны по одному принципу, за исключением некоторых

отличий – содержалась информация, как самостоятельно проложить кабель до своего компьютера, была карта подключений, форум для общения участников сети, позднее – платные услуги подключения. Участники домовых сетей формировали локальные сообщества пользователей, объединенные общими интересами.

Список источников

1. Основные направления реализации государственной политики в сфере региональной информатизации: Распоряжение Правительства РФ от 17.07.2006 № 1024-р (ред. от 10.03.2009) «О Концепции региональной информатизации до 2010 года» // СПС КонсультантПлюс. 2021. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_92510/cc4733fdb14756716ad194eb9bbeb813ee0c80af/ (дата обращения: 24.07.2023).

2. Герасименко А.П. История становления и развития сети Интернет на российском Дальнем Востоке (90-е гг. XX – начало XXI в.) : дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2011. 284 с.

3. Московский Internet Exchange (MSK-IX) принят в Ассоциацию EURO-IX // Российский НИИ развития общественных сетей. URL: <https://web.archive.org/web/20170613050928/http://www.ripn.net/press/2002/01.10.html> (дата обращения: 24.07.2023).

4. Щипунов А.А. Томск, Интернет, временные вехи, люди! // Томский обзор. URL: <https://obzor.city/article/606855> (дата обращения: 24.07.2023).

5. Из интервью с Даниилом Ханиным. 2023. Опись находится в личном архиве автора исследования.

6. Информация с официального сайта провайдера «Стек». URL: <http://web.archive.org/web/20050910192618/http://stack.ru/77/> (дата обращения: 24.07.2023).

7. Silverstone R., Hirsch E. Consuming Technologies Media and Information in Domestic Spaces. Routledge, 1994. 256 p.

8. Brügger N. Website history and the website as an object of study // New Media & Society. 2009. Vol. 11, Is. 1–2. P. 115–132.

9. Абонентские тарифы для физических лиц // Сайт домовой сети Sacalp.net. URL: <http://web.archive.org/web/20070501161510/> (дата обращения: 24.07.2023).

10. Выписка из ЕГРЮЛ от 13.05.2021 № ЮЭ9965-21-153270333.

11. Предпродажная покупка // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/917289> (дата обращения: 24.07.2023).

12. Из интервью с со-основателем домовой сети KulaginaNet – 2023. Опись находится в личном архиве автора исследования.

Е.Н. Троеглазова

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭМОЦИЙ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Аннотация. В статье рассматривается исследование эмоций с позиции социальных наук. Принципиальным акцентом на исследовании эмоций является исследование различий между тем, что индивиды переживают, и тем, что демонстрируют. Для достижения различных целей люди управляют эмоциями: подавляют, демонстрируют другие эмоции, скрывают. Задачей социального исследователя является выявление социальных причин и условий для расхождений между переживаемыми и выражаемыми эмоциями.

Ключевые слова: социология эмоций, управление эмоциями, эмоциональные нормы, эмоциональная составляющая труда, эмоциональный труд

В рамках социологии эмоций исследуется, как социальное окружение и культура влияют на формирование и выражение эмоций, а также как эмоции влияют на социальное поведение и взаимодействия между людьми. Ключевым различием между социологией и психологией эмоций является подход к рассмотрению. Психология исследует эмоции с позиции универсальных биологических реакций. Социология эмоций базируется на изучении эмоций в контексте социокультурных явлений [1. Р. 204]. Эмоции – часть социального неравенства, потому что они обуславливают и запускают различные виды коллективного и индивидуального поведения. Изучение эмоции с позиции социологии призывает расширить наше восприятие социальной структуры и может повысить компетентность различных социальных теорий [2. Р. 8–28].

В США и Европе растет количество социологических исследований эмоций. В Европейской и Американской социологических ассоциациях существуют постоянно действующие комитеты по социологии эмоций, появились книги [3], в том числе хрестоматии, учебники. В отечественной науке исследование эмоций с позиции социологии и социальной антропологии развивается медленно, однако в последние годы российские ученые начали включать в свои исследования анализ эмоций и чувств, что дало новые возможности для изучения различных

социальных явлений: печаль, стыд, забота, ностальгия, эмоциональные ландшафты города. К примеру, исследование М.С. Савоскул посвящено специфической группе трудовых мигрантов – женщинам, работающим сиделками с больными, пожилыми людьми. Рассмотрены особенности труда мигрантов, занятых в сфере эмоционального труда [4. С. 127]. Л.В. Вандышева исследовала особенности эмоционального труда волонтеров [5. С. 838]. Волонтерство в отличие от профессиональной занятости не имеет обменной стоимости в виде материального вознаграждения, но оно стимулируется посредством различного рода средств нематериального характера, которые могут компенсировать затраченные волонтерами ресурсы.

О.А. Симонова считает, что в последние годы в социогуманитарных науках произошел «эмоциональный поворот» – пересмотр эмоционального измерения в социальных явлениях и социального происхождения эмоциональных состояний [6. С. 13]. Она предлагает следующие теоретические оптики и точки зрения исследования эмоций с позиции социологии:

1. Культурное значение эмоций. Эмоции имеют культурное значение и зависят от того, каких социальных норм, ценностей и ожиданий придерживается конкретное общество. Например, в некоторых культурах выражение ярких эмоций может быть расценено как проявление неуважения или низменности, тогда как в других – как проявление открытости и искренности.

2. Социальная регуляция эмоций. Социальное окружение играет важную роль в регуляции выражения эмоций. Человек может чувствовать определенную эмоцию, но интенсивность ее выражения может быть подавлена из соображений социальной приемлемости или в соответствии с требованиями, предъявляемыми к нему в рамках конкретной социальной роли.

3. Социальное влияние на эмоции. Эмоции могут быть вызваны как собственными переживаниями, так и воздействием социальных факторов, таких как другие люди, культура, гендерные и родственные роли и т.д. Например, человек может чувствовать обиженность и разочарование, когда его ожидания не сбываются, и эти эмоции могут быть усилены, если он воспринимает себя как жертву обстоятельств, которые он не может контролировать.

Таким образом, эмоции не только имеют психологическую природу, но также определяются социальными факторами и регулируются социальными нормами. Исходя из этого, предмет социологии эмоций – социальные факторы и причины, обуславливающие эмоции, и в ту же очередь то, какое влияние эмоции оказывают на социальные отношения и процессы.

Арли Рассел Хокшилд является основоположницей исследований эмоций и управления ими в сфере труда. В своей работе «Управляемое сердце: коммерциализация чувств» она рассматривает эмоциональный аспект работников из сферы услуг в профессиональной деятельности. Эмоциональный труд необходим для выполнения определенных профессиональных обязанностей и предполагает управление своими чувствами в соответствии с ожиданиями и требованиями, предъявляемыми к работе [7. С. 31]. Люди, работающие в данной сфере, вынуждены «управлять» своими эмоциями, чтобы привлекать клиентов. От некоторых профессий требуется соблюдение некоторых «эмоциональных правил». Например, стюардессы всегда должны быть улыбки и заботливы, а коллекторы настойчивыми и гневными. Такое управление эмоциями предписано самой организацией, абсолютно необходимо для работы и, по сути, институционализировано.

Существуют значительные различия в демонстрации эмоций между мужчинами и женщинами. Эти различия обусловлены социальными и культурными нормами, которые связаны с ожидаемым поведением мужчин и женщин в обществе.

От мужчин чаще ожидают, что они будут более эмоционально сдержанными и контролирующими свои эмоции. Они склонны выражать эмоции, такие как гнев и разочарование, более открыто и агрессивно, а также склонны к отрицанию своих эмоций, особенно тех, которые они считают проявлением слабости. С другой стороны, считается, что женщины должны быть более открытыми и эмоциональными, выражать свои эмоции с большей интенсивностью. Они могут чаще улыбаться, показывать заботу и проявлять сочувствие к другим [8. С. 78].

В исследовании «Гендерные процессы: эмоциональная жизнь в современных юридических фирмах» Дж. Пирс анализирует эмоциональные процессы, связанные с работой в юридических фирмах, и их влияние на сотрудников [9]. Автор отмечает, что гендерные неравенства и

стереотипы могут оказывать серьезное влияние на эмоциональную жизнь сотрудников в юридических фирмах, проявляясь в виде давления на конкуренцию и доминирование в профессиональной обстановке, предрассудков в отношении компетенции женщин, сильной конкуренции за ресурсы и распределение работы и т.д.

Пирс отмечает, что эти гендерные процессы могут приводить к эмоциональному труду, который может негативно влиять на психологическое здоровье и увеличить риск развития стресса, беспокойства, депрессии и прочих психических расстройств. Автор обращает внимание на то, что эмоциональный труд и управление эмоциями становятся особенно сложными для женщин в связи с ожиданиями общества по поводу их эмоциональной выразительности и эмпатии.

Результаты различных исследований в области гендерной психологии демонстрируют, что полоролевые особенности женской и мужской идентификации влияют и на эмоциональную сферу. Джон Блок связывает женскую предрасположенность к эмпатии с их гендерной ролью: мягкость, заботливость. Мужчины же имеют менее состоятельный опыт в эмпатийной сфере. Вследствие этого они зачастую не понимают, как реагировать в процессе эмоционального дискомфорта [10. Р. 518]. К. Таврис также считает, что различия в эмоциях связаны с гендерными ролями. Демонстрация эмоций, которым предписывают «женские» или «мужские» черты, – следствие гендерной социализации, отыгрываемой представителями разных полов в обществе [11. Р. 406].

С эмоциональным трудом тесно связана и телесная работа, которая играет большую роль во взаимодействиях представителей некоторых профессий сферы услуг. Характер телесной работы подчеркивает чувствительность такого профессионального труда по сравнению с трудовыми практиками сферы услуг, таких как общественное питание или торговля [12. С. 143]. Это связано с тем, что они требуют поиск подхода к клиенту для получения их доверия и разрешение к физическому прикосновению.

Телесная работа – это физический труд, который включает в себя использование тела, например, при переноске тяжестей, выполнении массажа, уборке помещений и др. Исследователи обращают внимание на то, что телесная работа может быть травматичной для работников, приводить к общей усталости и повышенному уровню стресса [13. С. 852].

Кроме того, телесная работа и эмоциональный труд могут перекрываться, когда работники в сфере услуг управляют своим телом и эмоциями клиентов. Например, массажист, помимо физической работы, должен также взаимодействовать с клиентом и управлять своими эмоциями. В этих профессиях работники должны проводить время в непосредственном контакте с клиентами или пациентами, общаться с ними и удовлетворять их потребности. Эти профессии требуют от работников навыков общения, внимания к деталям и эмпатии в отношении клиентов или пациентов.

Таким образом, телесная работа отличается тем, что она более ориентирована на личность и требует большего физического и эмоционального участия со стороны работников, в отличие от более автоматизированных и технологически ориентированных профессий в области промышленного производства.

Подводя итог, можно сказать, что изучение эмоций с позиции социальных наук, таких как социология и антропология, является важным для понимания, как эмоции влияют на поведение людей и как они формируются в обществе. Научные исследования показывают, что эмоции не являются просто биологическими реакциями на определенные стимулы, но также зависят от культурных, социальных и исторических факторов.

Изучение эмоций с позиции социальных наук позволяет:

1. Понять, как эмоции влияют на поведение людей и как они проявляются в различных контекстах, таких как работа, образование, межличностные отношения.
2. Выявить, как социальные, исторические и культурные факторы влияют на формирование определенных эмоций и их выражение в обществе. Например, нормы и ценности общества могут определять, какие эмоции считаются позволительными и как они должны выражаться.
3. Изучить, как эмоции влияют на социальные процессы, такие как формирование групп и коммуникация в рамках коллективов. Например, эмоциональный климат в коллективе может оказать существенное влияние на эффективность работы группы, уровень конфликтов и т.д.

Таким образом, изучение эмоций с позиции социальных наук позволяет лучше понимать и управлять эмоциональными процессами в различных сферах деятельности и в обществе в целом.

Список источников

1. Lively K.J., Weed E.A. Emotions management: Sociological insight into what, how, why, and to what end? // *Emotion Rev.* 2014. № 6 (3). P. 202–207.
2. Barbalet J.M. *Emotion, Social Theory and Social Structure: A Macrosociological Approach.* Cambridge : Cambridge University. Press, 1999. 210 p.
3. *Handbook of the Sociology of Emotions* / eds by J.E. Stets, J.H. Turner. New York : Springer, 2006. 657 p.
4. Савоскул М.С. Сиделки из провинции в большом городе // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* 2013. № 1 (113). С. 127–135.
5. Вандышева Л.В. Эмоциональный труд волонтеров: анализ опыта реализации // *Фундаментальные исследования.* 2014. № 9-4. С. 838–842.
6. Симонова О.А. Базовые принципы социологии эмоций // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология.* 2016. № 4. С. 12–27.
7. Хокшильд А.Р. *Управляемое сердце: коммерциализация чувств* / пер. с англ. И. Кушнारेвой; под науч. ред. В. Данилова. М. : Издательский дом «Дело» РАН-ХиГС, 2019. 392 с.
8. Берн Ш. *Гендерная психология.* М., 2004. 320 с.
9. Pierce J. *Gender trials: Emotional lives in Contemporary Law Firms.* Berkeley : University of California Press, 1995. P. 223–249.
10. Block J.H. Conceptions of sex-role: Some cross cultural and longitudinal perspectives // *American Psychologist.* 1973. Vol. 28. P. 512–526.
11. Tavis C. *Mismeasure of Woman: Why Women are Not the Better Sex, the Inferior Sex, or the Opposite Sex.* Touchstone, 2017. 400 p.
12. *Emotional Labor in the 21st Century: Diverse Perspectives on Emotion Regulation at Work* / eds by A.A. Grandey, J.M. Diefendorff, D.E. Rupp. New York : Routledge, 2013. 344 p.
13. Wolkovwitz C. Challenges boundaries: An autobiographical perspective on the sociology of work // *Sociology.* London : Sage, 2009. Vol. 43, № 5. P. 846–860.

А.С. Цабитах

*Национальный исследовательский Томский государственный университет?
Томск, Россия*

ЦИФРОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ: ВОЗМОЖНОСТЬ ПЕРЕХОДА ИЗ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ К ИСКУССТВЕННОМУ ИНТЕЛЛЕКТУ КАК ИНСТРУМЕНТУ ДИПЛОМАТИИ

Аннотация. Наряду с технологическими разработками, сопровождающимися постэффектами из-за пандемии, произошедшей в начале 2020 г., цифровизация стала неизбежным процессом трансформации поля международных отношений. Мы не должны упускать из виду роль социальных сетей, которые значительно изменили модель публичной коммуникации и стали инструментом цифровой дипломатии. Появление искусственного интеллекта усилило данный тренд, его начинают использовать как инструмент дипломатии, который впоследствии будет играть важную роль в межгосударственной дипломатии.

Ключевые слова: цифровизация, искусственный интеллект, цифровая дипломатия, социальные сети

В XXI в. дипломатическая активность растет, и благодаря технологическому прогрессу социальные сети могут использоваться в качестве средства взаимодействия между странами, позволяющего общественности участвовать в качестве наблюдателей и комментаторов. В век технологий и информатизации дипломатия постепенно оцифровывается и вскоре будет действовать с помощью искусственного интеллекта¹, и уже активно применяет социальные сети. Современная публичная дипломатия часто использует социальные сети в качестве коммуникационной платформы. Почти все официальные правительственные учреждения, которые служат для представления иностранных интересов в различных странах по всему миру, создали аккаунты в

---

¹ Способность технологии выполнять задачи, которые обычно требуют человеческого интеллекта, известна как искусственный интеллект (ИИ). Концепция искусственного интеллекта ассоциируется с системами, которые обладают характеристиками, связанными с «интеллектом», такими как обучение, планирование и обобщение [1. Р. 2].

социальных сетях, таких как Facebook¹ и Twitter², чтобы расширить участие общественности в дипломатии. Саму цифровую дипломатию можно определить как использование Интернета и социальных сетей для достижения дипломатических целей [2]. Например, в период напряженности в отношениях между Ираном и Соединенными Штатами в 2018–2019 гг. министр иностранных дел Ирана Джавад Зариф и президент США Дональд Трамп использовали Twitter для ослабления напряженности, заверяя общественность, что ни одна страна не хочет войны, но будет защищаться в случае необходимости [3. Р. 32].

Использование цифровой дипломатии может помочь повысить дипломатический авторитет малых стран, а не только крупных. Цифровая дипломатия может улучшить функцию инклюзивности в дипломатии между странами. Например, маленькой страной, сумевшей подчеркнуть свою дипломатическую деятельность с помощью цифровой дипломатии для установления связей между дипломатами и гражданами, является Косово с его платформой «Цифровое Косово». В 2012 г. оно было признано четвертой лучшей цифровой дипломатией после таких стран, как США, Великобритания и Израиль [4. Р. 82]. Социальные сети и применение интернета в дипломатических целях можно рассматривать как начальный этап цифровой дипломатии перед переходом к этапу, на котором цифровая дипломатия использует искусственный интеллект в качестве средства коммуникации между различными странами. Отталкиваясь от прогресса в развитии использования социальных сетей в качестве инструмента дипломатии, можно использовать искусственный интеллект в качестве инструмента для более «продвинутой» дипломатии.

Во многих социальных сетях теперь есть механизм автоматического перевода для своих пользователей. Этот машинный переводчик практичен, его можно использовать для каждой загрузки, опубликованной учреждением. Это способствует коммуникации между странами, поскольку широкая общественность может воочию увидеть взаимодействие с используемым ими языком, хотя некоторые результаты

---

¹ Продукт компании Meta, которая признана экстремистской организацией в России.

² Продукт компании Meta, которая признана экстремистской организацией в России.

перевода с помощью технологий машинного обучения требуют улучшений.

Расширение возможностей чтения текстов на разных языках без специального обучения дает возможность все более активно использовать социальные сети в качестве инструмента цифровой дипломатии. Дискуссия об использовании машин вместо переводчиков-людей не только для таких переводов в дипломатической сфере давно стала горячей темой, хотя, по мнению экспертов, это все еще маловероятно на данном этапе развития технологии. Это связано с тем, что все еще существует множество машинных переводчиков, которые не могут перевести очень редко встречающиеся слова, в то время как люди отличают перевод слова в соответствии с контекстом, который отличается от культурных аспектов и норм, соответствующих каждому языку [5]. Однако замена инструментов дипломатии из социальных сетей искусственным интеллектом дает определенные возможности.

Согласно отчету Специального комитета Европейского союза по искусственному интеллекту, в правительстве могут использоваться различные формы искусственного интеллекта, в том числе обработка естественного языка (*Natural Language Processing*, далее – NLP), распознавание речи, компьютерное зрение, машинный перевод на основе правил группы разработки политики (CAHA1) [6]. Обработка естественного языка состоит из двух компонентов. Первый компонент – это обработка понимания (понимание естественного языка), которая извлекает значение из различных данных, таких как эмоции, отношения и сущности, которые помогают понять цель предложения, а затем результаты обработки передаются второму компоненту, который обрабатывает ответы на результаты запроса. Процесс обработки естественного языка формирует ответ более человеческим языком, сам процесс делится на три части: планирование документации, микропланирование и реализация. Сегодня мы видим такой подход в мобильных приложениях, которые помогают при занятиях в тренажерном зале и виртуальных помощниках [3. Р. 33]. Конечно, ожидается, что такой вид многоступенчатой обработки обеспечит более высокую эффективность коммуникации по сравнению с машинными переводчиками в том виде, в каком они существуют сегодня.

Игра с искусственным интеллектом «Цицерон» – еще один пример передового искусственного интеллекта, улучшающего дипломатические методы. Недавно компания «МЕТА»¹ представила своего первого агента с искусственным интеллектом, разработанного для имитации дипломатической деятельности человека. В настольной игре «Дипломатия военной стратегии» исследователи разработали искусственный интеллект для работы на «человеческом уровне», который выполнял свои задачи, комбинируя модели диалога и стратегического мышления [7].

Когда мы складываем вместе эти направления разработок, дипломатия в целом называется более надежной и успешной, включая более широкие слои населения и упрощая процесс обучения. Например, во время кризиса посольства могут создавать группы WhatsApp² с послом, консульским работником, пресс-секретарем, сотрудниками, которые собирают онлайн-данные, дипломатами из штаб-квартиры и сотрудниками, которые отвечают на онлайн-вопросы граждан, поскольку группа действует как ячейка кризисного управления и облегчает сбор информации в режиме реального времени, оптимизируя процессы сбора данных, принятия решений и распространения информации [4. Р. 81].

Помимо явных плюсов применения новых технологий следует отметить и их негативное влияние на международные процессы. Взлом аккаунтов с помощью искусственного интеллекта, утечка данных и кибератаки, направленные на уничтожение имущества, и человеческие жертвы – все это станет частью нового типа конфликта [8. Р. 24]. Вероятно, будет более широкий спектр информационных операций, которые пытаются обмануть, нарушить и исказить общественные коммуникации во враждебных правительствах, в дополнение к расширенным областям кибератак [8. Р. 24]. В будущем можно представить «информационную войну» как виртуальный конфликт между искусственными интеллектами, целью которого является нейтрализация друг друга и заражение систем командования и контроля вредоносным программным

---

¹ Компания, признанная экстремистской на территории РФ.

² Продукт компании Meta, которая признана экстремистской организацией в России.

обеспечением, а также как подделку средств массовой информации, или дезинформация [8. Р. 24].

Хакерство является одной из ключевых угроз, связанных с цифровизацией, особенно с использованием искусственного интеллекта. Ценность информации возрастает по мере того, как мы вступаем в эпоху информации и технологий. Репутация государств и их лидеров может быть запятнана, когда частная информация становится достоянием общественности, а это способно оказать немедленное и значительное влияние на то, как ведутся мировые переговоры [4. Р. 84].

С непрерывным развитием искусственного интеллекта наше понимание людей становится все более материализованным, и с ростом использования передовых технологий будет увеличиваться и вероятность совершения преступлений. Чтобы эффективно использовать технологии в дипломатической деятельности, мы должны сбалансировать их преимущества с точки зрения эффективности коммуникаций между государствами и другими представительными структурами. Переход инструментов дипломатии от социальных сетей к искусственному интеллекту требует соглашения между странами при разработке применимых норм и предписаний, что позволяет создать здоровую и всеобъемлющую дипломатическую среду для стран по всему миру и свести к минимуму киберпреступность.

Список источников

1. Fischer S. Artificial Intelligence: China's High Tech Ambition // CSS Analyses in Security Policy. 2018. № 220. P. 1–4.
2. Internet and Social Media: A focus on diplomacy // DiploFoundation, 2021. URL: <https://www.diplomacy.edu/histories/internet-and-social-media-a-focus-on-diplomacy/> (access date: 10.04.2023).
3. Williams R., Otto L. Artificial Intelligence as a Tool of Public Diplomacy: Communication between the US and Iran // The Thinker. 2022. Vol. 90, № 1. P. 28–40.
4. Rashica V. The Benefits and Risks of Digital Diplomacy // SEEU Review. 2018. Vol. 13, № 1. P. 75–89.
5. Will AI Replaces Human Translators? // Interpreters and Translators Inc, 2023. URL: <https://blog.ititranslates.com/2023/04/24/will-ai-replace-human-translators/#:~:text=We%20covered%20this%20topic%20a,semantics%2C%20syntax%20and%20cultural%20influence> (access date: 08.06.2023).
6. AD HOC COMMITTEE ON ARTIFICIAL INTELLIGENCE (CAHAI) POLICY DEVELOPMENT GROUP: Artificial Intelligence in Public Sector. Strasbourg, 2021 (Draft document).

7. Meta's Cicero AI Trounced Humans at Diplomacy without Revealing its True Identity // Gizmodo, 2022. URL: <https://gizmodo.com/meta-ai-cicero-diplomacy-gaming-1849811840> (access date: 08.04.2023).

8. Scott B., Heumann S., Lorenz P. Artificial Intelligence and Foreign Policy // Stiftung Neue Verantwortung Policy Brief. 2018.

УДК 316.48

М.А. Чергинец

*Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск, Россия*

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ СООБЩЕСТВ В УСЛОВИЯХ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Аннотация. В статье представлены результаты исследования оборонительных стратегий сообществ в условиях градостроительных конфликтов, с опорой на пространственный подход, концепции: NIMBY, оборонительного соседства, права на город. В качестве методов исследования использован ситуационный анализ и анализ медиатекстов.

Ключевые слова: локальные сообщества, оборонительные сообщества, оборонительные стратегии, градостроительный конфликт

Современный город – это пространство изменений, а их проявлением нередко становится градостроительный конфликт, который характеризуется столкновением взглядов субъектов городских отношений на использование той или иной городской территории [1. С. 85]. Ключевыми акторами таких конфликтов являются местные сообщества, которые могут не принимать предлагаемые изменения. В локальных сообществах из вовлеченных в сопротивление изменениям могут формироваться сообщества, которые еще в 1970-е гг. были названы Г. Саттлсом «оборонительными» [2. С. 54]. Ключевой проблемой исследования становится изучение основных стратегий действий оборонительных сообществ в ситуации градостроительного конфликта.

Городское оборонительное сообщество. Социологи Чикагской школы характеризовали оборонительное (проблемно-ситуационное) сообщество как объединение людей с целью защиты общей среды обитания или местных интересов [2. С. 57]. Г. Саттлс описывал оборонительное сообщество (defensible neighbourhood) как несколько сосуществующих

друг другом блоков соседей с высоким уровнем знакомства. Функция защиты территории принадлежит не формальным институтам, а членам сообщества, которые защищают свою локальную идентичность [2. С. 54]. Роль лидеров в оборонительных сообществах крайне высока. Ядро всегда транслирует идеологию, открыто говорит о проблеме и заряжает периферию, иначе – группу поддержки. Однако порой лидеры принимают на себя ответственность вынужденно [3. С. 42]. У оборонительных сообществ превалируют негативные цели (избегание нежелательных будущих состояний) [4. С. 108]. Формулировки этих целей типичны: запрет, отмена, ликвидация, уничтожение.

Оборонительное сообщество в ситуации градостроительных конфликтов. Для анализа оборонительных стратегий локальных сообществ была взята экономическая теория А. Хиршмана. Действия обороняющихся сообществ в ситуации градостроительного конфликта можно описать тремя поведенческими альтернативами, которые характеризуют отношение участников сообщества к изменениям извне: **выход** – отказ от взаимодействия с субъектами, приносящими изменения и закрытие территории. Тереза Калдеира писала: «новая эстетика безопасности создает все новые типы сооружений и навязывает новую логику наблюдения и дистанции» [5]. Целью сооружения «ограничительных пространств» становится создание безопасной территории для его жителей [6. Р. 48–52]. Показателем этому может стать рост количества охраняемых гаражей, домов с отделяемой забором территорией, и люди за этой оградой сразу становятся намного опаснее [7. С. 50], подобные действия и характеризует стратегию выхода. Однако стратегия не применяется в ситуации серьезной угрозы «открытия» сообщества для внешней среды, путем внедрения инвестиционных проектов на его территорию; **голос** – конфронтационная стратегия, характеризующаяся несогласием с изменениями, сопровождается публичным заявлением своей позиции. Чаще всего стратегия голоса применяется в случае игнорирования основных потребностей и интересов членов сообщества, при отсутствии конструктивного переговорного процесса с субъектом, который заходит на территорию с инновационным проектом. В таких случаях сообщество активно выступает против нежелательных изменений на своей территории (это могут быть митинги, пикеты, обращения к органам власти); **вход** – стратегия приспособления, принятие изменений, навязанных извне (даже если

сообщество эти изменения не устраивают); это может происходить из-за слабой мобилизации сообщества, что часто обуславливает невозможность применения сообществом иных стратегий. Стратегия может быть использована при наличии переговорного процесса с субъектом, осуществляющим изменения, который может учесть интересы и потребности сообщества в отношении территории (к примеру, компенсационное озеленение) [8. Р. 3–21].

Чаще всего люди обращают внимание только на те проблемы, которые непосредственно касаются их места жительства, в такие моменты нередко зарождается конфликт. Это явление можно назвать «not in my back yard (NIMBY)» – только не на моем заднем дворе [9. С. 184]. В рамках концепции Анри Лефевра [10. С. 9], которая носит название «право на город», физические городские объекты трансформируются в сознании горожан в объекты эмоциональные, что влечет за собой символическое присвоение этих объектов. Нередко в такие моменты городские локальные сообщества выступают против изменения тех или иных присвоенных ими объектов, трансформируясь в оборонительные сообщества, что и порождает **градостроительный конфликт**. В центре внимания такого конфликта – изменение городского пространства, сопряженного с отсутствием учета потребностей и интересов одной из сторон, имеющих притязания на данную территорию. Градостроительный конфликт характеризуется сосуществованием различных групп с запросами на освоение среды, наличием конкуренции за ресурсы города и высокой плотностью городских контактов [11. С. 270].

Новосибирск является городом с большим конфликтным потенциалом: каждый день в городе происходят инциденты в сфере городского хозяйства, строительства, соседства. Это является маркером градостроительного конфликта. Именно поэтому эмпирическим материалом послужили 11 кейсов самых резонансных градостроительных конфликтов с участием обороняющихся сообществ за период с 2016 по 2023 г., сформированных на основе качественного контент-анализа медиаресурсов и тематических городских и локальных пабликов, анализ интервью с участниками конфликта.

В качестве примеров стратегии **выхода (изоляции)** можно привести сообщество Верхней зоны Академгородка, которое добилось статуса «объекта культурного наследия», а это усложняет реализации на

территории различных проектов: с одной стороны, защищает сообщество, а с другой – тормозит развитие городка; или кейс с жителями микрорайона Европейский берег в г. Новосибирске, которые не желают «впускать» к себе на территорию троллейбусный маршрут. Комментарий участника конфликта: *«...улица Заровного, хоть и является муниципальной, но воспринимается жителями «Европейского Берега» как внутриквартальная. Активисты считают, что троллейбусы могут создавать опасность для детей и пешеходов».*

Однако стоит отметить, что применяемые стратегии не являются единственными, ведь в ситуации вмешательства с инвестиционными проектами жители Академгородка мобилизуются и используют стратегию **голос**, устраивая митинги и пикеты (*одиночный пикет «Защитим город-лес Академгородок» у здания Президиума СО РАН; формирование общественного движения «В защиту лесов»*). То же самое можно сказать и о стратегиях жителей «Европейского берега», которые в СМИ заявили о нежелании продления троллейбусного пути в свой район. Также к стратегии **голос** можно отнести кейс с новосибирцами, выступающими против строительства жилого комплекса на месте университета. Комментарий участника конфликта: *«Воткнуть в центр города 30 этажей, 20 этажей, 28 этажей, и еще воткнуть эту парковку, то все это уже не центральная зона. У нас в городе пропадают уникальные зоны».* В ходе конфликта участниками было написано множество петиций и обращений к органам власти, проведены общественные обсуждения, что в итоге поспособствовало отмене проекта застройщика. Жители Нижней Ельцовки, протестуя против транзитной дороги, собрали 5 тыс. подписей и заблокировали проект. Исследуемые кейсы включали и другие похожие проекты с протестами жителей против строительства дорог, например, развязку Ипподромской и Октябрьской магистралей.

Если говорить о стратегии **вход**, то можно привести в пример кейс с конфликтом на улице Богдана Хмельницкого, связанный с девелоперским проектом строительства жилого комплекса на месте клуба «Отдых» и Дома спорта. Сначала местные жители использовали стратегию **голос**: они сформировали движение «Защитим Богданку!», подключили архитекторов и краеведов, провели пикетирование, митинги. В итоге было решено, что за счет инвестора будет построен новый Дом

спорта для жителей, а также пересмотрен проект здания, что свидетельствует о стратегии входа. Однако часть обязательств застройщиком до сих пор не выполнена.

Выводы. Исследование показало, что чаще всего субъекты конфликта применяют несколько стратегий «защиты» своей территории, но в разные временные промежутки и под влиянием таких факторов, как учет или пренебрежение потребностями сообщества субъектом, привносящим изменения; наличие или отсутствие опыта защиты от изменений в прошлом; наличие или отсутствие надвигающейся угрозы нежелательных изменений; наличие или отсутствие переговорного процесса между сообществом и девелопером (органами власти) по проекту изменения территории; наличие или отсутствие информированности сообщества о структуре изменений; уровень мобилизации сообщества; уровень силы ядра сообщества.

Список источников

1. Перькова М.В., Вайтенс А.Г., Баклаженко Е.В. Классификация градостроительных конфликтов // Вестник БГТУ имени В. Г. Шухова, 2018. № 12. С. 83–90.
2. Кузин К.Б. Функционирование локальных сообществ в мегаполисе. М., 2009. С. 49–89.
3. Скалабан И.А., Сергеева З.Н., Лобанов Ю.С. Защищающиеся. Оборонительные функции сообществ в городских конфликтах (на материалах г. Новосибирска) // Мир России, 2022. Т. 31, № 4. С. 33–56.
4. Митчелл К.Р. Структура конфликта // Конфликты: теория и практика разрешения. Опыт зарубежных исследований. Т. 1. Алматы : Центр конфликтологии Института социологии РАН, 2002. С. 101–165.
5. Caldeira T. Fortified Enclaves: The new Urban Segregation, in Public Culture. 1996. P. 303–328.
6. Flusty S. Building Paranoia, Architecture of Fear. 1994. P. 48–52.
7. Бауман З. Город страхов, город надежд // Логос. 2008. № 3 (66). С. 24–53.
8. Hirschman A.O. Exit, Voice, and Loyalty. Responses to Decline in Firms, Organizations, and States. London : Harvard University Press, 1970. 170 p.
9. Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. М. : Три квадрата, 2010. 294 с.
10. Лефевр А. Производство пространства / пер. Ирины Стаф. М. : Strelka Press, 2015. 432 с.
11. Конечков С.М. Теоретические представления градостроительного конфликта // АМТ. 2018. № 1 (42). С. 269–285.

Секция VII
МАТЕРИАЛЬНОЕ И ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ
НАРОДОВ СИБИРИ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

УДК 930

Н.В. Благова

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

**ПРОЦЕСС КОЛОНИЗАЦИИ СИБИРИ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ
XVI–XVII в.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Аннотация. *Анализируются взгляды исследователей, которые менялись с XVII в. и до настоящего времени, на характер присоединения Сибири к Российской империи. Обращается внимание на то, что историографические оценки менялись не только в зависимости от использованных источников, но и от времени написания работ, поскольку зачастую определялись идеологическими установками, доминирующими в тот или иной период развития страны. Отмечается, что процесс включения территорий к востоку от Урала в состав Русского государства был сложным, противоречивым и многоаспектным.*

Ключевые слова: историография, Сибирь, завоевание, колонизация, присоединение, освоение, археология

Истоки историографии присоединения Сибири к России уходят в XVII в. С этого времени сформировалась объемная историография, наполненная разнообразными подходами и концепциями. Взгляды на процесс присоединения имеют как содержательный, так и терминологический характер. Различные трактовки процесса присоединения Сибири отражены в терминах: «завоевание», «взятие Сибири», «экспансия», «колонизация», «присоединение», «освоение». Однако содержание этих терминов зависит от понимания исследователем

описываемого исторического процесса, и разные авторы могут вкладывать в один и тот же термин разный смысл.

С XVII в. летописях присутствует тема «взятия» и «покорения» Сибири. Яркой фигурой последней четверти XVI в. – первой четверти XVII в. является Семён Ульянович Ремезов – картограф, архитектор, строитель, историк. Он одним из первых попытался обобщить исторические сведения о Сибири, опираясь в том числе и на летописи [1]. Его «История Сибирская» «принадлежит к числу тех немногих сочинений, которые подготавливали качественный скачок в развитии русской историографии, связанный с превращением исторических знаний в науку», а ее автора по праву можно считать первым сибирским историком [2]. «Сибирское взятие» в ремезовском наследии отражено в виде карт городов и острогов, в совокупности воспроизводящих сеть поселений, наложенную на гидросеть, как основу топографии и систему коммуникации. На картах С.У. Ремезова не указаны места сражений, направления военных походов, случавшихся до и в бытность картографа. Во всех атласах центральное место занимают города («Чертеж земли Томского города»), указаны локации других населенных пунктов, в том числе аборигенов («кюргы»), дороги, обозначены дни путей до пунктов, месторождения («руда»), детали ландшафта, важные для обеспечения жизнедеятельности в крае. Таким образом представил С.У. Ремезов «сибирское взятие» в своих трудах.

В XVIII в. проводился целый ряд исследовательских экспедиций, направленных на всестороннее изучение Сибири. В обширном списке ученых, участвовавших в этих экспедициях, одно из наиболее значимых мест занимает отец сибирской историографии – Г.Ф. Миллер. Употребляя термины «завоевание», «покорение», Г.Ф. Миллер вместе с тем писал: «Покорение сибирских народов русская власть стремилась осуществлять “ласкою” и лишь в крайних случаях при вооруженном сопротивлении применяла “жесточь”, то есть военные меры». Процесс колонизации Сибири он показывал через «строение городов и острогов» и во взаимодействии с автохтонным населением [3. Т. 4. С. 294].

В XIX в. начинается новый этап исторической науки. В этот период увеличивается источниковая база, в научный оборот вводятся новые документальные и законодательные источники, начинается систематическое издание летописей. В целом концепция «завоевания» Г.Ф. Миллера

продолжена историками XIX в. Но выделяются два полюса: часть концентрирует внимание на конфликтной стороне, а другая часть пишет о «прогрессивности» мирного присоединения Сибири к России.

П.А. Словцов впервые указал на то, что сами аборигены немало способствовали утверждению за Уралом русской власти [4. С. 189]. П.И. Небольсин акцентировал внимание на «бескровности и легкости процесса» [5]. Н.Я. Данилевский впервые попытался определить значение термина «завоевание», но эта попытка не нашла отклика у современников. В своем сочинении «Россия и Европа» он говорит: «О Сибири и говорить нечего. Какое тут, в самом деле, завоевание? Где тут завоеванные народы и покоренные царства? Стоит лишь счесть, сколько в Сибири русских и сколько инородцев, чтобы убедиться, что большею частью это было занятие пустопорожнего места, совершенное казацкой удаляю и расселением русского народа почти без содействия государства. Разве еще к числу русских завоеваний причислим Амурский край, никем не заселенный, куда всякое переселение было даже запрещено китайским правительством, неизвестно почему и для чего считавшим его своей собственностью?» [6. С. 26]. Процесс колонизации Сибири у сторонников «мирного» освоения, в целом связан с основанием городов.

Противоположных взглядов на процесс придерживались «областники». Сторонниками концепции «завоевания» были М.Н. Ядринцев, Г.Н. Потанин, П.М. Головачев – они сравнивали русских первопроходцев с европейскими конкистадорами, сама Сибирь рассматривалась как колония. Кроме того, «областники» фиксировали, что военные действия против аборигенов привели к сокращению их численности [7. С. 110]. Современными исследованиями доказана несостоятельность тезиса о вымирании коренного населения и выявлен естественный прирост сибирских аборигенов к концу XIX в. почти в 4 раза [8. С. 72].

В советской историографии появляются новые взгляды. С.В. Бахрушин в 1920–1930-е гг. делает акцент на «промысловой колонизации» как основной движущей силе [9]. В.И. Шунков в 1940-е гг. рассматривает процесс освоения Сибири через призму «земледельческой колонизации», данная концепция в течение десятилетий была довлеющей [10]. В этот период город практически выпадает из сферы

исследовательского интереса историков, что нашло отражение и в фундаментальной «Истории Сибири», где роль города не раскрывается [11].

К 1970-х гг. в отечественной историографии начинает преобладать концепция «преимущественно мирного» и «добровольного» присоединения территории Сибири к России. Русские поселенцы и казацкие отряды осваивали земли, строили города, заводили пашни, вступали в мирные хозяйственные и культурные связи с аборигенным населением, военное противостояние отодвигается на второй план. В Новосибирске под руководством О.Н. Вилкова формируется школа сибирского городоведения, выходит серия сборников, где город становится предметом специального исследования. Это позволило на новом уровне представить историю становления и развития городов, их внутреннее содержание и внешний облик, что напрямую связано с осмыслением хода и характера колонизации [12. С. 96].

Пересмотр методологических парадигм, начавшийся в 1990-е гг., привел к повышению внимания к насильственной составляющей процесса. Например, к анализу конфликтогенных и адаптационных факторов русско-аборигенных отношений на примере населения Северо-Востока Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. и их динамике от конфронтационных к толерантным обратились в своих работах С.А. Зуев, М.В. Шиловский, А.Д. Агеев. Целый ряд исследований в этот период был посвящен сопоставлению русской колонизации и американского фронта, что позволило более детально изучить их сходные и отличные черты [13. С. 23].

С 1940-х гг. начинают формироваться предпосылки для сложения нового направления сибиреведения – русской археологии Сибири. Точкой отсчета можно считать раскопки промысловых стоянок на о. Фаддея в заливе Симса, проводимые А.П. Окладниковым во второй половине 1940-х гг., по результатам которых было написано обобщающее исследование [14]. Постепенно случайные раскопки переходят в целенаправленное археологическое исследование русских памятников, прежде и более всего городов: Мангазея, Томск, Иркутск, Енисейск, Тара, Илимский острог, Албазинский острог, Туруханск, Берёзово и др. [12. С. 99].

Археологический материал дает разностороннюю информацию о быте первопоселенцев, их занятиях и досуге, социальном и культурном облике поселений и их жителей. Появление стационарных кладбищ подтверждает постоянный характер проживания русских переселенцев на новых землях. Русская археология Сибири раскрывает многоплановость колониационного процесса и подтверждает слова С.В. Бахрушина, что Сибирь осваивалась «трудом и культурой» [15. С. 510].

История изучения проблемы, отличающаяся разнообразием мнений, дискусионностью подходов и оценок, которая в кризисные для страны периоды приобретает особо острый характер, отражает как сложность самого процесса колонизации, так и смену научных парадигм на разных исторических этапах.

Список источников

1. Гольденберг Л.А. Изограф земли Сибирской: Жизнь и труды Семёна Ремезова. Магадан : Книжное издательство, 1990. 391 с.
2. Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI–XVII вв. // Научные труды : в 4 т. Т. 3, ч. 1. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. С. 17–160.
3. Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1999. Т. 1. 630 с.
4. Словцов П.А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. М. : Вече, 2006. 512 с.
5. Небольсин П.И. Покорение Сибири. М. : Вече, 2014. 352 с.
6. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М. : Ин-т русской цивилизации, 2008. 812 с.
7. Хромых А.С. К вопросу о применении понятий «колонизация» и «фронт» в изучении истории Сибири // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы : III региональная молодежная научная конференция, Новосибирск, 19–21 августа 2009 г. / отв. ред. Р.Е. Романов. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2009. С. 108–113.
8. Чёрная М.П. Этнокультурное взаимодействие в эпоху колонизации Сибири: от археологического контекста к исторической интерпретации // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 49. С. 71–77.
9. Бахрушин С.В. Задачи исторического изучения Сибири // Труды Первого Сибирского краевого научно-исследовательского съезда. Новосибирск, 1928. Вып. 5. С. 129–140.
10. Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1946. 226 с.
11. История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. Л. : Наука, 1968. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. 538 с.

12. Чёрная М.П. Сибирский город конца XVI – начала XVIII в. в историко-археологическом отражении (историографический аспект) // Вестник Томского государственного университета. История. 2009. № 3 (7). С. 95–112.

13. Романов Д.А. «Сибирское взятие» или добровольное вхождение: присоединение Сибири к России в отечественной историографии // Тульский научный вестник. Серия: История. Языкознание. 2020. № 2 (2). С. 20–28.

14. Окладников А.П. Русские полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра. М. ; Л. : Изд-во Главсевморпути, 1948. 158 с.

15. Чёрная М.П. Русская археология как новое направление в сибиреведении // Московская Русь, проблемы археологии и истории архитектуры. М. : ИА РАН, 2008. С. 482–515.

УДК 902.21

И.А. Деманов

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ГЕОРАДАРНОЙ СЪЕМКИ В РАЙОНЕ ОЗЕРА КРУГЛОЕ (ЗАТО СЕВЕРСК, ТОМСКАЯ ОБЛАСТЬ)

Аннотация. Геофизические изыскания проводились в ноябре 2022 г. в Томской области на озере Круглом, в окрестностях поселка Самусь. Объектом исследования являлась подокруглая возвышенность, которая, согласно выдвинутой на этапе археологических наблюдений гипотезе, являлась курганом. Целью проведения геофизических изысканий являлся сбор дополнительной информации об объекте исследования с точки зрения геофизических методов для получения более весомых оснований для присвоения данному объекту статуса объекта археологического наследия. Результатом исследования стали геофизические данные, которые свидетельствуют о том, что объект исследования является курганом.

Ключевые слова: Томская область, озеро Круглое, археология, археологическая разведка, геофизика, георадиолокация

Георадарные исследования проводились в ноябре 2022 г. в районе оз. Круглое, в окрестностях п. Самусь. Объект исследования представляет собой подокруглую возвышенность диаметром 9,5 м и высотой относительно периферии 0,71 м. Данный объект был обнаружен в ходе

проведения археологической разведки на территории ЗАТО Северск в 2022 г. [4]. Исходной гипотезой данного исследования являлось предположение о том, что объект исследования является курганом с характерными для него георадиолокационными аномалиями, которые возможно проследить на радарограмме. Целью геофизических изысканий было определение наличия физических аномалий, характеризующих объект исследования как курган.

Источниковой базой данного исследования стали радарограммы, полученные в ходе полевых работ. Источниками, использующимися при интерпретации радарограмм, были публикации результатов георадарных исследований на аналогичных объектах, а также методические пособия по применению георадиолокационных методов. Данные методические пособия использовались при разработке методики проведения съемки, а также позволили наиболее полно оценить картину, полученную в ходе проведения электромагнитного подповерхностного зондирования посредством отсеечения неинформативных сигналов и аномалий, обнаруженных в ходе интерпретации радарограмм.

Актуальность проведения георадарных исследований на данном объекте заключается в том, что на момент проведения изысканий данных для присвоения изучаемому объекту статуса объекта археологического наследия было недостаточно. Данная возвышенность могла возникнуть как в ходе эксплуатации земельного участка современным человеком, так и в результате естественных геоморфологических процессов образования интрузивных бугров пучения, эрозии более крупных форм рельефа и их водной транспортировки и т.д. В данной археологической обстановке применение стандартных методов археологической разведки, таких как шурфовка периферийной площади, является малоперспективным из-за крайне малых объектов, которые могут находиться на данной периферии. В связи с этим было принято решение о необходимости проведения геофизических изысканий на данном объекте для присвоения ему статуса объекта археологического наследия и постановки на государственную охрану.

Упрощенная физико-археологическая модель, которая была составлена перед геофизическими изысканиями на объекте исследования, включала традиционные почвенные аномалии, которые обычно образуются при возведении кургана. Данными аномалиями являются насыпь,

ровик и погребение. Нахождение данных аномалий геофизическими методами должно было послужить дополнительным доказательством выдвинутой гипотезы относительно объекта исследования, полученным в ходе применения вспомогательных археологических методов.

Наиболее перспективным геофизическим методом при поиске вышеуказанных аномалий, с точки зрения автора, являлись волновые геофизические методы. К данным методам относятся сейсморазведка и георадиолокационное зондирование. Эти методы не имеют ограничений на работу в условиях месторасположения объекта, а также обладают достаточной разрешающей способностью для выявления аномалий, заявленных при написании упрощенной физико-археологической модели. Выбор в пользу георадиолокации обуславливался большей разрешающей способностью данного метода, а также доступностью оборудования для проведения исследований [1. С. 10].

Для наиболее полного понимания призм, сквозь которую проводилось исследование, необходимо обозначить применяемые при проведении исследований методы. При проведении изысканий основными методами стали: метод археологической разведки, метод электромагнитного подповерхностного зондирования, стратиграфический и сравнительный методы.

В результате съемки было получено 14 радарограмм, проложенных по ширине описанной возвышенности. Данные радарограммы позволяют получить представление о стратиграфической ситуации на исследуемом объекте. Радарограммы были обработаны в программе КРОТ, которая позволяет собрать несколько профилей, каждый из которых представляет собой 2D-сечение разреза по линии георадарного профиля, в 3D-блок данных. Последний позволяет получить горизонтальный разрез, степень точности которого обуславливается покрытием съемочной сетки. Данный тип разрезов допускает более удобное наблюдение различных аномалий малой мощности, которые слабо читаются на вертикальных разрезах и функциях сигнала. Также использование данных программ упрощает обработку радарограмм, так как там изначально заложены алгоритмы для специального преобразования радарограмм с целью избавления от неинформативных сигналов и помех [3. С. 21, 84].

При рассмотрении вышеуказанных данных были найдены все три искомые аномалии. Данные аномалии отчетливо читаются как на

вертикальных, так и на горизонтальных разрезах. С достаточной уверенностью можно говорить лишь о наличии двух аномалий, а именно: ровик и погребение. Данные аномалии обладают четкими очертаниями и явной контрастностью по сравнению со слоем периферии. Аномалия, отражающая насыпь кургана, с точки зрения электромагнитного подповерхностного зондирования представляет собой литологическую от-дельность (рис. 1, 2).

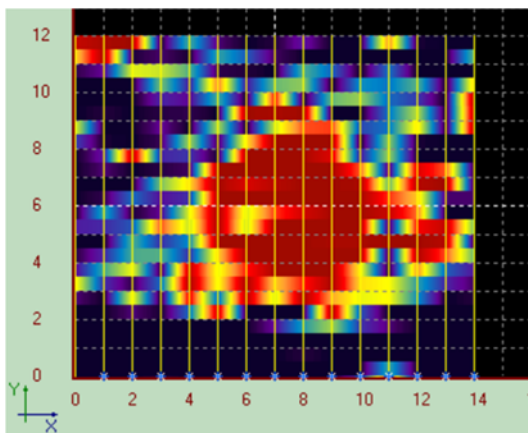

Рис. 1. Горизонтальный разрез на глубине 0,88 м при условной скорости волны в среде 5 см/нс

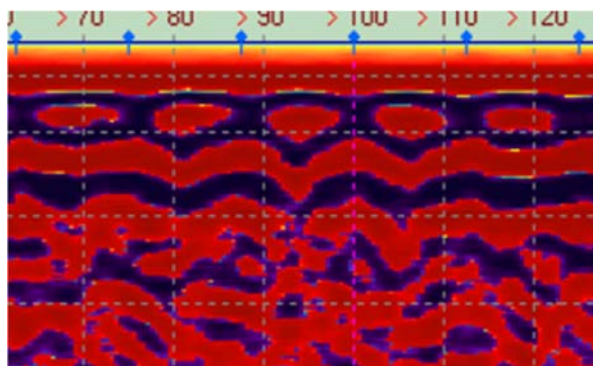

Рис. 2. Вертикальные разрезы профилей 6–9 на глубине 0–4 м при условной скорости волны в среде 5 см/нс

По мнению автора, данная отдельность не могла быть сформирована естественным образом в условиях ландшафта площади обследования. Погребение ясно читается в горизонтальных и вертикальных разрезах, полученных в ходе георадарной съемки, имеет подпрямоугольную форму и размеры 3×2 м (рис. 2, 3).

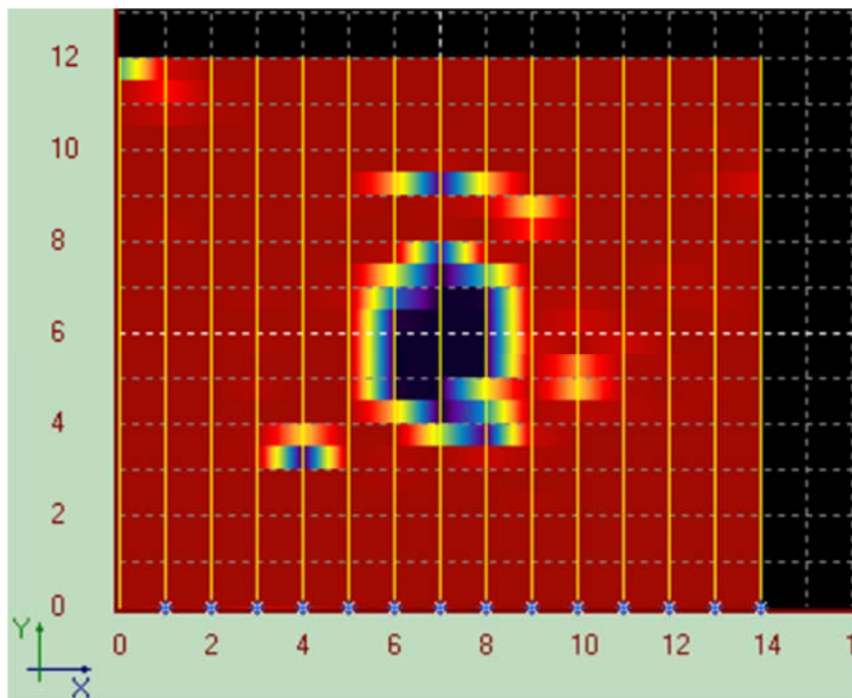

Рис. 3. Горизонтальный разрез на глубине 1,27 м при условной скорости волны в среде 5 см/нс

Ровик кургана в вертикальных разрезах читается слабо и виден в основном на горизонтальных разрезах. Форма ровика представляется незамкнутой, подокруглой, и слабо читаемой (рис. 4). Слабая контрастность и некорректная ширина ровика, по мнению автора, обуславливаются ошибкой при построении георадиолокационной съемочной сети. Данная сеть обладала слишком большим шагом, чтобы засечь ровик

как минимум двумя измерениями, а именно это требуется для корректного отображения аномалии на горизонтальном разрезе 3D-блока данных. В целом данная аномальная группа выглядит естественно для кургана и соотносится с известными результатами георадиолокационного обследования курганов, такими как обследование курганного могильника Кок-Жар 1 [2]. Результатом данных исследований стало нахождение группы аномалий, свойственных традиционным курганам, которые читаются более отчетливо, чем аномалии, найденные на оз. Круглом. Автор связывает данное обстоятельство с более удачно подобранной конфигурацией профилей, которая, естественно, исходила из более детально составленной физико-археологической модели (рис. 5).

В результате исследований были получены геофизические основания, для присвоения объекту исследований статуса объекта археологического наследия.

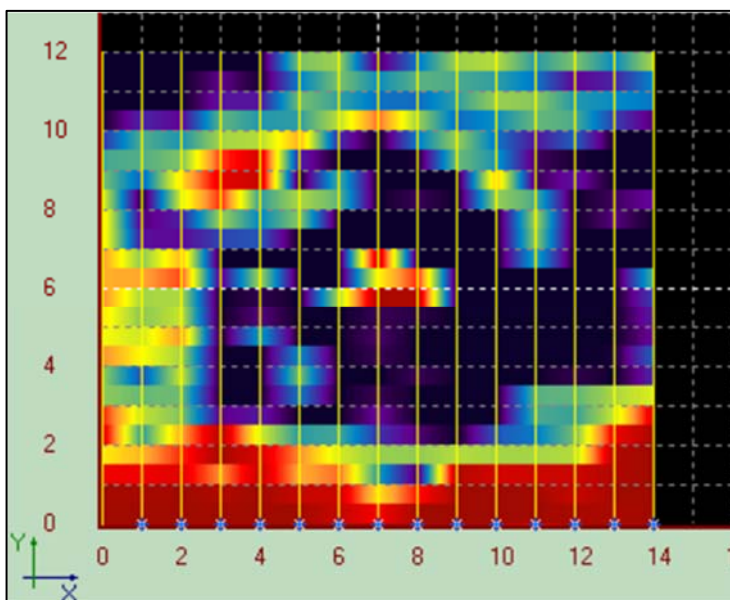

Рис. 4. Горизонтальный разрез на глубине 1,27 м при условной скорости волны в среде 5 см/нс

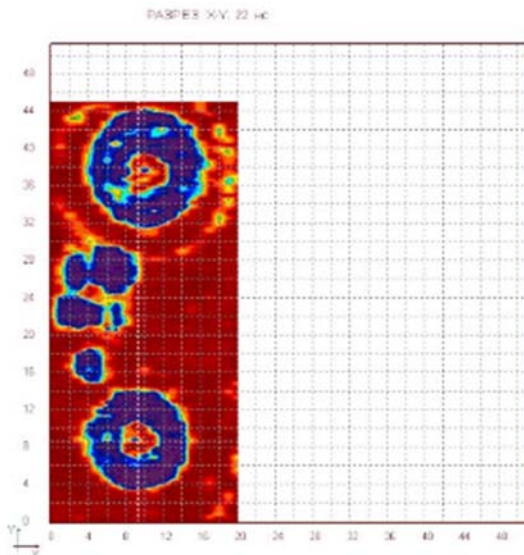

Рис. 5. Горизонтальный разрез 3D-блока георадиолокационных данных, полученных в ходе съёмки курганного могильника Кок-Жар 1 на глубине 1,3 м

В дальнейшем необходимо апробировать результаты геофизических изысканий, проведенных на оз. Круглом традиционными для археологии площадными раскопочными работами. Исходя из этих данных, можно будет сделать окончательный вывод о степени эффективности применения электромагнитного подповерхностного зондирования в условиях почв нижнего Притомья в условиях равнинно-таежного ландшафта.

Список источников

1. Владов М.Л., Старовойтов А.В. Введение в георадиолокацию : учеб. пособие. М. : Изд-во МГУ, 2004. 153 с.
2. Официальный сайт георадара ЛОЗА. Георадарное обследование курганного могильника Кок-Жар, Республика Кыргызстан. URL: <https://georadar-loza.ru/vozmojnosti/arkheologiya/> (дата обращения: 21.04.2023).
3. Сухобок Ю.А., Пупатенко В.В., Стоянович Г.М. Основы расшифровки и интерпретации радарограмм : учеб. пособие. Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2018. 87 с.

4. Бычков Д.А. Научный отчет об археологической разведке на территории ЗАТО Северск Томской области в 2022 году // Научный архив ИАЭТ СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 478.

УДК 396

Цзясына Дуэрдун

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

КОСТЮМЫ СОВРЕМЕННЫХ ТУВИНСКИХ ЖЕНЩИН-ШАМАНОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Аннотация. Женщины-шаманки часто являются пренебрегаемым объектом изучения, описание их встречается редко, хотя на сегодняшний день существует большое количество литературы по тувинскому шаманизму. В данной статье автор использует полевые исследования в качестве основы для того, чтобы изучить современных тувинских женщин-шаманок, описывает и анализирует костюмы современных женщин-шаманок в Туве.

Ключевые слова: Тувинский шаманизм, современная шаманка, шаманский костюм, плащ, головной убор

В этой статье мы сосредоточимся на особенностях костюма женщины-шаманки. В данной работе описываются и анализируются особенности костюмов современных тувинских женщин-шаманок на основе интервью с женщинами-шаманками, собранной информации, записи обрядов и наблюдений в процессе полевых работ. На сегодняшний день шаманизм является широко распространенным религиозным явлением. Это древнее религиозное верование присуще и тувинскому народу, более того, оно занимает центральное место в тувинской культуре. Тувинский шаманизм привлекает внимание многих ученых, и на сегодняшний день существует целый ряд публикаций, содержащих большое количество данных по этой теме, но информация о женщинах-шаманках встречается в литературе редко.

С конца июня до середины августа 2019 г. проводилась короткая полевая работа в Республике Тува. Мы засняли и наблюдали за гаданием на 41 камне Хуваанак, а также за некоторыми простыми шаманскими

обрядами. В мае 2020 г. нами было проведено онлайн-интервью с тремя женщинами-шаманками. С середины июля до середины октября 2022 г. мы провели трехмесячную полевую работу в Республике Тыва, в ходе которой были опрошены четыре женщины-шаманки.

В костюмах современных тувинских женщин-шаманок можно увидеть сохранение традиций прошлого, но также появляются некоторые современные элементы и индивидуальный стиль. Их костюмы отражают не только особенности традиционного тувинского шаманизма, но и черты современного общества и концепции женственности. Благодаря работам Е.Д. Прокофьевой и М.Б. Кенин-Лопсана мы имеем четкое представление о традиционном костюме тувинского шамана, что позволяет сравнить традиционные образцы с современными костюмами тувинских женщин-шаманок.

Исходя из сведений о шаманских костюмах в работах Е.Д. Прокофьевой и М.Б. Кенин-Лопсана, в данной статье костюм женщины-шаманки будет анализироваться в трех частях: плащ для камлания, шаманский головной убор и шаманская обувь. Основываясь на информации, полученной в ходе наших полевых исследований, проанализируем костюмы современных тувинских женщин-шаманок.

Шаманы в религиозной деятельности часто носят плащ (кафтан), головной убор (шапка), обувь и украшения, которые тесно связаны с концепцией шаманизма. Е.Д. Прокофьева, считает, что шаманский костюм состоял из кафтана (хамнаар тон), шапки (хам борт) и обуви (хам итык) [1. С. 70]. В книге М.Б. Кенин-Лопсана не описана элементная композиция костюма шамана, название шаманского костюма отличается от того, что указано Е. Д. Прокофьевой. В работах Кенин-Лопсана шаманский костюм описан следующим образом: плащ для камлания (кафтан), головной убор (шапка) [2. С. 78].

«Шаманский плащ представляет собой весьма сложный комплекс и состоит из ряда составных элементов, каждый из которых выполняет свою, строго определенную ему функцию», – утверждал М.Б. Кенин-Лопсан [2. С. 78]. Самым важным элементом в одежде тувинского шамана является змея [1. С. 71; 3. С. 54]. Нашитые на плащ шамана змеи были общей особенностью плащей всех тувинских шаманов. У тувинских женщин-шаманок в плащи также вшиты змеи: у некоторых шаманок на плащах вшито много змей, у других может быть вшито

гораздо меньше. У Т.Ш. Ондар только один шаманский плащ. У Д.К. Дивииа 5 разных костюмов. В шаманском плаще шаманки Т.Ш. Ондар много змей, некоторые змеи имеют определенные функции, но некоторые она добавила из эстетических соображений (ПМА¹. 2020 г.). У шаманки Х. Куулар и у О. Куулар на плащах не так много змей (ПМА. 2022 г.). Внешний вид змеи на плаще женщины-шамана не сильно отличается от внешнего вида змеи на плаще мужчины-шамана. Змея на плаще в основном является помощником и защитником шамана. Шаманка С.М. Анисья сказала мне, что «...ленты тоже обереги, они защищают шамана. Эти ленты называются “чылан” – “змеи”» (ПМА. 2020 г.). Шаманский плащ шаманки Т.Ш. Ондар имеет особенность: на подол плаща пришиты маленькие змеи разных цветов, она сказала: «Мой шаманский костюм украшен, в основном “чылан-ээренами”, “оберегами-змеями”, для меня они являются главными помощниками» (ПМА. 2020 г.).

В дополнение к элементу змеи, на плащ шамана также пришиваются шкуры животных, когти и зубы животных, металлические миниатюры мечей, дудки-свирели, колокольчики, мешочек, белый лоскут и богатство локтя и т.д. Нет существенной разницы между элементами на плаще современных шаманов и шаманок и элементами на традиционном плаще тувинского шамана. Однако если внимательно присмотреться, то все же можно найти небольшие различия, например, наличие современных и иностранных элементов на плащах современных женщин-шаманов по сравнению с традиционными плащами. Кроме того, некоторые женщины-шаманки больше заинтересованы в украшении своих плащей, чем другие женщины шаманки.

На шаманском плаще шаманки С.М. Анисья вышит круговой рисунок. Эта аппликация – обелиск «Центр Азии». Для нее это оберег (ПМА. 2020 г.). Современные элементы также можно увидеть на плаще шаманки Т.Ш. Ондар, на задней части плаща вышиты две аппликации китайского иероглифа «福» («фу»). Иероглиф «福» можно перевести как «достаток», «восторг», «радость», «процветание», «мир» (ПМА. 2019 г.).

---

¹ Здесь и далее ПМА – полевые материалы автора.

На плаще женщины-шаманки Л.К. Оюн на спине слева и справа пришиты два красных коралла овальной формы, используемые тувинскими женщинами для серег, а слева и справа, на 15 см выше пояса, пришито традиционное тувинское украшение для волос (тув. Боошкун) (ПМА. 2022 г.). Ворот шаманского плаща шаманки Т.Ш. Ондар украшен множеством мелких белых бусин, напоминающих кружево (ПМА. 2022 г.).

Конечно, не всем шаманкам нравится украшать свои плащи женскими предметами или узорами. Например, на плащах шаманок Х. Куулар и у О. Куулар нет ни современных элементов, ни каких-либо декоративных и женственных предметов или узоров (ПМА. 2022 г.). Их шаманские плащи традиционные и старые. Они обе говорят, что причиной этому является их занятость на работе и не очень хорошие навыки шитья.

Шаманский головной убор – очень важная часть шаманского костюма для проведения шаманских обрядов. По свидетельству М.Б. Кенин-Лопсана, шаман никогда не камлает без головного убора. Надевая головной убор, шаман имел возможность обрести второе зрение и видеть то, что другие видеть не могли [4. С. 7–8]. Головной убор тувинского шамана можно условно разделить на три части: повязка, перья по верхнему краю повязки и бусы по нижнему краю повязки. У С.М. Анисьи имеется более одного шаманского головного убора, во время наблюдения за ее деятельностью мы увидели три из них. Три шаманских головных убора С.М. Анисьи можно просто разделить на три части: верхняя часть саннаш (делают из крыльев), средняя часть околыш и нижняя часть. Верхняя часть всех трех ее головных уборов сделана из перьев глухаря. Средняя и нижняя части ее головных уборов ничем не отличаются от традиционных шаманских головных уборов, за исключением того, что украшения на них более женственные (ПМА. 2020 г.).

У Т.Ш. Ондар два головных убора, один – для дневных работ, второй – для ночных. Дневной головной убор украшен очень старыми перьями орла. Ночной головной убор украшен перьями совы. Во время полевой работы мы видели дневной головной убор (ПМА. 2020, 2022 гг.). Верхняя часть ее головного убора сделана из перьев орла. Посередине средней части (околыш) ее головного убора находятся 7 розовых цветков из пластика, это выглядит очень женственно. В нижней части

ее головного убора пришито множество маленьких металлических бусин, а под бусинами – разноцветные цилиндрические украшения из пластика.

По сравнению с шаманскими плащами и головными уборами шаманская обувь не является очень важной частью шаманского костюма. Шаманская обувь редко упоминается в литературе. В ходе полевого исследования мы отметили, что большая часть шаманской обуви – это традиционные тувинские сапоги (без украшения) и кроссовки, шаманы не украшали свою шаманскую обувь.

Традиционные тувинские сапоги весьма громоздки, шаманки берут с собой к месту проведения обрядов шаманские плащи, шаманские бубны и другие атрибуты, которые занимают много места, поэтому несколько шаманок предпочитают надевать для проведения обрядов кроссовки, чтобы не носить с собой дополнительную пару сапог.

Костюмы современных тувинских женщин-шаманок мало чем отличаются от традиционного костюма тувинских шаманок. Основное отличие заключается в том, что в нем есть несколько более современных элементов, и современные женщины-шаманки предпочитают добавлять в него более женственные детали. Кроме того, для удобства некоторые шаманы не всегда надевают на ритуалы громоздкие шаманские сапоги, предпочитая вместо них легкие и удобные кроссовки. Конечно, некоторые женщины-шаманки не любят украшать свои шаманские костюмы, поэтому женственное украшение костюмов не является обязательным для всех женщин-шаманок, выбор украшений зависит от личности и эстетических предпочтений шаманки.

Список источников

1. Прокофьева Е.Д. Шаманские костюмы народов Сибири // Сборник МАЭ. Л., 1971. Т. 27. С. 5–100.
2. Кенин-Лопсан М.Б. Тувинские шаманы. М. : Маска, 2009. 328 с.
3. Потанина А.В. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю : сб. статей А.В. Потаиной. М., 1895. 296 с.
5. Дыртык-оол М.О. Мир детства в экспозиции Национального музея имени Алдан-Маадыр Республики Тыва // Музей в XXI веке: проблемы и перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф. г. Кызыл, 21–24 сентября 2005 г. / отв. ред. К.А. Бичелдей. Кызыл : Аныяк, 2005. С. 106–110.

И.С. Иванченко

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

ЗАМУЖНЯЯ РУССКАЯ КРЕСТЬЯНКА В СЕМЬЕ И ОБЩИНЕ

Аннотация. *Рассматривается юридическое и социальное положение замужней женщины в традиционном крестьянском обществе, исследуются ее социальные и религиозные функции. Делается вывод о достаточно значимой роли замужней женщины в семье и общине как хозяйки, старшей и опытной хранительницы домашнего очага, так и сакральной жрицы.*

Ключевые слова: Российская империя, традиционная семья, русская крестьянка, патриархальная семья

Статус замужней женщины в традиционном крестьянском обществе имел ряд особенностей. С момента вступления в брак женщина теряла свою самостоятельность, утрачивала свое настоящее имя, часто звалась по имени мужа [1. С. 21], обретала статус «женки», «хозяйки». Цель данного исследования – определить статус замужней русской крестьянки в семье и общине, выявить особенности ее социально-экономического положения дома и в социуме в сравнении с неполноправными крестьянками, а также выяснить социально-обрядовые функции замужней женщины в русской деревне.

Несмотря на то, что существуют расхождения в определении рамок статуса замужней женщины, выражение «баба» в целом обозначало замужнюю женщину с детьми и внуками. Выражение «выйти в бабы» было синонимом выражения «выйти замуж». То есть это необязательно касалось молодой женщины, ставшей матерью впервые, но также описывало и статус пожилой женщины, побывавшей замужем и имевшей как детей, так и внуков. Женщина, еще не успевшая родить в браке, называлась «молодкой», «молодухой». Женщина, которая уже обрела внуков, называлась «бабушкой» и переходила в разряд «старух».

Однако статус замужней женщины определялся не только терминологией, использующейся в ее отношении. После выхода замуж женщина меняла способ убранства волос, стиль одежды, надевала на

голову повойник, призванный полностью скрыть волосы. Из различий в расцветке и узорах рубахи, сарафана, поневы, передника и другой одежды женщины можно было узнать ее возраст, сколько у нее детей, сделать выводы о ее достатке, т.е. с точностью определить ее социо-возрастную группу. Так, например, если девушки-невесты носили сарафаны, то замужнюю женщину в ряде регионов отличало наличие поневы. И передники замужних женщин, в отличие от подобной одежды девушек, были простыми [1. С. 23].

Соответствие правилам своей новой роли для женщины было обязательным, поскольку выход за строго регламентированные социумом рамки приводил к тому, что женщину могли вытеснить из жизни общины. Так, согласно материалам «Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева», потеря девственности в деревне считалась грехом, а нецеломудренных девушек в селе осуждали, избегали брать в жены [2. С. 218]: «...отец и мать ее бьют, проклинают, остальные члены семьи с ней не разговаривают» [3]. С замужними женщинами ситуация обстояла еще строже: уличенных в прелюбодеянии женщин, согласно В.Б. Безгину, «жестоко избивали» [4. С. 154]. Иными словами, супружеская неверность расценивалась как грех более страшный, чем добрые сексуальные отношения. Изменяющих мужьям женщин в селе называли «растасхицами дома», «несоблюдихами» [2. С. 378].

На замужнюю женщину возлагалось множество забот о семье и доме, в особенности если хозяйство или семья были большими. В семье с несколькими женщинами обязательно выделялась «большуха» – хозяйка, уполномоченная распределять обязанности между остальными женщинами в доме и детьми. Однако положение большухи нельзя назвать выигрышным, поскольку и отвечала она за самые важные и тяжелые аспекты функционирования домашнего хозяйства: приемы пищи, спекание хлеба, кормление животных, надой коровы и т.д. [1. С. 24]. Если говорить о работе «в поле», то женщина-хозяйка занималась и ею, помимо всей вышеперечисленной работы по дому, т.е. сенокос, жатва, возделывание огорода тоже были ее прямыми обязанностями.

Отдельно стоит выделить обязанности замужней женщины ткать на семью одежду, постельные принадлежности, мешки и полотенца. Поскольку ткаческий цикл включал не только непосредственно прядение, но и возделывания участка с коноплей или льном, то можно сделать

вывод о прямой взаимосвязи жизни замужней женщины с ткаческим годовым циклом: от засева надела со льном до сенокоса, а также непосредственно прядением зимой и весной. Одним из ярких подтверждений этой взаимосвязи является обряд обрезания пуповины новорожденной девочки о веретено [5. С. 98]. Согласно Л.С. Лаврентьевой, «в некоторых районах России при рождении дочери было принято прибивать прялку на угол избы, дарить родившейся девочке маленькую прялку – впоследствии это была ее первая игрушка» [6. С. 29].

Именно замужней женщине отводилась главная роль во множестве обрядов, нацеленных на плодородие, процветание, успех семьи и сельскохозяйственных работ, поскольку именно замужняя родящая женщина была у крестьян символом репродуктивности.

У Петра Алексеевича Городцова в его «Программе для собраний произведений народного творчества в Западной Сибири. Крестьянские свадьбы в Западной Сибири» можно обнаружить в первом разделе крестьянские заговоры-наговоры, такие как заговоры «перед началом сельскохозяйственных работ: перед началом пахоты (первой борозды), перед сенокосом (первая коса), перед жатвой (первый сноп), против падежа скота, об увеличении удоев у коров, чтобы корова давала больше молока. При первом выгоне скота на подножный корм. При появлении и при первом выпуске на волю молодой птицы. Об увеличении приплода скота и птицы» [7. С. 5–10]. Во всех этих обрядах и во всех этих наговорах медиатором общения с природой выступает замужняя женщина.

Особенно интересен обряд под названием «завивание Николинской бороды» или просто «завивание бороды» [1. С. 25], в котором замужней женщине, старшей или особо уважаемой, отводилась роль по возвращению пахотной земле сил, чтобы земля через год снова смогла «родить». Помимо обрядов, связанных с пахотой и сельским хозяйством, замужней женщине отводилась роль и в других обрядовых мероприятиях на протяжении года, например при гаданиях молодых девушек на Святки в качестве защиты от злых духов. На Крещение на хозяйке дома лежали очистительные обряды: раскладывание отгоняющих зло растений, рисование меловых крестов, очистительная уборка избы. Только замужней опытной женщине фертильного периода разрешалось заниматься выпеканием каравая [1. С. 25]. Можно сделать вывод, что доверие отправления подобных сакральных религиозных

обрядов замужней женщине является доказательством уважительного отношения к ней в крестьянском социуме, поскольку крестьянская община напрямую зависела от успешного пахотного сезона и непосредственно от урожая хлеба.

Что касается юридически закрепленных прав обязанностей замужней женщины, то женщины-крестьянки, как и мужчины, получили права – личные и по части имущества, а также статус свободных сельских обывателей (ст. 2), когда 3 марта (19 февраля по старому стилю) 1861 г. император Александр II подписал манифест «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» [8] и «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» [9. С. 141–169] об отмене крепостного права на крестьян. И отныне на крестьян распространялись общие постановления законов гражданских о правах и обязанностях семейственных, позволявших крестьянам самим решать свои семейные дела, а права и обязанности крестьянки юридически стали сопоставимы с положением других свободных сельских обывателей.

Так, согласно статьям 50, 53, 54 «Полного собрания законов Российской империи. Том десятый», жены сбежавших или уехавших и пропавших без вести мужей, а также жены приговоренных по суду к ссылке в Сибирь имели право расторгнуть брак и вступить в новый. Также им дозволялось, согласно статье 48, подать прошение о разводе при неспособности мужа к брачному сожитию по истечении трех лет после совершения брака. Согласно статье 100, жена переходила в сословие мужа, и даже если сам муж был по какой-то причине лишен чинов и званий, то жена их не лишалась.

Согласно статье 106, муж обязался любить свою жену и жить с ней в согласии, уважать, защищать и прощать ей все недостатки. Также по возможностям содержать и обеспечивать. Взамен жена, согласно статьям 107, 108, обязана была повиноваться мужу как главе семейства, любить, почитать и выказывать ему уважение как хозяйка дома.

По статье 110, приданое жены, а также приобретенная ею или на ее имя любым законным способом собственность юридически признавались ее личным имуществом, отдельным от семейного. По статье 114, распоряжаться своим имуществом жена могла без согласия или дозволения мужа. Согласно статье 1148, супруга покойного в обязательном порядке, независимо от наличия детей, получала седьмую часть

недвижимого имущества покойного мужа и четвертую движимого, при этом приданое и собственное имение жены, принадлежавшее ей до брака или же приобретенное на ее имя во время брака, в долевую часть не засчитывалось (статья 1150).

Реформы 60–70-х гг. XIX в. дали толчок женской эмансипации среди горожанок, сначала среди привилегированных, а затем и среди городских слоев. Особенно самостоятельно чувствовали себя женщины из купеческого сословия, в некоторых случаях купчихи вступали в гильдию и вели торговлю от своего имени, а не от имени мужа. Также часто супруг после смерти завещал имущество женщине, минуя взрослых наследников мужского пола.

Исходя из вышеизложенного очевидно, что женщина-крестьянка, будучи замужем, имела ряд закрепленных юридически прав, которые обеспечивали как ее личную безопасность, так и ее детей, гарантировалась безопасность ее имущества. Замужняя женщина имела право на свое приданое, права на произведенный ею продукт, обладала возможностью обращаться в суд и опротестовывать неудовлетворительные условия брака. Поэтому если смотреть на постулаты традиционного патриархального типа семьи, при котором муж, согласно обычаю, имел преобладающие права, то с точки зрения закона муж и жена оказывались равны, и беспочвенно говорить о рабском, униженном положении женщины в патриархальной семье.

Если же оценивать роль замужней женщины-крестьянки в социуме и дома, то также прослеживается их, замужних женщин, высокий общественный статус и уважительное к ним отношение как к хозяйкам, старшим и опытным хранительницам домашнего очага, так и сакральным жрицам. Отсюда можно сделать вывод о достаточно значимой роли замужней женщины в семье и общине.

Список источников

1. Мужики и бабы: мужское и женское в русской традиционной культуре. Иллюстрированная энциклопедия / Д.А. Баранов и др.; науч. ред. И.И. Шангина ; вступ. ст.: Т.Б. Щепанская, И.И. Шангина. СПб. : Искусство-СПб, 2005. 686 с.
2. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева». СПб., 2005. Т. 5, ч. 4.
3. Архив Российского музея этнографии. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1011. Л. 1. URL: <http://www.ethnomuseum.ru> (дата обращения: 25.07.2023).

4. Безгин В.Б. Крестьянский самосуд и семейная расправа // Вопросы истории. 2005. № 3. С. 152–157.
6. Добровольская В.Е. Институт повивальных бабок и родильно-крестильная обрядность (по материалам экспедиции 1994–1997 гг. в Судогодский район Владимирской области) // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры / сост. А.Е. Белоусова. М. : РГГУ, 2001. С. 92–106.
7. Лаврентьева Л.С. Социализация девочек в русской деревне // Мир детства. Традиционная культура народов СССР. Л., 1991. С. 27–35.
8. Городцов П.А. Программа для собраний произведений народного творчества в Западной Сибири. Крестьянские свадьбы в Западной Сибири. Былины-старины. Творение мира и борьба духов: народные легенды. Тюмень, 1905–1908. 114 с.
9. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ.ред. О.И. Чистякова. М. : Юридическая литература, 1984–1994.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XXXVI. Отделение 1. 1861. СПб., 1863. С. 141–169.

УДК 39

Т.В. Калашникова

МАУ «Музей истории Томска», Томск, Россия

ПРОБЛЕМА РЕКОНСТРУКЦИИ ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ТЕКСТИЛЯ ИЗ КРАПИВЫ У ДРЕВНЕГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ТОМСКО-НАРЫМСКОГО ПРИОБЬЯ

Аннотация. *Имеются существенные пробелы в реконструкции текстильного производства у населения Томско-Нарымского Приобья, из сырья растительного происхождения, в частности из крапивы. Данная проблема актуальна для материалов с эпохи неолита до современной этнографии. Необходимо комплексное изучение существующих археологических и этнографических материалов, с привлечением естественно-научных методов и методов экспериментальной археологии. Это необходимо для реконструкции локальных производственных культурных традиций.*

Ключевые слова: Сибирь, текстиль, крапива, локальные производственные традиции

На данный момент научные изыскания по изучению и реконструкции технологии производства текстиля у коренного населения Томско-

Нарымского Приобья практически не ведутся, и мы имеем информацию и материалы, разработанные в основном Т.Н. Глушковой и ее коллегами 20–30 лет назад [1].

Начиная с эпохи неолита, археологические коллекции с территории Западной Сибири и Томско-Нарымского Приобья содержат различные источники, подтверждающие использование текстильной продукции или наличие производства данной продукции в виде пряслиц, текстильных отпечатков на керамике [2. С. 3–6], непосредственно фрагментов самих тканей, среди которых выделяются образцы изделий, изготовленных из растительных волокон [3. С. 60–61].

Обычно указывается только предположение, из какого растения изготовлено волокно, как правило, упоминаются конопля, кендырь и крапива. Исходя из того, что по данным археологии сложно реконструировать процесс обработки сырья в древности, для разрешения этой задачи активно применяются серии экспериментов в сочетании с технико-структурным анализом этнографических изделий. По мнению Т.Н. Глушковой, на основе материалов Сибири, где долгое время сохранялись традиционные реликты ткачества, возможно восстановить процесс обработки текстильного сырья в древности [3. С. 61].

Приемы и способы обработки, например, растительных материалов у народов Сибири настолько традиционны (стандартны и постоянны), что их можно переносить на глубокую древность, также в силу того, что иных способов обработки волокон подобного вида (крапива, кендырь, конопля) просто не существует [3. С. 62]. Видовой состав сырья для производства текстиля на разных территориях и в разные исторические периоды, скорее всего, был различным. Тем не менее крапива, произрастающая повсеместно, по мнению Т.Н. Глушковой, являлась наиболее распространенным сырьевым источником для развития ткачества [3. С. 61].

С одной стороны, обработка дикорастущих травянистых растений в Сибири имела узколокальное распространение у отдельных этнических групп, но, с другой стороны, встречалась повсеместно, на территории Евразии. На рубеже XIX–XX вв. традиция изготовления текстиля из крапивы была зафиксирована у некоторых групп тюркских народов: западносибирских татар (например, барабинских), шорцев,

северных алтайцев, чулымских тюрков, чулымских хакасов; обских угров (ханты, манси), самодийцев (селькупов). На Дальнем Востоке и Сахалине – у айнов, нивхов. В Поволжье и Приуралье – у чувашей, мордвы, марийцев, удмуртов. Причем для производства использовалась в основном крапива двудомная (*Urtica dioica*), дикорастущий кендырь (*Aposynum veneterum* L), дикая конопля (видимо, имелась в виду *Cánnabis ruderalis*) [4. С. 51].

Стоит отметить, что среди перечисленных выше этнических групп наблюдаются различия на некоторых ступенях производства, будь то процесс заготовки сырья, удаление древесной части, процесс трепания, последующего получения кудели, ее физической или химической обработки, процесс прядения или сучения и т.д. Данную тенденцию мы можем наблюдать и относительно текстильной традиции коренного населения Томской области – у чулымцев (тюрков) и нарымских селькупов (самодийцев) конца XIX – начала XX в. Помимо общих черт в производстве ниток из крапивы, мы можем наблюдать и значительные различия, несмотря на то, что оба народа проживают в примерно одинаковых условиях южной тайги.

Мы сравнили информацию о технологических цепочках производства ниток из крапивы у чулымцев и нарымских селькупов из литературных источников [5–7]. Проанализировав информацию, мы получили следующую картину.

1. Сырье. У чулымцев известна информация о сборе мужских особей крапивы двудомной «шалгой» [5. С. 56]. Подобной информации относительно выбора сырья нами пока не встречено у других народов. Единственной параллелью может послужить сообщение В.Я. Бутанова об использовании хакасами посевной конопли обоих полов с определенной специализацией относительно использования мужских и женских особей [8. С. 118]. Определение пола у крапивы двудомной задача достаточно трудная, так как половые признаки у данной разновидности могут быть смешанными, т.е. проявлять признаки «однодомности», особенно в меняющихся условиях обитания [9].

Имеется информация, что милетцы (чулымские хакасы) изготавливали нитки из особого вида крапивы с длинными и крепкими стеблями, но в источнике не указывается ее вид, тем более пол [8. С. 119–120].

Еще большая путаница возникает при обращении к материалам Г.И. Пелих, где описывается сырьё для изготовления текстиля из растительного сырья у нарымских селькупов, так как помимо крапивы сообщается еще и о «дикой кудели», причем в тексте встречаются словосочетания «крапива» и/или «дикая кудель» [6. С. 32, 39, 40]. Поэтому непонятно, что скрывается за определением «дикая кудель» – особый вид крапивы или другое прядильное растение. В коллективной монографии Н.А. Тучковой и других авторов имеется уточнение об использовании южными селькупам крапивы двудомной, но о предпочтениях в выборе сырья относительно пола (мужские или женские особи) информации нет [7. С. 169].

2. Сроки сбора сырья. Относительно чулымцев нет точных данных, когда именно собиралась крапива. Скорее всего, учитывая обстоятельство, что снопы из собранного сырья было необходимо высушить на солнце, происходило это поздним летом или ранней осенью. Такие сроки сбора крапивы совпадают с описаниями Г.И. Пелих, которая говорит о времени осенних сборов нарымскими селькупам необходимого сырья, в том числе крапивы и «дикой кудели», в конце августа – первой половине сентября [6. С. 32]. Н.А. Тучкова при описании процесса заготовки южными селькупам крапивы говорит о конце осени [7. С. 169].

3. Способы сбора крапивы. В этнографических изысканиях мы встречаем разные приемы: срывание, вырывание с корнем, срезание ножом. У чулымцев, согласно указанному выше источнику, говорится просто о сборе и высушивании в снопах на солнце. Г.И. Пелих пишет о том, что селькупы рвали крапиву руками и вязали из нее небольшие снопы, диаметром 25 см [6. С. 40]. Н.А. Тучкова сообщает о срезании подмерзших стеблей ножом и вязке в пучки, с дальнейшим вывешиванием в предамбарье [7. С. 169]. Далее мы опираемся на эти же источники.

4. Способы сушки: у чулымцев в снопах на солнце, у нарымских селькупов в снопах в предамбарье, причем в дальнейшем с вымораживанием стеблей.

5. Способы удаления твердой, одревенелой сердцевины. У чулымцев – разминка вручную, у селькупов – с использованием деревянного или костяного ножа в процессе предварительного разрезания и выпрямления стебля. У чулымцев, согласно приведенному

литературному источнику, не известно использование деревянного или костяного ножа, но у вышеупомянутых чулымских хакасов (милетцев), такой инструмен имелся, назывался он сойгуч и изготавливался из ножной кости лося [8. С 120]. Скорее всего, грифельной кости.

6. Трепка и разминание волокон вальком, с последующим использованием ступы у чулымцев, разминание вручную у селькупов, вычесывание гребнем для получения пышной массы (по сообщению Г.А. Пелих).

7. Наличие процесса сортировки волокон у селькупов и отсутствие таковой у чулымцев. Вообще, вычесывание и сортировка волокон, по мнению Т.Н. Глушковой, являются характерными чертами обработки растительного волокна русскими переселенцами (активно ее применявшими), что отлично от производства коренного населения [3. С. 62–63]. Возможно, селькупы заимствовали данную технологию у русских в процессе ассимиляции.

8. Сохранение традиции сучения ниток при их изготовлении у селькупов, отсутствие этой традиции у чулымцев.

9. Вымачивание полученной пряжи в крутом кипятке, выколачивание и высушивание на солнце у чулымцев, вымораживание и полоскание готовых мотков в проточной воде у селькупов.

10. Необходимо обратить внимание на производство текстиля из получаемых нитей. У чулымцев нитки ткались на горизонтальном станке так называемого вятского типа. В зависимости от качества нитей получаемая ткань шла на изготовление мешков или шабуров (верхней распашной зимней одежды). В языке чулымцев много терминологии, связанной с ткачеством, что говорит о достаточно длительной культурной традиции данной технологии получения текстильного полотна [5. С. 56].

Относительно селькупов мы имеем ряд противоречий. Н.А. Тучкова говорит о вероятном отсутствии ткачества у селькупов в прошлом, так как в их языке не сохранилось терминов, называющих детали ткацкого станка или ткацких операций. Изготавливаемые нити шли на плетение сетей и изготовление мешков [7. С. 169]. Г.И. Пелих, напротив, говорит о существовании традиции ткачества крапивных нитей у селькупов, приводя в пример сведения Н. Григоровского. Также Пелих

указывает на применение полотна селькупам в прошлом для изготовления одежды и текстиля для дома [6. С. 40].

Возможно, данные расхождения связаны с различиями в производстве ниток и текстиля у разных групп селькупов, либо была получена неполная, либо недостоверная информация.

Мы можем видеть ряд пробелов и неточностей в описании технологических цепочек, восстановить которые на первом этапе можно при помощи повторного изучения источников, первоисточников, дневниковых записей и т.д. Могли быть утеряны те или иные детали, на первый взгляд незначительные. Также необходимо проведение сравнительного анализа технологических цепочек производства текстиля из растительного сырья у населения Томско-Нарымского Приобья и сопредельных территорий.

Восстановлению технологических цепочек может помочь проведение экспериментальных работ с фиксацией информации на всех этапах производства текстиля из крапивы, начиная с выбора места для сбора сырья и заканчивая процессом преобразования нитей в текстильное изделие.

Список источников

1. Глушкова Т.Н. Археологический текстиль как источник по реконструкции древнего ткачества Западной Сибири : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2004. 56 с.

2. Глушков И.Г., Глушкова Т.Н. Текстильная керамика как исторический источник (по материалам бронзового века Западной Сибири). Тобольск : ТГПИ, 1992. 130 с.

3. Глушкова Т.Н. Археологические ткани Западной Сибири. Сургут : РИО СурГПИ, 2002. 206 с.

4. Попов А.А. Плетение и ткачество у народов Сибири в XIX и первой четверти XX столетия // Сборник музея антропологии и этнографии. Л., 1955. Т. XVI. С. 41–146.

5. Тюрки таежного Причулымья. Популяция и этнос / Э.Л. Львовав, В.А. Дремов, Г.А. Аксянова. Томск, 1991. 246 с.

6. Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. 424 с.

7. Тучкова Н.А., Глушков С.В., Кошелева Е.Ю. Селькупы: очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск, 2013. 318 с.

8. Бутанаев В.Я. Домашнее ткачество хакасов // Ученые записки хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. 1977. Серия историческая. Вып. XXI, № 6. С. 115–123.

9. Широкова Н.П. Особенности половой дифференциации некоторых растений в условиях городской среды // Молодой ученый. 2014. № 21.1 (80.1). С. 264–267.

УДК 94

Ли Линь

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

ВЕРОВАНИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРО-ВОСТОКА КИТАЯ

Аннотация. Народные верования Северо-Востока многочисленны и разнообразны. В статье рассмотрены верования в горных богов, шаманизм, раскрыт исторический процесс создания и эволюции народных верований в регионе, а также затронуте взаимодействие религии, власти и других факторов с народными верованиями.

Ключевые слова: Северо-Восток Китая, народные верования, горные божества, шаманизм

Северо-Восток – это регион, включающий провинции Ляонин, Цзинь, Хэйлунцзян и часть Внутренней Монголии, площадью 1,45 млн км² и общей численностью населения 120 млн человек, богатый природными ресурсами и плодородными землями, ставший одним из самых динамично развивающихся регионов Китая.

Упоминания о древних этнических группах Северо-Востока в литературе доциньской эпохи мелкие и разрозненные. Китайский историк Цзинь Юфу опубликовал «Всеобщую историю Северо-Востока» в 40-х гг., где разделил многочисленные древние этнические группы региона на четыре основные части: сушэнь, вэймо, дунху и хуася (ханьцы, которые непрерывно мигрировали в регион с территории Центральной равнины) [1. С. 27]. В период новой истории, в результате действия политики привлечения в регион переселенцев для обработки земель, проводимой династией Цин, большое число людей из других регионов Китая устремились на Северо-Восток, чтобы здесь жить и работать, и процесс этнической интеграции в регионе ускорился. Основу населения теперь представляли ханьцы, а маньчжуры, монголы, дунгане, корейцы, оро-чоны и др., проживающие с ними на одной территории, составляли

многонациональное население региона. В процессе обмена верования различных этнических групп перемешивались, что стало историческим фоном развития народных верований в современном Северо-Восточном Китае.

I. Вера в горных богов Северо-Восточного Китая

Китай – огромная страна, богатая горами, реками и морями, и поклонение горным богам практиковалось древними народами в большинстве мест, где есть горы. По мере эволюции и развития веры в горных богов на нее влияли религиозные и официальные факторы, ее содержание менялось с годами.

Образы горных богов включают непосредственно образы гор, а также образы животных и человеческих фигур, и сильно варьируются от места к месту в зависимости от природных условий и культурной среды. В вере в горных богов на Северо-Востоке такие образы, как тигр, Гуаньинь в белом одеянии и 老把头 – Лаобатоу, являются типичными символами, отражающими местные особенности [2. С. 42].

Тигр как символ горного божества. Глубокие леса Северо-Востока были местом обитания амурского тигра. Коренное население региона, жившее в древности за счет собирательства и охоты, верило, что тигру можно поклоняться, чтобы он защищал их от несчастий. В 16-й день первого месяца по лунному календарю года люди закалывали свиней, покупали вино и мясо, а в полдень отправлялись на гору, чтобы жечь благовония и делать подношения. Каждая семья отдыхала в течение дня и готовила пиршество в честь праздника 山神节 – «Праздник горного бога». В фольклоре горное божество иногда изображалось в виде свирепого тигра, иногда в виде добродушного старика, получеловека-полутигра, который карает зло и проповедует добро, помогает бедным. И до 1949 г. охотники соблюдали обычай – они должны были отрубить голову первому пойманному зверю, чтобы поднести ее горному божеству, принявшему облик тигра. Когда охотники встречали отвесные скалы, сухие деревья и камни необычной формы, они считали их обиталищем горного божества и не смели громко говорить вблизи них. Чтобы получить благословение и добыть больше диких животных, охотники находили старое дерево и рисовали на его коре старца,

символизирующего горное божество, и всякий раз, когда проезжали мимо, они должны были слезть с лошади и поднести ему еду и вино, зажечь благовоние и поклониться.

Гуаньинь в белом одеянии. У северо-восточных этнических групп особое отношение к белому цвету. Это определяется тем, что зимы здесь длинные и холодные, и белый цвет снега постепенно становится привычным. Зимой, если охотники одевались в белое, их реже замечали животные, и они могли подстрелить больше добычи, поэтому белый цвет считался цветом безопасности, счастливым цветом [3. С. 109]. Кроме того, в шаманизме считается, что мир дуалистичен: добро и зло, красота и уродство, хорошее и плохое обычно символизируются двумя противоположными цветами – белым и черным. Шаманизм учит, что «Боги обитают на небесах, и белый цвет является символом неба, символизируя добро; в то время как царство мертвых – это черный цвет, который символизирует зло» [4. С. 47]. Поэтому белый цвет является распространенным цветом этнической одежды на Северо-Востоке, в то время как черный встречается редко.

Исторически сложилось так, что Гуаньинь в белом одеянии считалась символом горных богов Северо-Востока. Одетая в белый платок и белый халат, в сознании китайцев она является самой милосердной и доброй, чистой и возвышенной, но близкой к народу богиней, именно изображение Гуаньинь в белом является каноническим [5]. Заснеженная вершина горы Чанбайшань была превращена в «храм» богини Гуаньинь, которая стала единственным истинным божеством горы. Образ Гуаньинь восходит к буддийскому Авалокитешваре – бодхисатве милосердия. Тот факт, что Гуаньинь почиталась на Северо-Востоке, показывает, насколько влиятельным был буддизм в регионе, и демонстрирует соединение буддизма с поклонением горным богам, что во многом было обусловлено продвижением буддизма официальной властью.

Великий подъем буддизма при династии Ляо положил конец монополии шаманских верований в регионе. По настоянию правящего класса Белая богиня милосердия, которой поклонялись буддисты в Центральной равнине, была почитаема как покровитель правящего дома киданей. Император Ляо Тайцзун Елюй Дегуан, завоевавший территорию, известную как Шестнадцать округов, утверждал, что увидел

во сне Гуаньинь в белых одеждах, и она его направила. Таким образом, император говорил, что его продвижение на Центральную равнину было знаком божественной воли. Он стал почитать Белую богиню милосердия как семейное божество правящего дома киданей, воздвиг ей святилище на горе Муе. Вера в Белую богиню милосердия поощрялась официальной властью и распространилась в народе. Правящий класс династии Ляо сформировал этот образ горного божества как Белую богиню милосердия, что в определенной степени усилило сплоченность нации. Чиновники воспользовались социальной функцией религии – способностью к объединению людей. Интеграция буддийской Гуаньинь в веру в горных богов отражает трансформацию народных верований под влиянием власти.

Лаобатоу. Северо-Восток был опустошен войной в начале правления династии Цин, сельское хозяйство находилось в упадке. Чтобы восстановить производство, был издан приказ о привлечении добровольцев для разработки целинных земель, и начался бурный рост ханьского населения на Северо-Востоке. Богатые ресурсы привлекали в регион людей, и их массовое переселение привело к развитию лесозаготовок, собирательства и охоты, лес стал для этих людей «кормильцем», и вера в горных богов распространилась и среди них. Свой Лаобатоу был у рыбаков – 渔把头 – Юйбатоу, свой у лесорубов – 木把头 – Мубатоу, Батоу – «голова», так называли покровителей определенных отраслей. В отличие от упомянутых ранее богов животных и Гуаньинь, Лаобатоу как образ божества-покровителя различных промыслов являлся реальной исторической фигурой, но наделенной сверхъестественными способностями, он стал новым символом горных богов.

Существует версия, что Сунь Лян был прообразом Лаобатоу. Согласно легенде, Сунь Лян (времена ранней династии Цин) пришел со спутником из Шаньдуна копать женьшень на Северо-Востоке, но они заблудились в горах и лесах. Сунь Лян неустанно искал своего спутника и в конце концов умер от голода на берегу реки, так и не закончив поиски. Перед смертью он оставил поэму, в которой надеялся, что его призрак укажет путь последующим горным путникам. Собиратели женьшеня стали ему поклоняться как горному божеству. Образ Лаобатоу – прошедшего тернистый трудный путь первооткрывателя новых земель – стал новым образом горного божества, что полностью

соответствует вновь возникшей «иммигрантской культуре» на Северо-Востоке.

Можно сделать вывод, что образ горных богов в регионе постепенно развивался от непосредственно образа горы к животным, затем образ горного божества трансформировался и был заимствован из буддизма, и наконец человек стал символом горного бога, что отражало растущие силы самих людей, демонстрировало их стремление контролировать и преодолевать природу.

II. Шаманизм

Верования на Северо-Востоке переходили от примитивных и первобытных верований к новым религиям. В основном в регионе распространены шаманизм, буддизм, даосизм, христианство и т.д. Шаманизм имеет самую большую аудиторию среди маньчжуров. Шаманы в древние времена обладали высоким статусом в обществе, являлись одновременно высшими духовными лицами и вождями кланов, возглавляли союз религии и власти. Статус шамана не передавался по наследству, обычно использовался метод «божественного отбора», т.е. выбирались те, кто верит в шаманизм и имеет связь с духами, может исполнить «пляску духов», имеет особую психику и может лечить. Иными словами, требовались шаманские «особые качества». Молодых мужчин и женщин, обладающих этими качествами, отбирали, а затем после специальной подготовки у маньчжуров проводился особый ритуал, и только после этого они становились шаманами [6. С. 421].

Согласно шаманским представлениям, вселенная делится на три царства, соединенных Мировым деревом. Именно через это дерево шаман получает контакт с внешним миром. Поэтому в ритуалах шаманизма дерево часто устанавливается для поклонения небу. Например, орочены в весенний праздник устанавливают 神架 – «шэньцзя» – специальную стойку для приветствия богов, маньчжуры для поклонения предкам и небесам устанавливали 索罗竿 – «суолуоган» – высокий столб, все это является развитием идеи Мирового древа шаманизма.

В последние годы в маньчжурских поселениях в верховьях реки Сунгари все еще можно встретить поклонение очень своеобразным божествам – черепахе, питону, орлу, леопарду, кабану, тигру и т.д. И это

поклонение отражает верования предков маньчжуров, живших рыбалкой и охотой. Шаманы, которые хорошо умели лечить болезни, полагались на божества или святых, зачастую имеющих образы животных, таких как лиса, змея, колонок и т.д. Шаманизм как культурное явление занимал свое место в истории, но по мере развития науки и дальнейшего развития истории он пришел в упадок и постепенно угасает, становясь пережитком истории.

Подводя итог, можно сказать, что верования этнических меньшинств северо-восточного региона постепенно перешли от веры в горных богов, богов-животных к новым религиям и накопили множество идей шаманизма. В верованиях каждого этнического меньшинства есть глубокий культурный подтекст. И только осознав культурный фон, связанный с их появлением, мы сможем по-настоящему понять культурный подтекст народных верований, постичь законы их возникновения и развития и яснее осознать, что противоречие между наследованием и инновациями является внутренней движущей силой развития научного знания.

Список источников

1. 2017年12月 中国边疆史地研究 第27卷第4期 东北古代民族源流述略* 魏存成 (Вэй Ц. Обзор древних этнических истоков северо-востока // Исследования по истории и географии китайского пограничья. 2017. Т. 27, № 4. С. 27–45.)
2. 刘扬 著《礼俗与生活：近代中国东北乡土社会研究》//中国社会科学出版社 2020年 42页 (Лю Я. Ритуалы и жизнь: исследование общества в северо-восточном Китае в современное время. China Social Science Press, 2020. 256 с.)
3. 徐 В., 傅 Л. Влияние шаманизма на одежду этнических меньшинств Северо-Восточного Китая // Этническая культура. 2010. С. 109–112.
4. 郑剑·试析民族服饰色彩与宗教文化//西北第二民族学院学报 2005年 26页 (Чжэн Ц. Экспериментальный анализ этнических костюмов и религиозной культуры // Журнал второго Северо-Западного колледжа национальностей. 2005. С. 47.)
5. (清) 勒德洪等纂：《清实录》//中华书局1986年版。 ((Цин) Составитель Ле Дэхун и другие: «Цин Шилу». Китайское книжное бюро, 1986. 566 с.)
6. 书名：东北民俗文化 作者：施立学出版社：社会科学文献出版社 出版时间：2019年2月 ISBN：9787520137324 字数：269千字 (Ши Л. Народная культура северо-востока. Издательство литературы по общественным наукам, 2019. 572 с.)

В.Ю. Мартыненко

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

ХАРАКТЕР И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКИХ ГОРОДОВ СИБИРИ КОНЦА XVI – XVIII в. В РАМКАХ ЕДИНОЙ ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. *В статье рассматривается историческая роль города в процессе освоения Сибири, особенности основания городов, их взаимодействия, функционирования поселений в рамках единой системы, в которой городам принадлежит ведущее значение. Определены функции городов, отражающие механизм включения сибирских территорий в орбиту Российского государства.*

Ключевые слова: город, Сибирь, эпоха колонизации, археология, история

Исследование русских городов Сибири и их значения в освоении сибирских пространств по письменным источникам имеет давнюю, хотя и неравномерно развивавшуюся историографию. Новый импульс изучению характера и развития городов дали археологические исследования, оформившиеся в 1980-х – начале 2000-х гг. в самостоятельное направление сибиреведения – русскую археологию Сибири [1. С. 103].

Работа с поздними памятниками способствовала постепенному переосмыслению значимости археологических исследований близких к современности исторических периодов, а также археологических источников в изучении истории и культуры русских городов Сибири. С накоплением археологических данных и развитием методик их обработки источник обретает новое качество, выступает не просто дополнением, иллюстрацией или уточнением сведений, полученных из других источников, но и сам служит средством получения самоценного и объективного знания. Археология открыла новые возможности изучения внешнего облика, жизненного уклада населения городов, их возникновения и развития. Работа с ископаемым материалом позволяет выявить конструктивные, технические, архитектурные, планиграфические особенности жилых, хозяйственных, производственных построек и комплексов.

Письменные и картографические источники в большинстве случаев содержат лишь приблизительные сведения о местонахождении населенных пунктов и дорог, которое представляется весьма условным. Археологические исследования способствуют максимально конкретной локализации объектов, уточнению данных других источников и пересмотру сложившихся версий, когда они не верны. Например, раскопки позволили доказать безосновательность версии о переносе Бабиновской дороги и установить ее достоверное расположение [2. С. 11–12].

Массовый археологический материал показывает, что именно города играли ключевую роль в продвижении русских к востоку от Урала и освоению сибирских территорий. Источники отражают процессы преобразования русскими огромного региона, адаптации и создания собственной среды. Остеологические, ихтиологические находки, промысловое снаряжение, инвентарь и другие артефакты свидетельствуют о промысловой деятельности и хозяйственных занятиях населения, кресты-тельники – о духовной жизни, административные постройки – об управлении и т.д.

Города в Сибири появляются вместе с освоением края русскими и включением его в орбиту русского государства. Сибирский город, как все русские города средневековой эпохи, имел укрепления с острожными, рублеными или деревянно-земляными стенами и башнями, во многом формировавшие его внешний облик, живописность которому добавляли высокие силуэты церквей. Но содержательный характер городов определялся совокупностью выполняемых им функций – административно-политической, хозяйственно-экономической, социокультурной, военно-оборонительной. Экономически в перспективе своего развития города были ориентированы не на простое натуральное хозяйство, а на торгово-промысловую и промышленную деятельность, отличались соответствующим составом населения и особым городским строем [3. С. 114].

Русский город выступал проводником государственной политики. Каждый населенный пункт являлся частью единой сети поселений. Их развитие обусловило укрепление и расширение поселенческой системы, функционировавшей как единый административно-военный, социально-хозяйственный, этнокультурный организм. Крупные города стояли во главе сети мелких острогов, окруженных слободами и

притягивающих более мелкие поселения: села, деревни, погосты, заимки. Их взаимодействие способствовало освоению края и развитию колонизационного процесса.

Административно-управленческая функция русских поселений Сибири связана с системой воеводского управления. Русские, продвигаясь за Урал, нуждались в организованной иерархии власти. При этом в начальный период колонизации Сибири воеводское управление получает распространение также на территории всего Российского государства. Сибирские органы власти соответствовали общегосударственным административным принципам, выполняли те же функции, что и в Европейской России, а также не носили характера колониальных учреждений. Особым звеном иерархической системы управления Сибири являлся разряд, представляющий собой более крупную, по сравнению с уездом, административно-территориальную единицу [4. С. 221, 223]. К 1677 г. в Сибири было создано 4 разряда: Тобольский, Томский, Енисейский, Ленский. А в 1687–1693 гг. также существовал Верхотурский разряд [5. С. 16].

Правительством устанавливался особый порядок, в соответствии с которым осуществлялось взаимодействие уездных и разрядных администраторов. В этой системе главный воевода разрядного города выступал высшей властью по отношению к уездному воеводе. Центральной властью также определялся круг вопросов, для решения которых требовалось обращение уездного воеводы к разрядному. Вместе с тем в ведении разрядного воеводы находились вопросы не только административно-политического и военного характера, но и широкий спектр хозяйственно-экономических дел. Помимо описанной выше линии отношений можно выделить взаимодействие между главным воеводой и его товарищами.

Социально-экономическая функция поселений связана с хозяйственной деятельностью на территории края. С началом освоения Сибири особое развитие получает промысловая деятельность. Доходы с продажи пушнины способствовали накоплению средств, которые впоследствии использовались для развития городов и укрепления поселенческой сети. Одним из ведущих факторов освоения пространств к востоку от Урала являлось земледелие. В XVII – начале XVIII в. на территории Сибири получит свое распространение промышленность.

Русский город Сибири соответствует «аграрному типу», представляет собой многофункциональный город с преобладанием хлебопашества над другими хозяйственными направлениями. В сибирских городах земледелие способствовало накоплению торговых капиталов и росту промышленного производства. Население края обеспечивало себя не только натуральной, но и товарной хлебной продукцией, а также вывозило товары на рынки Европейской России.

Именно городам принадлежала роль ведущих центров земледельческой колонизации Сибири. Городами в соответствии с правительственными наказами и требованиями объективной необходимости создавались пашни. Позднее по мере своего формирования и развития сельскохозяйственные функции обретала и пригородная округа, но она не существовала независимо от города, а находилась под его наблюдением, экономическим и политическим протекторатом.

Связыванию сибирских поселений в единую систему способствовало развитие транспортной сети. Тобольск являлся узлом пересечения нескольких дорог и располагался в месте впадения Тобола в Иртыш. Благодаря своему положению, близости сухопутных дорог и названных рек, являвшихся основными путями сообщения, Тобольск обретает роль естественного центра сибирской транспортной сети.

Следующей функцией русских поселений края является военно-оборонительная функция. Особенностью освоения территорий за «Камнем» являлось то, что Уральские горы не служили таким разделяющим фактором для Европейской России и Сибири, каким выступал океан для метрополии и североамериканских колоний. В связи с этим русское население не чувствовало себя одиноким и утратившим связь со своей Родиной [6. С. 10].

Основными оборонительными сооружениями на территории Сибири выступали зимовья, остроги и города. Самым развитым из них являлся город, имевший внешние военно-оборонительные укрепления: срубленные толстые тарасные стены, высокий тын, мощные угловые и проездные башни в середине и по углам крепости, ров, вал, а также заграждения, например, рогатки. Возведение острогов, строительство городов выступало символом царской власти. Крепостные стены не только защищали русских переселенцев, но и выступали средством упорядочивания жизни, открывая возможности для организации

привычного уклада и контроля пространства. Коренному населению остроги представлялись массивными сооружениями, отражавшими могущество Российского государства [7. С. 153].

Не менее важной функцией сибирских поселений является социокультурная. В условиях переселения на новое место русское население придавало огромное значение вопросам определения принадлежности к месту рождения и текущего проживания, связи с тем или иным населенным пунктом и районом. Идентификация человека с местом нахождения способствовала выстраиванию связи с окружением, что придает жизни новое качество.

Удовлетворению потребности населения в общении служили встречи на торге, площадях, улицах, у проезжих ворот. Церкви также становились местом информационно-личностных контактов. Резиденция воеводы отражала его статус как высшего должностного лица. Внешний облик воеводской усадьбы, ее внутреннее содержание и предметное наполнение соответствовали текущей общественной ситуации, выступали средством социальной репрезентации, обеспечивали возможности для взаимодействия администрации с населением [8. С. 188]. Изменения в сфере общественного взаимодействия, а также пересмотр оценки личности в рамках принадлежности к тому или иному сословию оказывают воздействие на особенности организации жилого пространства семьи. Это находит свое выражение во внешнем облике усадьбы, в результате чего она обретает новые черты, такие как выход окон на улицу и проезжую дорогу, создание нескольких входов, совместное использование колодцев соседями и т.д., что в свою очередь приводит к переходу жилых комплексов от «закрытых» к «открытым» типам.

Города играли ведущую роль в процессе колонизации Сибири, выступая ведущими центрами ее освоения, что подтверждается результатами археологических исследований. Археологические источники не просто дополняют другие виды источников. Исследования в области археологии предлагают новые подходы к решению многих проблем по эпохе освоения Сибири, дают ответы на вопросы, связанные с историей возникновения и развития поселенческой сети. Находят свое отражение особенности адаптации русского населения к сибирским условиям, проявляющиеся в преобразовании природного окружения,

создании особой административно-военной, социально-экономической и социокультурной среды.

Русские города Сибири регулярно взаимодействовали друг с другом в рамках единой поселенческой системы. Сибирские города и остроги как историческая форма малых городов были полифункциональны. Каждый город имел одну или несколько функций, являющихся ведущими и определяющих его облик. Можно выделить административно-управленческую, социально-экономическую, военно-оборонительную и социокультурную функции.

Список источников

1. Чёрная М.П. Сибирский город конца XVI – начала XVIII в. в историко-археологическом отражении (историографический аспект) // Вестник Томского государственного университета. История. 2009. № 3. С. 95–112.
2. Чёрная М.П. Роль русского города в освоении Сибири: диалектика возможностей и исторической практики // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. Омск, 2011. С. 7–15.
3. Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. Новосибирск : Наука, 1990. 368 с.
4. Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI – XVII вв. Екатеринбург : Демидовский ин-т, 2018. 504 с.
5. Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург : Развивающее обучение, 1998. 203 с.
6. Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное / Д.Я. Резун, В.А. Ламин, Т.С. Мамсик, М.В. Шиловский. Новосибирск : Изд-во ИДМИ, 2001. 113 с.
7. Люцидарская А.А. Колонизация Сибири: человек и пространство // Народы Сибири: История и культура. Новосибирск: Наука, 1997. С. 152–158.
8. Черная М.П. Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760 гг.: историко-археологическая реконструкция. Томск : Д-Принт, 2015. 275 с.

А.П. Милованова

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ОРНАМЕНТА КАК ИСТОЧНИКА ПО ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СЕЛЬКУПОВ

Аннотация. *Статья посвящена обсуждению перспектив изучения орнамента на керамике позднего средневековья для уточнения этнической истории селькупов. Историко-культурный подход позволит по-новому взглянуть на процессы культуροгенеза, происходившие в это время на территории Нарымского Приобья. Его использование в будущем откроет новые возможности для изучения этнической истории других коренных народов Западной Сибири.*

Ключевые слова: Нарымское Приобье, позднее Средневековье, культуροгенез, селькупы, историко-культурный поход, керамика, орнамент

В истории сложения западносибирского населения эпоха Средневековья играет очень важную роль. Именно в этот период происходят культурно-исторические процессы, обусловившие формирование устойчивых этнических образований. Данная эпоха делится на два больших периода – раннее и позднее Средневековье. На основании динамики внутреннего социально-экономического развития общества, многообразия этнических и политических событий эти периоды делятся на четыре этапа [1. С. 3]. Дифференциация старых и появление новых археологических культур, тюркизация, начало сложения этносов – все эти изменения происходили неравномерно во времени и пространстве и зачастую обособленно в разных районах. Связано это в первую очередь с географическими особенностями региона – население концентрировалась по притокам рек, образуя территориально изолированные группы. Наличие главной транспортной артерии Западной Сибири – реки Обь, определяло «пути» контактов и характер их взаимодействия.

Особое место занимают процессы, происходившие в эпоху позднего Средневековья на территории Среднего Приобья. Л.А. Чиндина определяет его географические границы следующим образом: «Часть

Обского бассейна от устья Иртыша на севере до широты современного г. Новосибирска, водораздела рр. Оми и Тары на юге и до границы с лесостепью Кузнецкого бассейна на юго-востоке; от правобережья Иртыша на западе до левобережья Енисея на востоке... В Среднем Приобье выделяются три крупных района: Томское Приобье – от южной границы до устья Чулыма, Сургутское Приобье – до устья Иртыша, и Нарымское Приобье – до устья Ваха» [2. С. 5].

Нарымское Приобье представляло собой контактную зону взаимодействия угров, самодийцев, кетов и тюрков. В ходе этих контактов формировалась неоднородная этническая картина региона. В рассматриваемую эпоху выделяются три крупных культурно-этнических района: большая часть Нарымского Приобья была заселена селькупам, верховье Притомья и Причулымья занимали тюркские племена, бассейн Оби и верхнее течение Васюгана было заселено хантами. Территория распространения кетов, по имеющимся сведениям, не прослеживается [3. С. 8]. Данное обстоятельство во многом обуславливается гидрологическими особенностями региона – из-за сильной заболоченности население региона было ограничено в выборе места обитания, осваивая преимущественно левобережье Оби. Но с начала XVI в. этот регион активно осваивается русскими, что в дальнейшем приводит к вынужденной миграции и аккультурации автохтонного населения.

Данная многокомпонентность состава населения, при которой один этнос может содержать в себе несколько древних субстратов, ярко выразилась в орнаментальных традициях региона. Выступая своеобразным этническим маркером, традиционный орнамент является одним из наиболее ярких компонентов материальной культуры, устойчивые формы и принципы построения которого уходят своими корнями в глубокую древность [4]. Играя большую роль в жизни населения, орнамент отражает идеи и представления людей об окружающей действительности [5], которые находят выражение в изобразительном, прикладном (этот аспект требует дополнительного изучения) и семантических аспектах. Поскольку современный орнамент сохраняет устойчивые формы и принципы построения, мы имеем возможность извлечь в ходе его изучения данные, указывающие на происхождение, родственные связи и культурное взаимодействие различных этнолокальных групп селькупов.

Информативность орнамента нарымских селькупов пока невелика, что связано с такими факторами, как неполнота или отсутствие необходимого материала. Библиография по орнаменту селькупов представлена в основном обобщающими исследованиями. Разные этнолокальные группы селькупов исследованы неравномерно: часть их была изучена недостаточно, некоторые – не изучены совсем. К неизученным группам селькупов относится население рек Чузика, Кёengi, низовьев Чулыма, верховьев Чаи, Оби от Молчаново до Колпашево, а также около юрт Сондоровых и Тайзаковых. Достаточно хорошо описана культура селькупов бассейнов Кети, Тыма и Таза [6. С. 5]. По этой причине для решения поставленной задачи одних этнографических данных недостаточно. Их можно существенно дополнить комплексным изучением археологических данных об орнаменте на глиняной посуде как основного корпуса источников по данной проблематике.

Степень и глубина контактов местного населения ярко прослеживается по могильникам Нарымского Приобья. Погребальный обряд населения является отражением важных традиций любой культуры. По определению А.И. Бобровой, «Под типом погребально-поминального обряда понимается исторически сложившаяся система признаков, характеризующаяся устойчивым повторением комплекса групп элементов, объективно отражавшая некогда существовавшую реальность, связанную с традицией» [7. С. 43]. Специфика погребального обряда, с одной стороны, заключается в изолированности и консервативности его содержания, а с другой – в погребальном обряде отражаются различные этнокультурные и социально-политические особенности населения. По материалам могильников региона было выделено несколько типов погребальных обрядов – чулымско-кетский, обской, обско-чулымский и тымский [7. С. 45], каждый из которых соотносится с определенным культурным компонентом. Географически они соответствуют диалектно-локальным группам. Данные различия могут прослеживаться не только в рамках определенного локального района, но и в рамках одного памятника.

Одними из наиболее информативных для изучения проблем культурогенеза являются данные, полученные при анализе орнамента на керамике. В рамках историко-культурного подхода, керамика рассматривается как овеществленный результат действия навыков труда и

культурных традиций древних гончаров [8]. «Навыки труда» – это устойчивый комплекс действий, производимых гончаром при выполнении разных технологических задач по созданию сосуда. Передаваясь из поколения в поколение в рамках одной группы, они постепенно превращались в устойчивые культурные традиции. Традиция декодирования сосуда включает с себя такие аспекты, как техника и технология создания изображений, стилистика изображения и его семантика, а также связь с формой изделия [9. С. 169–170]. Из-за отсутствия четкой доказательной базы вопросы семантики пока остаются слабо изученными. Таким образом, история орнаментальных традиций тесным образом связана с историей производителей и потребителей глиняной посуды. По особенностям стилистики орнамента, технологии его нанесения, а также по соотношению форм сосудов и орнаментов, можно получить важную дополнительную информацию по этнической истории региона, а также о преобладающих в каждой этнолокальной группе населения культурных компонентах.

Несмотря на перспективы подобного исследования, керамика позднего Средневековья Нарымского Приобья изучена пока недостаточно. В погребениях обского типа орнаментированная керамика распространена довольно широко, являясь одним из маркирующих признаков погребального обряда [7. С. 52]. Керамика в погребениях позднего Средневековья представлена круглодонными сосудами с гребенчатым штампом, присутствуют сосуды чашевидной формы, сосуды с «ушками» и ладьевидные сосуды. Семантика и функциональное назначение ладьевидных сосудов и сосудов с «ушками» также не до конца ясна [10. С. 316]. Вместе с тем данные типы сосудов образуют обособленную группу керамики Нарымского Приобья. Традиция помещать сосуд в погребение исчезает в XVIII в., когда начинается массовое крещение местного населения.

Начальный этап исследования орнаментальных традиций по керамике включал изучение декора на сосудах из могильников Остяцкая Гора, Пачанга, Тискино и Мигалка. Это позволило выявить ее очевидную локальную специфику, которая заключается в особенностях способа изготовления сосудов, приемах нанесения орнамента, преобладающих мотивах. Перспективы дальнейшего исследования в данном направлении очевидны.

Таким образом, есть основания считать, что для реконструкции процессов культурогенеза населения Нарымского Приобья изучение орнамента на керамике играет важнейшую роль. Более полную этническую картину истории населения можно получить, работая на стыке двух дисциплин – этнографии и археологии. Новые данные, полученные в рамках историко-культурного подхода, помогут уточнить этническую историю селькупов.

Список источников

1. Западная Сибирь в эпоху средневековья : сб. ст. / под ред. Л. А. Чиндиной. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1984. 220 с.
2. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск : ТГУ, 1984. 256 с.
3. Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья: материалы к энциклопедии Томской области / редкол.: Э.И. Черняк, О.Б. Беликова, О.М. Рындина. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. 252 с.
4. Милованова А.П. Орнамент народов Западной Сибири по данным археологии и этнографии // Вестник «История керамики» : сб. ст. М. : ИА РАН, 2020. Вып. 2. С. 151–161.
5. Иванов. С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.) М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1963. 506 с.
6. Тучкова Н.А. Этническая история и фольклор селькупов: проблема корреляции данных : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2018. 35 с.
7. Нарымское Приобье во II тысячелетии н. э. (X–XX вв.) / А.И. Боброва, М.П. Рыкун, А.Г. Тучков, И.В. Чернова; под ред. А.Г. Тучкова. Томск : Изд-во ТГПУ, 2016. 278 с.
8. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения. М. : Наука, 1978. 272 с.
9. Цетлин Ю.Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М. : ИА РАН, 2017. 346 с.
10. Боброва А.И., Мец Ф.И. Ладьевидные сосуды и сосуды с «ушками» у средневекового населения (Тискинский комплекс памятников) // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири : сб. ст. Томск, 1997. С. 304–316.

Мэн Ян

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

МОЛОЧНАЯ КУХНЯ АЛТАЙЦЕВ РОССИИ И МОНГОЛОВ КИТАЯ В КОНТЕКСТЕ СРАВНИТЕЛЬНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Аннотация. *В данной статье ставится задача провести сравнительно-этнографический анализ молочной кухни алтайцев России и монголов Китая. Исследуются культурное значение и модели потребления молочных продуктов в традиционных культурах скотоводческих народов, включая выявление разнообразия потребляемых молочных продуктов, методы приготовления и обработки сырья, а также культурные традиции, связанные с потреблением молочных продуктов. В результате исследования выявлены сходства и различия молочной кухни двух народов, определено влияние культурных, исторических и экологических факторов на практику потребления молочных продуктов. Статья представляет собой комплексный анализ молочной кухни алтайцев и монголов, уточняющий роль молочных продуктов в их культурах и образе жизни, обеспечивающий понимание сложных отношений между едой, культурой и идентичностью.*

Ключевые слова: молочная кухня, алтайцы, Россия, монголы, Китай, сравнительная этнография, культурное значение, модели потребления, виды молочных продуктов

Молочная кухня играет важную роль в традиционных рационах питания многих культур народов мира, являясь важным источником питания и средством существования. В данной статье исследуется молочная кухня алтайцев России и монголов Китая в контексте сравнительно-этнографического анализа. Цель – понять культурное значение и модели потребления молочных продуктов, включая выявление видов потребляемых молочных продуктов, методов их приготовления и обработки, а также охарактеризовать культурные традиции, связанные с потреблением молочных продуктов.

Алтайцы – коренной народ, населяющий Горный Алтай, расположенный на юге Сибири в России. Алтайцы имеют богатые традиции производства и потребления молочных продуктов, что тесно связано с

их скотоводческим образом жизни. Их экономика в значительной степени зависит от сельскохозяйственных животных – домашнего скота, особенно стад коров, коз и овец. Для алтайцев это один из источников средств к существованию. Молочные продукты, такие как молоко, сыр, сметана, творог, масло, являются неотъемлемой частью их повседневного рациона.

С другой стороны, монголы – кочевой народ, населявший пастбища Центральной Азии на протяжении тысячелетий. Как и алтайцы, монголы также имеют глубокую традицию производства и потребления молочных продуктов. В первую очередь они полагаются на свои стада лошадей, коров, яков и верблюдов, которые обеспечивают их молоком, йогуртом, сыром и другими молочными продуктами. Монголы разработали уникальные методы обработки молочных продуктов, такие как ферментация кобыльего молока для производства кислого алкогольного напитка под названием айраг (в простонародье кумыс), алтайцы используют ферментацию коровьего молока для производства кисло-молочного напитка – чегень и выгонки молочной водки – араки.

И алтайцы, и монголы потребляют самые разные молочные продукты, которые готовятся и обрабатываются по-разному в зависимости от культурных факторов и факторов окружающей среды. Например, алтайцы изготавливают сыр курут из сушеного творога. Курут можно хранить в течение длительного периода времени, и он является основным продуктом питания алтайцев в зимние месяцы, когда не хватает свежего молока. Монголы же делают сыр, называемый ааруул, который производится путем сушки свежего творога на солнце. Аруул часто употребляют в качестве закуски или используют в качестве ингредиента в традиционных монгольских блюдах.

Культурные традиции, связанные с потреблением молочных продуктов, также важны в обоих сообществах. У алтайцев молочные продукты считаются священными и часто используются в религиозных церемониях и ритуалах. Они также верят, что молочные продукты обладают целебными свойствами и используются для лечения самых разных недугов. У монголов молочные продукты тесно связаны с гостеприимством и социальными обычаями. Когда приходят гости, их часто встречают чашкой чая с молоком и тарелкой ааруула.

Факторы окружающей среды также играют решающую роль в формировании молочной кухни этих двух сообществ. Например, суровые зимы в Горном Алтае мешают алтайцам в течение всего года производить и потреблять свежие молочные продукты. В результате они разработали уникальные методы сохранения молока и сыра в течение длительного времени. Напротив, монголы в значительной степени полагаются на свои табуны лошадей, которые лучше приспособлены к более широким степным пастбищам.

Еще одним интересным аспектом молочной кухни алтайцев и монголов является роль, которую она играет в рациональном использовании природных ресурсов. Оба сообщества полагаются на свои стада для получения молока и молочных продуктов, и они разработали традиционные методы животноводства, которые хорошо адаптированы к местным условиям. Эти методы подчеркивают важность сохранения природных ресурсов и сохранения биоразнообразия.

Исследования также показали, что потребление ферментированных молочных продуктов может иметь дополнительные преимущества для здоровья, такие как улучшение работы кишечника и укрепление иммунной системы. Это связано с тем, что ферментированные молочные продукты содержат полезные бактерии, известные как пробиотики, которые помогают улучшить баланс бактерий в кишечнике и укрепить иммунную систему.

Более того, молочная кухня алтайцев и монголов отражает их глубокую связь с природой и понимание важности здорового и сбалансированного питания. Традиционные молочные продукты часто употребляют в сочетании с другими продуктами местного происхождения, такими как лесные ягоды, орехи и травы. Такое разнообразие пищевых продуктов обеспечивает сбалансированный и разнообразный рацион, отвечающий потребностям населения в питании и способствующий их общему здоровью и благополучию.

Еще одним интересным аспектом молочной кухни алтайцев и монголов является ее потенциал для содействия экономическому развитию и продовольственной безопасности сельских общин. Во многих сельских районах Алтая и Монголии производство молочных продуктов является важным источником дохода и средств к существованию для местного населения. Продажа молочных продуктов, таких как сыр,

молоко и йогурт, может обеспечить стабильный источник дохода и помочь поддержать местную экономику. Кроме того, традиционные методы производства молочных продуктов, используемые в этих сообществах, часто зависят от местных ресурсов, таких как пастбища и естественные ферментационные агенты, которые могут помочь снизить производственные затраты и повысить прибыльность.

Содействуя развитию устойчивых и культурно приемлемых систем производства молочных продуктов, можно помочь поддержать сельские общины и повысить продовольственную безопасность в этих регионах. Это также может помочь сохранить традиционные знания и культурное наследие, одновременно способствуя экономическому развитию и социальному благополучию народов.

Молочная кухня алтайцев и монголов предлагает увлекательное окно в культурное и экологическое разнообразие нашего мира. Традиционные методы животноводства, производства молочных продуктов и кулинарного искусства, используемые в этих сообществах, отражают глубокую связь с природой и приверженность устойчивости, сохранению культуры и социальному благополучию.

Благодаря своей молочной кухне алтайцы и монголы развили богатую и разнообразную кулинарную традицию, которая не только обеспечивает ценное питание и пользу для здоровья, но также служит символом их духовных верований и культурной самобытности. Их традиционные методы производства молочных продуктов и кулинарное искусство могут способствовать развитию устойчивых продовольственных систем, сохранению окружающей среды, экономическому развитию и продовольственной безопасности в сельских общинах при сохранении традиционных знаний и культурного наследия.

Изучая молочную кухню алтайцев и монголов, можно глубже понять культурное и экологическое значение пищи, оценить разнообразие и богатство кулинарных традиций народов мира. Эти знания могут вдохновить на разработку более устойчивых и приемлемых с культурной точки зрения продовольственных практик, в которых приоритетное внимание уделяется здоровью нашей планеты и ее жителей, сохраняя при этом культурное наследие и традиции наших разнообразных сообществ.

Список источников

1. Большая энциклопедия блюд республик Советского Союза. М. : Эксмо, 2020. 256 с.
2. Книга Гастронома. Алтайская домашняя кухня. М. : Эксмо, 2019. 249 с.
3. Кулинарные шедевры народов мира : в 20 т. Т. 4: Монгольская кухня. М. : Панорама TV, 2018. 146 с.
4. Серия «Кухни народов мира» (комплект из 23 книг). М. : Директ-Медиа, Комсомольская правда, 2018. 793 с.
5. Харрис Вики. Гастрономическое путешествие. М. : Евробукс, 2017. 176 с.

УДК 903–908

В.Д. Попова

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

ДЕТСКИЕ И ВЗРОСЛЫЕ ИГРЫ, ИГРУШКИ РУССКИХ СИБИРЯКОВ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Аннотация. *В работе рассматривается значение игры в жизни русских сибиряков XVII–XVIII вв., дается оценка ее роли в социуме, определяются ее основные функции в социокультурном контексте. Также в работе обобщаются археологические находки с раскопок старинных сибирских городов, на которых были найдены следы существования детских и взрослых игр и игрушек.*

Ключевые слова: Сибирь, русские сибиряки, детские игрушки, взрослые игры, роль игры, археологический источник

Исследователи, изучающие историю нашей страны, в большинстве своем рассматривают темы, связанные с политикой, экономикой, культурой в контексте всего государства. Это позволяет выявить исторические закономерности развития государства и социума. Однако полноценное изучение социума невозможно без подробного исследования быта и жизни обычных людей, напрямую не относящихся к государственным делам.

Один из аспектов этих исследований – развлечения, являющиеся характерной чертой каждой эпохи и каждого социума. Не являются исключением и русские сибиряки XVII–XVIII вв., развлечения которых

отслеживаются исследователями в ходе работы с археологическими материалами, найденными при раскопках на территориях таких сибирских городов, как Мангазея, Томск, Тара, Кузнецк и др. [1–7]. Археологический материал в данном случае представлен детскими и взрослыми играми и игрушками.

Игрушки и игры появляются с самого раннего этапа существования социума, неся изначально сакральный смысл, однако в ходе развития общества приобретают социальную значимость. Так, например, взрослые игры могут указывать на социальный статус владельца. В свою очередь, детские игрушки могут составить представления об обществе, к которому принадлежит ребенок, так как он точно без лишней хитрости копирует окружающий себя мир.

И детские, и взрослые игры и игрушки исследователи делят на коллективные и индивидуальные, мужские и женские. При этом они не имеют хозяйственных функций, в первую очередь важно их значение в социализации членов сообщества и их взаимодействие в досугово-бытовой сфере.

Детские игрушки представлены в первую очередь маленькими копиями предметов взрослой жизни. Здесь ярко выражено деление на мужские и женские, что связано с ролью, которую ребенок приобретает во время игры. Для девочек делалась маленькая посуда из глины, с помощью которой они учились готовить; из глины, соломы, дерева и тряпок создавались куклы, позволяющие девочкам играть роль матери или бабушки. Для мальчиков создавались копии различного вооружения: деревянные палаши, сабли, топоры, стрелы и наконечники, игрушечные луки, игрушечные ножи разных размеров для мальчиков разных возрастов, деревянные лошадки и коники-каталки, а также игрушечные лодочки и кораблики (на территориях, имеющих выход к морю) [3. С. 253–267; 5. С. 84–92; 6. С. 197–200]. Безусловно, мальчики при помощи этих предметов осваивали в игровой форме роли воина, защитника семьи, охотника, добытчика, для выполнения которых необходимо учиться в том числе преодолевать пространства.

Помимо этого, существовали игрушки, используемые любым ребенком вне зависимости от гендерного признака, к которым можно отнести распространенную игру в мяч. На это указывают найденные тканевые и кожаные сегменты, использовавшиеся для создания мячей в

разных регионах [3. С. 260; 5. С. 87]. Также в Таре была найдена керамическая свистулька-птичка, которую мог использовать каждый ребенок любого возраста, однако стоит отметить, что свистулька одновременно выполняла функцию оберега от злых сил [5. С. 88; 6. С. 200]. Одной из самых распространенных игр были «бабки», так как ее следы найдены по всей Сибири, что, в свою очередь, объясняется доступным сырьем и простым созданием. Бабки – это подкопытные кости, обваренные в кипятке [4. С. 170–171; 5. С. 88–89; 7]. Особо важно, что в бабки играли и дети, и взрослые.

Развлечения взрослых в основном представлены азартными играми. Помимо игры «в бабки», источники указывают на игры в зернь, домино, шашки, шахматы и карты. Игра в зернь – аналог игры в кости, также зерню назывались и сами предметы, сделанные из кости. Из этого же материала для игры в домино делались прямоугольные фишки, разделенные прорезными линиями на три зоны. На наличие игры в шашки указывают находки на усадьбе воеводы из Томского кремля – это полупрозрачный камень слоистой текстуры в форме неправильного конуса с отполированным основанием и шашка в виде плоской костяной фишки. Другие игральные шашки с этого археологического памятника представляют плоские костяные фишки небольшого размера с концентрическими окружностями на обеих сторонах, подобные находки с концентрическими кругами или прорезными параллельными линиями по периметру в форме круглых или квадратных пластин обнаружены при археологических работах в Мангазее и Таре, что указывает на популярность игры в шашки [4. С. 170–173; 5].

Особо яркие археологические материалы – сибирская шахматная коллекция, подтверждающая популярность этой игры для всех слоев социума в Мангазее, Томске и Таре. Коллекция шахмат представлена тремя модификациями по типологии древнерусских шахматных фигур И.М. Линдера, а именно: фигуры с присутствием восточной символики; московская форма с характерной многоярусностью и шаровидностью тулова и навершия; традиционный древнерусский тип XVI–XVII вв. с характерным многоярусным чередованием цилиндрических и усеченно-конических объемов. Встречаются в основном шахматы, сделанные из двух материалов: кость или дерево. Такие шахматы были найдены в ходе раскопок на Мангазейском городище, здесь в целом

собран комплекс из 261 фигурки и 8 «шахматниц» – шахматных досок. Все доски сделаны непрофессионально, скорее всего, изготавливались местными жителями [2. С. 302]. Стоит отметить, что большинство из шахмат деревянные, без особой резьбы, что указывает на популярность шахмат даже среди низших слоев населения. Фрагмент шахматницы был обнаружен и в Таре, а костяные шахматы-самоделки – в Томском кремле [4. С. 172, 175–176].

Безусловно, все перечисленные игры использовались для досуга, времени для снятия физической усталости и получения эмоциональной разгрузки взрослым человеком. А детские игрушки несли развлекательный характер. Однако рассматривать взрослые игры только как азартные, а детские игрушки как средство, бесцельно занимающее время, неверно. Такой подход вызывает искажение роли игры в социуме, в действительности функции игры разнообразны, ее значение в жизни очень важно вне зависимости от эпохи и места. Археологические источники подтверждают, что игры были не только развлекательными, но и помогали в развитии и обучении с детских лет. В процессе игры происходило приобщение к традициям, знакомство с миром взрослых, приобретение новых навыков.

Список источников

1. Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Ч. 2: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М. : Наука, 1981. 147 с.
2. Пархимович С.Г. Мангазейские шахматы // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2005. С. 300–314.
3. Пархимович С.Г. Детские игрушки в русских поселениях севера Сибири конца XVI – XVIII вв. // Культура русских в археологических исследованиях. Омск ; Тюмень ; Екатеринбург : Магелан, 2014. Т. I. С. 253–267.
4. Чёрная М.П. Воеводская усадьба в Томске, 1660–1760 гг.: историко-археологическая реконструкция. Томск : Д-Принт, 2015. 275 с.
5. Чёрная М.П., Татауров С.Ф. Игры детей и игрушки в социокультурном пространстве сибирского города: историко-археологический контекст // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. Т. 47, № 2. С. 84–92.
6. Татаурова Л.В. Игры и игрушки русского населения Среднего Прииртышья в XVII–XIX вв. (по данным археологии) // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск : Аграф-Пресс, 2008. С. 197–200.

7. Ширин Ю.В. Игры первых русских сибиряков // Сибирская старина : краеведческий альманах. 2004. № 22 С. 45–49.

УДК 902/904(571.16):393.1

С.С. Рудакова

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

ПРОБЛЕМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НАТЕЛЬНЫХ КРЕСТОВ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ТОМСКА В ИССЛЕДОВАНИЯХ С.М. ЧУГУНОВА

Аннотация. В работе анализируются идеи С.М. Чугунова по проблеме использования нательных крестов в погребальной практике русского населения Томска. Утверждение о полном отсутствии крестов на всех приходских кладбищах не подтверждается материалами, имевшимися в распоряжении у исследователя. Остается спорным вопрос сопровождения погребенных нательными крестами на «старообрядческом кладбище» на Соляной площади. Прояснения смысла требует формулировка «кресты римско-католической формы». С Соляной площадью соотносятся данные о существовании на этом месте и старообрядческого кладбища, и иноземного.

Ключевые слова: русские, нательные кресты, погребальная практика, Томск, С.М. Чугунов

Вопросы использования нательных крестов в погребальной практике русских Сибири являются дискуссионными и вызывают пристальный интерес археологов.

Одним из первых к проблематике использования крестов обратился прозектор Томского университета С.М. Чугунов, который в период с 1898 по 1905 г. изучал материалы приходских кладбищ Свято-Троицкого собора, Воскресенской, Богоявленской, Духовской церквей и «старообрядческого кладбища» на Соляной площади Томска. Результаты исследований были обобщены им в книге «Антропологический состав населения города Томска по данным пяти старинных православных кладбищ» [1].

В достаточно большом количестве (более трехсот)¹ вскрытых погребений кладбища старейшего (ок. 1606 г.) Свято-Троицкого собора² нателные кресты не были обнаружены. Видимо, такая ситуация была неожиданной, и Сергей Михайлович обратился к информаторам, которые дали ему возможное объяснение отсутствия крестов в могилах на православном кладбище: «...кресты при покойниках могли быть, но по бедности населения, деревянные, напр., березовые, причем указывали на имеющий место в российских губерниях обычай полагать покойнику кипарисный крестик» [1. С. 24]. Однако такое объяснение его не устроило, и он решил сам прояснить проблему и проверить правильность версии информаторов. Летом и осенью он лично руководил раскопками и осуществлял «...тщательный осмотр гробовъ, но не встречал следов ни березовыхъ, ни металлическихъ крестиковъ» [1. С. 24]. При этом он знал, что «медные предметы оставляют после себя на могильных костях след в виде зеленого окрашивания; между тем ни на одной грудной кости этого кладбища я не встречал зеленой окраски» [1. С. 24]. Следует отдать должное его установке уже в конце XIX в. на «тщательный» поиск следов деревянных крестиков и следов патины в погребениях. До сих пор эта установка является актуальной, но, к сожалению, не всегда реализованной, в особенности при раскопках большого количества могил и аварийных исследованиях, что приводит к определенному снижению информативности получаемой информации. Тогда же отсутствие результатов, которые бы подтвердили правильность версии информаторов и его знаний о следах зеленой патины в случае разрушения медных крестов, привели его к важному выводу: «...Не ближе ли объяснять отсутствие крестов тем, что у православных томичей, за исключением старообрядцев, не было в обычае носить крестик при жизни и оставлять его на покойнике. Такое объяснение мне кажется вполне естественным при вышеуказанных фактах отношения томичей – прихожан церкви – к делам веры. Насколько известно,

---

¹ Установить точное количество погребений затруднительно, по подсчётам В.А. Дрёмова в 1898 г. было вскрыто не менее 324 могил [2. С. 141].

² В связи с выявленным М.П. Чёрной в ходе археологических работ отсутствием следов раннего Томска на южном мысе Воскресенской горы [3. С. 84–85], проблематичным является и локализация первейшего расположения Свято-Троицкого собора.

ношение на шее крестика и в настоящее время далеко не усвоенный обычай среди томского населения» [1. С. 24]. Стоит обратить внимание, что в данном выводе исключением являются старообрядцы. Почему же появилось это исключение и насколько оно вместе с основным тезисом является верным? Внимательный анализ материалов С.М. Чугунова позволяет сделать следующие наблюдения и выводы.

Во-первых, полное отсутствие крестов на всех приходских кладбищах не подтверждается материалами, имевшимися в распоряжении у самого Сергея Михайловича. Так, на кладбище Богоявленской церкви (ок. 1630 г.) из 26 погребений в двух случаях были серебряные кресты [1. С. 20]. Сведения о целенаправленном поиске деревянных крестов и следов металлических крестов отсутствуют и, видимо, на Богоявленском кладбище такого поиска не было.

При этом интересно, что по времени существования и вероятного прекращения деятельности Свято-Троицкое и Богоявленское кладбища близки между собой. Сам Сергей Михайлович считал, что запустение кладбища Богоявленской церкви началось с распоряжения в начале XIX столетия Синода, которое повсеместно воспрещало погребение умерших вокруг церквей. Кроме того, подтверждением являются сведения, что уже в 1851 г. при возведении постройки с западной стороны здания полиции при рытье канав для фундамента попадалось большое количество колод [1. С. 18]. Соответственно к середине XIX в. следов кладбища уже не было. Примерно в это время, вероятно, прекращает функционирование и кладбище Свято-Троицкого собора, который, по данным Д.Н. Беликова, был закрыт в 1819 г. [4. С. 23].

А уже в 1833 г. в районе бывшего расположения собора возводится католический костел [5. С. 18]. Получается, что относить кресты на Богоявленском кладбище к более позднему периоду середины-конца XIX в. не представляется возможным и соответственно нельзя их объяснять более поздней традицией. Однако надо учитывать, что период действия кладбищ на протяжении XVII–XVIII вв. являлся длительным и материалы, добытые С.М. Чугуновым, позволяют поставить проблему изменчивости сопровождения нательными крестами на протяжении обозначенного периода. Если говорить о двух оставшихся приходских кладбищах Воскресенской (осн. в 1622 г.) и Духосошествиенской (ок. 1652 г.)

церквей, то материалы с них незначительны и не проясняют вопрос наличия или отсутствия в них крестов.

Во-вторых, отличие традиции сопровождения нательными крестами на «старообрядческом кладбище» на Соляной площади вызывает серьезные вопросы. В июле 1904 г. при рытье канав для проложения водопроводных труб найдены старинные гробы-колоды. Были вскрыты 15 больших и 3 маленьких гроба. Большинство колод С.М. Чугунов осмотрел лично. Ориентация погребений и устройство колод совпадало с другими кладбищами. Все скелеты лежали на спине, головы повернуты слегка вправо, руки скрещены на груди. На грудной кости или иногда на правой плечевой «всегда» находился медный или серебряный крест. Всего было собрано 11 крестов разнообразной формы и величины: одни прямоугольные римско-католической формы; другие – широкие прямоугольные эмалированные; третьи – ромбической формы, также эмалированные. Один крест был широким с одиночными лучами в углах пересечения основных линий [1. С. 21–22]. Расхождение количества погребений (18) с количеством собранных крестов (11), которые «всегда» были в погребениях, видимо, объясняется тем, что одиннадцать погребений были осмотрены лично С.М. Чугуновым, что дало ему основание утверждать, что кресты есть «всегда». На то, что часть крестов была «римско-католической формы» и этот факт не отметил и не объяснил сам С.М. Чугунов, уже обращал внимание А.А. Воробьев-Исаев. По его мнению, наличие католических крестов в старообрядческих захоронениях – вещь маловероятная, требуется отдельное выяснение смысла, которое вкладывалось Сергеем Михайловичем в определение «кресты римско-католической формы», ведь вполне возможно, что подразумевались православные кресты, имеющие удлиненный нижний конец – так называемый латинский крест [6. С. 26–27].

Определение С.М. Чугуновым кладбища на Соляной площади как старообрядческого было основано на расположении объекта и сообщении Палласа, что старообрядцы имели свои особые кладбища вне города, а также и на воспоминаниях, мнениях старожилов. Последние уверяли, что раньше кладбище принадлежало старообрядцам, но никому не известно, когда производились захоронения и когда они прекратились. До 1904 г. на площади сохранялось несколько надгробных

плит и памятник с колонами. Одна из плит с площади находилась во дворе коммерческого училища. На ней оказалась высечена полустертая с годами надпись: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божій помилуй мя!! Православные христіане Отцы и братія и сестры мои и мимоходящіе простите... вся мне грешной ко... Богу царю небесному преставленной 1813 г., 21 числа генваря Агриппине Васильевой Рыбниковой, жившей 67 летъ и мало больше» [1. С. 21–22]. Надпись на плите явно указывает, что на момент 1813 г. на кладбище хоронили русских людей. Но только ли русских? И как быть со старообрядческой принадлежностью?

По мнению А.А. Воробьёва-Исаева, отношение этого кладбища к старообрядцам является проблематичным. Помимо вопроса о крестах «римско-католической формы», стоит с осторожностью относиться к сведениям старожилов. Так, на территории Верхнего Приобья распространена традиция связывать старые забытые кладбища со старообрядцами. Расположение кладбища за чертой города может указывать и на первоначальное предназначение для погребения иноземцев. Однако значимым является отсутствие сведений о церковных сооружениях на этом месте. Этот факт, с учетом расположения городских кладбищ до 1772 г. на «освященной земле», является показателем его первоначального расположения не как официально православного (в том случае, если оно возникло ранее этого срока) [6. С. 27].

Предположение об использовании кладбища для иноземцев имеет подтверждение. Так, в работе А.В. Адрианова 1912 г. приводятся данные о надгробной плите, которая была: «...увезена Громадскимъ с Соляной площади, где прежде находилось католическое кладбище, а теперь стоять зданія Окружного Суда, Коммерческаго Училища и Дома Науки. Въ верхней части плиты изображень шестиконечный крестъ, в нижней – два какихъ-то предмета, положенныхъ на крест. Между ними заключена 7 строчная надпись по-польски: S poczwaia zwłoki pamieci Zigmunta Zenovicha Urod. Sie w litwe 1742 Umart 13 january 1830 г. Syn 'oucowi. То есть – покойся прахъ. Памяти Зигмунта Зеновича, родился в Литве 1742 г., умер 13 января 1830 г. Сын отцу (т.е. памятник поставилъ)» [7. С. 109]. Таким образом, мы имеем ситуацию, когда на Соляной площади в первой половине XIX в. хоронили как русских людей, так и иностранцев. Это ставит под большое сомнение атрибуцию традиции сопровождения нательными крестами, полученными С.М. Чугуновым,

как старообрядческую. Стоит учитывать и то, что расстояние между Соляной площадью и Воскресенской церковью составляет всего лишь порядка 300 м и к началу XIX в. сюда мог распространиться приходской некрополь.

Таким образом, трактовка С.М. Чугуновым практики использования нательных крестов является спорной, но позволяет выявить ориентиры для дальнейших поисков, которые будут наиболее эффективны на основе использования разных типов источников.

Список источников

1. Чугунов С.М. Материалы для антропологии Сибири. Вып. XV: Антропологический состав населения города Томска по данным пяти старинных православных кладбищ. Томск : Паровая типография Н.И. Орловой, 1905. 254 с.

2. Дрёмов В.А. Население Томска в XVII–XVIII вв. // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 4. Расогенез коренного населения. Томск, 1998. С. 140–147.

3. Чёрная М.П. Томский кремль середины XVII – XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск : ТГУ, 2002. 187 с.

4. Беликов Д. Н. Старинный Свято-Троицкий собор в г. Томске. Томск : Типография К.А. Орлова, 1900. 30 с.

5. Католический некрополь города Томска (1841–1919 гг.) / под ред. В.А. Ханевича. Томск : Белый орел, 2001. 282 с.

6. Воробьёв-Исаев А.А. Погребальные памятники Российского освоения Верхнеобского региона XIX – начала XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2006. 191 с.

7. Адрианов А.В. Томская старина // Город Томск. Томск : Издание Сибирского т-ва печатного дела, 1912. С. 101–183.

УДК 070

А.Р. Сабирьянова

Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, Россия

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ СОХРАНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ТАТАРСКОГО НАРОДА

Аннотация. В статье исследуется процесс формирования этнического компонента региональной журналистики с опорой на анализ татарских

печатных изданий Сибири. В качестве примера приведена татароязычная периодика прошлого столетия и современности. Автор акцентирует внимание на проблемах сохранения культуры и языка народа, раскрывает особенности развития национальных СМИ в настоящее время.

Ключевые слова: печатные издания, национальные издания, печатные СМИ, периодическая печать, татары

Российская Федерация – многонациональное государство, на территории которого проживают представители более 160 этнических групп. Второй национальностью по численности являются татары, общее число которых в России превышает пять миллионов человек. Они, в свою очередь, делятся на три основные этнотерриториальные группы: волгоуральские, астраханские и сибирские. Последние преимущественно проживают на территории Томской, Новосибирской, Омской, Тюменской и Свердловской областей. Сибирские татары, как многие другие народы Западной Сибири и России в целом, вовлечены в процессы использования информационно-коммуникационных технологий.

В современную эпоху средства массовой информации испытывают существенные метаморфозы. Изменения касаются традиционных форматов. Периодическая печать продолжает терять свои позиции в системе массовых коммуникаций. XXI в. обозначил стремительный рост значения Интернета и социальных сетей, что обусловлено тенденциями глобализации. В этих условиях перед региональной журналистикой остро встает вопрос о сохранении национальной идентичности народов, что требует внедрения новых форм и методов развития этнических печатных СМИ. Однако создание самостоятельных интернет-версий газет, переход в электронный формат – не панацея для решения упомянутой проблемы.

На данный момент принято считать, что бумажная периодика утратила способность к сохранению своего прежнего положения по сравнению с новыми СМИ, с которыми она не могла выдержать конкурентную борьбу. Схожие процессы наблюдаются и в среде сибирско-татарского населения. Интерес татарского этноса к чтению печатных изданий заметно снизился. Безусловно, общее число читающей аудитории сейчас также склонно к сокращению. Это обусловлено переходом в более удобные электронные и сетевые форматы, отвечающие запросам сегодняшнего дня.

Современная модель коммуникативного восприятия сибирских татар как этнической общности, не желающей оставаться в стороне от тенденций развития коммуникативных технологий, зиждется на принципах информационного общества. Для татар Интернет стал ведущей новостной площадкой. Именно современные технологии позволяют гражданам перейти на новые, диалоговые формы коммуникации, тогда как чтение газет и журналов исключительно в бумажном формате предполагает простое восприятие их материалов аудиторией в одностороннем порядке. В свою очередь, перевод периодики в электронный вид позволяет читателю комментировать публикуемую в ней информацию.

Следует отметить, что главной задачей национальных печатных изданий является сохранение языка. Независимо от формы представления информации, СМИ играют важнейшую роль в развитии и популяризации языка и культуры. Над формированием национального самосознания татарского этноса трудится большое количество татароязычных изданий по всей России. На данный момент ключевым звеном в работе региональных изданий становятся «сохранение» и «популяризация», хотя столетием ранее фокус национальных СМИ был несколько другим.

Первая татарская газета Сибири начала выходить в Томске в 1912 г. Общественно-политическая, литературная газета «Сибирия» выходила до 21 августа 1913 г. с периодичностью 3–4 раза в неделю. Всего было издано 145 номеров. Газета содействовала развитию национальной культуры сибирского региона и транслировала информацию о различных сферах жизни татарского народа. «Сибирия» публиковала статьи, посвященные политике, экономике, торговле, образованию и культуре. Газета знакомила читателя с традициями, историями и судьбами мусульман различных регионов: Средняя Азия, Урал, Сибирь, Дальний Восток. Значительное внимание уделялось татарской литературе и музыке, публиковались стихотворения, фельетоны, биографии известных личностей. Национальное печатное издание за короткое время собрало широкую аудиторию. Среди постоянных рубрик были: «Новости Сибири», «Татарский мир», «В мире женщин», «Учебные пособия для школьников», «ВУЗы и студенты», «Полезные советы».

В первой половине XX в. в сибирском регионе издавалась общественно-политическая газета «Азат Себер» («Освобожденная Сибирь») – орган Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) и революционного комитета [1. С. 28]. Зародилась она на базе газеты «Кызыл яу» («Красная Армия»), издававшейся с 1918 г. Годом позднее переименовалась в «Азат Себер». В 1919–1921 гг. печаталась в Омске, а с сентября 1921 г. по 1936 г. издание продолжило работу в городе Новониколаевске (ныне Новосибирск). Еженедельная рабоче-крестьянская газета выходила три раза в неделю. На страницах публиковались декреты и постановления Совета народных комиссаров РСФСР, освещалась политическая обстановка в стране и за рубежом, а также новости экономической жизни. Большое внимание уделялось работе по ликвидации неграмотности среда населения. Наиболее популярными были рубрики «Просвещение», «Новости нашей жизни», «Зарубежные новости». В разные годы редакция газеты выпускала приложения: журнал «Яшьләр сәхифәсе» («Молодежная страничка»), журнал «Яңалифче» («Яналивец») и газету «Яңалиф походы» («В поход за новым алфавитом»). Основал издание Фахри Ахмедов.

И в настоящее время в российской прессе можно встретить немало изданий на татарском языке. В качестве характерных особенностей региональных СМИ выделяется билингвистичность, внимание к теме этнического языка, литературы и журналистики, а также стремление к формированию положительного образа нации.

Так, например, в Новосибирске с октября 2019 г. ежемесячно выходит общественная неполитическая информационная газета «Новосибирск татарлары» («Новосибирские татары»). Общий тираж – 999 экземпляров. В Тюменской области с 15 сентября 1990 г. издается газета «Яңарыш» («Возрождение»), тираж которой составляет 3 084 экземпляра. Значимость приобщения к данному изданию сибирских татар определяется его тесным взаимодействием с национальными организациями, активным оповещением читателей о важных событиях жизни татарского народа.

С 2003 г. в Омске тиражом 2 500 экземпляров издается газета «Татар дөнъясы» («Татарский мир»). Издание знакомит с историей сибирских татар и рассказывает, чем живет татарский мир Омской области сегодня. Газета выходит на татарском и русском языках, что позволяет

погрузиться в культуру тюркского народа более широкой аудитории. «Татарский мир» активно сотрудничает с медиаресурсами и поддерживает открытый диалог со своей аудиторией. На страницах национального издания размещаются материалы, соответствующие потребностям читателя. Так, например, в августовском номере 2021 г. представлена статья о VI Всероссийском форуме татарских краеведов, участниками которого стали исследователи из Центральной России, Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока. Основная тема конференции была посвящена изучению истории, современного состояния и перспектив развития татарской городской слободы и сельских поселений Сибирского, Волго-Уральского и других регионов России. Форум прошел в три этапа. Местами проведения конференции стали города Омск и Тара Омской области, село Аракаево Свердловской области. Площадки для дискуссии были выбраны неслучайно: тому поспособствовало подписание соглашения о сотрудничестве Республики Татарстан с Омской и Свердловской областями. Форум был проведен в рамках Года науки и технологий, а также Года родных языков и народного единства в Республике Татарстан. Помимо этого, 2021 г. был объявлен Всемирным конгрессом татар Годом единства татарского народа.

Чтение прессы на национальном языке способствует сохранению культурной самобытности народа. Публикация периодических изданий на татарском языке представляется одной из важнейших задач татарских СМИ [2. С. 393]. Приобщение к сохранению культурного кода значимо для этнической общности, особенно в современную эпоху. Безусловно, татарская печатная периодика становится одним из главных аспектов при решении задач этнического характера. Более эффективные плоды приносит работа национальных СМИ, которые выпускаются не только на вышеуказанных территориях проживания сибирских татар, но также и в России в целом, поскольку в каждом из ее регионов могут проживать представители данного этноса. Чтение изданий на татарском языке может выступать в качестве объединяющего фактора, формирующего национальную идентичность.

Главные редакторы современных татароязычных изданий отмечают, что в настоящее время ведется активная борьба за приобретение читательского внимания [3]. Подобная ситуация характерна не только для национальных татарских изданий, но и для российской прессы в целом.

Сегодня констатируется существенный спад читательского интереса, ежегодно сокращается число подписчиков периодических изданий. Безусловно, это связано с пандемией 2020 г., по причине которой редакции национальной печати прекратили регулярные встречи с аудиторией. Падение позиций традиционных печатных СМИ на родном языке является тревожным симптомом снижения интереса представителей татарского этноса к чтению национальной периодики. Процесс фокусировки на сетевых материалах неизбежен и обусловлен временем. Но следует отметить, что переход многих печатных изданий в электронный формат не изменит основные задачи периодики. Преобразования влекут за собой иные формы восприятия в рамках новых коммуникационных технологий. Однако идеи останутся прежними: сохранение культуры и языка татарского народа.

Национальная политика государства определяет меры и установки по укреплению единства российского этнического многообразия. Богатейший этнокультурный ландшафт России во многом питает профессиональную культуру и составляет важную часть этнонациональной идентичности граждан [4. С. 44]. Государственная политика исходит из понимания важнейшей общественной миссии культуры как инструмента передачи новым поколениям свода нравственных, моральных, этических ценностей, составляющих основу национальной самобытности. Знание своих традиций и участие в культурной деятельности закладывает в человеке базовые нравственные ориентиры. Поддержка современного литературного творчества, книгоиздания является одной из важнейших задач культурной политики национальных регионов и государства в целом. Это касается и средств массовой информации, выполняющих множество функций.

Национальная политика тесно взаимосвязана с региональными СМИ, которые являются официальным информационным рупором. Средства массовой информации как важнейший социальный институт осуществляют сбор, обработку и передачу фактов широким слоям населения. СМИ и печатные издания, в частности, выполняют не только информационную, идеологическую, коммуникативно-когнитивную функции. Традиционные информационные источники также оказывают прямое воздействие на массовую аудиторию, влияют на ее мировоззрение, мысли, чувства. Для сохранения национальной

идентичности важно находить баланс между интеграцией, унификацией и межнациональной дифференциацией. Региональная межэтническая журналистика все еще в силах оказать содействие национальному аспекту. Благодаря скрупулезному труду классических печатных изданий языковые и культурные особенности народов России остаются сохранными.

Список источников

1. Шарафиева Р., Губайдуллин Л. Печать омских татар // Наше наследие. 2021. № 8. С. 28–32.
2. Насибуллин Р.М. Роль национальных печатных и электронных СМИ в современной жизни сибирских татар // Образование и право. 2021. № 10. С. 392–394.
3. «Почему татарские СМИ не соответствуют своему высокому званию»: почему отстает национальная пресса? // Реальное время. URL: <https://clck.ru/34RSyh> (дата обращения: 15.03.2023).
4. Зорин В.Ю. «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»: промежуточные итоги и новые акценты // Актуальные вопросы реализации «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»: материалы Всероссийской экспертно-аналитической конференции. 2017. С. 41–57.

УДК 39(571.1/.5)

А.К. Торбостаева

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

ДРЕВНЕКИТАЙСКИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ОБ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Аннотация. Данное исследование представляет собой описание этнографических особенностей народов Южной Сибири в древности и раннем Средневековье. Ввиду ограниченного количества древних китайских источников, затрагивающих изложение быта и жизни этносов территорий Минусинской котловины и Верхнего Енисея, их более широкое описание представляется затрудненным. В ходе исследования были выявлены культурно-бытовые, материальные и социально-политические особенности народов Южной Сибири.

Ключевые слова: Южная Сибирь, Евразийская степь, этносы, китайская историография, культура, Средние века, древность

Первое упоминание народов Южной Сибири зафиксировано в китайских летописях «Ши Цзи» Сыма Цяня и относится к III в. до н.э. Южная Сибирь в древние времена являлась перекрестком торговых, экономических и политических течений, что оставило свой след на материальной и духовной сфере народа, проживающего на этой территории [1. С. 258]. Культурная, социальная, политическая структуры народов Древней Южной Сибири привлекали внимание соседних государств. В том числе большой интерес возникал среди отечественных историографов. Значимость этих работ не вызывает вопросов, однако первые попытки описать эти этносы все же принадлежат древним китайским историкам и летописцам.

Для государства с оседлым образом жизни кочевые народы Южной Сибири, ввиду своей непохожести, оказались интересными для их современников, в том числе для Древнего Китая. Исторические процессы, проходившие между народами Южной Сибири и Китая, занимают значимую часть в истории Китая, тем временем как сами китайцы очень уважительно относятся к истории своего государства. По этой причине описание этих этносов сохранилось в древних китайских источниках, в их числе «Записи о трех царствах» Чень Шоу, «Исторические записки» Сыма Цянь, «Собрание важнейших сведений о династии Тан», История Династии Хань» Баь Гу и др.

Известный случай о взаимоотношениях двух культур, сохранившийся в китайских записях, относится к истории полководца Ли Лина – I в. до н.э. Обремененные нападениями северных варваров, китайские правители предпринимают карательную кампанию, а главой похода поставили полководца Ли Лина. Однако силы хуннов превышали китайские, и полководец Ли Лин попадает в плен. Но понравившись местному шаньюю, он получает владение Хягас (территория Южной Сибири), где предки полководца правили до времен Чингиз Хана [2. С. 73].

С середины VII в. по VIII в. из государства Хягас не раз отправляли посланников в Китай для дипломатических целей, некоторые же императоры отмечали свое родство с хягасами [2. С. 345–355]. Древние народы являются предками современных народов Южной Сибири,

многие отечественные ученые, например Л.Р. Кызласов, Н.Ф. Катанов и др., изучали этнографию в попытках определить происхождение, языковую семью.

Китайская политика ставила цель расширить свое влияние, поэтому китайские правители имели причины настраивать связи с народами Южной Сибири. Высокий уровень дипломатии требовал знаний о том или ином народе, только при достаточном количестве сведений миссия дипломата может считаться успешной. Ведь «северные варвары» приносили непоправимый ущерб пограничным территориям и внушали страх всему Древнему Китаю, что заставило китайских императоров возвысить Великую Китайскую Стену в целях защиты и прибегать к политике «разделяй и властвуй». Лишь знание обычаев, традиций, быта позволит осуществлять военную и культурную экспансию либо будет способствовать установлению мирного сосуществования.

Древнекитайские исторические записки, написанные еще в начале I тыс. н.э., являются труднопереводимыми и интерпретируемыми для современных исследователей. В данной работе использовались переводы китайских хроник Н.Я. Бичурина (отец Иакинф), Н.В. Кюнера и В.С. Таскина. Стоит отметить, что существенный труд еще в XIX в. проделал Отец Иакинф, выпустивший большое количество значимых монографий, посвященных Центральной Азии и Дальнему Востоку. Однако перевод и трактовка китайских письменностей могут быть неточными, что отмечали последующие синологи. Как писал В.С. Таскин, в работах отца Иакинфа прослеживаются недочеты: недостаток уровня текстологии, пропущенные фрагменты, недоступность прочтения материала для исследователей, не занимающихся древней историей Китая [3. С. 3–5].

Первое упоминание о народах, проживавших на территории Минусинской котловины, относится к динлинам к концу III в. до н.э. «Динлин занимало земли от Енисея на восток до Байкала, по левую сторону Ангары» — пишет Н.Я. Бичурин в своих переводах Сыма Цяня [2. С. 50]. Однако материалов, посвященных бытописанию динлинов, недостаточно, чтобы обширно выявить те или иные особенности. Тем не менее материалы о проживании динлинов имеются. О Южной Сибири как о местопребывании динлинов упоминается не только в китайских хрониках. Д.Г. Савинов в своей работе «Народы Южной Сибири в

древнетюркскую эпоху» на основе археологических и письменных данных выделяет, что место проживания динлинов было обширным, куда входила и территория Минусинской котловины и Среднего Енисея. Более того, Д.Г. Савинов, ссылаясь на первую дату упоминания динлинов – III в. до н.э., утверждает, что динлины могут относиться к тагарской (VIII–III вв. до н.э.) культуре и любое отождествление с более ранними культурами необоснованно [4. С. 9–10]. Эти слова также подтверждаются китайским автором Ху Юйчуном: «динлин во время союза Сяньбэй проживали в Южной Сибири» [5].

По сведению письменных китайских источников характерная черта динлинского быта соответствовала типичному кочевому образу жизни. Отмечается, что из еды они употребляют кобылий кумыс, горячее мясо, не имеют зерновых культур, не имеют верховного главы, а каждый род имеет своего государя или старейшину. Бичурин пишет, что динлины кочуют с одного места на другое, смотря по достаточности травы и воды для пропитания скота, неопрятны в домашнем хозяйстве, порядков не соблюдают [2. С. 215]. Для подтверждения этих слов, стоит учесть и археологические данные. О доминировании скотоводства динлинов говорят археологические памятники и могилы тагарской культуры. Доминирование и почитание скотоводства олицетворялось в различных изделиях, например, рукоятки ножа или украшения выполнялись в форме голов скотоводных животных [6. С. 186–187, 236–238]. Ценным подарком для динлинов при браках считались животные домашнего скота – быки или лошади. К тому же на минусинской котловине на найденных могилах вместе с покойником были обнаружены останки домашнего скота [6. С. 251–252]. В китайских хрониках динлины описываются как свирепые и грубые воины, которые строятся в клин и хаотично ведут бой, имеют конские копыта и голени [7. Р. 13]. Д.Г. Савинов предположил, что за таким описанием скрывается пеший охотник на лыжах на лошадиных камусах.

Позднее, уже в средневековых хрониках, упоминается народ хягас. Однако наряду с названием «хягас» существует еще ряд других (гэгунь, гяньгунь, кигу и т.д.), которые относятся к одному этнониму кыргызов. Разница лишь в том, что каждое из названий относилось к разным временным промежуткам I тыс. н.э. [4. С. 10–11]. Н.Я. Бичурин в своих переводах использует название «хягас». «Описывая далее государство

Хягас и хягасов, Иакинф всюду употребляет в переводе это имя Хягас, тогда как в китайском тексте значится государство Гянь-Гунь (Цзянь-гунь) и люди Гяньгунь (Цзяньгунь), что является древним наименованием хягасов (киргизов)», – пишет Н.В. Кюнер [8. С. 10]. Мы узнаём, что хягасы сеют зерновые культуры (просо, ячмень, пшеница), после чего мелют ручными мельницами (жерны), у них нет плодоносных деревьев и огородов. Скотоводство также занимает важное место в жизни хягасов: имеют овец и коров, одеваются в меха животных. Бедные носят одежду из меха овчины, а богатые одеваются в шелк и парчу, женщины же ходят в шерстяных и шелковых тканях. Н.Я. Бичурин пишет, что хягасы славятся кузнечным мастерством. Хягасы создают ножи и мечи, как утверждают китайские письмена, из небесного дождя [2. С. 352]. Н.В. Кюнер предположил, что небесное железо не что иное, как метеоритное железо, которое широко распространено на территории Сибири, вследствие падения метеоритов [8. С. 13].

Хягасы имели четкую социальную структуру – существовало совещание при хане и чиновниках, само чиновничество разделялось на шесть разрядов, эти разряды делились еще на более мелкие чины, создавая, таким образом, иерархичную систему [2. С. 352–353]. О четкой структуре говорят законы хягасов, которые отличались строгостью и жесткостью. «Произведший замешательство пред сражением, невыполнивший посольской должности, подавший неблагоприятный совет государю, так и за воровство, приговаривают к отсечению головы. Ежели вор имеет отца, то голову его вешают отцу на шею, и он до смерти обязан носить ее», – переводит Бичурин [2. С. 353]. Примечательно, что этот народ также имел летоисчисление – различались сезоны года, а каждый год считался по именам двенадцати животных [8. С. 8].

К народам, проживавшим на территории Южной Сибири, причисляют и хунну. Хотя их расселение было обширным, а исконным местом проживания Южная Сибирь не являлась, присутствуют следы их пребывания [4. С. 14–15]. Из письменных источников, переведенных Н.Я. Бичуриным, мы узнаем, что быт хунну полностью описывается как кочевой. «Перекачывают с места на место... Не имеют ни городов, ни оседлости, ни земледелия. Письма нет, а законы словесно объявляются. Во время приволья, по обыкновению следуя за своим скотом, занимаются полевою охотой, и тем пропитываются; а в крайности

каждый занимается воинскими упражнениями, чтобы производить набег. Начиная с владетелей, все питаются мясом домашнего скота, одеваются кожами его, прикрываются шерстяным и меховым одеянием» [2. С. 39–40].

Однако бытописание Н.Я. Бичурина о хунну не дает развернутого описания. Так, отец Иакинф пишет: «Сильные едят жирное и лучшее; устаревшие питаются остатками после них. Молодых и крепких уважают; устаревших и слабых мало почитают». Однако далее Н.Я. Бичурин пропускает значительный фрагмент, раскрывающий характер взаимоотношений внутри социума хунну, на что обращает внимание Н.В. Кюнер и вводит эту часть повествования. «...Сюнну войну делают занятием. Их старики слабы и не могут сражаться. Поэтому своим [мясом и кумысом] жирным и хорошим поят и кормят сильных и крепких. Ибо сами себя защищая таким образом, отцы и сыновья долго взаимно сохраняют [свою жизнь]. Как можно говорить, что сюнну пренебрегают стариками?» [9. С. 216]. Такие ошибки и неточности могут представить превратно описание или же ввести в заблуждение исследователей.

В ходе исследования были выявлены культурно-бытовые, материальные и социальные особенности народов Южной Сибири. Нами изучались научные труды отечественных исследователей, в их числе археологические работы, а также материалы, переведенные с китайского языка, что позволило взглянуть на изучаемый вопрос более объективно. Был проведен анализ китайской литературы древних и средневековых времен в русском переводе, посвященных народам Южной Сибири.

Список источников

1. Баринова Е.Б. Этнокультурные контакты Китая с народами Центральной Азии в древности и средневековье. М. : ИЭА РАН, 2013. 419 с.
2. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / под ред. С.П. Толстова. М. ; Л. : АН СССР, 1950. Т. 1. 469 с.
3. Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / под ред. Л.В. Матвеева. М. : Наука, 1968. 175 с.
4. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л. : Изд-во ЛГУ, 1984. 174 с.

5. Ху Юйчунь. Повторное обсуждение отношений между Динлином, Чили и Гаоче // Музей Хух-Хото Чжаоцзюнь. [Б. м.], 2021. URL: <http://zjbwy.org.cn/zjwh/info/965.html> (дата обращения: 15.04.2023).

6. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М. : Изд-во АН СССР, 1951. 636 с.

7. Les pays d'occident d'après le Wei Lio par Édouard Chavannes Revue T'oung pao. Vol. 2:6. Édition en mode texte par Pierre Palpant, 2011. 64 с.

8. Кюнер Н.В. Новые китайские материалы по этнографии кыргызов (хакасов) VII–VIII вв. н.э. // Записки : сб. науч. ст. Абакан, 1951. С. 3–16.

9. Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М. : Изд-во восточной литературы, 1961. 244 с.

Секция VIII

МОЙ ПЕРВЫЙ ДОКЛАД

УДК 94 (47)

П.В. Богрянцева

Сибирский институт управления РАНХиГС, Новосибирск, Россия

РЕАКТУАЛИЗАЦИЯ ТРИАДЫ «ПРАВОСЛАВИЕ, САМОДЕРЖАВИЕ, НАРОДНОСТЬ» В ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. На основе учебных пособий ЕГЭ выявляется актуальность использования концептов политики памяти середины XIX в. в рамках сегодняшнего дня. Возможности и ограничения использования обусловлены схожими внешними кризисными ситуациями систем международных отношений, которые ведут к необходимости нахождения внутреннего источника стабильности в виде устойчивых идей и идеалов. Исследование строится в рамках проблемного поля *Memory Studies*.

Ключевые слова: политика памяти, теория официальной народности, пособия к ЕГЭ, наследование, православие

В данном исследовании мы отталкиваемся от представлений о том, что политика памяти представляет собой социально-политическую саморегуляцию социума посредством легитимации тех или иных элементов современного порядка с помощью отсылки к реальным или сконструированным событиям прошлого, используемого политическими субъектами в борьбе за принятия политических и административных решений [1. С. 49].

Рассматривая материалы в рамках такой образовательной практики, как подготовка к ЕГЭ по истории, можно заметить конструирование образа России, которое основано на репрезентации элементов прошлого, способствующих легитимации политики единения как эквивалента силы и независимости. Подобная идея интегрировалась в социально-политический дискурс России XIX в. ориентированными на

власть субъектами для формирования лояльности населения к проводимой властью политике усиления контроля за жизнью общества.

Примером такой политики памяти может служить «теория официальной народности». В XIX в. она способствовала укреплению самодержавия в коллективном сознании российского социума в период революционного подъема в Европе, ее идеологической изоляции для внутренней стабильности «русского мира».

Однако является ли актуализация старой доктрины адекватной основной политики памяти в современной России?

В рефлексии значимого идеолога первой половины XIX в. С.С. Уварова Россия представляла себя последним оплотом прежней «правильной» действительности, а иная европеизированная форма государственного устройства была способна разрушить данную правильность [2. С. 71]. В XXI в. наблюдается стремление центральной властью реализовать упомянутый подход, огородить существующий строй от внешних дестабилизирующих идей и идеалов. Российская Федерация стремится к утверждению схожей идеи о незыблемости прежних постулатов, где сильная государственная власть способна защитить от внешнего хаоса.

В триаде «Православие, самодержавие, народность» находит свое отражение идея о суверенной свободной России и ее «особом пути исторического развития». Данная особенность подкрепляется идеей о сильной России как государстве, которое следует «своему» пути развития. Его же уникальность строится на свободе, основанной на сохранении «предания веков» [3. С. 114], наиболее ярко выраженному в православии как вере, что успешно унаследовала идеалы древности.

Наблюдаемая мысль преемственности традиций как залога свободы объясняет противопоставление триады «Православие, самодержавие, народность» триаде Великой французской революции «Свобода, равенство, братство», где православие выступает «своей свободой». Свобода, указанная первым номером в лозунге Великой французской революции, ставится в качестве антитезы, так как привела к революционной буре, распространившейся на Европу и Россию в виде Наполеоновских войн, когда православие становится первым из столпов «антихаоса».

Европейская цивилизация к XXI в. утратила культурно-историческую преемственность с античной цивилизацией, которая некогда являлась для

нее основанием существования. При этом историческая преемственность России с образами своей традиционной культуры сохранилась в большей степени, чему поспособствовала консервация и постоянное воспроизведение идеалов православия как залога правильного и свободного развития. Как писал в начале XIX в. С. Уваров, православие «соответствовало тенденциям естественного права еще до их распространения в XVIII в.» [4]. Обществу России, построенному на братской любви, идеалы, лишь формируемые Европой к концу XVIII в., соответствуют гораздо больше. Утрата преемственности Европы с собственным культурным наследием приводит к кризисам, примером коего в 1789 г. [5. С. 317] стала Великая французская революция, а в XXI в. – наблюдаемые дестабилизирующие внутривнутриполитическую обстановку тенденции.

Благодаря указанному «наследованию» идей и идеалов, сконцентрированных в православии, России удалось сохранить культурно-историческую преемственность с образами своей традиционной культуры. Православие здесь не просто создает «свободную» Империю, но хранит в себе тенденции естественного права. Такая идея слияния христианина с гражданином с помощью Евангелия легитимизировало дальнейшую политику царского правительства, которая исключала социально-политические преобразования в духе европейского просвещения с помощью указанной идеи изначальной и наследуемой свободы благодаря православию.

Подобная идея преемственности традиций как основы свободы и стабильности лежит в практике обращения к православию в России XXI в., к религии, которая особенно поспособствовала «становлению и укреплению традиционных ценностей» [6. С. 207]. И в XXI в. православие работает в качестве воображаемой нити между настоящим, искаженным миром модерна, и ортодоксальным прошлым, существующим в действительности традиций. Православие трансформируется из религии в традицию, что способна возродить утерянное вследствие вредоносных попыток «освоения чужого».

Попытка конструирования образа РПЦ как основы «русского мира» и одного из немногих путей его сохранения видна на примере пособий для подготовки к единому государственному экзамену по истории. Существует ряд классических заданий формата ЕГЭ [7. С. 9], в которых

последовательно создается образ РПЦ как безусловной основы преодоления всех особо темных времен российской истории.

Таковыми можно считать вопросы о причинах принятия Владимиром Святым «христианства по восточному образцу (православия)» [7. С. 10], значении православия для развития Древнерусского государства/России, причинах выбора Александром Невским пути сближения с Ордой (здесь акцентируется «большее зло» западной угрозы вследствие насаждения католичества) [7. С. 11].

Изменяемые для соответствия современным стандартам формулировки неизменно транслируют идею незыблемости православия для русской свободы, единства (как эквивалента силы), суверенитета.

Наиболее позитивные события прошлого связаны с православием: либо в качестве объекта, защищаемого крепкой царской властью, либо в качестве субъекта, который способствует возрождению национального единства и самодержавной власти [7. С. 57].

Одним из следствий этого становится формирование искаженного образа православия, а также игнорирование современными школами и их учениками католичества как равновеликой православию части христианства [8].

Иным же следствием такой реконструкции истории можно обозначить приравнивание единства к силе и несокрушимости, а разобщенности – к зависимости, что транслирует идею о «самодержавии как единственно возможной форме правления в России». В XXI в. самодержавие заменяется формулировкой «сильная централизованная власть».

В рамках ЕГЭ также существует перечень заданий, так или иначе транслирующий идею политической раздробленности как причины дальнейших страданий под гнетом Орды [7. С. 118]; постепенное избавление от недуга разобщенности автоматически приводит к «освобождению», о чем обязан указать выпускник для получения «максимального количества баллов за данное задание» [9].

Смутное время, конструируемое в экзаменационных пособиях как и период раздробленности, формирует идею хаоса вследствие отсутствия сильной централизованной власти, делая это более явно благодаря формулировке о «пресечении династии Рюриковичей» [7. С. 110]. Таким образом, нарушается фундамент русской свободы и стабильности – преемственность оснований своей культуры, страна погружается

в кризис, разрушающий государство, пока не будет найдено звено для восстановления цепи.

Развитие тенденции замещения религиозного сознания рациональным приводит не только к переходу «православия» в статус неизбежной традиции, но и самодержавия (в условиях XXI в. – крепкой и единой власти) как порождения уже указанного православия. Самодержавие, так же как и православие, становится единственным образом устройства российского общества [5. С. 544]. Иные способы функционирования социума сопровождались в прошлом кризисами и хаосом, которые вследствие непрерывного наследования устоев существования жизни российского общества могут повториться в настоящем.

Целям подобного конструирования российского прошлого служит определение 862 г. в качестве официальной даты начала российской государственности. Это не только формирует «точку отсчета» своего мира, но и демонстрирует идею самостоятельного, а потому *свободного* выбора дальнейшего будущего. С помощью этого демонстрируется идея народности как нерушимой связи между населением и действующей властью. Подобная мысль сопоставляется с идеей «безграничного» русского мира, объединенного национально и духовно.

Обозначенная противоречивость элементов рассматриваемой доктрины в условиях современной России позволяет говорить об ограниченной возможности их использования в качестве концептуальной основы для политики памяти.

Несмотря на возможные исторические параллели геополитических ситуаций, Российская Федерация более не является Империей, что демонстрирует разрушение «наследования» как принципов государственного устройства, так и почитаемых идеалов.

Православие постепенно становится традицией с определенным набором фактически десакрализованных ритуалов.

Самодержавие, что становится эквивалентом «сильной единой власти» вследствие падения авторитета православия как способа познания своего мира, также теряет сакральный статус, превращаясь в транслируемых идеях в некую традицию, лишенную объяснения, значит, и легитимации для общества модерна.

Народность как элемент, завершающий триаду и удваивающий смысл двух обозначенных компонентов, соответственно утрачивает

главную идею свободного выбора, являясь зависимым элементом, существующим в рамках Империи, но не Федерации.

При этом возможна дальнейшая трансформация отдельных компонентов триады в соответствующие времени смыслы нравственности, централизации и единства, что сделает старую триаду адекватной основой для становления новой российской идеологии. Для этого необходимо трансформировать смыслы триады в новые основания для противостояния нарастающему внешнему хаосу как единственной возможности эффективного выживания.

При удачной интеграции указанных механизмов в социум, а выстраиваемых идей в структуру коллективной субъективированной реальности возможно возникновение некой культурной автаркии, легитимированной идеей о культурном суверенитете.

Список источников

1. Красильникова Е.И., Вальдман И.А. Политика памяти: исторические символы и коммеморативные практики в системе социально-политической саморегуляции Сибирского региона в XX – начале XXI вв. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26, № 1. С. 47–54.
2. Уваров С.С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения // Река времен. Вып. 1. М. : Эллис Лак ; Река времен, 1995. С. 70–72.
3. Пыпин А.Н. Характеристика литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. Исторические очерки. СПб., 1906. 519 с.
4. Уваров С.С. Речь президента Императорской Академии наук, попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, в торжественном собрании Главного педагогического института 22 марта 1818 года. М., 2014. 63 с.
5. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М. : Изд-во АСТ, 2019. 704 с.
6. Куницын А. «О Конституции». Сын отечества. 1818. Ч. 45, № XVIII. С. 202–211.
7. Пазин Р.В. Тематические задания высокого уровня сложности для подготовки к ЕГЭ. Ростов н/Д : Легион, 2014. 321 с.
8. Алиева А.Б. Образ православия в сознании современных россиян в связи с задачами христианской миссии в современной России // Свет Христов просвещает всех : Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. Вып. 6. М. : СФИ, 2012. С. 142–145.
9. Артасов И.А. Методические материалы для председателей и членов предметных комиссий субъектов Российской Федерации по проверке выполнения заданий с развернутым ответом экзаменационных работ ЕГЭ 2023 года. М. : Федер. инт. пед. изм. 2023. 86 с.

К.А. Даммер

МАОУ гимназия № 6 г. Томска, Томск, Россия

**ОТРАЖЕНИЕ ЭПОХИ В ОБРАЗАХ БУДУЩЕГО
И ФЕНОМЕН НАУЧНОГО ПРЕДВИДЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ
НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ:
РОМАНА «ТУМАННОСТЬ АНДРОМЕДЫ» И. ЕФРЕМОВА
И ЦИКЛА «ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ИМПЕРИЯ» А. АЗИМОВА**

Аннотация. *В данной статье рассмотрено влияние контекста эпохи в разных государствах на созданные в то время научно-фантастические литературные произведения, авторы которых не только описывали образ будущего, но и прогнозировали научные достижения, что является отражением феномена научного предвидения. В результате анализа и сравнения романа И. Ефремова и трилогии А. Азимова были выявлены различия в характере произведений, обусловленные разностью контекстов эпохи 1940–1950-х гг. в СССР и США.*

Ключевые слова: контекст эпохи, образ будущего, ожидаемые научные достижения, феномен научного предвидения

История человечества состоит из сменяющихся эпох, которые обладают своими особенностями и вносят изменения во все сферы жизни общества. Эти изменения накладываются друг на друга, создавая тем самым основу для дальнейшего развития. В разные эпохи и особенно сегодня, когда человечество в своем развитии стремительно движется вперед, в представлении жителей эпох сложился или все еще складывается образ будущего.

Культура, в частности литература, является духовной квинтэссенцией своего времени, ведь она представляет актуальные ценности и мировоззрения. Если говорить конкретно о научно-фантастической литературе, то стоит заметить, что в ней отражены прогнозы возможного развития событий в будущем. На степень благоприятности описываемых событий влияет контекст эпохи написания произведения.

В разные периоды истории не может быть одинаковых ожиданий от будущего. То же самое можно сказать и об одной эпохе в разных государствах. Поэтому полагаю, что во время одной эпохи в разных обществах формируются отличающиеся друг от друга образы будущего, которые

находят отражение в произведениях писателей-фантастов разных времен и народов, влияя также в свою очередь на течение общественной мысли, на конкретных представителей общества и на развитие науки.

Считаю необходимым выявить: как эпоха влияла на сюжеты научно-фантастических романов, находит ли эпоха отражение в феномене научного предвидения, который часто встречается в таких произведениях.

Для исследования были использованы следующие методы: изучение необходимой литературы и статей, анализ текстов, метод синтеза, метод сравнения.

Факт прочтения научно-фантастических произведений – романа Ивана Ефремова «Туманность Андромеды» [1] и трилогии Айзека Азимова «Академия» [2] – стал основой для проведения исследовательской работы. Для более глубокого понимания внешних условий времени их описания (условий в государстве, господствующих взглядов, сформированных представлений, событий мировой истории) были изучены статьи, монографии, посвященные данным произведениям. В частности, работы А.Н. Бритикова [3–5] и К. Булычева [6].

В ходе анализа текстов непосредственно самих произведений были найдены признаки влияния эпохи на сюжетную линию, образ человека будущего, социальное устройство и уклад жизни.

Использование метода синтеза сделало возможным выявление сходных черт, а именно признаки одной эпохи в этих романах, нахождение в которых подвигло каждого из авторов на представление соответствующего образа будущего и использование в повествовании ожидаемых в будущем научных открытий и изобретений, что обусловило феномен научного предвидения.

В процессе сравнения образов будущего в произведениях «Туманность Андромеды» и «Академия» были обнаружены значительные различия – большую роль сыграл разный контекст эпохи написания. В «Академии» описан сценарий будущего, наполненный бесконечными проблемами. «Туманность Андромеды», наоборот, является воплощением надежд на светлое и мирное будущее, а человек будущего становится воплощением гармонии [7, 8].

Действие романа «Туманность Андромеды» происходит в отдаленном будущем, в то время, когда Земля представляет собой единый мир с высокоразвитой и интеллектуальной коммунистической формой

общества. По классификации Э.Я. Баталова – это технократическая социалистическая утопия, а по классификации Ф. Аинса – утопия-реконструкция [9]. Роман состоит из нескольких сюжетных линий, призванных показать человека будущего во всем разнообразии его интересов. Первая линия рассказывает о полете звездолета «Тантра» и о членах его экипажа, а действие других сюжетных линий происходит на Земле. Описываемое время характеризуется необычайным развитием науки и искусства, покорением космоса, искусственным улучшением земного ландшафта и климата, изменением психологии человека.

Роман был создан Ефремовым в СССР в 1955–1956 гг. В это время продолжалась хрущевская оттепель, вследствие которой была ослаблена цензура, повышен уровень свободы слова, стала более либеральной политическая и общественная жизнь, была дана свобода творчеству. Все это дарило надежды гражданам на светлое будущее и торжество коммунизма. Роман Ефремова как раз ставит своей задачей противопоставление светлого коммунистического будущего «диким джунглям» непроходимого пессимизма американской фантастики. Мотивам борьбы миров, звездным войнам противопоставлено Великое Кольцо дружбы между космическими цивилизациями.

Важным является тот факт, что в СССР существовал культ науки и космических исследований, который отчасти заменял (особенно в 1950-е гг.) религию в атеистическом государстве наравне с коммунистической идеологией. Ценность научно-технического знания пропагандировалась через культурную и идеологическую политику, систему профориентации. А в 1960-е гг. точная наука достигла своего пика, то есть в 1950-е гг. она уже активно развивалась. В мире в это время успехи ядерной физики породили своеобразную эйфорию, предсказывался переход к ядерной энергетике. Поэтому в романе особое внимание уделено научной составляющей общества будущего, Земля же является важным центром сосредоточения научного развития галактики. При видимой технократизации будущего не остается без внимания и моральная сторона общества, например конфликт общества и ученого.

В начале романа рассказывается о мертвой планете Зирда, погибшей от ядерной войны. Через некоторое время население целой планеты полностью погибло. В какой-то степени так Ефремов предсказал за 30 лет, правда более гиперболизированно, аварию на Чернобыльской АЭС. Люди

будущего знают о вредности ЭМИ, поэтому не пользуются мобильной связью. В наше время как раз проходят исследования о влиянии ЭМИ на человека, подчеркивается его вредность. Ефремов предсказал появление ионных двигателей, открытие боразона.

В будущем все построено так, чтобы люди получали удовольствие от жизни, не испытывая стресса. Как известно, одним из следствий стресса является равнодушие, а это, по мнению Ефремова, самый опасный психический симптом. В наше время стресс можно назвать одной из проблем жителей больших городов, что автор и пытался предотвратить в созданном мире будущего.

Сейчас существует интереснейшая гипотеза галактического культурного поля, созданная физиком и эволюционистом А.Д. Пановым. Она напоминает объединение идей Великого Кольца и вселенской ноосферы. Интересно, что именно «Туманность Андромеды» в свое время вдохновила ученого на глубокий интерес к физике [10].

В трилогии «Академия» повествуется о расцвете человеческой империи, охватившей весь Млечный путь, и о дальнейшем ее упадке. Время упадка империи наполнено хаосом, войнами, попытками захвата власти в столице империи – резкий контраст по сравнению с «Туманностью Андромеды». Однако автор проявляет склонность к утопизму, предлагая спасти цивилизацию через организацию тайного общества научных работников, которые, по сути, управляют миром.

Трилогия была написана в 1942–1953 гг., т.е. Азимов начал работу в самый разгар Второй мировой войны и продолжал ее во время холодной войны. Естественно, что в момент острого политического и экономического кризиса, в страхе возможной ядерной войны, в период гонки вооружений он не мог представлять светлое будущее. Однако была вера в то, что после периода упадка снова наступит расцвет цивилизации. Азимов жил в США, в капиталистическом обществе, поэтому будущее ему представляется тоже капиталистическим, особую роль играют межгалактические торговцы и торговые короли.

В отличие от «Туманности Андромеды», автор уделяет меньше внимания научно-технической стороне, акцент делается именно на общество. Однако упоминание научных изобретений присутствует. На смену обычным телевизорам придут настенные экраны, и начнут даже появляться прозрачные кубы, позволяющие видеть картинку в

трехмерном изображении. Сегодня почти у каждого человека дома висит на стене экран, в каждом кинотеатре доступны фильмы в 3D.

Интересно то, что цикл романов «Академия» повлиял на судьбу и становление в качестве экономиста лауреата Нобелевской премии 2008 г. американца Пола Кругмана, способного создавать и представлять миру пророческие экономические модели.

По итогам работы мною были сделаны следующие выводы. В рамках даже одной эпохи (1950-е гг.) в разных государствах (в данном случае в СССР и США) формируются отличающиеся друг от друга представления о будущем. Эпоха по-разному повлияла на сюжеты рассматриваемых произведений: роман «Туманность Андромеды» был написан в период хрущевской оттепели, когда искусство Советского Союза ненадолго получило некую свободу, что вдохновляло и дарило веру в счастливое коммунистическое будущее, и это нашло отражение в описываемом в романе коммунистическом обществе. Огромное влияние на сюжет оказали проявлявшиеся особенно ярко в то десятилетие в СССР культ науки и культ космоса.

На сюжет романов трилогии «Академия» повлияла Вторая мировая война и начавшаяся следом холодная война, когда весь мир был в страхе перед возможной ядерной войной: в трилогии в основном описаны «темные века», когда шли бесконечные войны, происходили захваты власти. Гонка вооружений тоже сыграла свою роль в характере сюжета: описываются военные технические изобретения будущего.

В рассмотренных произведениях можно наблюдать феномен научного предвидения, авторы уделили внимание и технологической стороне будущего. И «Туманность Андромеды», и «Академия» стали источниками вдохновения для некоторых ученых, причем из разных областей. Данные произведения, отражающие в своих сюжетах науку, можно назвать междисциплинарными, т.е. они показывают науку не только со стороны техники, но и со стороны социально-гуманитарной, экономической.

Перспективы исследования следующие: возможно исследование более широкого спектра НФ произведений других авторов. Будет интересно проанализировать представление будущего современными писателями-фантастами. Социальная фантастика – большое поле для занимательной работы, где есть много возможностей для исследования.

Список источников

1. Ефремов И.А. Звездные корабли: повесть. Туманность Андромеды: роман. М. : Худож. лит., 1987. 399 с.
2. Азимов А. Академия. М. : Эксмо, 2021. 736 с.
3. Бритиков А.Ф. Русский советский научно-фантастический роман. Л. : Наука (Ленинградское отделение), 1970. 448 с.
4. Бритиков А.Ф. Отечественная научно-фантастическая литература (1917–1991). Кн. 1: Фантастика – особый род искусства. М. : Борей-Арт, 2005. 308 с.
5. Бритиков А.Ф. Отечественная научно-фантастическая литература (1917–1991). Кн. 2: Некоторые проблемы истории и теории жанра. М. : Борей-Арт, 2005. 390 с.
6. Можейко И.В. Падчерица эпохи : избранные работы о фантастике. М. : Международный центр фантастики, 2004. 368 с.
7. Казанцев А.П. От сказки до предвидения // Ефремов И.А. Звездные корабли : повесть. Туманность Андромеды : роман. М. : Худож. лит., 1987. С. 5–12.
8. Ефремов И.А. На пути к роману «Туманность Андромеды» // Ефремов И.А. Сочинения : в 3 т. Т. 3 (Кн. 2): роман, рассказ, статьи. М. : Молодая гвардия, 1976. 384 с.
9. Осьмухина О.Ю., Майорова Д.А. Специфика конструирования фантастического мира в романе И.А. Ефремова «Туманность Андромеды» // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2021. Т. 1, № 1. С. 29–40.
10. Еремина О.А., Смирнов Н.Н. Иван Ефремов. М. : Молодая гвардия, 2013. 189 с.

УДК 130.2

А.С. Максимова

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

КУЛАЙСКИЕ ДРЕВНОСТИ В СТРУКТУРЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ НАСЕЛЕНИЯ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В данной статье автор проанализировал значение кулайских археологических находок для культурного наследия населения Томской области и их влияние на формирование региональной идентичности. В статье приведены примеры использования кулайского наследия и его образов в современной культуре, на основе которых сделан вывод о том, что кулайские древности занимают одно из главных мест в структуре культурных ценностей и играют значимую роли в формировании идентичности региона.

Ключевые слова: археологические находки, кулайская культура, культурные ценности, региональная идентичность, кулайские древности

Археологическое наследие в условиях современного мира становится важной частью культурных ценностей как населения отдельного региона и страны, так и мирового сообщества в целом. Через его интерпретацию происходит формирование понимания сложности и продолжительности пути, пройденным человечеством. Археологические находки, очевидно, влияют на мировоззрение, также они выполняют такую важную социальную функцию, как конструирование идентичностей (региональной, этнической и конфессиональной). В данной работе этот феномен будет рассматриваться на примере кулайской культуры, следы которой были обнаружены на территории Томской области. Изучение того значения, которое оказывают археологические артефакты на современную культуру, является актуальным в наше время, так как наблюдается устойчивый рост заинтересованности населения в изучение культурных особенностей своего региона. Так, опираясь на результаты социологического опроса, приведенного в работе Е.В. Водясова, можно сделать вывод, что население Томска не только осознает ценность археологических находок, но и заинтересовано в получении археологических знаний [1. С. 285].

Кулайскую культуру относят к эпохе раннего железа, она существовала в период с V в. до н.э. – V в. н.э. Сформировалась в Среднем Приобье и пережила 2 этапа: васюганский (кон. VI – II в. до н.э.) и саровский этап (II в. до н.э. – V в. н.э.). Свое название получила от первого и долгое время уникального памятника – Кулайского культового места. Единого мнения относительно происхождения кулайской культуры пока не сложилось. Но несмотря на то, что мнения исследователей расходятся по некоторым моментам, они уверены в том, что основной исходный компонент кулайской культуры был местным. Так, опираясь на археологические данные, многие исследователи пришли к выводу, что кулайская культура возникает на основе предыдущих археологических культур позднего бронзового века – молчановской и еловской. Изначальная территория распространения кулайской культуры приблизительно совпадает с территорией Томской области, за исключением южных районов, но в дальнейшем границы стали расширяться, что связано с активными миграциями [2].

Визитной карточкой кулайской культуры являются орнаментированная глиняная посуда и бронзовое литье. Керамика характеризуется

разнообразием форм: банки, чаши, горшки, кувшины. Есть сосуды на поддоне. Преобладают круглодонные или уплощенные сосуды. Керамические изделия украшали узорами, которые наносили на плечики и шейку сосуда, реже – на придонную часть. Бронзовое литье у кулайцев имело культовое назначение. Среди культового литья преобладают зооморфные изображения, реже встречаются антропоморфные предметы. Могли быть показаны внутренние органы: сердце и аорта. Среди зооморфных сюжетов наиболее часто встречаются изображения лося, имевшего большое значение в жизни лесного охотника, а также других лесных и фантастических животных и птиц. Антропоморфные изделия представлены в основном личинами. Реже встречаются изображения человека в полный рост. Известно несколько древовидных отливок [3].

Первый артефакт кулайской культуры был обнаружен в 1920 г. в окрестностях с. Подгорное, и уже в 1922 г. 54 предмета были переданы в Томский областной краеведческий музей (ТОКМ). Коллекция продолжала пополняться на протяжении долгого времени и сейчас насчитывает 87 артефактов [4]. В Томской области существуют пять музеев – хранителей кулайского наследия: Томский областной краеведческий музей, Музей археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского, Музей города Северска, Колпашевский краеведческий музей и Музей кулайской культуры в Подгорном. Кулайские артефакты обладают исторической ценностью для россиян, поэтому участвуют в выставках по всей стране. В конце ноября 2007 г. проходили Дни культуры Томской области в Москве, в рамках которых в выставочных залах Библиотеки искусств им. Боголюбова были представлены экспонаты кулайской культуры. С 28 октября 2022 г. по 6 мая 2023 г. в Историческом музее в Москве проходила выставка «Сны Сибири», где были представлены кулайские артефакты.

Кулайская культура оказала большое влияние на современное искусство. В начале XXI в. кулайская тема стала очень популярна в Сибири. Группа томских художников и музыкантов (Н. Нелюбова, С. Кугаевская, М. Кухта и др.) создали арт-проект «Сомана КуКуН», целиком основанный на кулайских символах. Этот проект участвовал на фестивале «Русское наследие», прошедшем в Нью-Йорке 20–27 июня 2010 г. [5]. Кулайская культура нашла свое отражение и в живописи томских художников. Сергей Лазарев стал первым использовать

кулайские образы в своих работах и продолжает это делать уже на протяжении 30 лет. Свою технику он сравнивает с бронзовым литьем, толчком к которой стала кулайка. Кулайские мотивы запечатлены на картинах из серий «Корни», «Люди и Археология северного Приобья», «Яковлевский раскоп» и многие другие. Вдохновились кулайской культурой и воспели ее в своих произведениях художники Александр Тимофеев, Вадим Долинский и Наталья Спесивцева. Без внимания не осталась и литература. В 2018 г. вышла книга «Кулайская культура. Путешествие к истокам истории загадочного народа таежного края Западной Сибири», ее презентация была проведена в Научной библиотеке ТГУ. Книга является совместным проектом компании «Рекламный Дайджест» и Томского областного краеведческого музея. Она была издана при поддержке Администрации Томской области [6]. Опубликовано большое количество научных работ, посвященных данной тематике.

С 2004 г. кулайскую культуру считают историко-культурным брендом Томской области. И он активно развивается. Свою косторезную мастерскую организовали в Томске молодой предприниматель Алексей Степанов и художник Сергей Добрынин. Они занимаются изготовлением этнических сувениров по мотивам кулайских археологических находок [7]. Образы кулайских артефактов активно применяют при изготовлении керамических и деревянных изделий. Изображения кулайских древностей используют при изготовлении сувенирной продукции. При поддержке компании Томск-Газ в 1998 г. вышел календарь «Сокровища томской земли», в 2008 г. – календарь, посвященный дням культуры Томской области в Москве, где главное место занимают изображения кулайских находок. В 2022 г. вышел календарь «Новое время древней земли» при поддержке компании «Востокгазпром».

В последние годы в Томске все чаще стали проводиться мероприятия, посвященные кулайской культуре. Организаторы ставят перед собой цель не только показать людям то наследие, которое оставили их предшественники, но и погрузить их в контекст того времени и дать почувствовать себя ими. Так, в 2016 г. провели выставку «Под созвездием Большого Лося: тайны кулайского мироздания». Она включала в себя экспонаты кулайской культуры, работы

современных живописцев и графиков, ювелирные украшения художников из творческого объединения «Сомана Кукун». В рамках проекта «Я-кулаец» были созданы «кулайские» головные уборы и проведена фотосессия, в которой модели предстали в образе кулайцев. Их лица украшали татуировки, а на головах были «кулайские» шапки. Участниками фотосессии стали известные томичи. Авторы также устроили гастрономическую реконструкцию кухни древней кулайской «цивилизации» в современном прочтении. «Кулайский» джаз стал еще одним проявлением проекта [8].

Таким образом, на основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

1. Кулайские артефакты глубоко вошли в культуру Томской области, проникнув во многие ее области. Кулайская тематика широко используется деятелями культуры и вызывает интерес у местного населения.

2. Кулайская культура является одним из факторов формирования региональной идентичности. На это указывают следующие факты: население Томской области считает кулайские древности важной частью мировой культуры и воспринимают себя ее преемниками, местная власть позиционирует кулайскую культуру как региональный бренд и активно его продвигает.

Список источников

1. Водясов Е.В. Археологическое наследие в современном общественном сознании жителей Томска // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории современности: методология, методика и практики исследования. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2014. С. 284–286.

2. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа: Кулайская культура. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1984. 255 с.

3. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Археология Западно-Сибирской равнины : учеб. пособие. Новосибирск : Гео, 2004. 136 с.

4. Рассказ о кулайцах, культовом литье, музейных коллекциях // Томский областной краеведческий музей. URL: https://tomskmuseum.ru/about_mus/blog/b20180711/ (дата обращения: 26.03.2023).

5. На фестивале в Нью-Йорке Томская область представила образы самобытной Кулайской культуры // Томский Обзор. URL: <https://obzor.city/news/326454> (дата обращения: 26.03.2023).

6. В Томске вышла книга о кулайской культуре // Центр Льва Гумилева. Евразийство и скифство. URL: <https://www.gumilev-center.ru/v-tomske-vyshla-kniga-o-kulajjskojj-kulture/> (дата обращения: 26.03.2023).

7. Кулайский бренд // Томские Новости+. URL: <https://tomsk-novosti.ru/126069/> (дата обращения: 26.03.2023).

8. Симонова М. Анатомия кулайца. Из чего состоит томский проект об исчезнувшей цивилизации // Томский Обзор. URL: <https://obzor.city/article/486621> (дата обращения: 26.03.2023).

УДК 327.8

А.В. Титова

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

США И НАЦИОНАЛЬНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ КНР. ТАЙВАНЬСКИЙ ВОПРОС

Аннотация. Работа посвящена специфике взаимоотношений США и Тайваня в рамках китайско-американских отношений. Рассматривается, как Соединенные Штаты влияют на целостность Китая, продолжая экспортировать оружие на остров. Состояние Тайваньского вопроса нестабильное и на сегодняшний день не имеет определенного пути решения. Дальнейшее вмешательство США во внутренние дела КНР может привести к началу военного конфликта на острове.

Ключевые слова: остров Тайвань, Китай, США, поставки оружия

На сегодняшний день наблюдается напряженная политическая обстановка в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в частности, во взаимоотношениях Америки и Китая, которые находятся в состоянии конфронтации. Одно из важнейших мест в их конфликте занимает тайваньский вопрос. В зависимости от того, как он будет решен, будет изменен колеблющийся баланс сил в мире, а также политическая обстановка в самом регионе [1].

Проблема вмешательства Америки во внутренние дела Китайской Народной Республики была обозначена с 1972 г., когда Соединенные Штаты и Китай подписали ряд совместных коммюнике о признании Штатами единого Китая, признании правительства КНР единым правительством, а также о продаже оружия Тайваню (1982 г.) [2, 3].

Согласно коммюнике, американская сторона обязалась последовательно сокращать военные сооружения на острове по мере уменьшения напряженности в этом районе, а также признала позицию КНР о существовании только одного Китая. Китайская сторона, в свою очередь, провозгласила, что «Правительство Китайской Народной Республики является единственным законным правительством Китая; Тайвань – провинция Китая, которая должна быть возвращена Родине; освобождение Тайваня – внутреннее дело Китая, в которое не имеет права вмешиваться ни одна другая страна; и все силы и военные сооружения США должны быть выведены с Тайваня» [4]. Однако условия совместных коммюнике не были выполнены западной стороной, а впоследствии Вашингтон выпустил два своих документа – «Закон об отношениях с Тайванем» (1979 г.) [5] и «Шесть гарантий Рейгана» (1982 г.) [6]. В этих документах говорилось о том, что Соединенные Штаты Америки будут оказывать необходимую поддержку Тайбэю, в том числе поставлять оружие в оборонительных целях, при этом американская сторона не изменит своей позиции касательно вопроса суверенитета Тайваня. В свою очередь, КНР добивалась сглаживания противоречий с Америкой в других сферах, таких как экономическая, политическая и культурная, с целью прийти к консенсусу в общих вопросах, чтобы смягчить разногласия касательно китайской внутренней политики, при этом негативно реагируя на проводимую Тайбэем внутреннюю политику. Ярким примером является проведение испытаний ракет китайской армией в Тайваньском проливе в начале 1990-х гг.

На протяжении всей истории развития китайско-американских отношений Тайваньский вопрос все еще остается острой проблемой. Рассматривая современный этап его развития, начиная с 2016 г., когда на американских президентских выборах одержал победу Д. Трамп, можно сказать, что с этого момента началась новая веха сближения Тайваня и Штатов, так как впервые за долгое время состоялся телефонный разговор между главой администрации Тайбэя и новым президентом в Вашингтоне. Это вызвало негативную реакцию со стороны Пекина, а отношения столицы и провинции вновь обострились. После этого администрацией американского правительства в 2018 г. был избран протайваньский политический курс, в результате чего военно-политические отношения сторон стали более тесными, чем наблюдалось раньше [7]. Только сумма

экспорта, направленная на усиление военного потенциала острова, в период с 2017 по 2020 г. составила около 9 млрд долл., а с 2021 по 2023 г. – 3,5 млрд долл. [1, 8].

Однако необходимо обратить внимание на политические местные выборы на Тайване 2018 г., когда победила оппозиционная партия Гоминьдан. Несмотря на сильное политическое давление извне, сепаратистские настроения местного населения и движение за становление отдельным государством, на выборах одержала победу партия, стремящаяся к полному воссоединению с материком [7].

Для сравнения проведем параллели между местными выборами на острове в 2018 и 2022 гг. Как и в 2018 г., в 2022 г. проводились местные политические выборы на острове, победу в которых одержала оппозиционная партия Гоминьдан, завоевав 13 из 21 мандата, против результата Демократической прогрессивной партии, завоевавшей только 5 мандатов [9]. В 2018 г. в выборах на руководящие посты в муниципалитетах оппозиционная партия заняла 15 мандатов, а ДПП – 6. Этот противоречивый результат говорит о том, что среди населения острова еще нет полностью устоявшегося единого мнения о своей принадлежности, поэтому тайваньский вопрос имеет шанс быть решен мирным путем [10].

На сегодняшний день ситуация в Тайваньском проливе по-прежнему остается напряженной. Обстановка накалилась также из-за визита Нэнси Пелоси, который не был согласован с Китайской Народной Республикой. В связи с чем, для поддержания своей территориальной и национальной целостности, Пекин был вынужден начать военные учения в районе пролива в 2022 г. [1].

По состоянию на 2023 г. между американской и китайской сторонами все еще нет общей договоренности о статусе острова, при этом предъявляются обвинения обоими государствами друг к другу. Происходит столкновение интересов, при котором Китай негативно реагирует на происходящее, издавая законы о своей целостности с целью сохранить свои территории. В свою очередь, Вашингтон предъявляет ответные обвинения КНР, говоря лишь об установлении дружественных и дипломатических отношений с островом.

Таким образом, можно сделать заключение, что тайваньский вопрос занимает важное место в сфере практической политики не только всех трех заинтересованных сторон, но и в Азиатско-Тихоокеанском

регионе в целом. Так как остров Тайвань официально считается провинцией материкового Китая, то помощь ему со стороны других государств без согласования с правительством КНР является недопустимой. Подобные действия со стороны западных стран рассматриваются Пекином как вмешательство во внутренние дела страны, а также являются посягательством на суверенитет КНР.

При этом само население острова не имеет единой точки зрения о своем политико-гражданском статусе, граждане раскололись на два лагеря: за и против отделения. Поэтому, вмешательство третьих лиц может привести к началу гражданской войны на острове, а при увеличении масштабов вмешательства внутренний конфликт одной страны будет иметь шансы перерасти в масштабные военные действия с участием в нем военных альянсов, а в результате и к третьей мировой войне.

Список источников

1. Китай // Николай Вавилов: телеграмм-канал. 2023. URL: <https://t.me/s/shuohuaxia> (дата обращения: 01.02.2023).
2. Shanghai Communiqué // Taiwan Documents Project: website. Taiwan, 2005. URL: <http://taiwandocuments.org/communique01.htm> (access date: 10.03.2023).
3. Joint Communiqué on Arms Sales to Taiwan. 17 August 1982 // Taiwan Documents Project: website. Taiwan, 2005. URL: <http://taiwandocuments.org/communique03.htm> (access date: 20.02.2023).
4. Совместное американо-китайское коммюнике // Helpiks. 15.03.2016. URL: <https://helpiks.org/7-39981.html> (дата обращения: 25.02.2023).
5. Joint Communiqué on the Establishment of Diplomatic Relations // Taiwan Documents Project: website. Taiwan, 2005. URL: <http://www.taiwandocuments.org/communique02.htm> (access date: 26.02.2023).
6. The «Six Assurances» to Taiwan // Taiwan Documents Project: website. Taiwan, 2005. URL: <http://www.taiwandocuments.org/assurances.htm> (access date: 26.02.2023).
7. Бочков Д. Выборы на Тайване в ноябре 2018 г.: победа Пекина или просчет администрации Цай Инвэнь? // Российский совет по международным делам. М., 2018. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/danil-bochkov/vybory-na-tayvane-v-noyabre-2018-g-pobeda-pekina-ili-proschyet-adminis/> (дата обращения: 24.03.2023).
8. Кашин В. Тайваньская проблема: военно-политические аспекты и последствия для российско-китайского военно-технического сотрудничества // Российский совет по международным делам. М., 2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/tayvanskaya-problema-voenno-politicheskie-aspekty-i-posledstviya-dlya-rossiysko-kitayskogo-voenno-te/> (дата обращения: 20.03.2023).
9. Тайвань выбрал Китай. // Коммерсантъ: сетевое издание. 2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5692669> (дата обращения: 28.04.2023).

10. Любимов Б. Политическая война. Внутренняя политика Тайваня // Красная весна: информационное агентство. М., 2022. URL: <https://rossaprimavera.ru/article/a4cda9c1> (дата обращения: 29.04.2023).

УДК 94

А.Д. Чудинова

МАОУ Востряковский лицей № 1, Домодедово, Россия

«ЧЕРТОВЫ АНГЛИЧАНЕ»: ОБ ОТНОШЕНИИ В НАПОЛЕОНОВСКОЙ ФРАНЦИИ К ПЛЕННЫМ БРИТАНЦАМ (ПО «ЗАПИСКАМ КАПИТАНА О'БРАЙЕНА»)

Аннотация. Автор рассматривает один из аспектов такой важной в истории Наполеоновских войн темы, как условия содержания военнопленных, а именно восприятие английских военнопленных во Франции различными слоями ее населения, чье отношение во многом и определяло положение пленников. В качестве источника использованы «Записки достопочтенного капитана О'Брайена», которые были впервые изданы в 1814 г.

Ключевые слова: Наполеоновские войны, имагология, военнопленные, Франция, англичане

В 90-е гг. XX в. в изучении военной истории произошел так называемый антропологический поворот. Известный франковед А.В. Гладышев определяет его как появление нового дисциплинарного направления, объектом изучения которого становились не столько даже военные действия, сколько все, что связано с поведением на войне людей, военных и гражданских, в том числе за «кромкой поля боя» [1. С. 136–137].

Одна из самых важных и актуальных составляющих военной антропологии – имагология: изучение взаимных представлений противников друг о друге. В своей работе я хочу затронуть один из аспектов такой важной в истории Наполеоновских войн темы, как условия содержания военнопленных, а именно восприятие английских военнопленных во Франции различными слоями ее населения, чье отношение во многом и определяло положение пленников. В качестве источника я использовала «Записки достопочтенного капитана О'Брайена, содержащие отчет о его кораблекрушении, плене и побеге из Франции после

перенесения серии страданий, длившихся почти пять лет» [2], которые далее для краткости буду именовать «Записками О'Брайена». Их автор, Донат Хенчи О'Брайен, был выходцем из Ирландии, сыном капитана Королевского флота. Поступив на службу в качестве рядового матроса в 1796 г. в возрасте 11 лет, в 1799 г. он участвовал в англо-русском вторжении в Голландию, а в 1801 г. получил звание лейтенанта. В феврале 1804 г. О'Брайен попал в плен к французам. Начиная с 1807 г. он предпринял три попытки побега, но только на третий раз преуспел, благодаря чему в 1809 г. вернулся к службе на британском флоте. Свой опыт пребывания во французском плену и последующих попыток освобождения он описал в двухтомном сочинении, изданном впервые в 1814 г., на которое я и опираюсь в данной работе.

Свой рассказ О'Брайен начинает с описания обстоятельств попадания в французский плен и дальнейшего перемещения к месту заключения. В начале февраля 1804 г. его корабль наткнулся на риф у берегов Франции и затонул. Английские моряки попытались в лодках добраться до Англии, но из-за шторма не смогли этого сделать и вынуждены были сдаться в плен. От Бреста до места заключения в Вердене пленники отправились пешком в сопровождении конвоя французских солдат.

Уже с первых дней своего пребывания на французской земле О'Брайен заметил, что простые французы враждебно относятся к англичанам и не питают ни малейшего сострадания к пленникам, несмотря на всю тяжесть их положения. Более того, они все время старались нажиться за счет этих несчастных. О'Брайен пишет: «После долгого перехода мы прибыли в какую-то деревушку, где остановились на ночь. Она была чрезвычайно бедной и маленькой, но жители требовали двойную цену за каждую вещь. Тогда-то я и обнаружил, что это весьма распространено по всей Франции» [2. Р. 15].

При этом французы, ничуть не стесняясь в выражениях, откровенно демонстрировали свое отношение к этим «чертовым англичанам», которых они явно не считали людьми, заслуживающими человеческого обращения. Капитан так описывает одну из подобных ситуаций: «Нам было очень трудно попасть на какой-либо из постоянных дворов, а еще труднее раздобыть какое-либо пропитание. После жалобы хозяину двора на скудный ужин, который он нам предоставил, и на очень

высокую цену за него, он назвал нас “английскими собаками” и сказал, что мы должны быть рады получить хоть что-то, и что только благодаря [сопровождавшему нас] офицеру он не поместил нас в конюшню или в какое-нибудь другое место, более подходящее для таких скотов, чем постоянный двор. Будь его воля, он бы угостил нас так, как того заслуживают собаки» [2. Р. 16–17].

Иногда пленным казалось, что с ними действительно обращаются как с собаками. В местечке близ Руана хозяйка дома, где они остановились, придумала хитрый способ поживиться за счет и без того несчастных англичан. Она приготовила офицерам мясо, после чего слила подливку из-под него в кипящую воду, добавила туда соли с перцем и принялась продавать это подобие супа простым матросам по непомерной цене [2. Р. 25].

Трудности коммуникации между пленниками и местными жителям этим не ограничивались, а порою доходили до абсурда. Остановившись в очередной раз на отдых, англичане за ужином обнаружили, что к столу им поданы только используемые при готовке большие ложки, которыми очень неудобно есть. По их просьбе хозяйка все же выдала набор серебряных ложечек. Какого же было их удивление, когда в конце трапезы англичане увидели в выставленном им счете еще по одному пенни за каждый прибор. Даже сопровождавший пленников французский офицер не понял, как такое возможно. Однако на его вопрос старая женщина невозмутимо ответила: «Видите ли, эти англичане такие привередливые, что не могут есть так, как другие люди. Эти ложки не вынимались из моего сундука уже несколько лет; и я полна решимости взыскать с них за те хлопоты, которые они мне причинили» [2. Р. 18].

В отличие от гражданских, откровенно выражавших свою неприязнь к англичанам и пытавшихся их обобрать, французские офицеры, представленные следить за пленниками, относились к ним с уважением и даже неким сочувствием. Они, отмечает капитан, проявляли вежливость, «которая когда-то была свойственна их стране» [2. Р. 28–29].

Описывая свой повседневный быт в плену, О’Брайен вспоминает, что главным развлечением для него в Вердене были прогулки вдоль руин крепостных стен. Пленные англичане часто встречались с французскими армейскими офицерами, «которые всегда вели себя со

строжайшей вежливостью» и звали присоединиться к игре в бильярд, на что всегда получали отказ [2. Р. 33].

Как видим, восприятие английских военнопленных гражданскими лицами и офицерами значительно разнилось. Очевидно, военные проявляли значительно большую терпимость, понимая, что в силу переменчивости удачи на войне и сами могут однажды оказаться в таком же положении. Что же касается гражданских, отзывавшихся с таким отвращением об «английских собаках», то смогли бы они отличить представителя этой нации, если бы англичанин, сбежавший из плена, прикинулся французом-призывником?

Совершая свой поистине отчаянный побег, О'Брайен и его товарищи решили, что во время передвижения по стране они будут представляться французскими новобранцами, идущими на войну. И вот тут, как по взмаху волшебной палочки, еще вчера враждебные и наглые местные жители превратились в сущих ангелов, полных сочувствия и желания помочь. Некоторые владельцы домов и трактиров, где останавливались беглецы, отказывались брать с них плату. Другие предоставляли наилучшие условия для размещения и подавали им даже те яства, которыми и сами в больших количествах не обладали. В одной из таверн, где останавливались мнимые новобранцы, крестьяне и их жены настаивали на том, чтобы они взяли что-нибудь из теплой одежды в дорогу, а хозяева таверны обеспечили возможность высушить одежду у камина и с комфортом переночевать [2. Р. 53]. Такие условия, несмотря на все тягости их «путешествия» – скудные ужины, жилища не самого хорошего качества за чрезмерно большую плату, постоянные грубость и язвительность, – были воистину королевскими. Но в конце концов О'Брайен с друзьями угодили снова в руки французских солдат. Теперь уже и французские военные, вежливость которых ранее удивляла англичан, стали относиться к ним даже с большим презрением, чем ранее все гражданские вместе взятые.

Впоследствии О'Брайен и его товарищи предприняли еще одну попытку побега, но только ему удалось пробыть на свободе больше нескольких часов. Добравшись до Страсбурга, капитан снова оказался пленен, причем солдаты обращались с ним весьма жестоко: «Затем они обыскали меня, забрали всю мою одежду, несколько серебряных монет, которые нашли при мне, нож, бритву и т.д., сказав, что я смогу

вернуть их себе в свое время. Я убедил их оставить мне панталоны, а так как от рубашки остались только воротник и рукава, я не боялся, что меня лишат возможности сохранить и ее. Я попросил их объяснить причину такого жестокого обращения со мной. Они сказали, что таков обычай их страны, и они хотят предотвратить мое повторное бегство. Затем солдаты заперли меня и удалились» [2. Р. 128].

В Эльзасе некоторые местные жители сочувствовали его судьбе и пытались хоть как-то смягчить те суровые условия, в которые его поместили французские солдаты. На время обратной дороги капитана заковали в тяжелые кандалы, в том числе надели цепь и на шею, чтобы предотвратить любую возможность его побега. Эта конструкция была настолько тяжелой и неудобной, что стирала ему кожу до крови. Во время остановки на ночлег «проклятому англичанину» с трудом удалось раздобыть скудное пропитание, которое ему продали вдвое дороже и подали через маленькое вентиляционное отверстие в двери камеры [2. Р. 138].

Прибыв к месту своего постоянного заключения, капитан увидел, в какие поистине нечеловеческие условия помещены те его собратья и друзья, которым не удалось убежать так далеко, как ему: «Они сидели на найденной ими двери, которая служила им платформой, отделяющей от экскрементов и грязи на полу <...> Я спросил своих спутников, неужели им никогда не разрешают дышать свежим воздухом? Они ответили, что никогда не пользовались такой милостью» [2. Р. 140, 142].

Условия содержания были действительно кошмарными: многие заболели, оставались надолго прикованными к постели и в конце концов умирали, так и не выйдя на свободу. Пленные англичане, живя в такой грязи, чувствовали себя хуже свиней. За взятки они смогли добыть бренди и табак, однако это слабо помогало заглушить тошнотворный запах, а руководство тюрьмы не считало нужным что-либо с этим сделать [2. Р. 142]. Теперь за любое нарушение, в особенности побег, пленным грозили отправкой на галеры или расстрелом.

Но даже такие строгие меры не сломили англичан и не лишили их решимости бежать из ненавистной «страны тиранов». После долгой и тщательной подготовки они смогли выбраться из столь охраняемой тюрьмы и добраться до Зальцбурга, где австрийские власти помогли им вернуться на Родину.

Таким образом, на примере опыта капитана О'Брайена мы можем видеть, что при отсутствии в то время четко определенного международно-правового статуса военнопленных [3. С. 153–154] отношение французов к пленным англичанам могло колебаться весьма существенно в зависимости от того, с каким слоем населения тем приходилось иметь дело, и от ситуации, в которой это происходило. Если французские военные изначально относились к пленникам с большим сочувствием, чем гражданские лица, то в дальнейшем на их отношение к англичанам повлияли попытки побегов, что привело к потере доверия и эмпатии к пленным. В целом же, несмотря на некоторые случаи проявления сострадания к судьбе пленников, особенно среди жителей Эльзаса (полунемцев-полуфранцузов), большая часть населения Франции относилась к ним весьма враждебно, грубо и без всякого уважения, что по факту существенно усугубляло и без того трудные условия пребывания англичан в плену.

Список источников

1. Гладышев А.В. Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. 2017. Вып. 59. С. 136–150.
2. O'Brien D.H. The narrative of Captain O'Brien, R.N., containing an account of his shipwreck, captivity, and escape from France, after undergoing a series of sufferings which lasted for nearly five years. London : G. Gould, 1814.
3. Форрест А. За кромкой поля боя. Жизнь военнопленных во времена революционных и Наполеоновских войн. М. : Политическая энциклопедия, 2022.

Научное издание

**ЧЕЛОВЕК, СООБЩЕСТВА, ГОСУДАРСТВА
В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ**

**Сборник материалов XVIII Всероссийской
(с международным участием) научной конференции студентов,
магистрантов, аспирантов и молодых ученых
(Томск, 19–21 апреля 2023 г.)**

Выпуск 18

Редактор А.А. Цыганкова
Компьютерная верстка А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано к печати 23.08.2023 г. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.
Печ. л. 23,1. Усл. печ. л. 21,5. Тираж 500 экз. Заказ № 5542.

Отпечатано на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел. 8+(382-2)–52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

ISBN 978-5-907572-30-0

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В 2023 году Томский государственный университет отмечает 145-летие – он был основан 28 (16) мая 1878 г. императором Александром II как первый за Уралом Императорский Сибирский университет. Открытие Томского университета было важным цивилизационным мегапроектом Российской империи, направленным на социально-экономическое освоение азиатской части страны, развитие просвещения и культуры.

Сегодня ТГУ – один из крупнейших научно-образовательных центров России, университет входит в число лидеров российской высшей школы и во многом определяет направление дальнейшего ее развития, заостряя внимание общества на самых острых вызовах времени, ставя в фокусе своей деятельности личность человека и качество его жизни.

За 145 лет ТГУ подготовил более 160 тысяч специалистов для всех сфер экономики. В ТГУ учились и работали свыше 100 членов РАН и иностранных АН, больше 250 лауреатов государственных премий, пять лауреатов Нобелевской премии. Сегодня в профессорско-преподавательский состав входит более 600 профессоров (из них 140 – иностранных) и 1 300 кандидатов наук.

ТГУ входит в TOP-100 лучших университетов мира и в топ-3 лучших вузов России в рейтинге RUR-2022. В международном рейтинге QS занимает 264-ю позицию в мире и 4-ю – среди российских вузов. В 2021 г. университет вошел в первую группу победителей программы «Приоритет 2030».

В бакалавриате, специалитете и магистратуре ТГУ обучаются более 15 тысяч человек, в аспирантуре – 800 человек (более 250 иностранцев). Студентам доступны самые передовые цифровые технологии: системы «Актру», Plario, Talent Search и др. Кроме того, ТГУ – федеральный оператор проекта «Содействие занятости».

ТГУ является членом международных сетевых коллабораций – ATLAS, EUCEN, Университета Арктики, Национального арктического научно-образовательного консорциума, Российско-Азиатского консорциума арктических исследований и др. Команды вуза инициировали 9 проектов в рамках Постановления Правительства РФ № 218 и 10 мегагрантов в рамках Постановления Правительства РФ № 220.

ТГУ сохраняет и приумножает вековые традиции тесного сотрудничества преподавателей и студентов, высокий уровень подготовки специалистов. Во все времена диплом выпускника ТГУ – это твердая гарантия глубоких фундаментальных знаний, отличных практических компетенций и навыков работы. ТГУ является признанным интеллектуальным и культурным центром регионального развития, инициатором и участником крупных инновационных проектов, в том числе по воспитанию талантливой молодежи.